

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 4(1)

Киров
2009

Главный редактор
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО

Редакционная коллегия:
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 370-892 (научно-исследовательский отдел),
(8332) 673-674 (Издательский центр)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Данюшенков В. С. О целостности в научном познании 6

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Масловский М. В. Легитимность плебисцитарной демократии
как теоретическая проблема социологии политики 13

Владыкина Е. Ф. Последние истины Льва Шестова 18

Газиева И. А. Структура социальной деятельности и социальная эффективность 23

Полуян Н. Н. Александр Богданов об объективных мыслительных формах 28

ИСТОРИЯ

Рычкова О. В. СССР в конце Второй мировой войны
в оценках американской историографии 35

Самоделькин П. А. Польский вопрос в руководстве Госдепартамента США
в 1941–1945 гг.: проблема преемственности взглядов С. Уэллеса, К. Хэлла, Э. Стеттиниуса 41

Камилов Р. К. Отношение СССР и США
к участию Болгарии во Второй мировой войне (1939–1941 гг.) 51

ПРАВО

Стахов А. И. О соотношении безопасности
с основными категориями правовой системы Российской Федерации 58

Сучков А. В., Семенов А. В. Заключение специалиста
как самостоятельный вид доказательств 61

Ившина И. Н. Соотношение предпосылок и причин федерализации 66

Петрова И. А. Парламентаризм в Малайзии: особенности становления 69

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Сидорова Т. А. Когнитивный подход к изучению связанных значений корневых морфем 72

Шеина И. М. Фоновые знания как неотъемлемый компонент
профессиональной компетенции переводчика 75

Лю Бо. Гендерные стереотипы в китайском и русском языках
(на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок) 79

Байкова О. В. Методика исследования интонации немецких говорюв
(на примере определения завершенных и незавершенных интонационных фраз – синтагм) 91

Береснева В. А. Лингвистический синкретизм как метод современного языкознания 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Фадеева И. Е. Символ и семиозис: актуальность символического 101

Осипова Н. О. Метод психоанализа в интерпретации
постмодернистского кинематографа (на материале фильма Ф. Озона «Крысятник») 106

Игошина Ю. В. КВН-язык как маркер молодежных субкультурных форм 110

ПЕДАГОГИКА

<i>Яновская М. Г.</i> Эмоционально-ценностный подход в образовательном процессе	117
<i>Помелов В. Б.</i> Региональное своеобразие народной семейной педагогики	126
<i>Окулов С. М., Сизихина О. В.</i> О моделях в педагогических исследованиях	135
<i>Рендакова Е. М.</i> Творческий процесс и его принципы	138
<i>Данилова И. Ю.</i> Основные тенденции развития современного регионального образования (на примере Республики Татарстан)	143

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Низовских Н. А.</i> Источники жизненных принципов личности	148
<i>Корчагина Г. И.</i> Профессиональное самоутверждение как система психологической деятельности	152
<i>Коптева Н. В.</i> Онтологическая уверенность как «индикатор» смысла	159
<i>Полубейко О. К.</i> Саморегуляция типов поведения потребителей.....	165

ПЕРСОНАЛИИ

Вячеславу Алексеевичу Поздееву – 60 лет	171
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ходырева Е. А.</i> Всероссийская заочная научно-практическая конференция «Ценности современной науки и образования»	172
<i>Бакулина Г. А.</i> Актуальные вопросы развития ребенка в процессе обучения	173

РЕЦЕНЗИИ

<i>Оношко В. Н.</i> Грамматическая категория времени немецкого языка в аспекте синкретизма	174
<i>Корчагина Г. И.</i> К проблеме «сущности индивидуальности»	175
<i>Поляков О. Ю.</i> Английское Просвещение в зеркале романной поэтики	176

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	178
----------------------------------	-----

CONTENTS

- Danyushenkov V. S.* On Integrity in Scientific Cognition
- Maslowskiy M. V.* The legitimacy of plebiscitary democracy as a theoretical problem of sociology of politics
- Vladikina E. F.* Last trues of Lion Shestov
- Gazieva I. A.* Structure of social activity and social efficiency
- Poluyan N. N.* Alexander Bogdanov about objective intellectual forms
- Rychkova O. V.* The USSR at the End of World War II as Estimated by American Historiography
- Samodelkin P. A.* The Polish question in the US's State Department in 1941–1945: the problem of continuity of meanings of S. Welles, C. Hall and E. Stettinius
- Kamilov R. K.* The relation of the USSR and the USA to participation of Bulgaria in the Second World War (1939–1941)
- Staklov A. I.* On the Correlation of Security with the Basic Categories of the Russian Federation Legal System
- Suchkov A. V., Semeno A. V.* Conclusion of authority as independent form of evidence
- Ivshina I. N.* Ratio of preconditions and of reasons of federalization
- Petrova I. A.* Parliamentarism in Malaysia: Peculiarities of Advancement
- Sidorova T. A.* Cognitive approach to research into root morphemes associated meanings
- Sheina I. M.* Background knowledge as an indispensable component of the translator's professional competence
- Lyu Bo.* Gender stereotypes in Chinese and Russian languages (on the material of phraseology, proverbs and sayings)
- Baikova O. V.* Approaches to German Dialects Intonation Research (by the example of determining complete and incomplete tone-groups)
- Beresneva V. A.* Linguistic Syncretism as a Method of Modern Linguistics
- Fadeyeva I. Ye.* Symbol and Semiosis: Actuality of the Symbolic
- Osipova N. O.* The Psychoanalytic Approach to Interpreting Postmodern Cinema (on the material of F.Ozon's Film "Sitcom")
- Igoshina Yu. V.* The KVN-language as a youth subcultural forms marker
- Yanovskaya M. G.* Emotional-Evaluative Approach in the Process of Education
- Pomelov V. B.* The regional peculiarity of the people home pedagogics
- Okulov S. M., Sizikhina O. V.* On Models in Pedagogical Research
- Rendakova E. M.* Creative process and its principles
- Danilova I. Yu.* The basic tendencies of development of modern regional education (on the example of Republic Tatarstan)
- Nizovskikh N. A.* The sources of person's life principles
- Korchagina G. I.* Professional Self-Affirmation as a System of Psychological Activity
- Kopteva N. V.* Ontological security as "indice" of meaning
- Polubeyko O. K.* Self-control of types of behavior of consumers
- Khodyreva Ye. A.* All-Russian Scientific-Practical Conference "Values of Contemporary Science and Education"
- Bakulina G. A.* Actual Problems of Developing a Child in the Process of Education
- Onoshko V. N.* Grammatical category of tense in the German language as aspect of syncretism
- Korchagina G. I.* About the problem of «essence of individuality»
- Polyakov O. Yu.* English Enlightenment Reflected in the Novel Poetics

О ЦЕЛОСТНОСТИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Написать настоящую статью меня подтолкнули проблемы, которые появляются у аспирантов и докторантов в ходе исследовательской деятельности. Особенно ярко это проявляется в авторефератах, где соискатель ссылается на использование комплекса научных подходов (системный, аксиологический и т. п.). А в реалиях содержания диссертаций их просто не видно. Создаётся впечатление, что соискатель не знает их сути и «шагает» по научной методологической поверхности. Встают вопросы: истинно его научное исследование или нет? Сформирована у него научная культура или нет? «Калиф он на час» или наука – смысл всей его жизни? От научных руководителей требуется серьёзная вдумчивая работа с соискателями по освоению фундамента науки – научной методологии. Сегодня речь идёт об уникальном научном понятии – целостности.

Научное знание на протяжении своей истории постоянно сталкивалось с проблемой целостности в различных ее формах. Характер трактовки этой проблемы в значительной мере определял общую стратегию научного познания. Наука всегда занималась изучением целостных объектов, однако принципы и пути их познания неоднократно трансформировались. При этом появление новых принципов познания целостности оказывало преобразующее воздействие на научные подходы, стиль мышления. Поэтому анализ проблемы целостности с разных точек зрения (философской, педагогической и т. п.) открывает возможность для выявления новых этапов развития познания в этой или иной области конкретного знания.

Интерес к проблеме целостности в современной науке, а особенно в философии, вызван тем, что сегодня происходит значительное расширение и преобразование методологического арсенала конкретных наук. Именно применение целостного подхода к исследованию явлений в различных отраслях знаний требует разработки новых приемов, способов и средств исследования и становится сегодня одним из ведущих направлений методологии научного познания.

Изучение объектов с точки зрения целостности (целого) имеет солидную историко-философскую традицию в отечественной и зарубежной литературе. Это работы А. Т. Абрамовой, В. Г. Афанасьева, Г. С. Батищева, О. С. Зелькиной, А. Н. Аверьянова, И. В. Блауберга, Б. Г. Юдина, Э. Г. Юдина, В. П. Кузьмина, С. Т. Мелюхина, М. И. Сетрова, В. С. Тюхтина, А. И. Усмова, Г. А. Югай, Л. Берталанфи и др. Среди других аспектов этой проблемы главной остается установка на объективное существование целостности: «наиболее общим, универсальным основанием целостности является материальное единство мира, присущий объективному миру всеобщий принцип движения, взаимодействия, который, однако, модифицируется в различных областях действительности и в каждом конкретном типе целостной системы обретает свою особую специфическую форму» [1]. Целостность представляет собой «совокупность объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств, не свойственных образующим ее частям» [2]. С самого начала исследования проблема целостности рассматривается во взаимосвязи с анализом различного рода систем, т. е. ученые стремятся разграничить понятие «система» и «целостность». К тому подводит анализ литературы в области теории

систем. Наличие же взаимосвязей системы и целостности не вызывает сомнений у исследователей: «Ведь если сопоставить трактовку понятия “целое” в работах по проблеме целостности и трактовку понятия “система”, то увидим, что оба понятия характеризуются в принципе одними и теми же признаками» [3]. Например, один из современных зарубежных основателей системного подхода Лоран Берталанфи дает следующее определение системы: «Система – есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [4]. В философском словаре дефиниция системы дается как «множество элементов, находящихся в соотношениях и связях между собой, которое образует определенную целостность, единство». Целостность в трудах Б. К. Лебедева трактуется так: «Целостность есть качество системы [5]. Отечественные философы В. С. Швырев, Б. Г. Юдин выделяют такие черты системных объектов, как их целостность, слаженность и организованность. В связи с этим Н. Т. Абрамова резонно отмечает, что между основными идеями концепции целостности и системными представлениями прослеживается генетическая связь, а Л. фон Берталанфи даже считает, что общую теорию систем можно определить как науку о целостности. При этом вполне очевидно, что понятие «система» не может быть полностью исчерпано представлением о целостности, как, впрочем, и понятие целостности представлениями системности.

Сложность исследования целостности как таковой и её отражения в конкретных науках, на наш взгляд, скрыта в особенностях её существования. Ведь целое не есть просто материальный предмет, взятый из внешней среды. «Целостность – это определенная взаимосвязанность элементов», внутренняя соотнесенность и соот-

ветствие частей или элементов системы. Связь компонентов целостной системы значительно устойчивее, чем связь этой системы или её отдельных компонентов с другими материальными образованиями. В этом и заключается отличие целостной системы от суммативной. При включении или исключении компонентов суммативной системы не происходит каких-либо качественных изменений: система лишь увеличивается или уменьшается в размерах. «Каждый из компонентов суммативной системы автономен, его изменение зависит лишь от него самого, поскольку связи между компонентами здесь носят внешний, крайне неустойчивый характер» [6]. Далее подчеркнем, что целостная система, в отличие от суммативной, активно воздействует на компоненты, из которых она образована, и количественно и качественно преобразует их соответственно собственной природе, а последние приобретают новые свойства. Для целостной системы характерно то, что все эти изменения являются результатом внутреннего взаимодействия компонентов целого, а не внешних сил. Например, атомное ядро образовано в результате внутреннего взаимодействия нейтронов и протонов. В отдельности каждый из компонентов имеет свою характерную «жизнь». Так, свободный нейтрон неустойчив и живет относительно недолго. При вхождении же в целостную систему – атом – нейтрон становится устойчивым, а в результате взаимодействия с протоном система приобретает новое качество и свойства. Отсюда видно, что связь между компонентами целостной системы настолько существенна, органична, что изменение одного из них вызывает изменение системы в целом. Подчеркивая отличие целостной системы от системы суммативной, мы не можем провести абсолютную черту или грань между ними.

«В процессе эволюции материального мира, в результате действия интегративных сил (скажем, сил притяжения в физических или химических процессах) суммативные системы приобретают характер целостных систем, и, наоборот, вследствие действия сил дезорганизации, например, возрастания энтропии, целостные системы нередко распадаются и превращаются в системы суммативные» [7]. Понять тайну целостности – значит понять механизм накопления количественных изменений внутри целого, с помощью которого осуществляются коренные качественные преобразования, т. е. знать структуру, потому что структура не только выделяет совокупность компонентов как нечто целостное, ограниченное от внешней среды, но и организует взаимодействие целого с этими внешними условиями. Благодаря внутренним взаимодействиям возникают свойства целого, а последние проявляются в отношениях к другим материальным преобразованиям, т. е. к среде. В результате данное целое в определенных условиях входит в другое, более высокое целое, выступает уже как компонент этого последнего, например, в обучении урок как форма организации является не только фактом целостности, но и условием объединения в более сложное и органическое целое – учебный процесс. Правда, данный пример требует разграничения понятий «структура» и «форма». Действительно, урок, с одной стороны, является формой организации учебного процесса, а с другой – обладает структурой целостности. В. Г. Афанасьев по этому поводу говорит, что форма может выступать как внутренняя организация содержания и как проявление содержания, и в то же время структура и форма не тождественны [8]. Понятие структуры уже понятие формы, так как выражает только один аспект формы – внутрен-

нюю организацию содержания, закон взаимодействия его компонентов, причем только целостной системы.

Существование целостности определяется совокупностью связей не только внутренних элементов системы, но и внешних отношений, связей и взаимодействий. При этом внутренние и внешние связи целостной системы должны определенным образом соответствовать друг другу, быть так или иначе гармонизированы. Очевидно, что в процессе становления и существования целостности постоянно возникает определенное несовпадение внутренних и внешних связей системы, нарушение её устойчивости. Целостность – это не столько результат ее предшествующего развития, сколько способность сохранять такое состояние в процессе постоянного движения, изменения и развития. Поэтому устойчивость целостности следует искать во внутренних связях, во взаимодействии целого и части, ибо целостная система является одновременно и предпосылкой и результатом самой себя.

Продолжая анализировать взаимосвязь понятий «целостность» и «система», можно сказать, что развитие, совершенствование систем осуществляется на основе целостности и в направлении всё более развитой целостности. Не случайно К. Маркс показывает, что «органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и её развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы... Становление системы такой целостностью образует момент её системы, процесса, её развития» [9]. Очевидно, что система и целостность не могут быть определены без обращения в истолкование этих понятий друг к другу. Оба понятия отражают различные

моменты, а именно – разные стороны одного и того же материального образования.

Мы согласны с В. Г. Афанасьевым, что целое всегда есть система [10], но не всякая система, на наш взгляд, есть целостность. Поэтому представляется более верным движение от целостности к системе.

Интересна попытка М. И. Сетрова рассмотреть с формальной стороны соотношение понятий в такой последовательности: целое (целостность) – комплекс – система. В этом случае целое представляется как сложность, которая называется комплексом. Компоненты в комплексе могут соединяться статически и динамически. В свою очередь, комплекс компонентов, становясь устойчивым и стабильным, получает статус системы [11]. Важное в этой последовательности то, что целостность (целое) связывается с системой не напрямую, а через комплекс, который и подводит к пониманию структуры целостности. В. Г. Афанасьев говорит по этому поводу следующее: «...именно благодаря структуре набор компонентов превращается в связанное целое, где каждый компонент в конечном счете оказывается связанным со всеми другими компонентами и его свойства нельзя понять, не учитывая этой связи» [12]. Таким образом, движение осуществляется от целостности к комплексу, а затем к системе и структуре. Целое соотносится с комплексом, а система раскрывается через структуру. Становится очевидным, что целостность является основой определенного уровня развития систем и гармоническим сочетанием и совместимостью элементов или частей системы. Это предполагает «подогнанность» частей системы друг к другу с высокой точностью, т. е. гармоническое взаимодействие на определенном этапе развития системы выступает его движущей силой.

Движение может протекать и в обратном порядке: изменение компонентов приводит к изменению структуры, затем и самой системы, которая ведет к регрессивным или прогрессивным изменениям целостности. Именно таким образом, на наш взгляд, можно различать достаточно близкие понятия – целостность и система, – понять их взаимосвязь. Как указывает в своем исследовании Л. П. Станкевич, «...движение все-таки начинается от целого к системе и от нее – к структуре» [13].

В свою очередь, научные знания зависят от самого познавательного объекта и тех конкретно-исторических условий, в которых совершается развитие и познание объекта. Значит, и целостность будет иметь разные уровни (так как она находится в стадии становления), в зависимости от стадий развития самого познаваемого объекта. Сделать же предметом познания реальную целостность можно только тогда, когда об объекте исследователь будет иметь определенные знания. Именно этим объясняется тот факт, что «понятие целостности относится к числу таких понятий, роль которых в научном познании никогда не исчерпывается. Каждый новый этап в развитии науки приводит к углублению и конкретизации представлений о целостных объектах и в то же время приводит к необходимости вновь и вновь обращаться к проблеме целостности» [14].

Большинство авторов верным считают утверждение: целостность как система выступает в единстве всех своих частей. Единство частей или элементов целого «выступает в форме функционально действующих моментов, которые являются результатом взаимодействия частей» [15]. Механизм взаимодействия таков, что элементы целого, функционируя, оказывают воздействие друг на друга, тем самым развивая через функцию себя

самых или другой элемент, а вместе всю целостную систему и ее функции. Целостный подход лишь показывает недостаточность однозначной причинности при анализе сложной системы связей. Такое сложно-причинное взаимодействие частей в многоэлементных целостных системах носит статистический характер, подчиняющийся не только законам функционирования, но и законам развития, законам динамическим. Сложность исследования элементов и функций таких целостностей заключается в том, что их надо одновременно представить устойчивыми и развивающимися структурами. Именно это раскрывает целостность и как результат, и как процесс. Главным действующим компонентом целостности, бесспорно, является структура, огромную роль которой подчеркивает В. Г. Афанасьев: «Структура не сразу, не прямо и автоматически следует за изменениями компонентов системы, а в определенных границах остается постоянной (в границах меры. – В. Д.), сохраняя тем самым систему в целом. Без устойчивых связей (они в системе могут быть: устойчивые или необходимые, функциональные или развития, порождения или преобразования и т. п. – В. Д.), взаимодействия компонентов, т. е. без структуры система перестала бы существовать как данное конкретное целое... структура противостоит постоянным изменениям компонентов, удерживает эти изменения в пределах определенного качества. Наличие структуры – условие накопления количественных изменений внутри системы, являющихся необходимой предпосылкой для её последующего развития, преобразования» [16].

Наличие структуры в целостности приводит к возникновению новых свойств или качеств. На первое место в этом наборе характеристик можно поставить свойство интегративности: «целост-

ность характеризуется новыми качествами и свойствами, не присущими отдельным частям (элементам), но возникающими в результате их взаимодействия в определенной системе связей» [17]. Это качество целостности еще называют интегральным, так как оно несет в себе обобщающую функцию и выступает реальным показателем целостности. Очевидно, что как целостность, так и интегральные качества системы ближе к качественной содержательной определенности предметов, в то время как сама система и особенно её структура есть выражение количественных показателей и формы предметов. Ведь взаимоопределяющие друг друга части могут быть рассмотрены как количества, а образуемое ими целое, с одной стороны, как новое (качество), а с другой – как граница целого, как мера. И. В. Блауберг и Б. Г. Юдин указывают на связь целостности и качества объектов, в то же время разделяя их: «...объяснение целостности некоторого объекта должно вскрывать те внутренние закономерности объекта, которыми обусловлено его качественное своеобразие» [18]. Более определенно о нетождественности категории целостности и качества высказывается В. Г. Афанасьев: «Категория качества шире категории целостности, поскольку качественная определенность присуща буквально всем предметам и явлениям, а свойством целостности обладает далеко не все существующее» [19]. Действительно, поскольку целостность не является свойством, постоянно присущим тому или иному предмету или процессу, то на каком-то этапе развития предмета свойство целостности может возникнуть или разрушиться. Качество же присуще любому из бесчисленных предметов и явлений мира от возникновения до гибели. Несмотря на понятийное различие целостности и качества, они существуют

едино, так как возникновение и разрушение целостности всегда сопряжено с глубокими качественными преобразованиями предмета. На наш взгляд, это вытекает из того, что целостность системного предмета – одна из важнейших сторон его качественной определенности.

Как уже говорилось выше, образование целостности обусловлено наличием частей системы. При каких же условиях синтезируются реальные части в целое? Большинство авторов, исследующих системные организации, отмечают, что компоненты системы могут синтезироваться, объединяться, образуя целостность на основе ее интегральных свойств лишь при условии подобия частей или компонентов. Именно подобие структурных компонентов системы ведет к образованию чего-то общего для частей элементов, что в конечном счете и дает новое специфическое образование – целостность. Компоненты целостных систем обладают не только схожестью, но и определенным противоречием. Наличие тождественности и внутреннего противоречия в целостных системах является источником ее развития, способности системы к самодвижению, к саморазвитию, что связано с активностью системы как меры ее движения.

В этом случае необходимо учитывать не только внутренние процессы целостных систем, но и их взаимодействие с внешней средой. Средой для данной системы является совокупность всех объектов, на изменение атрибутов которой воздействует система, и, следовательно, тех объектов, атрибуты которых изменяют поведение системы. Объекты среды по-разному влияют на целостную систему: одни играют небольшую роль в ее существовании, другие оказывают заметное влияние. Условия среды, без которых данная система не может существовать и развиваться, яв-

ляются необходимыми. Условия, которые не оказывают существенного влияния на внутреннюю природу целого и воздействуют на него случайным образом, называются сопутствующими.

Внешняя среда может способствовать поступательному движению целостной системы или тормозить ее. Действительно, прогрессивное развитие целостной системы, повышение степени ее организации связано с увеличением количества компонентов целостной системы, усложнением взаимосвязей, что требует притока энергии и материи. В силу законов сохранения из себя самой система получить эту энергию и материю не в состоянии. Значит, все черпается из внешних условий. Если условия в системе благоприятны для получения энергии, то происходит её поступательное движение – развитие. В противном случае, то есть при отсутствии притока энергии и материи, система в силу действия законов энтропии: а) функционирует в пределах одного и того же уровня (энтропия имеет нулевое значение); б) дезорганизуется, движение по нисходящей линии (энтропия возрастает). Таким образом, внешняя среда за счет отдачи материи и энергии создает благоприятные условия для поступательного развития целостной системы. Методологический анализ понятия «целостность» показал следующее.

1. В науке под целостностью подразумевается совокупность объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых качеств, не присущих образующим ее частям. Для понимания сущности целостности необходимо исследовать механизм количественных изменений внутри целого, который поможет узнать свойства целого и его проявление во внешних условиях. Поэтому сущность целостности определяется не только совокупностью связей внутренних элемен-

тов, но и внешних отношений. При этом целостность предполагает, что внутренние и внешние связи должны быть определенным образом гармонизированы, так как гармоническое взаимодействие на определенном этапе развития системы выступает движущей силой.

2. Система и целостность – понятия близкие и взаимопроникающие. Система может быть целостной или суммативной. Целостная система – это совокупность элементов, взаимодействие которых образует новые качества, не присущие ранее системе. Целостность выступает как свойство системы, активно воздействующее на компоненты, из которых она образована. Целостность в системе проявляется посредством интегративности, которая несет в себе обобщающую функцию и выступает показателем целостности системы. Целостная система характеризуется структурой как условием накопления количественных изменений внутри системы, а подобие структурных компонентов ведет к образованию чего-то общего для них и дает новое образование. Таким образом, источником развития целостной системы является тождественность и внутренние противоречия элементов, которые создаются за счет притока энергии из внешней среды. Целостность в системе проявляется специфически и зависит от области внешних знаний.

3. Целостный подход к научным исследованиям означает: а) представление объекта как системы взаимосвязанных элементов, которой присуща внутренняя структура; б) развитие системы происходит путем целостного воздействия на ее системообразующий элемент.

Примечания

1. *Афанасьев В. Г.* Проблема целостности в философии и биологии. М.: Мысль, 1964. С. 62.
2. Там же. С. 9.
3. *Блауберг И. В.* Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник. 1977. № 14. С. 19.
4. *Яacobson П. М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969. С. 199.
5. *Лебедев Б. К.* Социальная структура социалистических обществ и всестороннее развитие личности. М.: Наука, 1983. С. 12.
6. *Афанасьев В. Г.* Указ. соч. С. 10.
7. Там же. С. 14.
8. Там же.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1955. С. 229.
10. *Афанасьев В. Г.* Указ. соч.
11. *Ухтомский А. А.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. 327 с.
12. *Афанасьев В. Г.* О структуре целостной системы // Философские науки. 1980. № 3. С. 85.
13. Справочник инженерной психологии / под ред. Б. Р. Ломова. М.: Наука, 1982. С. 21.
14. *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Понятия целостности и её роль в научном познании. М.: Знание, 1972. С. 46.
15. *Абрамова Н. Т.* Целостность и управление. М.: Наука, 1974. С. 31.
16. *Афанасьев В. Г.* О структуре целостной системы. С. 103.
17. *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Указ. соч. С. 16.
18. Там же. С. 25.
19. *Афанасьев В. Г.* Проблема целостности ... С. 15.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.3:321.7

М. В. Масловский

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПЛЕБИСЦИТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается концепция плебисцитарной демократии М. Вебера, выделяются исторические примеры плебисцитарной демократии. Характеризуются концепции современных социологов, продолживших веберовский анализ оснований легитимности демократических политических режимов.

In the article Max Weber's theory of plebiscitary democracy is considered, the historical examples of plebiscitary democracy are singled out. The approaches of contemporary sociologists who continued Weber's analysis of the foundations of legitimacy of democratic political regimes are characterized.

Ключевые слова: социология политики, Макс Вебер, легитимность, плебисцитарная демократия.

Keywords: sociology of politics, Max Weber, legitimacy, plebiscitary democracy.

Концепция плебисцитарной демократии Макса Вебера многократно обсуждалась в западной социологии и политологии [1]. В отечественной социальной науке интерес к этой концепции проявился уже в конце 80-х гг. Тем не менее, как это часто случалось с веберовскими теоретическими моделями, образовался разрыв между интерпретациями данной концепции в вебероведении и ее использованием для анализа современных политических режимов. С одной стороны, предлагаются все новые реконструкции веберовской политической теории. С другой – в исследованиях современных политических систем в лучшем случае используются лишь отдельные элементы социологии политики Вебера. Чтобы оценить применимость концепции плебисцитарной демократии для анализа сегодняшних политических институтов, необходимо учитывать как новейшие интерпретации теории демократии Вебера, так и исследования современных социологов, в той или иной степени опирающихся на веберовские идеи.

В настоящее время веберовская типология легитимного господства по-прежнему нередко

выступает исходной точкой исследований проблемы легитимности власти. Разумеется, следует учитывать, что эта типология не является универсальной и пригодной для всех когда-либо существовавших политических режимов. Например, анализ советской системы с точки зрения веберовских типов господства сталкивается с немалыми трудностями. Не случайно ведущий представитель неовеберизма в американской социологии Рейнхард Бендикс приходит к выводу, что советский политический режим находится за пределами веберовской типологии. Тем не менее попытки использовать понятия социологии политики Вебера для характеристики советской системы не прекращались. Наиболее теоретически изощренную из такого рода попыток предпринял в начале 90-х гг. Стефан Бройер [2]. Этот социолог предложил также и всесторонний анализ веберовской теории демократии.

Проблема легитимности демократического политического режима не находится в центре внимания Вебера. Характерно, что Вебер рассматривает возможность того, чтобы дополнить выделенные им три типа легитимного господства четвертым типом, основанным, по крайней мере формально, на воле управляемых. Однако он довольно быстро отказался от этой идеи [3]. Вебер анализирует различные формы демократического режима: прямую демократию, представительное правление, плебисцитарную демократию. Особое внимание он уделяет последней из указанных форм. С точки зрения Вебера, легитимация власти посредством плебисцита выступает как тип, переходный от харизматического к легальному господству [4].

Веберовская концепция плебисцитарной демократии должна рассматриваться в тесной связи с анализом проблемы власти рациональной бюрократии в трудах этого социолога [5]. С точки зрения Вебера, современная бюрократия, подобно чиновничеству прошлых эпох, образует статусную группу, занимающую привилегированное положение в обществе. Статусные группы отличаются особым образом жизни, в котором находит отражение социальный престиж их членов и на основе которого у них формируются специфические общие ценности и интересы. Как подчеркивал Вебер, чиновников прежде всего отличает заинтересованность в сохранении самого бюрократического аппарата и продолжении его

рационально организованного господства. Кроме того, чиновники стремятся усилить закрытость своей статусной группы и упрочить стабильность своего положения.

Для чиновников характерна также вера в то, что благодаря своей специальной подготовке и компетентности они обладают превосходством над членами парламента и представителями общестственности. С точки зрения самих чиновников, лишь они одни понимают, в чем состоят истинные потребности государства. Но под видом интересов государства они во многих случаях отстаивают собственные интересы, которые включают заинтересованность в уменьшении власти и значения парламента и любых других неподконтрольных бюрократии социальных сил и, напротив, расширении сферы влияния самого бюрократического аппарата. Решающую роль при этом играет та власть, которой пользуется бюрократический аппарат.

Власть административного аппарата основывается прежде всего на знании, которым он обладает. Это знание подразумевает, во-первых, специальные навыки в самом широком смысле слова, полученные в ходе профессиональной подготовки. Помимо этого чиновник владеет официальной информацией, которая может быть получена только по административным каналам. Эффективный контроль за деятельностью чиновников возможен в таком случае лишь при наличии независимых от бюрократического аппарата источников информации.

Усилению позиций бюрократии в борьбе за власть в значительной степени способствует широкое использование чиновниками понятия «служебной тайны», когда доступ к той или иной информации жестко ограничивается. Хотя в некоторых административных сферах (например, внешняя политика) секретный характер ведения дел является объективной необходимостью, бюрократия стремится распространить завесу секретности на всю свою деятельность, исходя из собственных властных интересов и желания избежать какого-либо контроля. Путем манипулирования находящимися в их распоряжении данными чиновники могут оказывать существенное влияние на принятие политических решений. При этом даже если они всего лишь отстаивают свои групповые интересы, они неизменно действуют под видом административной беспристрастности.

В то же время, согласно Веберу, бюрократия, которая служит наиболее эффективным орудием управления в современном обществе, совершенно не подготовлена к тому, чтобы исполнять функцию определения государственной политики в силу отсутствия у чиновников необходимых для этого качеств лидера. Бюрократия неизбежно

сталкивается здесь с ограничениями, которые не могут быть преодолены в рамках самой бюрократической системы управления. По мнению Вебера, выбор политического курса не должен осуществляться чиновниками. Присвоение бюрократией функции принятия политических решений расценивается им как злоупотребление властью.

Одной из основных в веберовской социологии политики была проблема ограничения власти бюрократического аппарата. Рассматривая механизмы, позволяющие ограничить власть чиновников, Вебер уделяет основное внимание анализу системы представительного правления, которая, по его мнению, обладала наибольшими возможностями для установления контроля за деятельностью административного аппарата. Парламентская система видится немецкому социологу наилучшим средством обеспечения динамизма политической жизни. Но для того чтобы парламент мог контролировать государственную бюрократию, он должен обладать реальной властью, а не просто представлять собой арену для идеологических споров.

Вебер проводил четкое различие между системой «мнимого конституционализма», примером которой служили политические режимы в России и Германии начала XX в., и подлинной парламентской демократией [6]. В условиях системы мнимого конституционализма партии, представленные в парламенте, не имеют возможности оказывать реальное влияние на выработку политического курса. Это способствует распространению в среде парламентариев безответственности и идеологического экстремизма. Но основным пороком такой системы является ее неспособность выдвигать политиков, которые обладают качествами лидера.

Центральное место в веберовской концепции плебисцитарной демократии принадлежит политическому лидеру. Вебер считает необходимым дополнить существовавшую в Германии бюрократическую систему управления харизматическим элементом в лице плебисцитарного лидера, который избирался бы всем народом. Плебисцитарный лидер должен, по мнению Вебера, иметь собственный источник легитимности и обладать возможностью обращаться к народу, минуя парламент. Такой лидер должен подчиняться правовым нормам, а объем его власти определяется требованиями формальной легальности.

Хотя Вебер и принимает такие положения демократической теории, как свобода личности и принцип представительного правления, он все более подчеркивает, что великие политики должны привлекать к себе последователей силой своих личных харизматических качеств. Вебер до предела развил идею личной ответственности

лидера, власть которого в конечном счете основывалась на вере сторонников в его исключительные качества. Плебисцитарный лидер призван действовать, исходя из собственных убеждений и избранных им ценностей, а не под влиянием внешних обстоятельств. С точки зрения Вебера, плебисцитарный лидер служит противовесом тенденции к усилению власти бюрократического аппарата.

Концепция плебисцитарной демократии Вебера существенно расходилась с положениями классической доктрины демократии, которая рассматривала политического лидера как не более чем представителя своего электората. Согласно Веберу, роль масс в политическом процессе сводится к избранию лидера, после чего они отходят на второй план, предоставляя этому лидеру широкую свободу действий. В глазах массы избирателей легитимность плебисцитарного лидера во многом зависит от успеха его деятельности. Такой лидер мог консолидировать свою власть с помощью военных побед либо путем повышения материального благосостояния своих подданных, а также сочетая оба указанных способа. Успех рассматривается как подтверждение харизмы лидера [7].

В качестве исторических примеров плебисцитарной демократии Вебер приводит режимы Кромвеля, Робеспьера, Наполеона I, Наполеона III. Фактически Вебер относит к одному и тому же типу, с точки зрения оснований легитимности власти, якобинскую диктатуру и бонапартистский режим. Однако необходимо учитывать различия между плебисцитарной демократией и плебисцитарной диктатурой, а также между разными формами плебисцитарной диктатуры. Если ограничиться теми случаями, когда харизматический лидер избирался в ходе всенародных выборов, а не использовал плебисцит уже после насильственного захвата власти, то из известных Веберу примеров к типу плебисцитарной демократии относится только французская Вторая республика в период от избрания Луи Бонапарта на пост президента в 1848 г. до осуществленного им государственного переворота 2 декабря 1851 г. [8]

Определенные черты плебисцитарной демократии неизменно присутствуют в президентских и полупрезидентских республиках. Вебер отмечал усиление плебисцитарных элементов в американской демократии, что было во многом обусловлено изменением структуры политических партий и формированием партийных «машин». Тем не менее США никогда не приближались к чистому типу плебисцитарной демократии, поскольку там сложилась система разделения властей, которая уравновешивала власть президента. Примерами демократического режима с явно выраженными

плебисцитарными элементами выступают Веймарская республика в Германии и французская Пятая республика.

Хронологически наиболее близким к Веберу примером плебисцитарной диктатуры является Вторая империя во Франции (1852–1870 гг.). В XX столетии переход от плебисцитарной демократии к диктатуре неоднократно наблюдался «в странах, где политическая система являлась персонализированной, а власть и влияние партий и парламентов были слабо развиты» [9]. В числе таких стран называют, в частности, многие государства Латинской Америки, Индонезию в период правления Сукарно, Филиппины при Ф. Маркосе. После распада СССР этот список пополнили ряд бывших советских республик.

Веберовский анализ оснований легитимности власти получил продолжение в современной социологии политики. Проблема легитимности демократического политического режима подробно исследовалась Сеймуром Липсетом, ссылавшимся при этом на веберовскую типологию господства. Вместе с тем Липсет относит демократические режимы к типу легального господства и не рассматривает концепцию плебисцитарной демократии. С точки зрения этого социолога, стабильность демократического режима зависит от эффективности и легитимности политической системы. Эффективность означает способность системы выполнять основные функции управления. Легитимность подразумевает способность системы порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты являются наиболее приемлемыми для данного общества.

Согласно Липсету, различные общественные слои рассматривают политическую систему как легитимную или не легитимную в зависимости от того, насколько воплощенные в ней ценности соответствуют их собственным. Например, в конце 20-х – начале 30-х гг. значительная часть немецкой армии, чиновничества и аристократии отвергала Веймарскую республику не столько в силу ее неэффективности, сколько по причине неприятия ее ценностей и основных символов [10]. В конечном итоге, по мнению Липсета, легитимность политической системы имеет большее значение для сохранения ее устойчивости, чем ее эффективность.

В дальнейшем Липсет отказывается от противопоставления легитимности и эффективности политического режима. Как отмечает этот социолог, эффективность в экономической и политической сферах в долгосрочной перспективе способствует усилению легитимности государственной власти. Так, демократические режимы,

установленные в ряде стран Европы после Второй мировой войны (Западная Германия, Италия), не обладали изначально высокой степенью легитимности. Но успешное экономическое развитие в условиях «экономического чуда» 50-х гг. привело к росту доверия граждан к политическим институтам [11]. В то же время стабильности политической системы в этих государствах способствовала дискредитация антидемократических сил, которые ассоциировались с фашистским прошлым и военным поражением.

Следует отметить, что для Липсета характерна определенная склонность к экономическому детерминизму при объяснении политических процессов. Это наглядно проявилось в выдвинутом им еще в конце 50-х гг. тезисе о том, что предпосылкой существования стабильной демократической системы являлся высокий уровень экономического развития. Данная идея (вполне адекватная, если ее не абсолютизировать) подвергалась довольно жесткой критике. В то же время Липсет не рассматривает уровень экономического развития как единственный фактор, определяющий стабильность демократического режима.

Возвращаясь к анализу этой проблемы в первой половине 90-х гг., Липсет указывает на целый ряд социальных предпосылок демократии. При этом американский социолог признает, что культурные факторы являются не менее важными для формирования демократического режима, чем экономические [12]. Липсет в очередной раз обращает внимание на то, что демократия лучше всего укоренялась в протестантских странах и бывших британских колониях. Кроме того, он подчеркивает роль гражданского общества и правовых институтов в процессе становления демократии.

Характерно, что в период охватившего западных политологов энтузиазма по поводу «третьей волны» демократизации Липсет призывает к сдержанным и осторожным оценкам перспектив новых демократических режимов. Он отмечал недостаточный уровень легитимности многих из этих режимов. В конечном итоге, как полагает Липсет, укреплению их легитимности может способствовать эффективность в экономической сфере [13]. В целом Липсет осуществил главным образом анализ одной из сторон веберовской формулы легитимности плебисцитарной демократии, сделав акцент на экономических предпосылках стабильности демократической системы.

Другая сторона веберовской формулы получила развитие в работах Рэндалла Коллинза. По мнению Коллинза, важнейшее место в трудах Вебера отведено проблемам социологии политики. С точки зрения американского социолога, следует отказаться от общепринятого взгляда, согласно которому веберовская политическая

теория прежде всего имеет дело с внутренней структурой государства. Как подчеркивает этот исследователь, Вебер рассматривает также влияние внешних условий на внутривнутриполитическую ситуацию. «Веберовская теория политики предполагает, что внутренняя политика тесно связана с внешней геополитикой. Способность тех или иных политических сил доминировать в государстве в значительной мере зависит от международного положения данного государства или, как мы можем сказать сегодня, от его места в мировой системе» [14].

Коллинз предлагает пересмотреть и дополнить концепцию легитимности в социологии Вебера. Как указывает Коллинз, степень легитимности того или иного политического режима не является величиной постоянной. Уровень легитимности во многом определяется престижем данной страны на международной арене. «Государство сохраняет свою легитимность в той степени, в какой оно способно использовать силу против враждебных государств... Государство, обладающее высоким престижем по сравнению с другими государствами, может рассчитывать на более высокий уровень легитимности, обращаясь с требованием повиновения к своим подданным» [15].

Согласно Коллинзу, в рамках международной системы постоянно ведется борьба за престиж: как в мирное время, так и в ходе военных столкновений. Как подчеркивал Коллинз, «процесс “модернизации” представляет собой бесконечную цепочку соперничества успешных “мировых держав” с претендентами на этот статус. Отсюда следует, что имперская экспансия осуществляется ради приобретения или сохранения статуса великой державы, а не в силу одних лишь экономических причин» [16]. В качестве примеров борьбы за престиж на международной арене Коллинз рассматривал колониальную экспансию европейских стран в конце XIX в., создание альянсов в Европе перед Первой мировой войной, противостояние СССР и США в период «холодной войны». Характеризуя влияние международного положения страны на легитимность существующего политического режима, Коллинз отмечает, что победоносные войны или достижение статуса великой державы укрепляют легитимность государственной власти, тогда как военные поражения и внешнеполитические неудачи ведут к утрате легитимности.

Вместе с тем престиж государственной власти определяется не только ее способностью противостоять внешним врагам, но и успехом в подавлении угрозы насилия со стороны внутренних сил. Поиск внутренних врагов многократно использовался самыми разными политическими режимами для упрочения собственной легитимности. Как пишет Коллинз, «во внутренней по-

литике, как и во внешнеполитических играх власти и престижа, действует та же динамика: государство, которое успешно преодолевает ситуацию масштабной насильственной угрозы, существенно укрепляет свою легитимность» [17]. В Соединенных Штатах, где стигматизация каких-либо социальных групп в качестве внутренних врагов оказалась с определенного момента идеологически неприемлемой, для укрепления легитимности политической власти использовалась, в частности, борьба с преступностью. В дальнейшем роль врага стал исполнять международный терроризм.

Сам Коллинз признает, что его концепция легитимности государственной власти заметно отличается от более привычной модели легитимного господства в социологии Вебера. Однако Коллинз утверждает, что эти две концепции могут дополнять друг друга. Веберовская типология раскрывает структуру легитимного господства, тогда как собственная концепция Коллинза объясняет динамику легитимности. Тем не менее следует отметить, что концепция Коллинза остается во многом односторонней, поскольку она игнорирует социокультурные основания легитимности власти. В своих работах Коллинз неизменно выделяет роль геополитических факторов, тогда как все иные причины социальных изменений отходят на второй план. Так, Коллинз не рассматривает идеологию в качестве независимой переменной, считая, что в конечном счете она следует за геополитикой. Как утверждал американский социолог, «современные политические идеологии, подобные коммунизму, демонстрируют геополитическую структуру, сходную с такими религиями, как христианство или ислам, в которых ереси и расколы возникали по линии геополитического антагонизма» [18].

С позиций своей концепции Коллинз рассматривает процесс демократизации. Он отмечает, что росту легитимности демократических режимов в Великобритании и США во многом способствовала успешная внешняя экспансия этих государств. Во второй половине 90-х гг. Коллинз обратился и к примеру посткоммунистической России. По мнению социолога, одни лишь институциональные реформы при отсутствии демократической политической культуры не могли привести к стабильной демократической системе. «Массовое голосование без структуры разделения властей, которую оно бы формировало, обычно создавало неустойчивые и недолговечные плебисцитарные режимы, периодически соскальзывающие в автократию» [19]. Вместе с тем, как утверждал Коллинз, частичное восстановление геополитического престижа российского государства могло бы способствовать укреплению легитимности демократического режима. Прав-

да, Коллинз не мог предвидеть, что в России рост геополитического престижа совпадет не с периодом демократизации, а с усилением авторитарных тенденций во внутренней политике.

По-видимому, Коллинз все же преувеличивает степень влияния геополитических причин на легитимность государственной власти. В конечном итоге геополитический детерминизм ничуть не лучше экономического. Тем не менее анализ Коллинза позволяет по-новому взглянуть на динамику легитимности различных политических режимов. Этот анализ представляет особый интерес при обсуждении проблемы легитимности плебисцитарных режимов, для которых первостепенное значение имеет геополитический успех. Однако следует отметить, что современные западные «транзитологи» игнорируют концепцию Коллинза, подобно тому как в 80-е гг. в советологии был проигнорирован его прогноз распада СССР [20].

С 90-х гг. ряд социологов активно используют веберовские теоретические модели для исследования политической модернизации в восточно-европейских и азиатских странах. При этом выясняется, что многие идеи Вебера обладают безусловной актуальностью для анализа процессов социально-политической трансформации в современном мире. В целом изучение проблемы легитимности политической власти в условиях плебисцитарных режимов, сложившихся на постсоветском пространстве, требует обращения к надежным теоретическим источникам. В их число могут быть включены как концепция плебисцитарной демократии Вебера, так и работы современных социологов, дополняющих веберовскую политическую теорию.

Примечания

1. *Beetham D.* Max Weber and the theory of modern politics. 2-nd ed. Cambridge: Polity Press, 1985. *Mommsen W.* The political and social theory of Max Weber. Chicago: University of Chicago Press, 1992. *Моммзен В.* Антиномии политической теории Макса Вебера // Масловский М. В. Социология политики: классические и современные теории. М.: Новый учебник, 2004. С. 69–80.

2. *Breuer S.* Soviet communism and Weberian sociology // *Journal of Historical Sociology*. 1992. Vol. 5. № 3. P. 267–290.

3. *Breuer S.* The concept of democracy in Max Weber's political sociology // *Max Weber, democracy and modernization* / ed. by R. Schroeder. L.: Macmillan, 1998. P. 2.

4. *Weber M.* Economy and society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 267.

5. См.: *Масловский М. В.* Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. С. 37–51.

6. *Beetham D.* Max Weber and the theory of modern politics. 2-nd ed. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 95.

7. Weber M. Economy and society ... P. 269.
8. Breuer S. The concept of democracy ... P. 8.
9. Ibid. P. 10.
10. Lipset S. Political man: The social bases of politics. 2nd ed. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981. P. 64.
11. Lipset S. The social requisites of democracy revisited // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. № 1. P. 8.
12. Ibid. P. 5.
13. Ibid. P. 17.
14. Collins R. Weberian sociological theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 147.
15. Ibid. P. 158.
16. Ibid. P. 162.
17. Ibid. P. 161.
18. Ibid. P. 207.
19. Collins R. Democratization in world-historical perspective // Max Weber, democracy and modernization / ed. by R. Schroeder. L.: Macmillan, 1998. P. 30.
20. См.: Коллинз Р. Макросоциологическое предсказание: пример коллапса СССР // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 5–29.

УДК 1(091)

Е. Ф. Владыкина

ПОСЛЕДНИЕ ИСТИНЫ ЛЬВА ШЕСТОВА

Выступая против классической метафизики, Лев Шестов призывает признать реальность непостижимого, катастрофического, не вмещающегося в разум и знание. Как только эта реальность заявляет о себе, вся обжитость и обыденность рационального и привычного оказывается вдруг кратером проснувшегося вулкана.

Opposing classical metaphysics, Lion Шестов calls to recognize a reality incomprehensible, catastrophic, not holding in reason and knowledge. As soon as this reality declares itself, all the ordinary rational and habitual appears suddenly a crater of the woken up volcano.

Ключевые слова: экзистенциальная философия, вера, разум, парадоксальность свободы, истина, чудо бытия.

Keywords: existential philosophy, belief, reason, a paradoxicality of freedom, true, a miracle of the being.

Лев Шестов (это литературный псевдоним, настоящее имя Лев Исаакович Шварцман) родился 31 января 1866 г. в Киеве, в семье крупного коммерсанта-мануфактурщика. Окончил Киевскую гимназию, затем поступил на физико-математический факультет Московского университета, с которого он перевелся на юридический факультет Киевского университета. Окончил его в 1889 г.

Октябрь 1917 г. Л. Шестов не принимает и в 1919 г. становится эмигрантом. В эмиграции опубли-

кованы его наиболее значительные работы: «Власть ключей», «На весах Иова. (Странствования по душам)», «Киркегард и экзистенциальная философия. (Глас вопиющего в пустыне)», «Афины и Иерусалим» и др. Скончался Л. Шестов в Париже 19 ноября 1938 г.

Истоки философского постижения Шестова следует искать в великой русской литературе XIX в. Шестова характеризуют сосредоточенное внимание к «маленькому», часто «лишнему» человеку; ситуации – глубоко значимой (позднее экзистенциалисты ее назовут пограничной); к трагедии исторического бытия, и в связи с этим – повышенный интерес к откровениям Федора Достоевского и Льва Толстого. Несомненно влияние духовного поля Серена Кьеркегора и Фридриха Ницше.

Известность Шестову принесла работа «Апофеоз беспочвенности. (Опыт адогматического мышления)». Русский писатель Алексей Михайлович Ремизов назвал ее книгой «афоризмов, возмутительных и циничных для ума, которого кашей не корми, а подай “систему”, “возвышенную идею”». Ирония Шестова по поводу различных философских систем приводила читателя в смущение. Это была известность эпатирующего характера.

Большая часть идейного наследия Шестова запечатлена в форме философских эссе – «странствований по душам» его излюбленных мыслителей и героев – Достоевского, Ницше, Толстого, Чехова, Сократа, Авраама, Иова, Паскаля, позже – Кьеркегора. Он пишет о Платоне и Плотине, Августине и Спинозе, Канте и Гегеле; полемизирует с Бердяевым и Гуссерлем (и с тем и с другим Шестова связывала личная дружба). Он «философствовал всем своим существом», – так скажет о нем Николай Бердяев.

В «Апофеозе...» он определил свое видение задач философии: «Научить человека жить в неизвестности...» [1], – человека, который всего более боится неизвестности и прячется от нее за различными догматами.

В определенных обстоятельствах всякий человек ощущает в себе потрясающее стремление осмыслить судьбу и предназначение собственного существования, как и существования всего универсума. Обращенность конкретного человека к жизнесмысловым и миросмысловым проблемам, к «началам» и «концам» оставляет человека один на один с «проклятыми» вопросами: смысла жизни, смерти, природы, Бога. В подобных обстоятельствах люди обычно стремятся в книгах по философии найти ответы на мучающие их вопросы. «...В литературе, – иронизирует Шестов, – с давних времен заготовлен большой и разнообразный запас всякого рода общих идей и мировоззрений, метафизических и пози-

тивных, о которых учителя начинают вспоминать всякий раз, как только начинают раздаваться слишком требовательные и беспокойные человеческие голоса» [2].

Эти готовые мировоззрения оборачиваются темницей ищущего духа, поскольку «философы стремятся “объяснить” мир, чтоб все стало прозрачным, чтоб в жизни ничего не было или было бы как можно меньше проблематического и таинственного» [3]. Шестов сомневается в пользе таких объяснений. «Не следовало ли бы, – говорит он, – наоборот, стремиться показывать, что даже там, где все людям представляется ясным и понятным, все необычайно загадочно и таинственно? Самим освобождаться и других освобождать от *власти* (курсив авторов. – Е. В.) понятий, своей определенностью убивающих тайну. Ведь истоки, начала, корни бытия – не в том, что обнаружено, а в том, что скрыто: Deus est Deus absconditus (Бог есть скрытый Бог)» [4].

Поэтому, когда говорят, что интуиция есть единственный способ постижения последней истины, с этим трудно согласиться. «Интуиция происходит от слова *intueri* – смотреть... Но нужно уметь не только видеть, нужно уметь и слышать... Тайны бытия бесшумно нашептываются лишь тому, кто умеет, когда нужно, весь обращаться в слух» [5].

Задачу философии он видит не в том, чтобы успокаивать, а в том, чтобы смущать людей.

Такие шестовские предположения в духе абсурда преследуют вполне человеческие цели: показать открытость, «негарантированность» всякого бытия, в том числе и бытия людей, помочь найти истину там, где ее обычно и не ищут. «...Философия есть учение о ни для кого не обязательных истинах» [6]. Выступая против классической метафизики, точнее, против метафизического разума, Шестов призывает признать реальность непостижимого, иррационального, не вмещающегося в разум и знание, противоречащего им; восстающего против логики, против всего, что составляет привычный, обжитой мир, незаметно и неизбежно идеализированный, а потому ложный и обманчивый – мир человеческого бытия. Иллюзии этого мира тщательно рационализированы, так что выглядят прочными, устойчивыми, но это лишь до возникновения реальности непредвиденного. Как только реальность непредвиденного, катастрофического и неосознанного заявляет о себе, вся эта обжитость и обыденность оказывается вдруг кратером проснувшегося вулкана.

В период с 1895 и, примерно, до 1911 г. в его воззрениях происходит поворот к философии жизни и исканию Бога, причем речь шла не о христианском Боге (для него Бог добра – это бог с маленькой буквы), а о Боге Ветхого Завета.

Он не то чтобы колебался признать существование Бога, скорее он колебался говорить о нем что-либо утвердительное. Вот достаточно характерные для Шестова слова, ими, по сути, начинается его крупное произведение, изданное уже в эмиграции, «Власть ключей» (Берлин, 1923 г.): «Признавал ли хоть один философ Бога? Кроме Платона, который признавал Бога лишь наполовину, все остальные искали только мудрости... Конечно, из того, что человек погибает, или даже из того, что гибнут государства, народы, даже высокие идеалы, – никак не “следует”, что есть всеблагое, всемогущее, всеведущее Существо, к которому можно обратиться с мольбой и надеждой. Но если бы следовало, то и в вере не было бы никакой надобности; можно было бы ограничиться одной наукой, в ведение которой входят все “следует” и “следовало”» [7].

Обратим внимание на то, как Шестов, говоря о разрушительных процессах реальности, озабочен их несовместимостью с всеблагим, всемогущим, всеведущим Существом, но именно из стремления преодолеть эту несовместимость и возникает, с точки зрения Шестова, надобность веры. «...Все же люди не могут и не хотят перестать думать о Боге. Верят, сомневаются, совсем утрачивают веру, потом снова начинают верить» [8]. Из этих сомнений возникают рассуждения о все совершенном существе – мы охотно говорим о нем, привыкли к этому понятию и даже искренно думаем, что оно имеет определенное, для всех одинаковое значение.

Шестов предлагает читателю раскрыть понятие «всесовершенного существа» через признаки, которые могут быть названы при решении задач такого рода.

В первую очередь не сомневаются в двух его признаках – всезнание и всемогущество. Однако есть ли в самом деле всезнание признак совершеннейшего существа? – вопрошает Шестов и дает отрицательный ответ, поясняя, что все наперед предвидеть, все всегда понимать – что может быть скучнее и постылее этого? Всесовершенное существо не должно быть всезнающим! Много знать – хорошо, все знать – ужасно! С всемогуществом то же самое: кто все может, тому ничего не нужно!

И третий, часто называемый признак – вечный покой – Шестов находит несколько не лучше уже разобранных.

Чем же руководствуются люди, приписывая эти качества совершенному существу? Ответ Шестова достаточно определен: люди руководятся не интересами этого существа, а собственными. Им нужно, чтобы высшее существо было всезнающим – тогда можно без опасения верить ему свою судьбу. И хорошо, чтобы оно было всемогущим: из всякой беды выручит. И чтобы

было спокойное, бесстрастное. Предвидя возможные возражения и даже упреки в его, Шестова, ограниченности, неспособности понять «возвышенной прелести всезнания, всемогущества, вечного, ничем не нарушаемого покоя», Шестов к сказанному резонно добавляет: «Но те, которые любят эти возвышенностями, – они-то не люди, что ли, и не ограниченны? Им разве нельзя возразить, что они вследствие своей ограниченности выдумали свое совершенное существо и радуются на свою выдумку?» [9]. Бог для Шестова – прежде всего Бог «сокрытый», неизвестный и могущественный настолько, чтобы быть таким, каким он хочет, а не таким, каким бы его сделала человеческая мудрость, если бы её слова превращались в дела.

Суждения Шестова о Боге более всего соответствуют ветхозаветным представлениям о неведомом существе, внушающем не столько надежду, сколько ужас и страх. Бог Ветхого Завета выше сострадания, выше добра. И от человека Бог требует только невозможного.

Тайны библейской веры стали для него определяющими в книге «Sola fide – Только верую». Вера зовет все на свой суд, – утверждает Шестов и в другой своей книге «Кьеркегард и экзистенциальная философия». Ибо вера есть... новое измерение мышления, открывающее путь к Творцу.

Вера есть абсолютно неразумная и бесосновная личная встреча с Богом избранного им человека, открывающая «невозможные» возможности. Всякий богословский рационализм Шестовым решительно отвергается: вера не только не может, она не хочет превратиться в знание!

Вера или разум... Такое противопоставление встречается в философии нередко. В предельно выраженной форме оно выявлено Кьеркегором, к чтению которого Льва Шестова побудил Эдмунд Гуссерль (Шестова и Гуссерля связывала с 1928 г. дружба, основанная на взаимном уважении, несмотря на то что их понимание философии находилось на противоположных полюсах). Сюрпризом для Шестова было узнать, что Кьеркегор видел источник философии не в удивлении, как думали древние, а в отчаянии, и что Платону и Гегелю он противопоставлял Иова. Именно у Кьеркегора Шестов заимствовал выражение «экзистенциальная философия», приложимое к его собственным раздумьям, чтобы отличить их от умозрительной философии.

У Шестова мы встречаем не столько противопоставление, сколько отрицание истин разума. Мир «законов природы», – говорит он, – есть кошмарный сон, от которого мы должны были бы пробудиться. Шестов противопоставляет Афины и Иерусалим, эллинское и библейское начала европейской мысли, вечные истины в античной

философии и сферу откровения. Неправда разума не в том, чем он по существу обладает, а в том, что в своем отречении от свободы человек выбирает в разуме не его творческие озарения, а неизменность и необходимость. И мучительность ситуации состоит в том, что разум оставляет человека один на один с его заботами и тревогами.

Разум разочаровывает Шестова потому, что не дает человеку примирения с действительностью, с миром, в котором жизнь – «бессмысленный, отчаянный крик или безумное рыдание». Разуму неведома тайна вечного – смерть, которая есть самое непонятное, самое неестественное из всего, что мы наблюдаем в мире. Пытаясь успокоить человека, разум лишь обманывает его, уводит от действительности. Шестову мучительно осознавать, что «на весах Иова скорбь человеческая оказывается тяжелее, чем песок морской», что «стоны погибающих отвергают очевидности» [10].

Не следует считать, что нападки Шестова на разум приводят его к познавательному скептицизму. Все можно познать, и знания могут быть неограниченными. Однако в экзистенциальном смысле они оказываются ненужными. Одна за другою в работах Шестова перед нами возникают картины умирания Ивана Ильича, мучения «подпольного» человека Достоевского, откровения неистового Плотина, вопли Иова, – через смерть, катастрофы и каторги высвечивается некое изначальное заблуждение человека. С чем же оно связано?

Для прояснения этого вопроса Шестов, вслед за Кьеркегором, обращается к грехопадению. Оно для него результат своего рода испуга, испуга перед Ничто. Змей-искуситель – это сам разум, внушающий человеку недоверие к божественной свободе и желающий занять место Бога. Разум предлагает человеку свою «надежную необходимость» и гарантии правоты в различении добра и зла, но сколько раз разум обманывал нас.

Тем не менее человек предпочитает надежность разума вместо таинственной, ничем не обеспеченной парадоксальной свободы веры. И не Бог нужен людям, но – гарантии. Кто в состоянии дать или создать иллюзию этих гарантий, тот и станет для них Богом. Мотивы данного рода прояснены Ф. М. Достоевским. Обостренно воспринимаемое соотношение свободы и необходимости, навешанной разумом и «самоочевидностями», Л. Шестов не мог не остановиться на этой теме. В книге «На весах Иова» Шестов воспроизводит историю «убийства» Бога и эллинскими мудрецами, и Спинозой... Место Бога занимает *необходимость*, она, дескать, противостоит религиозной *мудрости* древних и тех, кто – как Иов и как Паскаль – еще взывает из глубины отчаяния не к вечному разуму, а к личному Богу.

Шестов отмечает, что история философии есть история искания истины и эта же история обнаруживает, что для человека искание истины всегда было погоней за общеобязательными суждениями. Человеку мало было обладать истиной. Он хотел, чтоб его истина была истиной «для всех». Самые глубокие и смелые философы как у древних греков, так и у нас, говорит Шестов, все же оставались наивными реалистами в своих методологических приемах и исходили из предположения, что истина есть *adaequatio rei et intellectus* [11].

Для нужд здравомыслящего обывателя и для нужд научного исследователя (которые, считает Шестов, в этом отношении ничем друг от друга не отличаются) такое определение истины совершенно достаточно. Унаследовала это положение от науки и философия. Но вот как раз философу нельзя идти за своими истинами в те места, «где математик узнает, что сумма углов в треугольнике равна двум прямым». Истина как *подлинность*, как *человеческая* истина противоположна истинам науки, морали и человеческого общения. Она не связана с логическими истинами и суждениями.

Не рождается она и в споре, так как она приходит в жизнь, не предъявляя никому оправдательных документов. Истине не нужно оснований – разве она сама себя не может нести! Последняя истина, то, чего ищет философия, что для живых людей является самым важным, – приходит «вдруг». Она подобна чуду, тайне.

Поиски «живой», «настоящей», «последней» истины и в древности, и в наше время не раз вели к утрате доверия к разуму (Плотин, Ницше, Достоевский). Рационализму с его «аргументациями из следствий» не дано заглушить живущего в людях смутного чувства, что последняя *истина*, та, которую наши прародители так неудачно искали в раю, лежит по ту сторону разума и разумом постижимого, и что найти ее в том мертвом и неподвижном мире, в котором только и умеет властвовать рационализм, невозможно. Истина в своей первозданности надмирна, она тождественна откровению, она есть Бог. Чтоб увидеть истину, нужна способность к величайшему самоотречению и готовность к чуду.

Чудо и загадочность – фундаментальные качества бытия. Всякое бытие есть чудо, поскольку отвечает всем требованиям последнего. Наш ум, с детства усвоивший столько нелепостей, потерял способность к самозащите и принимает все, кроме того, от чего его предостерегали с детства же: от чудесного, иначе говоря, действия без причины. Забудьте на минуту свою школу, и сразу убедитесь, что развитие мира ужасно неестественно: естественно было бы, если бы не было ничего – ни мира, ни развития.

Экзистенциальная философия Шестова с новым измерением истины настроена не на «понимание», а на «жизнь» («праведный жив будет верой»). Жизнь переживалась им как «свобода индивидуального существования», как мистерия и неограниченная возможность. Когда Шестов желает подчеркнуть, что речь идет о настоящих реальностях, он употребляет определение «живое»: «живая истина», «живое существо», «живой человек» – в отличие от излюбленного философами «человека вообще». Ужасным представляется Шестову совет Спинозы: не смеяться, не плакать, не ненавидеть, а понимать. Напротив, говорит Шестов, человек должен был бы кричать, вопить, смеяться, насмехаться, протестовать. Снова упоминает он библейского Иова, который, к великому возмущению своих мудрых друзей, стонал и вопил...

Шестову всякий душевный покой подозрителен, ибо земля, на которой мы обитаем, отнюдь не располагает к этому. Он любил тех, кто, как Паскаль, «ищут, стеная». Обращаясь снова и снова к категории «жизни», он каждый раз подчеркивает, что жизнь – это творчество, непредсказуемость и свобода. Даже смерть, а тема смерти присутствует практически во всех его работах, рассматривается им в контексте перехода личности от одного порядка состояния мира к другому. Смерть имеет прямое отношение к человеческому существованию. «Смерть есть самое неестественное, таинственное и загадочное из всего, что вокруг нас происходит» [12]. У смерти свои истины, свои очевидности, свои возможности и невозможности.

Размышления Шестова о смерти ассоциируются с понятиями страха, ужаса и одиночества. В «Откровениях смерти» Шестов размышляет над последними произведениями Л. Толстого. Имеются в виду рассказы Толстого «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник». Толстому было дано слышать и понимать загадочный язык смерти. Смерть перерезывает все нити, которыми мы связаны на земле с себе подобными существами. И абсолютное одиночество, полное которого нет ни на дне морском, ни под землей, – одиночество, которого не выносят.

Но еще есть *обыденность* и *случай*. Обыденность и насилие – едва ли не главные черты действительности. «Подпольный» человек Достоевского жалок, но «нормальный человек», то есть человек, живущий в том же подполье, только не подозревающий, что подполье есть подполье, и убежденный, что его жизнь есть настоящая, высшая жизнь, такой человек даже в «подпольном» герое вызывает гомерический хохот.

И герои Достоевского не одиноки! Страшный вопль Гоголя: «Скучно жить на этом свете, господа!» – относится, считает Шестов, не к худ-

шим из нас (Чичиковым, Ноздревым, Собакевичам и т. п.). Речь идет о лучших. Это они – «живые автоматы, заведенные таинственной рукой и не дерзающие нигде и ни в чем проявить свой собственный почин, свою личную волю. Некоторые, очень немногие, чувствуют, что их жизнь есть не жизнь, а смерть» [13].

Герои Толстого «уходят» из жизни по воле ужасающего коварного случая. Случай еще не пограничная ситуация, это некая обыденность. Шестова он интересует своей бессмысленностью и массовидностью. Это пустяк особого рода – глупый, алогичный, – но он ставит человека на границе бытия в мире. «Когда “случай” нас подводит к пропасти, когда после многих лет беспечной, спокойной жизни вдруг, как у Гамлета, пред нами восстает какое-нибудь грозное, доселе не представлявшееся даже возможным “быть или не быть” – начинает казаться, что какая-то новая, загадочная – может, благодатная, может, враждебная сила направляет и определяет наши действия» [14]. Случайность – вот что лишает жизнь всякого объективного смысла.

«Природа, – говорит Шестов, – устроила так, что один человек совсем и не замечает, даже *не смеет* знать другого» [15]. А само существо, именуемое Я, что оно может знать о себе и желать? Для Я, непосредственно себя воспринимающего, так ли уж важны «приговоры по чисто внешним признакам» – добрый, вспыльчивый, одаренный и т. п.? Конечно, как космическое и общественное существо, он обязан применять их, когда сталкивается с миром, следующим своим собственным законам, с миром необходимости; но разве они не тяготят и не уродуют его?

Основная черта каждого человека есть непостоянство, и привилегией непостоянства он больше всего дорожит: непостоянство ведь есть жизнь и свобода. Однако это непостоянство раздражает ближних, да и для самого Я оказывается опасным свойством, как опасной оказалась, вопреки советам древних, и заповедь «Познай самого себя». До нарушения нашими прародителями заповеди, запрещающей человеку есть плоды от дерева познания, разве стыдились они наготы своей? «...Они любовались ею, а не “судили” ее. Их бытие не подлежало внешнему суду, они вообще и сами себя не судили, и никто их не судил. И тогда не было наготы, а была красота. Но пришло “познай себя” – и начался “суд”». «Ясно, – подчеркивает Шестов, – что правило “познай самого себя” есть правило человеческое. Смысл его в том, чтоб каждый ценил и мерил себя так, как его ценят и меряют окружающие люди» [16].

Шестову грустно осознавать, что Я очень хрупко по сравнению с силой, находящейся вовне, но еще более Шестова тревожит то обстоятельство, что, привыкая иметь дело только со своим изоб-

ражением «как оно отражается на поверхности бытия», человек «разучился видеть свою сущность». Более того, то, что «внутри», постепенно теряет присущие ему свойства. И человек приывает «знать» о себе только то, что знают другие. Но если бы он захотел и смог взглянуть на свое действительное Я, то настоящее его Я показалось бы ему уродливым, и бессмысленным, и безумно страшным, потому что оказалось бы оно «ни с чем не сообразным и не похожим ни на что из того, что мы обычно считаем должным и законным» [17]. И не исключено, что от этого настоящего (сущностного) Я он бросился бы к «являющемуся», с ним, по крайней мере, спокойнее, ибо пред неправедным и корыстным судом других оно все же не так беспощадно обличается, как наше действительное Я.

«Необходимость» осаждает Я и «снаружи» и «изнутри», несмотря на это человек желает *быть* и не желает ничего скрывать и прятать, как то приходится сейчас делать. По-настоящему человек начинается тогда, когда восстает против обыденности и необходимости, когда предстает в дерзновении свободы и творчества. Творчество, – считает Шестов, – универсальная характеристика подлинного мира, это – прерывистость, это скачок, в результате которого «из ничего» рождается небывалое, неизвестное. Но творчество – это и небывалая мука, смешанная с небывалым восторгом. В творчестве существование человека предстает как начало, не имеющее конца, как открытость к бесконечности, как бесконечная возможность и возможность бесконечности...

Мы приобщились лишь к малой толике философских размышлений Шестова. Этим можно было бы завершить данный раздел. Но нельзя обойти вниманием тот резонанс, который имели эти размышления среди современников – иногда последователей, а чаще противников Шестова. Именно последние называли его «антифилософом». Те же, которые склонны были видеть в Шестове своего рода философского «пророка» грядущего века, называли его философию по-разному: философским импрессионизмом, возможно, за афористичность и недосказанность суждений (от *фр.* *impression* – впечатление); чаще – экзистенциализмом. К последнему названию склонен был и сам Шестов после соприкосновения с философией Серена Кьеркегора.

Альбер Камю называет Шестова протагонистом парадокса и абсурда. В своей работе «Миф о Сизифе» Камю определяет разницу между позицией его парижских современников и шестовской: «Для Шестова разум бесплоден, но есть нечто превыше разума. Для человека абсурда разум бесплоден и нет ничего превыше разума»

[18]. Особое мнение по поводу того, что сам Шестов (и некоторые его друзья) сближал свои построения с экзистенциальной философией, выразил о. Василий Зеньковский – автор двухтомного труда по истории русской философии: «...По поводу этого весьма сомнительного “комплимента” Шестову надо сказать, что, за вычетом нескольких мотивов, творчество Шестова уходит совсем в сторону от “экзистенциализма” (в обеих его формах – атеистического и религиозного). По существу же Шестов является религиозным мыслителем, *он вовсе не антропоцентричен, а теоцентричен...*» [19].

Приведя такие противоречащие друг другу оценки и определения, возможно ли, и следует ли подводить итог? Если следует, то перед нами – попытка положить непостижимое в основание постижений, суждений, отношений, – в основание изначальной ориентации человека в мире.

Примечания

1. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. Л., 1991. С. 52.
2. Шестов Л. Начала и концы. СПб., 1908. С. 12.
3. Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 656.
4. Там же. С. 656.
5. Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей) // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 303.
6. Шестов Л. Начала и концы. С. 128.
7. Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей). С. 7.
8. Там же. С. 30.
9. Там же. С. 107.
10. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М., 1992. С. 44.
11. Aadaequatio rei et intellectus – соответствие вещи и интеллекта.
12. Шестов Л. Дерзновения и покорности // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 247.
13. Шестов Л. Откровения смерти // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 50.
14. Шестов Л. Дерзновения и покорности. С. 208.
15. Там же. С. 212.
16. Там же. С. 213.
17. Там же. С. 213.
18. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки. М., 1990. С. 52.
19. Зеньковский В. В. История русской философии // Зеньковский В. В. Соч.: в 2 т. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991. С. 82.

УДК 316.4.06

И. А. Газиева

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В статье на основе анализа социологических концепций разрабатывается структура социальной деятельности, каждый элемент которой должен обеспечивать совпадение цели и результата этой деятельности, что в итоге определяет ее социальную эффективность. Также в статье формулируется само понятие социальной эффективности деятельности.

The structure of social activity has been worked out in the article by analyzing main sociological concepts. Every element of the social activity is to provide coincidence of its purposes and results and this, in the end, determines social efficiency of the activity. More over, the conception of the social activity efficiency has been formed in the article.

Ключевые слова: социальная деятельность, социальное действие, эффект, социальная эффективность.

Keywords: social activity, social action, effect, social efficiency.

Сегодня понятие деятельности во многих общественных науках: и в психологии, и в философии, и в социологии – употребляется неоднозначно и рассматривается в разных проекциях. В психологии теория деятельности понимается как система методологических и теоретических принципов изучения психических феноменов. В философии деятельность изучается как философская методологическая категория с максимальным логическим объемом понятия, что позволяет употреблять категорию деятельности как предикат в онтологических суждениях отнесения частного – к общему, конкретного – к абстрактному, вида – к роду. Однако сколько бы правомерными и продуктивными ни были исследования деятельности в указанных направлениях, каждое из них отражает лишь определенный срез человеческой деятельности, не уделяя должного внимания тому, как сопрягается, и сопрягается ли вообще, данная плоскость рассмотрения проблемы со всеми другими.

Несмотря на то что понятие «деятельность» вошло в науку достаточно давно и употребляется для обозначения самых разнообразных взаимодействий с точки зрения их активности, его содержание в социологии воспринималось главным образом интуитивно и долгое время не могло претендовать на значение социологической категории. Но сегодня деятельность становится

предметом изучения многих социальных наук, где исследования ведутся как в теоретическом, так и в практическом аспектах. На основе синтеза различных деятельностных теорий учеными был разработан ряд формализованных моделей и структур деятельности.

Самая распространенная структура акта деятельности в развернутом виде включает следующие элементы: субъект, предмет (объект), цель, средство, действие, результат [1].

Субъектом деятельности можно назвать индивида, а также такую группу людей или общество в целом, которые объединены общностью цели, формирующей однонаправленность действий по достижению приемлемого для всех результата. Предметом (объектом) деятельности является, соответственно, то, на что направлена деятельность субъекта. Следует заметить, что объект и предмет деятельности далеко не всегда совпадают. И, прежде всего, потому, что объект не только многопредметен, но даже неисчерпаем. Поэтому в дальнейшем мы будем различать объект и предмет деятельности, понимая под объектом индивида или группу индивидов, на которых направлена деятельность субъекта, а под предметом – совокупность социальных качеств либо явлений, через субъектное деятельностное регулирование которых осуществляется изменение объекта деятельности субъектом деятельности.

При рассмотрении предложенной системы как структуры акта деятельности правомерным представляется и включение сюда такого элемента, как действие, т. е. акт деятельности осуществляется через действие. И с этой точки зрения представляется неточным понимание самого действия у некоторых авторов: «действие – кульминация преобразования предмета в соответствии с намеченной целью. Это наиболее напряженный момент, требующий средоточия интеллектуальных и физических сил человека, такое взаимодействие субъективного и объективного компонентов деятельности, которое детерминирует (причиняет) результат деятельности» [2]. На наш взгляд, действие – это акт, посредством которого решается всего лишь та или иная частная задача. Достижение конечной цели предполагает решение системы или совокупности подобного рода задач. В таком контексте социальная деятельность есть система социальных действий, направленных на достижение цели через реализацию соответствующих функциональных задач. Таким образом, социальное действие является необходимым и фундаментальным элементом социальной деятельности.

Практически все теории социального действия предполагают не столько объяснение действия, сколько овладение, управление действием.

Для нас же важно то, что в понятии социального действия отражается следующее:

- структура социальной реальности создается социальными действиями (М. Вебер). Следовательно, структура управляемой социальной реальности также во многом создается управляющими социальными действиями;

- понимание людьми друг друга возможно лишь на основе общих ценностей (Т. Парсонс). Следовательно, цели управляющих как ценности должны стать ценностями и целями управляемых;

- социальные действия могут рассматриваться как «приспособления», «желательное поведение» без угрозы каким-либо ценностям или возможностям партнера или, наоборот, они могут нести ему угрозу, являться дисфункцией в отношении целей партнера (Ф. Знанецкий). Отсюда управляющие должны это учитывать и адекватно действовать.

Таким образом, можно сказать, что понятие социального действия по своему содержанию шире понятия социальной деятельности, но сама социальная деятельность не только не существует как таковая, вне системы социальных действий, она задается и структурируется ими. Поэтому совершенствование социальной деятельности, повышение ее эффективности и ее оптимизация зависят от качества, смысла, направленности и эффективности осуществляемых социальных действий.

В силу своей новизны социальная эффективность деятельности требует серьезной терминологической проработки, что предполагает последовательный анализ всех входящих в нее понятий. И начать здесь необходимо с ключевого термина, несущего смыслоопределяющую нагрузку изучаемого понятия. В качестве такого, как нам представляется, следует принять термин «эффект».

Понятие «эффект» (от лат. effectus – исполнение, действие, и от efficio – действую, исполняю) в современной жизни охватывает весьма широкий спектр значений. Во-первых, под эффектом понимается результат, следствие каких-либо причин, действий (например, эффект лечения). Во-вторых, под эффектом понимается сильное впечатление, произведенное кем-либо, чем-либо, а также средство, прием, с помощью которых нужно произвести впечатление, удивить или создать иллюзию чего-либо (например, световые, шумовые эффекты в театре). В-третьих, эффект имеет значение физического явления, например фотоэффект [3].

Далее речь пойдет об эффективности (в смысле действенности) как производной от понятия «эффект» в первом значении, а не об эффектности («производящий впечатление», «привлека-

ющий внимание») – производной от понятия «эффект» во втором его значении.

Также надо отметить и то, что смысловая наполненность понятия «эффект» зависит от отрасли, применительно к которой оно употребляется. Чаще всего этот термин используется в экономике и в управлении. Так, в экономике «эффект» выражается в соотношении результатов деятельности хозяйствующего субъекта к произведенным для их получения затратам; причем эффект может быть как положительным (прибыль), так и отрицательным (убыток) [4]. Понимание управленческого «эффекта» несколько сопрягается с определением экономического эффекта в том, что он, эффект, сводится к измерению затрат ресурсов и полученных результатов, причем главным образом в экономических параметрах; в то же время основным отличием является то, что в управлении «эффект» в первую очередь понимается как идеология менеджмента (бизнеса) [5]. Вместе с тем физический смысл эффекта можно свести к тому, что чем больше преобладают результаты над затратами, тем выше считается эффект и лишь наличие разницы между затратами и результатами позволяет обозначить ее в качестве эффекта.

Немаловажным является определение и социального эффекта, который в разных источниках понимается как «формирование и удовлетворение духовных потребностей человека», «гармоничное развитие личности», «благо общества или отдельных групп населения», а также в таком широком понимании, как «степень удовлетворенности населения качеством жизни». В данной статье *социальный эффект* будет использоваться в смысле *соотношения степени доступности информации и возможности ее результативного использования*.

Серьезной проблемой изучения социальных и экономических эффектов является сложность в их четком разграничении: «экономические и социальные результаты (эффекты) прогресса внутренне однокачественны, взаимообусловлены. В этом смысле экономический результат всегда социально значим, а любые “чисто” социальные процессы проявляются через экономический эффект» [6]. Кроме того, «социальные отношения являются одновременно и экономическими, и политическими, и духовными... диалектика соотношения социальных процессов с экономическими, политическими и духовными не может быть выражена ни как отношение общего и отдельного, ни на основе признания социального рядоположенным с экономическим, политическим, духовным...», решение этого вопроса «должно базироваться на понимании диалектической связи между социальными отношениями в целом, социальной политикой и политикой вообще... Со-

циальные отношения являются аспектом, стороной и притом важнейшей, всей системы общественных отношений» [7]. На основе сказанного можно говорить о том, что при анализе социальной эффективности необходимо отдавать себе отчет в относительности и определенной некорректности выделения «чисто» социальных эффектов.

Таким образом, можно прийти к определению *«эффекта» как достигаемого результата в его материальном, денежном либо социальном выражении*. Вместе с тем нельзя полностью отождествлять результат и эффект. В первом случае мы имеем дело с достигнутой, материализованной целью, во втором – с определенном роде последствиями деятельности. Кроме того, результат (при условии изначально четко поставленных целей) всегда измеряем, в то время как эффект как таковой измерить практически невозможно. Именно поэтому и возникают трудности при попытке оценки социального результата: «Основная методологическая трудность количественной оценки социальных результатов заключается в том, что они, в отличие от экономических результатов, зачастую не поддаются оценке по какому-то единому критерию, позволяющему сравнивать между собой качественно различные варианты при соизмерении результатов с затратами» [8]. В качестве возможных путей решения этой задачи может быть использован нормативный метод: «максимизация эффекта при фиксированных затратах, минимизация затрат при заданных социальных целях, оценка экономии времени населением при пользовании сферой бытовых услуг, оценка экономического эффекта, сопутствующая достигнутому социальному результату и т. д.» [9]. Очевидно, что, говоря здесь о результатах деятельности, авторы подразумевают все же ее эффекты. Таким образом, при изучении и оценке деятельности в социальной сфере предпочтительнее говорить не о ее результатах, а о ее эффектах и, соответственно, не о ее результативности, а о социальной эффективности.

Возвращаясь к изучению непосредственно социального эффекта, нужно говорить в первую очередь о том, что его не всегда можно установить достаточно точно, во многих случаях он прогнозируется как тенденция к изменению, которая зачастую не поддается точному измерению. Социальный эффект проявляется не сразу и не так заметно на первых порах, нет методики прогнозирования социального эффекта [10]. Одно только то, что одних и тех же социальных эффектов при равных начальных условиях можно добиться за различные периоды времени, будет говорить о различной социальной эффективности мероприятий, направленных на достижение

этих эффектов. Именно поэтому утверждение, что «можно говорить о социальной эффективности в целом как о социальном результате, возникающем под воздействием прогрессивного развития общества» [11], представляется не совсем корректным, что еще раз подтверждает наш тезис о терминологических различиях: эффект – результат, эффективность – результативность.

Дело в том, что само понятие «эффективность деятельности» зачастую ошибочно считают обозначением любой деятельности как производительной, продуктивной, результативной; эффективность определяется рациональностью деятельности, тем, насколько ее результат совпадает с желаемой целью и объемом затрат (финансовых, временных и т. д.), т. е. эффектом.

Думается, что такое смещение терминов во многом объясняется изначально «экономической природой» понятия эффективности, так как исторически первой сферой использования и разработки данного понятия была именно экономика, где эффективность понимается как «результативность производства, соотношение между результатами и затратами хозяйственной деятельности» [12], «относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение» [13]. Важнейшими показателями экономической эффективности являются в узком смысле – производительность труда; в широком (в масштабах общества) – доля национального дохода в валовом внутреннем продукте и валовом национальном продукте. Соответственно, экономическая эффективность как конечный результат хозяйственной деятельности может характеризоваться стоимостными или натуральными показателями.

Задача определения экономической эффективности – одна из древнейших. Однако очевидно, что понятие «эффективность» здесь в значительной степени совпадает с понятием экономичности, с достижением высоких результатов при наименьших затратах.

В частности, итальянский экономист и социолог Вильфредо Парето в рамках своей экономической концепции сформулировал понятие Парето-эффективности. Так, состояние экономики называется Парето-эффективным, если невозможно изменить производство и распределение таким образом, чтобы благосостояние одного или нескольких субъектов увеличилось без уменьшения благосостояния других. В свою очередь, состояние экономики называется Парето-эффективным *в распределении благ между потребителями*, если невозможно перераспределить блага таким образом, чтобы благосостояние хотя бы одного из потребителей увеличилось без умень-

шения благосостояния других. Состояние экономики называют Парето-эффективным *в производстве*, если невозможно увеличить производство одного или нескольких продуктов, не сокращая производства других. Наконец, *структура выпуска благ* является Парето-эффективной, если невозможно увеличить благосостояние хотя бы одного индивида, не уменьшая благосостояния других, путем изменения структуры (комбинации) выпускаемых благ.

Для более детального изучения Парето-эффективности ее целесообразно расчленить на ряд составляющих, или, иначе говоря, установить необходимые условия (признаки) Парето-эффективного состояния экономики: эффективность в распределении благ между потребителями (эффективность в обмене), эффективность в производстве и эффективность в структуре выпуска продукции [14]. Самое важное, что все эти признаки наличествуют в условиях совершенной конкуренции, причем не только для двух потребителей или двух предприятий, но и для сколь угодно большого их числа.

Таким образом, можно говорить, что, во-первых, Парето защищает режим частной собственности и конкуренции, приводя в качестве довода его эффективность. Конкуренция в определенной степени является формой отбора. Парето проводит аналогию борьбы за выживание животного мира с социальным дарвинизмом экономической конкуренции и социальной борьбы. Экономическая конкуренция, которую марксисты называют капиталистической анархией, – это в действительности одна из форм естественного отбора, относительно благоприятная для экономического прогресса [15]. Также здесь необходимо отметить, что эффективность теряет смысл без конкуренции. А во-вторых, Парето предложил свой способ оценивать общую эффективность: если улучшение положения одного не приводит к ухудшению другого, то в целом процесс эффективен.

К сожалению, определение Парето-эффективности не нашло отражения в социологических концепциях ученого. Но нельзя не отметить того, что Парето все же коснулся социальной эффективности в рамках концепции идеологии и психологического редукционизма.

Парето считал, что достойны внимания социолога лишь те чувства, которые проявляются в определенном роде действиях, что дает возможность строго их классифицировать. Они неизменны, постоянны и потому являются теми элементами социальной системы, которые «детерминируют социальное равновесие». Парето назвал их «остатками» («осадками»), желая подчеркнуть их устойчивость, способность «оставаться» после того, как из социального действия

вычтены все рациональные соображения [16]. Вторичный, производный от чувств характер носят «деривации», к которым ученый относил идеологические концепции, верования, теории и делил их на четыре класса [17].

Первый класс – это «простые уверения», формула которых: «это так, потому что так» или «надо, потому что надо».

Второй класс «производных» содержит в себе аргументы и рассуждения, опирающиеся на авторитет (личности, традиции, обычая), который делает их эффективными независимо от их логической ценности.

В третьем классе «производных» «доказательство» основано на апелляции к каким-нибудь чувствам, индивидуальным или коллективным интересам, юридическим принципам (Право, Справедливость), метафизическим сущностям (Солидарность, Прогресс, Демократия, Гуманность) или воле сверхъестественных существ.

Четвертый класс «производных» черпает силу убеждения в «вербальных доказательствах», т. е. таких, которые основаны на «использовании терминов с неопределенным, сомнительным, двойственным смыслом и не согласуются с реальностью» [18].

Анализируя предложенные классы «дериваций», можно говорить о том, что в трактовке Парето они выполняют две противоположные функции по отношению к определенным «осадкам» и соответствующим им «чувствам»: во-первых, они обнаруживают и выражают эти «осадки» и «чувства», во-вторых, они их скрывают, камуфлируют. В зависимости от ситуации на первый план может выступать либо одна, либо другая функция [19].

Также нужно отметить и то, что отношение Парето как социолога к «производным» двойственно. С одной стороны, он постоянно критикует, разоблачает их, иронизирует над ними, демонстрируя их несостоятельность с логико-экспериментальной точки зрения. С другой стороны, он подчеркивает, что иными они и не могут и не должны быть, так как именно их нелогичность и определяет в значительной мере их социальную эффективность. Иными словами, именно такого рода эмоциональные факторы часто гораздо эффективнее, чем логическая аргументация, побуждают человека к активным действиям.

Сейчас понятие эффективности широко употребляется в различных сферах разделения труда. Например, общая эффективность коммерческой деятельности определяется как разница между реализованной в ходе трейда прибылью и потенциально возможной прибылью за время этого же трейда. Этот показатель демонстрирует, насколько хорошо трейд использовал имевшееся

движение [20]. Эффективность управления персоналом определяется степенью реализации общих целей проекта. Эффективность использования каждого отдельного члена команды зависит от его способности выполнять требуемые функции и мотивации, с которой эти функции выполняются [21]. Эффективным также можно назвать какой-либо контрольный тест, который лучше, чем другие тесты, измеряет знания испытуемых интересующего уровня подготовленности, с меньшим числом заданий, качественнее, быстрее, дешевле, и все это – по возможности, в комплексе и т. д.

Таким образом, можно говорить о том, что категория *эффективности* и соответствующие критерии ее оценки обстоятельно разработаны как в экономической науке, так и в современном менеджменте (применительно к управлению организацией (фирмой) в условиях рыночной конкуренции). Очевидно, что в целом для любого проекта (экономического или управленческого) эффективность выражается отношением полученного результата к произведенным затратам. А так как определить затраты, вызвавшие социальный эффект, очень трудно и зачастую невозможно, то сам итог, результат рассматривается как эффективность и, соответственно, полной экстраполяции признаков понятий экономической или управленческой эффективности, а тем более социальной, быть не может. Кроме того, изучение социальной эффективности осложняется самой социальной природой этой эффективности, поскольку, согласно справедливому замечанию М. Н. Андрющенко, «оценка человеческого фактора, его эффективности не поддается сколько-нибудь адекватному количественному выражению» [22]. Вместе с тем нельзя не согласиться с известным французским ученым Р. Ароном в том, что «многие из мер, которые можно осудить с сугубо экономической точки зрения, могут косвенно, с помощью социологических механизмов, дать благоприятный результат» [23].

Таким образом, мы можем говорить о достаточном расширении сферы приложения понятия эффективности, для того чтобы возникла объективная необходимость в обобщении его содержания. Так, по мнению М. Н. Андрющенко, «практика использования понятия «эффективность» показывает, что эффективность выступает мерой возможности, но не любой, а той, которая выражает цель человека, реализует его идею, т. е. эффективность есть мера возможности с точки зрения ее близости к наиболее целесообразному, необходимому (нужному) человеку результату. Здесь речь идет о близости к цели в ее оптимальном выражении» [24]. Следовательно, эффективность есть количественная харак-

теристика отношения цели и теоретической возможности, теоретической возможности и нормы ее материализации, цели и материализации ее конструктивного решения.

Таким образом, под социальной эффективностью деятельности подразумевается мера ее успешности, или, иными словами, степень ее приближенности к достижению цели через систему разумных, обоснованных и целесообразных социальных действий.

Соответственно, очевидной является системная природа социальной эффективности деятельности, в связи с чем требуется серьезная и максимально подробная операционализация этого понятия применительно к целям и задачам какого-либо конкретного исследования. Весьма важной задачей становится вычленение всех основных составляющих этого понятия и их последующее детальное изучение с целью равномерного изменения для повышения социальной эффективности деятельности. Наиболее распространенной ошибкой многих исследователей является изучение и последующее изменение лишь одного показателя, что зачастую приводит к снижению социальной эффективности деятельности как результату недоучета остальных показателей. Таким образом, оценка социальной эффективности требует целостного, системного подхода к объекту изучения, учета достоинств и недостатков наибольшего числа факторов, что позволит достичь максимального выигрыша при минимальном проигрыше.

Примечания

1. *Бережной Н. М.* Человек и его потребности. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та сервиса, 2000. С. 17–19.
2. Там же. С. 19.
3. См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Политиздат, 1989.
4. Экономический словарь. М., 2008. Режим доступа: <http://abc.informbureau.com/>
5. *Атаманчук Г.* Социальная эффективность государственного управления и ее виды // *Власть*. 2006. № 10.
6. *Черкасов Г. Н.* Социальная эффективность: сущность и критерии // *СОЦИС*. 1978. № 1. С. 43.
7. *Руткевич М. Н.* Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980. С. 206.
8. *Вайнштейн Б.* Об оценке социальных результатов научно-технического прогресса // *Вопросы экономики*. 1974. № 2. С. 91.
9. Там же. С. 94.
10. *Эпштейн Л.* О социальном эффекте мероприятий НОТ // *Социалистический труд*. 1971. № 9. С. 70–71.
11. *Озобин М. Н., Павлов А. С.* Количественное планирование научно-технического прогресса. М., 1975. С. 160.
12. Современная энциклопедия // *Словари и энциклопедии On-line*. М., 2008. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>
13. Экономический словарь. М., 2008. Режим доступа: <http://abc.informbureau.com/>

14. *Гальперин В. М., Игнатъев С. М., Моргунов В. И.* Микроэкономика: в 3 т. Т. 1. СПб.: Омега-А., 2008. С. 234.

15. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Политика», 1992. С. 589.

16. История буржуазной социологии XIX – начала XX века / отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1979. С. 317.

17. Там же. С. 319.

18. Цит. по: *Гуфман А. Б.* Семь лекций по истории социологии: учеб. пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 2001. С. 192–196.

19. Там же. С. 192–196.

20. *Мазур И. И., Ольдерогге Н. Г., Шатице В. Д.* Управление проектами: учеб. пособие для студентов. М.: Омега-А., 2006. С. 555–557; *Мазур И. И., Ольдерогге Н. Г., Шатице В. Д.* Эффективный менеджмент: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. С. 154.

21. Там же.

22. *Андрющенко М. Н.* Понятие эффективности и его философский смысл // Уч. зап. каф. обществ. наук вузов г. Ленинграда. 1971. Вып. 12. С. 44.

23. *Арон Р.* Указ. соч. С. 589.

24. *Андрющенко М. Н.* Указ. соч. С. 45–46.

УДК 165

Н. Н. Полуян

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ФОРМАХ

В статье рассматриваются основные положения теории социальной причинности Александра Богданова, русского философа начала XX в., в том числе с точки зрения их связи с идеями социальной философии марксизма.

In clause ideas of the theory of social causality of Alexander Bogdanov, the Russian philosopher of XX century, and communication of these ideas with social philosophy of Marxism are considered.

Ключевые слова: причинность, мировоззрение, объективно-мыслительная форма, наука, общество, сознание.

Keywords: causality, conception of the world, objective mental form, science, society, conscience.

Согласно официальной, широко распространенной точке зрения, берущей свое начало со времен ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», Александр Богданов и еще целый ряд русских философов рубежа XIX–XX вв. принадлежат к так называемым «русским махистам», или, говоря другими словами, к последователям идей Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса – основоположников направления эмпириокритицизма в науке и философии. В то же время сегодня высказывается и иная версия по данному вопросу.

© Полуян Н. Н., 2009

Сошлемся, в частности, на мнение академика В. С. Степина, который указывает на то, что большинство идей «русских махистов» – А. А. Богданова, В. А. Базарова, П. С. Юшкевича, Н. В. Валентинова и других нельзя отнести к эмпириокритицизму. Он пишет: «Те, кого вслед за Лениным называют “русскими эмпириокритиками”, “махистами”, развивали идеи Маркса. В этом отношении более правильно их именовать марксистами» [1]. Это звучит тем более убедительно еще и потому, что сами указанные выше представители русской философской мысли считали себя именно марксистами, о чем неоднократно упоминают в своих работах.

Мы можем сказать, что развиваемые ими идеи были нацелены на применение в теории познания, в частности, и в науке, в целом, одного из основных принципов теории Маркса, согласно которому объект дан познающему субъекту не в форме «созерцания», а в форме «практики» [2]. Конечно, мы не в праве называть исследовательскую программу «русских эмпириокритиков» чистым марксизмом, это было бы не совсем верно. Скорее ее можно определить как одну из его форм. Мы хотим сказать, что эта программа ставила своей целью развить марксистский подход с учетом достижений науки конца XIX – начала XX в. и найти ответ на те методологические проблемы науки, которые обсуждал эмпириокритицизм.

В связи со всем сказанным выше не удивительно, что А. Богданов, развивая свою теорию о видах социальной причинности, которая главным образом и будет нами в дальнейшем рассматриваться, ссылаясь на высказывание Маркса об объективно-мыслительных формах. Именно Маркс, пусть мимоходом, но вполне определенно сформулировал интересующую нас мысль по проблеме объективности знания. Мы имеем в виду положение о том, что объективность имеет не абсолютное, а социально-практическое значение.

По словам Богданова, в первый раз Маркс указывает на это еще в тезисах к Фейербаху, где предлагает понимать действительность, объективный мир как человеческую практику, и притом социальную (общественную). Однако в своей работе «Философия живого опыта» Богданов приводит другую цитату, уже из «Капитала». Вот она: «Это общественно значимые, следовательно – объективные формы мышления для данного, исторически определенного способа производства, именно – товарного» [3]. Данное положение взято из первой главы «Капитала», там, где Маркс раскрывает и объясняет товарный фетишизм, свойственный меновому обществу. Пр процитируем точно место в «Капитале», которое имеет в виду Богданов:

«Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономики. Это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства – товарного производства. Поэтому весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, – все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства» [4].

Речь идет о способе мышления, который представляет отношения людей, разделение труда между ними в виде отношений между вещами-товарами, а именно, их «стоимостей», то есть способности к обмену. Если мы продолжим чтение «Капитала», то увидим, что далее Маркс прибавляет: «...весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, – все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства» [5].

Можно предположить, что под другими формами производства Маркс подразумевает древнюю общинную организацию труда и «будущее» социалистическое общество на началах общественной собственности. Получается: то, что выступает общественно значимым, т. е. объективным, при одних социальных условиях, перестает быть таковым при других социальных условиях.

Мы можем сказать, что А. Богданов, разрабатывая свою теорию об особых формах причинности, в контексте которой он цитирует слова Маркса об объективных мыслительных формах [6], продолжает то направление, которое Маркс не мог исследовать в экономической работе.

Что же включает в себе понятие «объективная мыслительная форма»? Очевидно, речь идет об особенностях мировоззрения, т. е. особого способа восприятия мира, окружающей действительности, присущем обществу на определенной ступени развития. И если Маркс затрагивает в этом контексте лишь «меновое общество», то Богданов подробно анализирует *три* этапа эволюции общественных отношений, из которых меновое, рыночное, общество лишь является одним из них.

Следуя Богданову, который в свою очередь опирается на Маркса, можно говорить о нераздельности общественных форм, или социальных отношений, с одной стороны, и соответствующих форм сознания, как именно определенных объективно-мыслительных способах восприятия действительности – с другой. То есть социальность мы не можем рассматривать изолирован-

но, вне связи с формами сознания, и наоборот. Это выражается и в частности положением Богданова о «тождественности» общественного сознания и общественного бытия, которое он формулирует в статье «Развитие жизни в природе и в обществе». За это положение он, кстати, и был подвергнут жесткой критике со стороны автора «Материализма и эмпириокритицизма» [7].

Таким образом, мы выяснили, что речь пойдет о мировоззрении. Всякое мировоззрение имеет некий центральный момент, главную характеристику, которая составляет его отличие от других мировоззрений. Таким центральным моментом, по Богданову, является особая форма причинной связи, о которой он пишет в работе «Философия живого опыта» так: «На различных этапах общественного мышления причинность явлений понимается людьми весьма различно» [8].

Он объясняет происхождение связи причина-следствие следующим образом: «Человек первоначально нашел ее готовую в своей социальной среде» [9]. То есть, говоря другими словами, причинная связь в качестве теоретического осмысления фактов не была выдумана людьми, они могли взять ее только в уже имеющемся виде и применить к своему непосредственному жизненному опыту. Но взять не из природы, не из опыта восприятия явлений окружающего мира, известно, что опыт дает только представление о смене явлений в пространстве и во времени, например день-ночь, зима-лето, но не знание, почему происходит именно так, а не иначе. Причинная связь представляет нечто более глубокое и содержательное, чем хронологическая последовательность явлений. Она привносит в опыт необходимость и всеобщность (вспомним Канта).

Богданов обращается к анализу отношений внутри человеческого коллектива, а именно, к отношениям в родовой общине.

Он пишет так: «По мере того как производство общины расширялось и усложнялось, распределение работ между ее членами становилось все более трудной задачей. Оно уже не могло выполняться всей общиной непосредственно и стихийно, как прежде, а должно было мало-помалу выделиться как специальность особого распорядителя, организатора; таковым являлся большей частью старейший в роде, человек наибольшего опыта. Он указывал другим, что они должны делать, и они исполняли его указания... Родовое общество стало «авторитарным», то есть построенным на власти и подчинении» [10].

Данное описание представляет особый способ связи между двумя актами трудового процесса – организаторским и исполнительским. Выражение властной воли одного влекло за собой строго соответствующее действие другого, то есть первое являлось причиной, второе – след-

ствием. И между ними существовала не простая последовательность во времени, а «внутренняя», закономерная связь: «социальная причинность».

Подобного рода отношения организатор – исполнитель и были перенесены в качестве особой мыслительной формы на весь «опыт», на все явления не только внутри человеческого коллектива, но и во внешней природе. «Находя постоянную связь между процессами природы, человек неизбежно “объяснял” ее себе таким образом, что представлял ее как соотношение между актом властной воли и актом исполнения» [11], – пишет Богданов. Так, по его мнению, возникает первичная, авторитарная форма причинности. Именно она формирует первые мировоззрения, которые отличались «анимистическим» и «религиозным» характером.

Используя сложившийся тип причинной связи в виде своеобразного шаблона, «примитивное мышление» приходит к «удвоению» и самого человека: как организатор он называется «душа», как исполнитель – «тело». Так как в действительности то и другое представляло лишь одного индивида, то вполне понятно, что на первых порах «душа» была простым повторением «тела» со всеми его физическими и биологическими свойствами. Известно, что различия между ними со стороны их «природы» развиваются значительно позднее. Тем же способом происходит «удвоение» в природе: животных, птиц, растений и прочих явлений и вещей. Все они получают собственные «души», являющиеся точными повторениями их «тел». А это и есть универсальный анимизм, который до сих пор свойственен некоторым «диким» племенам. По мнению Богданова, именно анимизм являлся началом всех «дуалистических» мировоззрений, которые в природе видят две сущности: духовную и телесную, «активно-организаторскую» и «пассивно-подчиненную», используя терминологию автора. При этом развитие шло от самых «грубых» примитивных форм до «утонченных» философских. Здесь Богданов указывает на учение о двух независимых друг от друга – телесной и мыслительной – субстанциях Рене Декарта.

Что касается религиозного характера рассматриваемого миропонимания, то он, по Богданову, возникает в результате своеобразного процесса, который он называет «накоплением авторитета» и в основе которого лежит «общинная традиция». Автор имеет в виду не что иное, как культ предков в виде целого ряда поднимающихся один над другим авторитетов, вырастающий в сознании общины до гигантских, сверхчеловеческих размеров. Так возникают, к примеру, образы «героев» и «богов» у древних греков.

То есть мы, вслед за Богдановым, можем утверждать, что культ предков – «организаторо-

ров» – положил начало всем религиозным системам. С другой стороны, тот же культ предков, как логично будет предположить, развивает до соответствующей силы те чувства, о которых пишет автор: покорность, преклонение, слепую веру и прочие религиозные эмоции. «Если религиозное мышление имеет в своей основе авторитет и традицию, то затем оно естественным образом становится опорой того и другого» [12]. Действительно, данный процесс мы можем наблюдать во всех религиях, он составляет сущность религиозного миропонимания, причем «авторитет» всегда тяготеет к охране «традиции», и поэтому он всегда консервативен.

Итак, до появления науки и философии, согласно точке зрения Богданова, развитие авторитарного сотрудничества впервые дает людям определенную модель, или «схему постоянной связи явлений». Вслед за процессами социальной активности, где акт организаторский необходимо влечет за собой акт исполнения, по той же схеме люди начинают представлять всякую устойчивую последовательность фактов в природе и в самих себе. Это и есть то, что Богданов называет авторитарной формой причинности.

Таким образом, данная форма причинности, или, если использовать выражение Маркса – исторически первая объективно мыслительная форма, явилась первым способом миропонимания, общезначимой объективной формой мышления. «Религиозное мышление охватывает весь опыт людей, пока авторитарная связь охватывает всю их общественно-трудовую жизнь. В это время нет еще ни науки, ни философии; всякое знание, всякая мысль подчинены религиозной логике, входят, как элементы, в религиозное мировоззрение», – пишет Богданов [13].

Постепенное же обособление научно-философской мысли от религиозной происходит благодаря новым общественным условиям, а вместе с ними и новому пониманию причинной связи явлений, глубоко отличающемуся от первичной, авторитарной формы причинности. Как пишет Богданов, гораздо более «отвлеченное» понимание причинности зародилось еще при авторитарном быте. По его мнению, начало его лежит в так называемых «меновых» отношениях, которые, как известно, дали толчок и к обособлению светского, нерелигиозного мышления в целом. Эту вторую форму причинной связи явлений автор называет «отвлеченной необходимостью» и характеризует следующим образом:

«На рынке экономическая необходимость стихийно и властно определяет результаты действий человека. Но она же обусловила и самые эти действия, – привела человека на рынок. Он – товаропроизводитель ...необходимо должен идти на рынок продавать товар и покупать орудия..,

чтоб продолжить производство... Итак, в меновых отношениях экономическая необходимость, внешняя для человека и ему чуждая, определяет и его поступки, и объективные следствия этих поступков. В чем она состоит, откуда происходит, – это для него остается неизвестным... Значит, власть социальных отношений, которая над ним тяготеет, не может быть им понята как живая экономическая связь людей и представляется ему как необходимость, – и только: пустая голая отвлеченная необходимость, без всякого конкретного социального содержания. Такой является для товаропроизводителя экономическая причинность» [14].

Для более полного понимания характера новой причинной связи попробуем сравнить ее с прежней авторитарной причинностью в обществе. Если властитель – «организатор» (царь, патриарх, рабовладелец) говорит своему подчиненному – «исполнителю»: сделай то-то и то-то, и последний повинует, то здесь мы имеем простое соотношение: приказ – причина, исполнение – следствие. Причина и следствие неразрывно связаны в данной общественной организации, то есть причина прямо и безусловно определяет свое следствие. При торге же на рынке мы не видим ни властности, ни подчиненности. Все зависит от «конъюнктуры» рынка. И продавец, и покупатель «подчиняются» цене, существующей в данный момент на рынке, причем находят ее «готовой», независимой от своей воли. А это, собственно и есть та экономическая «необходимость» рынка, о которой пишет Богданов. По его мнению, она стоит и над причиной, и над следствием или, как он говорит, «связывает их, как невидимая, но непреодолимая закономерность» [15]. И далее: «Ее (экономическую необходимость. – Н. П.) нельзя отождествить с той или иной вещью, с тем или иным явлением, нельзя сказать: “вот она здесь” или “вот она там”; она всюду скрывается за ними, но не сливается с ними так, как власть организатора сливается с его личностью; она есть отвлеченная необходимость, а не конкретная связь сотрудничества в авторитарной общине» [16].

Подобно первой форме причинности, вторая также распространяется на все другие сферы жизнедеятельности, и как готовая модель применяется к соотношениям вещей и процессов природы. Так как ранее мы уже установили взаимную зависимость между способом мышления и социальной связью, то вполне возможно увидеть, что между двумя схемами различие состоит не только в самом значении, которое дается здесь и там связи событий. Дело в том, что в авторитарном понимании связи цепь причин всегда имеет определенное начало. Богданов пишет: «Как бы ни удлинялась цепь авторитарных при-

чин, она неизбежно приводит к начальному звену в образе какого-нибудь личного произвола, творческого или разрушительного, но представляющего безапелляционную власть» [17].

И действительно, если мы обратимся к области религии, то найдем неоспоримым тот факт, что история мира во всех развитых религиозных системах начинается с творящей его первопричины, для которой искать дальнейших причин не только бесполезно, но даже безумно. Однако к отвлеченной причинности – необходимости такое ограничение не относится, потому что она связана с совершенно другими социальными отношениями. Богданов говорит об этом так: экономическая необходимость «не дает пункта остановки для человеческой мысли, не приучает ее успокаиваться в исканиях на каком-либо личном произволе» [18]. Он имеет в виду, с одной стороны, то, что меновые связи могут разворачиваться без конца, они не тяготеют ни к какому конечному звену. Скрытая в них экономическая необходимость никому не подчиняется. А с другой стороны, не может также быть предела исследованию, в том числе и научному.

Кроме того, нужно иметь в виду тот факт, что между двумя типами причинности в истории развития резкой границы не было, то есть один постепенно переходил в другой через промежуточные смешанные формы. Например, у древних греков самая «необходимость», которую они называли Мойрой, представляла не просто безличной связью событий, а суровым, сильным божеством с неясными чертами. А в деизме XVII–XIX вв., наоборот, божество, создавшее природу с ее законами, настолько обезличено и лишено всякой определенности, что его трудно уже отличить от «отвлеченной необходимости».

Подведем итог вышесказанному. В соответствии с мыслью Богданова, религиозное мировоззрение охватывало весь опыт людей, пока вся жизнь их лежала в рамках авторитарной традиции. Но когда меновые связи различных народов стали заметно расширять их «опыт» и выводить за пределы этой традиции (например, греки заимствовали у египтян знания в области геометрии), тогда наряду с религиозной «системой опыта» стала зарождаться «светская». Со временем эта последняя принимает формы разных наук и философии. Расхождение этих двух систем, форм мышления усилилось благодаря выработке новой формы причинности – «отвлеченной необходимости».

В качестве подтверждения теории Богданова, которую мы пытались более или менее четко изложить, хотелось бы привести ряд ссылок на работу философа А. С. Арсеньева, который писал спустя более полувека после опубликования богдановских работ. В статье под названием

«Наука и человек» Арсеньев оспаривает обычный взгляд на развитие науки в виде схемы: античность как начало развития науки; европейское средневековье – застой; эпоха Возрождения – пробуждение интереса к науке; новое время – ее победоносное шествие, продолжающееся и в наше время. Понятно, что данная схема рассматривает науку как непрерывный процесс накопления знаний. Автор же видит ее недостаток в отсутствии историчности.

Он пишет: «Способ мышления каждой эпохи не берется здесь как исторически эволюционирующее, своеобразное целое. Ныне господствующая научная форма мышления, взятая некритически (или неисторически, что одно и то же), делается абсолютным основанием и мерой для суждения о прошедших эпохах и предположения о будущих» [19]. И далее: «Наука, будучи саморазвивающейся, органической системой, не могла возникнуть из элементов или частей (как, например, здание из кирпичей). Подобным образом возникают только так называемые механические системы. Она должна была родиться как целое, сначала еще недостаточно определенное и дифференцированное» [20]. Чем же было, по мнению автора, детерминировано возникновение «ныне господствующей научной формы мышления», рассматривающей все явления через сетку причинно-следственных отношений?

«Нам представляется, – пишет он, – что таким всеобщим результатом, определившим преобразование общественного процесса познания в ту его форму, которую мы называем научным познанием и, соответственно, научным мышлением, было возникновение мира вещных отношений как самостоятельного, независимого от человека и даже господствующего над ним» [21]. В своих выводах Арсеньев ориентируется на Маркса, который описывает процесс развития товарного производства, в результате которого человеческая деятельность и человеческий мир предстают как мир вещей, где «вещи» находятся в самостоятельных, объективных, «вещных» отношениях. Дальнейшая логика рассуждений Арсеньева выглядит следующим образом. Когда собственная деятельность человека явилась ему как деятельность вещная, тогда и вещный мир в его сознании отделился от мира духовного как самостоятельный. Тогда же становится возможным и необходимым эксперимент как средство исследования отношений между вещами самими по себе, и естествознание постепенно приобретает форму науки.

Таким образом, согласно Арсеньеву, современная наука, рассматривающая мир через призму вещных отношений, принадлежит исторически определенному этапу развития человечества. За его пределами развитие теоретического зна-

ния необязательно должно принимать форму особой общественной системы, общественного института, профессиональной области деятельности и т. д., то есть не обладать теми характеристиками, которые определяют современную науку как особый феномен.

В свою очередь, эти характеристики связаны с определенной формой мышления, формой знания о вещах. Арсеньев пишет в заключении: «Важно... отличать исторически определенную, переходящую форму производства теоретического знания, называемую современной наукой (или наукой нового времени), от качественно иных форм, свойственных другим эпохам, входящих в другие системы культуры» [22]. То есть мышление (в том числе и научное), мировоззрение, формы восприятия мира, или «духовное производство» каждой эпохи обладает полнотой как качественно своеобразная неповторимая историческая система.

На наш взгляд, здесь можно увидеть очевидный параллелизм с теорией социальной причинности Александра Богданова.

Завершая наше отступление, хотелось бы обратить внимание еще на один важный момент. Арсеньев в своей работе упоминает и о «науке будущего», которая должна будет представлять иную форму знания по сравнению с той, которую мы называем современной наукой. Он не приводит, конечно же, каких-либо детальных ее характеристик, указывая лишь, что она существенным образом будет отличаться от современной науки и по своему предмету, по своей внутренней логической структуре, по своей общественной организации и т. д. Вслед за Марксом он называет ее «единой всеобщей наукой», которая «поглотит все»: естествознание, общественные науки и философию. Мы можем предположить, что именно такую науку имел в виду и Богданов, разрабатывая принципы своей Всеобщей науки об организации, или Тектологии.

Ранее мы выяснили, что, как считает Богданов, полной самостоятельности новое миропонимание может достигнуть только тогда, когда сложилась и отчетливо выяснилась новая форма причинной связи, ему свойственная, так как именно причинность является основным принципом, «организующим началом» любой системы мышления. Мы вслед за автором уже охарактеризовали две формы причинной связи.

Что касается третьей формы, то здесь Богданов, в силу того что речь должна необходимо идти о неблизких будущих перспективах, мог лишь делать предположения.

Отправным пунктом новой социальной организации, а следовательно, и нового типа мышления, он называет машинное производство. Сущность машинной техники он видит в «системати-

ческом и планомерном превращении сил», или в превращении энергии. В зависимости от выбранного человеком способа «силы природы» могут стать для него источниками «производительной энергии», а также могут заменять и замещать друг друга. То есть практика машинного производства заключает в себе новую точку зрения. Богданов пишет: «... всякое явление, всякий процесс природы есть возможный... источник получения каких угодно других процессов. В этом состоит практическая связь явлений, практическое единство природы» [23]. И далее: «Перед нами новая модель причинности. Если A есть причина, B – следствие, то это значит, что A переходит в B таким же образом, как техническая энергия каменного угля или текущей воды переходит в работу машин, – вообще, как одна сила, применяемая в производстве, превращается в другую. ...В практике коллектива энергия не создается и не уничтожается, а только меняет свои формы. Отсюда еще одна черта новой причинной связи: причина равна следствию» [24].

Мы можем сделать вывод, что основные элементы третьей объективной мыслительной формы, которую Богданов называет «технической причинностью», заключаются в следующем. Во-первых, следствие получается из причины так же, как в производстве практический результат получается из затраченной на него энергии; во-вторых, следствие равно причине, как в производстве практические результаты исчерпывают затраченную на них энергию.

Получается, что помимо машинного производства еще одним основанием для новой формы причинности, по Богданову, явился закон сохранения энергии, однако только если рассматривать энергию как «практическое отношение общества к природе». Итак, третья форма причинной связи – «социально-техническая». Новая точка зрения, согласно которой всякое явление представляет для коллектива в его практике «технический источник» других явлений, складывается на основе машинного производства, принимаемого в качестве новой объяснительной модели. Это соотношение становится особым типом связи причин с их следствиями. Причина и следствие – одна и та же сумма энергии, то есть они равны.

В итоге в работах Богданова мы получаем развернутую историю смены форм причинной связи в человеческом мышлении, или основных объективно мыслительных форм, если воспользоваться терминологией Маркса.

В заключение Богданов пишет: «В настоящее время дело идет о том, чтобы сознательно и неуклонно, пользуясь идеей трудовой причинности, посредством нее построить целостное, ясное, научное миропонимание» [25].

Осмелимся предположить, что в силу своих возможностей данную задачу Богданов решает путем построения единой науки об организации, или тектологии. Дело в том, что он выделял два главных отрицательных явления, характерных для современной науки, – это чрезмерное нагромождение материала и разнородность приемов познания. Очевидно, что мы вполне можем их объединить и обозначить термином «научная специализация», которая годится для непрерывного «совершенствования в мелочах», но сильно затрудняет процесс в «основах», принципах науки. Поэтому основную задачу научного развития Богданов видел в планомерном стремлении к сближению, объединению различных наук, выработке единства познавательных методов. Говоря словами Богданова, необходимо такое единство, которое смогло бы дать «целостную, гармонически стройную организацию общественного опыта». Это станет возможным осуществить в рамках общей науки об организации, которая по существу имела бы статус универсальной. Эта «наука будущего» должна будет систематизировать все те способы и приемы организации, которые фактически применяются в обществе, в жизни, в природе.

Совершенно точно можно сказать, что эти характеристики в полной мере применимы к тектологии. Таким образом, Богданов, если отвлечься от его представлений о будущих путях развития человеческого общества, так как об этом речь сейчас не идет, выдвигает совершенно четко актуальную и реальную программу построения «всеобщей науки об организации». Примечательно, что только к концу XX в. «тектология» Богданова становится объектом детального изучения, в ходе которого выяснится, что ряд современных концепций – теорий катастроф, функциональных

систем, самоорганизующихся систем и т. д. можно представить как особые приложения тектологической концепции Богданова. А его самого можно по праву считать «пионером системологии» не только в России, но и в мире.

Примечания

1. *Степин В. С.* Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. С. 39.
2. См. первый и второй тезисы к Фейербаху К. Маркса.
3. Цит. по: *Богданов А. А.* Философия живого опыта. М., 1920. С. 223.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: 2-е изд. Т. 23. С. 86.
5. Там же.
6. Мы принимаем в качестве несущественного расхождение в формулировках между богдановской цитатой из Маркса – «объективные формы мышления» – и цитатой из Маркса по 23-му тому (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд.) об «объективных мыслительных формах» и в дальнейшем будем использовать вторую формулировку.
7. *Ленин В. И.* ПСС. Изд. 5. М., 1961. Т. 18. С. 342.
8. *Богданов А. А.* Философия живого опыта. С. 20.
9. Там же.
10. Там же. С. 20–21.
11. Там же. С. 21.
22. Там же. С. 25.
33. Там же. С. 31.
44. Там же. С. 38–39.
55. Там же. С. 39.
66. Там же. С. 39–40.
77. Там же. С. 41.
88. Там же. С. 42.
99. *Арсеньев А. С.* Наука и человек (Философский аспект) // Наука и нравственность. М., 1971. С. 123.
20. Там же. С. 124.
21. Там же. С. 128–129.
22. Там же. С. 149–150.
23. *Богданов А. А.* Указ. соч. С. 210.
24. Там же.
25. Там же. С. 214.

ИСТОРИЯ

УДК 930(73):94(470)

О. В. Рычкова

СССР В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются американские трактовки государственно-правовой системы СССР и личности Сталина, характеризуются интерпретации американских авторов советской идеологии и вооруженных сил СССР.

The article is devoted to the American approach to the interpretation of state-legal system of the USSR and the person of Stalin, Interpretations of the American authors of the Soviet ideology and armed forces of the USSR are characterized.

Ключевые слова: международные отношения, Вторая мировая войны, историография.

Keywords: the international relations, World War II, historiography.

Выход Красной Армии за пределы государственной границы СССР ознаменовал начало завершающего этапа Второй мировой войны. С 1944 г. начинается период оформления послевоенной судьбы всего мирового сообщества, в котором важнейшую, а во многих случаях определяющую роль играли СССР и США.

Указанный этап войны также традиционно рассматривается отечественными и зарубежными исследователями как период перехода к конфликтному противостоянию супердержав. Такая оценка присутствует в американской историографии. Отечественные историки, как правило, проявляют повышенный интерес к трактовкам американскими коллегами советской внешней политики. Восприятию американскими историками социально-политических характеристик советской системы, присутствующих в трудах по истории Второй мировой войны, уделялось гораздо меньше внимания.

Американская историческая литература, посвященная Советскому Союзу, имеет ряд существенных пробелов. Историки, как правило, лишь фиксируют ту или иную оценку советского режима, не подкрепляя используемые термины фактами. Так, по мнению М. Торнтон, даже в

1944–1945 гг. для американского руководства СССР был диктатурой под контролем Сталина с чистками, тайной полицией и ГУЛАГом [1]. Дж. Лукас называет сложившийся к концу войны политический режим в СССР «грубой коммунистической демократией» [2], а У. Лафебер – «диктатурой» [3]. Д. Данн характеризует советский режим как «тоталитарную власть Сталина», или «империю Сталина» [4]. С. Ачтон использует термин «советский тоталитаризм» [5]. Т. Бейли в работе «Америка смотрит на Россию» сделал весьма спорный (как показывают опросы общественного мнения) вывод о том, что на протяжении всей Второй мировой войны «большинство американцев расценивали фашизм как меньшее зло, в сравнении с коммунизмом, а фашистскую идеологию как менее опасную, чем коммунистическую». Свои оценки этот автор делает на основе анализа внутренней политики советской и нацистской систем: нацисты демонстрировали большее уважение к частной собственности, они не выступали за атеизм, не проповедовали мировую революцию и не создавали своего Коминтерна с целью разжигания противоречий [6].

М. Хант в работе «Идеология и американская внешняя политика» делит все государства 1940-х гг. на два типа: демократические («типа Соединённых Штатов») и недемократические («коммунистические, фашистские, нацистские»). Далее этот автор объединяет все «недемократические» государства «безотносительно их форм правления» общей характеристикой – «деспотизм» [7].

Более взвешенная оценка советского политического строя изложена в работах М. Гланца и В. Мастны. Оба автора рассматривают не столько характер режима, сколько его важнейшую цель в конце войны: «...сохранить и защищать Советский Союз как двигатель мировой революции» после того, как «социализм станет сильным и защищённым в пределах советских границ» [8].

Ещё один заслуживающий внимания подход к оценке советского режима содержится в работе Д. Флеминга. В качестве причины разногласий, обнаружившихся в советско-американских отношениях к концу войны, этот исследователь называет различия в интерпретации в Советском Союзе и Соединённых Штатах самого понятия «демократия». Оценивая советский политический

режим, Флеминг пишет, что то, что происходило в СССР в конце войны, никоим образом нельзя было назвать демократией [9].

Принципиальное отрицание какой-либо возможной угрозы для США со стороны СССР присутствует в работе А. Л. Стронг, тесно сотрудничавшей с Совинформбюро. По её мнению, советская политическая система в конце войны представляла из себя «социализм в одной стране» [10] и не несла абсолютно никакой угрозы западному миру.

У. Таубман в целом солидарен со Стронг: политический режим СССР исследователь называет «социализмом» [11], не указывая, впрочем, в каких масштабах и на какие территории этот строй распространялся.

Таким образом, поляризация мнений американских авторов относительно советской политической системы была довольно ощутимой, но преобладающими характеристиками все же являлись далеко не лестные для СССР эпитеты типа «диктатура» и «деспотизм». По мнению М. Лернера, предубежденность американских историков в оценках советского строя может быть объяснена тем, что социалистическая система и коммунизм для американцев рассматривались не только как чуждые явления, но и как нечто, представляющее угрозу, подрывное [12]. В этих словах видится глубокий смысл: речь идёт не столько о советской невосприимчивости к западным ценностям, сколько о проявлении американской логической цепочки «другое – чужое – враждебное», механизм воспроизводства которой был выработан политической культурой США.

Объектом внимания американских историков стал И. В. Сталин. Его особое место в контексте исследовательского интереса определяется тем, что именно с ним современники и потомки связывали два важнейших события в истории XX в. – победу над фашизмом и начало «холодной войны».

Выводы исследователей, анализирующих личность Сталина и представления о нём, распространённые в американском обществе, в целом укладываются в рамки оценок, сформированных современниками. В качестве примера отклонения от них следует отметить нечастое появление идеализированных оценок. Позитивный тон в характеристике советского лидера наиболее ярко проявил себя в работе чикагского профессора У. Мак-Кэга, где Сталин изображается «борцом за мир», а вся вина за поствоенную конфронтацию возлагается на западных лидеров, отказавшихся принять «руку дружбы» [13]. Приведённую характеристику можно дополнить высказыванием известного американского историка Л. Роуза, анализировавшего поведение Сталина на Ялтинской конференции: «Он [Сталин. – О. Р.]

мог бы выложить на стол переговоров серию ультиматумов в отношении Восточной Европы, мог бы отказаться обсуждать вопрос о репарациях и вообще потребовать всё что угодно в качестве трофеев. Достаточно одного взгляда на карту, и позиции, которые занимала Красная Армия в феврале 1945 г., показали бы любому здравомыслящему человеку на Западе, что у Сталина не было необходимости соблюдать обязательства или поддерживать связь с антигитлеровской коалицией. Но маршал хотел, чтобы коалиция существовала и впредь» [14].

Образ «русского медведя», агрессивного и беспепелляционного в решении внешнеполитических проблем, нашёл своё отражение в работе американского исследователя Х. де Сантиса [15].

Противоречивость Сталина – присутствие светлой (терпимость в отношениях с союзниками) и тёмной (коварство и негибкость) сторон – подчёркивают известные исследователи дипломатической истории Л. Аронсен и Л. Китчен [16]. Пожалуй, наиболее ярко раскрыл этот типаж Сталина Дж. Хоскинг. Подвергнув критике многие действия советского вождя, исследователь отмечает, что именно Сталину удалось создать наивысшее «многонациональное единство, которого ни одному русскому лидеру не удавалось достичь ни раньше, ни позже» [17].

Американские историки – сторонники «диктаторского» образа Сталина, как правило, более резко в своих суждениях, даже по сравнению с консервативными общественными деятелями и публицистами конца войны. Эти авторы тесно связывали понятия «Сталин» и «Советский Союз», «Сталин» и «Кремль». Максимально эта установка проявилась в работах Мартина Малиа и Роберта Такера, которые оценивали советскую внешнюю политику в Восточной Европе исключительно в «сталинской» тональности, вводя в оборот соответствующий терминологический ряд: сталинские аппетиты, сталинская модель, сталинская империя, сталинская формула и т. д. [18]

Данная тенденция проявилась и в оценке взаимоотношений Рузвельта и Сталина, которые американские исследователи характеризовали весьма критично. К примеру, известный исследователь Р. Леверинг использует для этого реплику популярного в годы войны обозревателя Дж. Брауна, который писал: «Даже Наполеон Бонапарт так не преклонялся перед русским царём, как Черчилль и Рузвельт перед Сталиным. Их встречи происходят на территории Сталина или в странах, где в основном доминирует Советский Союз. Всё это унижает гордость американцев» [19].

Оценивая взаимоотношения Сталина с западными лидерами, Б. Вайсбергер выделял негативные личностные характеристики вождя, усмат-

ривая в них главную причину обострения международных отношений по окончании войны: «Грубость и жестокость Сталина сыграли на руку американским адвокатам жёсткой линии, причём в самые решающие моменты» [20]. Мнение этого историка частично перекликается со словами М. Лернера, отмечавшего во время войны: «Для того, чтобы успешно выступать в роли Макиавелли, требуется большая уверенность, огромная сила и поддержка масс. В такой роли может выступать Сталин...» [21]

Анализируя характеристики И. В. Сталина, следует выделить одну черту, присущую всем историкам США вне зависимости от их принадлежности к той или иной историографической школе: даже если какое-либо действие Советского Союза претворялось в жизнь посредством другого лица, для американцев не было секретом авторство или по крайней мере требуемое сталинское одобрение данной советской акции. Само поведение Сталина, в свою очередь, виделось «синонимичным советской политике» [22].

Особая политизированность историографии Второй мировой войны обусловила и пристальное внимание американских авторов к характеристике состояния вооружённых сил СССР. В связи с этим анализ образов советской армии, сложившихся в представлениях американцев в конце войны, важен не только с точки зрения выявления их многообразия, но и в связи с важностью понимания факторов, определивших эту множественность.

Проблема представленности образов Красной Армии в американском общественном мнении на исходе Второй мировой войны базируется на признании (с большей или меньшей степенью категоричности) особой роли вооружённых сил в поствоенных процессах. Однако степень акцентировки внимания на «силовом» факторе у историков разных школ неодинакова.

Наибольшее распространение получила «насильственная» теория, в соответствии с которой СССР штыками обеспечил себе ведущее место в послевоенной системе международных отношений. Эта позиция нашла широкое распространение в официальном направлении американской историографии.

Одним из первых привлёк внимание к проблеме понимания Красной Армии как феномена, который должен оцениваться не только в военно-стратегической, но и в политической (с учётом послевоенной перспективы) системе координат, известный американский историк и политолог, специалист по СССР А. Даллин. В своей работе «Красная Советская Россия», опубликованной в 1944 г., он сделал весьма неутешительный прогноз, основанный на исторических параллелях. По его мнению, временем наивысших

успехов России в международной политике является эпоха Екатерины Великой. Однако этот же период известен и как наиболее мрачная эпоха крепостного права. «Нет оснований проводить параллель между уровнем благосостояния народа и его героизмом в войне». Поэтому мужество и самоотверженность советских людей, проявленные в борьбе с фашизмом, по мнению этого автора, не должны рождать надежд на то, что военные успехи Красной Армии сделают советскую внешнюю политику чувствительной к чаяниям других народов [23].

Работа Даллина послужила своеобразным толчком для появления многочисленных работ сравнительно-исторического характера. Интересно отметить, что проблема исторического образа России и её вооружённых сил нашла широкое отражение в трудах исследователей 1950-х гг., имевших возможность наблюдать, с одной стороны, апогей торжества советских вооружённых сил, а с другой – переход к «холодной войне». Хронология перехода от войны к миру, а затем к конфронтации естественным образом определила контрастность исторических сравнений и оценок. Указанная историографическая традиция строится на практически безапелляционном признании преемственности внешнеполитической линии Советского Союза и Российской империи. Например, М. Урен подчёркивал: «Современная Россия так же не может стяхнуть влияние своего прошлого, как и другие нации» [24]. Ф. Шуман, известный американский советолог, солидарен с Уреном: «Факторы, которые в течение многих столетий определяли отношение России к миру, сохраняются вне зависимости от формы правительства» [25]. Следовательно, внешняя политика России тождественна внешней политике СССР.

Многие американские авторы фиксировали в качестве базисной основы внешней политики СССР «политические и идеологические традиции, заложенные царизмом» [26]. Такую идею проповедовал Ф. Мосли [27], который вообще усматривает истоки российского империализма в исторических процессах, берущих начало в середине XV в. [28]

«Обвинительная» линия официального направления была продолжена и в 1960–1970-е гг. Так, для американских исследователей не вызывал сомнений тот факт, что без армии СССР «никогда не преуспел бы в достижении доминирующей роли» в регионе [29]. Некоторые американские авторы отмечают, что «судьба Восточной Европы в решающей степени определялась тем, что большая часть этого региона была освобождена от германских войск Советским Союзом» [30].

Весьма интересную оценку советских вооружённых сил с позиций официальной историографии

дали К. Райвек и Ф. К. Баргхун, писавший, что «мощь советской пропаганды была во много раз умножена героическими и великими кампаниями Красной Армии... Советская пропаганда эксплуатировала героизм Красной Армии» [31].

Соотношение военных потерь и приобретённой на исходе войны особой роли СССР в международных делах исследовались в рамках ревизионистского направления. Например, исследователь Ф. Нил, признавая взаимосвязь военной мощи и внешней политики, выступил в защиту советского внешнеполитического курса. «Русские, – пишет он, – вполне понятно гордились успехами в войне и твёрдо намеревались играть в мире роль в соответствии с той ценой, которую им пришлось заплатить за победу». Исследователь при этом подчёркивает «оборонительный» характер советского международного курса [32].

Сторонники радикально-критического направления отмечают «оборонительный» характер действий Красной Армии. Советский Союз, понеся тяжелейшие потери в результате агрессии Германии, в интересах собственной безопасности был вынужден решать проблему собственной безопасности в европейских масштабах [33].

Д. Клеменс заявляет, что исключительно «действия Красной Армии, а не решения Ялтинской конференции обеспечивали гарантии Москвы в том, что после Второй мировой войны на территории Советского Союза не будет никаких “буржуазных” антисоветских правительств» [34].

Современная американская историография, основываясь на тенденциях, заложенных предыдущими поколениями историков, всё же более сдержанна в своих комментариях. Наиболее показательны здесь два примера.

Б. Фоусек в работе «Восточная Европа 1945–1969» делает упор не на прямое насаждение Красной Армией советских социально-политических методов, а на влияние ее громких побед на рост коммунистических пристрастий [35].

Ч. Гати в книге «Блок, который не удался», анализируя политику СССР на завершающем этапе войны, сделал вывод о том, что командование Красной Армии в своих действиях руководствовалось исключительно соображениями безопасности, а не идеей мировой революции и в конце войны не использовало «силовой» метод установления просоветских режимов [36].

В противовес указанным авторам уместно отметить присутствие в современных американских трудах «традиционно-силовых» интерпретаций истории. Так, по мнению У. Сμισсера, у Сталина уже в 1944 г. была потенциальная возможность закончить войну с Германией, однако он предпочёл охватить Красной Армией Восточную Европу для обозначения здесь своего доминирующего положения [37].

Переход Соединённых Штатов в ранг мирового политического, военного и экономического лидера способствовал распространению идей и представлений об особой исторической миссии Америки, которые опирались на традиционные положения исключительности, превосходства, предначертания. Сама установка на «американскую исключительность» порождала особый идеологический климат в стране, отрицавший существование какого-либо другого мирового авторитета и влиявший на качественно новое восприятие Советского Союза.

Авторитетный американский историк А. Улам, говоря о главенствующей роли идеологического противостояния, сформулировал вывод о неразгаданных тайнах советского поведения. Улам подчёркивал, что при кажущейся монолитности советской идеологии политика Москвы была противоречивой, сочетающей экспансию и сосуществование. Эта мысль была даже вынесена в заглавие одной из его книг [38]. Фактор коммунистической идеологии стал предметом особо острой полемики в американской историографии в 1960–1970-е гг. [39] Историки «официального» направления рассматривали советскую внешнюю политику как «экспансию», «агрессию», «насильственное распространение коммунизма» [40], в результате чего политика США помещалась в идеологический формат защиты «идеалов демократии» Европы от насаждения коммунистической идеологии [41]. По мнению Дж. Фулбрайта, американцы в оценке советской идеологии руководствовались следующими соображениями: «Отрицательное в коммунизме – не в его догматическом содержании, которое в худшем случае утопично, а в его фанатической уверенности в себе, в его мессианском упорстве и устремлениях и в его нетерпимости к разногласиям...» [42]

Ставя под сомнение естественность характера режимов стран Восточной Европы, представители «официального» направления рассматривали итоги Второй мировой войны как поражение всей западной цивилизации, в результате которого Европа была повержена коммунизмом.

Представители школы «реальной политики» косвенным образом возлагают вину за обострение идеологической напряжённости на американское руководство. В соответствии с их логикой вашингтонские действия и идеалы были оторваны от реальности, в результате чего произошло изменение баланса политических сил в сторону социализма [43]. Р. Л. Гартхофф поставил под сомнение справедливость подобных выводов: «Господствовавшее на Западе мнение было ошибочным в том... что коммунистическая идеология, как полагали, вынуждала советских лидеров к экспансии, способность коммунистов подорвать свободный мир преувеличивалась» [44].

Представители радикальной историографии США также не обошли вниманием проблему коммунистической идеологии, которая рассматривается как фактор, обусловивший начало «холодной войны» [45]. Только вина в этом случае ложится на американскую сторону. Критика здесь строится на двух аспектах – обвинениях в адрес американской политики и защите советского курса. Например, Дж. и Г. Колко возлагают ответственность за развязывание «холодной войны» на экспансионистскую идеологию Вашингтона и отмечают, что, даже если бы Советского Союза не было, поствоенная ситуация вряд ли была бы иной [46].

Следует отметить, что внимание американских историков поствоенного периода привлекла не столько сущность коммунистической идеологии, её основные постулаты, направленность, методы реализации, сколько причины обострения идеологического противоборства в конце войны.

А. Шлезингер-мл., анализируя идеологическую проблему, обращает внимание на особенности американской национальной логики: «Рост американской мощи укрепил мессианизм тех, кто верил в то, что Америка – помазанница божья. Наличие пары рыскающих по миру реальных чудовищ поощряло опасную склонность искать повсюду новых чудовищ, подлежащих уничтожению» [47]. Примечательно, что таким образом Шлезингер фиксирует агрессивность не только коммунистической идеологии, но и идеологии США, не видя в этом смысле значительных отличий между ними.

Многофакторность проблемы утверждения коммунистической идеологии в Европе потребовала её структурного анализа. Наиболее обстоятельную попытку предпринял Ч. Гати. Основные этапы утверждения коммунистической идеологии в Европе автор рассматривает в русле концепции «коммунистической атаки». В течение первого этапа коммунистические партии в странах Восточной Европы имели тенденцию к сотрудничеству с другими партиями в пределах коалиционных правительств с целью мобилизации всех ресурсов для продолжения войны против Германии. На второй стадии многопартийные правительства уступили место псевдокоалиции, в которой коммунистические партии, уже являясь преобладающей силой, всё-таки учитывали позиции некоммунистов. Это делалось с целью «умиротворения» Запада и внутренней критики. Третий этап связан с «процессом законченной социализации», содержание которого сводилось к захвату командных высот в управлении государством и формированию монолитных коммунистических партий [48].

Классик американского «политического реализма» Г. Моргантау в качестве главного фактора конфликта СССР – США назвал противо-

стояние «двух враждебных и несовместимых идеологий, двух систем правления, двух образов жизни, каждый из которых стремился расширить диапазон своих политических ценностей и институтов и не допустить расширения с противоположной стороны» [49].

Восприятие советской идеологии американскими историками, таким образом, стало стержнем в оценке суммарного образа СССР. Если опираться на устоявшиеся и в отечественной, и в американской науке классификации основных направлений историографии США, то можно констатировать, что основные подходы, использованные историками разных научных школ, способствовали формированию нескольких моделей восприятия СССР.

Весьма влиятельные позиции в американской историографии по-прежнему занимает «официальная» школа, приверженцы которой исходят из постулата о том, что в конце Второй мировой войны США неизбежно должны были стать лидером демократического мира. Советский Союз, не пожелавший признать данный факт, стал виновником развязывания «холодной войны». В соответствии со сформированным историками «официальной» школы образом СССР к концу войны представлял из себя государство, чьи внутри- и внешнеполитические принципы и действия были противоположны американским ценностям и угрожали существованию всего демократического мира.

В первые послевоенные десятилетия в историографии США оформилась школа «политического реализма». Все действия Кремля в конце войны, по мнению «реалистов», были подчинены агрессивным планам. Образ СССР авторами этой школы рассматривался исключительно в контексте концепции силы «преступного коммунистического режима» и неукротимой коммунистической экспансии.

В первые послевоенные годы заметным влиянием пользовались труды историков «ревизионистского» направления, которые возлагали вину за начало «холодной войны» на США. Они подвергли критике советскую линию американской внешней политики как «прокоммунистическую». В соответствии с их логикой СССР в конце войны представлял собой государство с чуждой системой ценностей, агрессивной армией и наступательной идеологией. По мнению этих авторов, именно преступное непонимание целей СССР привело к тому, что общественность США долгое время находилась в плену иллюзий.

С иных методологических позиций к оценке СССР подошли представители радикально-критического направления. Вина за обострение международной обстановки в их трактовке ложится на американское правительство, не желавшее

понять цели и задачи советской политики. Советский Союз представлен радикалами как государство, понёсшее самые большие потери и одержавшее самые значительные победы в войне. В их трудах присутствует образ страны, приложившей максимум усилий для урегулирования спорных вопросов, жёсткое поведение которой мотивировалось требованиями собственной безопасности.

С конца 1970-х гг. новое направление – «постревизионистское» – возлагало ответственность за обострение международной ситуации в конце войны на обе стороны. По мнению авторов этого направления, политику СССР в конце войны определяли не только внешние, но и внутренние факторы – стремление к обеспечению безопасности, идеология и т. д. Тем не менее, несмотря на признание объективных моментов в поведении советской стороны, постревизионисты в своих работах невольно или намеренно создают образ СССР, ощутимо определяющийся такими качествами, как агрессивность и непредсказуемость.

Анализ образов СССР конца Второй мировой войны, представленных в американской историографии, демонстрирует, что существенное внимание авторы уделяли личности советского лидера, идеологии, государственно-политической системе. Внимание к ним было связано с проецированием этих граней советской модели на Европу, что рассматривалось большинством американцев как угроза западным ценностям.

Примечания

1. *Thornton M.* Times of Heroism, Times of Terror: American Presidential and the Cold War. Westport; L., 2005. P. 16.
2. *Lukas J.* A History of the Cold War. N.Y., 1961. P. 52.
3. *LaFeber W.* The American Age. United State Foreign Policy at Home and Abroad since 1750. N.Y.; L., 1989. P. 403.
4. *Дани Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. М., 2004. С. 364.
5. *Ashton S. P.* The Search to Detente. The Politics of East-West Relations since 1945. N.Y., 1989. P. 6.
6. *Bailey Tb. A.* America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to our day. N.Y., 1950. P. 277.
7. *Hunt M.* Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven, 1987. P. 46.
8. *Glantz M. E.* FDR and the Soviet Union. The President's Battle Over Foreign Policy. 2005. P. 151; *Mastny V.* The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years. N.Y., 1996. P. 15, 20.
9. *Fleming F. D.* The Cold War and Its Origins. 1917–1960. V. I. L., 1960. P. 204, 209.
10. *Strong A. L.* The Stalin Era. N.Y., 1956. P. 108.
11. *Taubman W.* Stalin's American Policy: From Entente to Detente to Cold War. N.Y.; L., 1982. P. 83.
12. *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединённых Штатах сегодня. Т. 2. М., 1992. С. 459.
13. *McCagg W.* Stalin Embattled 1943–1948. Detroit, 1978. P. 260, 312.
14. *Rose L.* After Yalta. N.Y., 1973. P. 25–26.
15. *De Santis H.* Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1980. P. 106.
16. *Aronsen L., Kitchen L.* The Origins of the Cold War in Comparative Perspective. American, British and Canadian Relations with the Soviet Union, 1941–1948. M.; L., 1988. P. 33.
17. *Хоскинг Дж.* Россия и русские. Кн. 2. М., 2003. С. 247.
18. *Малия М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 318–320; *Tucker R. C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev. Brighton, 1987. P. 100–103. Чарльз Гати, анализируя сотрудничество «Большой Тройки» в годы войны, тоже достаточно часто оперирует «сталинскими» категориями. *Gati Ch.* The Bloc That Failed. Soviet-East European Relations in Transition. Bloomington, 1990. P. 9–12.
19. *Levering R.* American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976. P. 122.
20. *Weisberger B.* Cold War Cold Peace: The United States and Russia since 1945. N.Y. 1985. P. 96.
21. ПГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4096. Л. 43.
22. *Ryavec K. W.* United States – Soviet Relations. N.Y.; L., 1989. P. 48.
23. *Dallin D.* The Red Soviet Russia. New Haven, 1944. P. 42–43.
24. *Wren M.* The Course of Russia History. N.Y., 1958. P. VIII.
25. *Schuman F. L.* The Russian Riddle // Current History. 1955. February. P. 66.
26. См.: *Soviet Power and Policy.* N.Y., 1955. P. 373.
27. *Mosely Ph.* The Kremlin and World Politics. N.Y., 1960.
28. Ibid. P. 43.
29. *Rakowska-Hazmstone T., George A.* Communism in Eastern Europe. Bloomington; L., 1979. P. 147.
30. *Rothschild J. A.* Communist Eastern Europe. N.Y., 1964. P. 6. *Lukas J.* A History of the Cold War. N.Y., 1961. P. 53; *On the Eve of Cold War // American Views of Soviet Russia, 1917–1965.* P. 156; *Ryavec K. W.* U.S. – Soviet Relations. N.Y.; L., 1989. P. 45; *Эдельман Дж. Р.* Прелюдия холодной войны: к истории советско-американских отношений // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 18–19, 21, 24.
31. *Ryavec K. W.* Op. cit. P. 45; *Barghoorn F. O.* The Soviet Image of the United States. L., 1969. P. 43–44.
32. *Neal F.* U. S. Foreign Policy and the Soviet Union. S. Barbara, 1961. P. 14–15.
33. См.: *Kolko G., Kolko J.* The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N.Y., 1968; *Alperovitz G.* Cold War Essays. N.Y., 1970; *LaFeber W.* America, Russia and the Cold War, 1917–1971. N.Y., 1972.
34. *Clemens D. Sh.* Yalta. N.Y., 1970. P. 73.
35. *Fowkes B.* Eastern Europe 1945–1969. From Stalinism to Stalingrad. Harlow etc. 2000. P. 17–18.
36. *Gati Ch.* Op. cit P. 10, 11. См. также: *Leffler M.* Inside Enemy Archives: The Cold War Reopened // Foreign Affairs. 1996. July – August. Vol. 75. № 4. P. 123–125; *Idem.* The Cold War: What Do «We Now Know»? // American Historical Review. 1999. April. Vol. 104. № 2. P. 514–516.

37. См.: *Smyser W. R.* From Yalta to Berlin: The Cold War Struggle Over Germany. N.Y., 2000. P. 10.

38. *Ulam A.* Few Unresolved Mysteries About Stalin and the Cold War in Europe: A Modest Agenda for Research // *Journal of Cold War Studies*. 1999. Winter. Vol. 1. № 1. P. 110–113. См. также: *Ulam A.* Stalin: The Man and His Era. L., 1974; *Ulam A. B.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917–1967. N.Y.; Wash., 1968; *Ulam A. B.* The Rivals. America and Russia since World War II. N.Y., 1976.

39. См.: *Уэйтц Р.* Западные теории происхождения «холодной войны» // Холодная война: новые подходы, новые документы. М., 1995.

40. *Bemis S. F.* Op. cit. P. 423; *Ulam A.* Expansion and Coexistence. P. 120.

41. *Fisher L.* The Road to Yalta: Soviet Foreign Relations, 1941–1945. N.Y., 1972. P. 215; *Lukas J.* A History of the Cold War. N.Y., 1961. P. 60; *Burnham J.* The Struggle for the World. N.Y., 1947. P. 188; См. также: *Fischer L.* Russia, America and the World. N.Y., 1966; *Sheldon Cb.* The Bolshevization of the USA. N.Y., 1980; *Horowitz D.* Imperialism and Revolution. L., 1969.

42. *Фулбрайт Дж. У.* Самонадеянность силы. М., 1967. С. 84, 87.

43. *Morgenthau H.* American Foreign Policy. A Critical Examination. N.Y., 1952. P. 31.

44. *Гартхофф Р. Л.* Почему возникла «холодная война» и почему она закончилась? // Международная жизнь. 1992. Март – апрель. С. 124.

45. См. например: *Alperovitz G.* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. N.Y., 1965. P. 13, 62–63.

46. *Kolko G., Kolko J.* The Limits of Power. P. 709–714.

47. *Шлезингер А. М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 83. См. также: *Paterson T. G.* On Every Front: The Making of the Cold War. N.Y.; L., 1979. P. 73.

48. *Gati Cb.* Op. cit. P. 10.

49. Цит. по: *Арбатов Г. А.* Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970. С. 46–47.

УДК 94(73+438)“1941/1945”

П. А. Самоделкин

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В РУКОВОДСТВЕ ГОСДЕПАРТАМЕНТА США В 1941–1945 ГГ.: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЗГЛЯДОВ С. УЭЛЛЕСА, К. ХЭЛЛА, Э. СТЕТТИНИУСА

В статье рассматриваются взгляды руководства Госдепартамента США в отношении польского вопроса и польского государства в годы Второй мировой войны. На протяжении 1939–1945 гг. эти взгляды менялись по политическим, сугубо американским, и военным причинам. Особое внимание уделено динамике отношения американского руководства к вопросам польского правительства и границ.

The opinions of the US's State Department management toward to polish question and polish state in time of the Second World War are considering in this article. On the length of 1939–1945 they were changed on political, especially American, and military reasons. The special attention is devoted to the dynamics of the relations American management to questions of polish government and borders causes historical interest.

Ключевые слова: Госдепартамент США, регионализм, универсализм, политический реализм, Атлантическая хартия, идея Четырех полицейских, президентские выборы 1944 года, граница Керзона, польский вопрос, Люблинское и Лондонское правительство.

Keywords: U.S. Department of State, regionalism, universalism, political realism, the Atlantic Charter, the Four Policemen conception, the Curzon Line, the “Polish Problem”, the Lublin and London Government.

В течение Второй мировой войны смена лиц в американском внешнеполитическом ведомстве, влияющих на процесс моделирования послевоенного устройства мира, происходила три раза. Выделяются следующие периоды: конец 1939 – середина 1943 г. характеризуется преобладанием активности и авторитета Самнера Уэллеса; середина 1943 – конец 1944 г. – Корделла Хэлла; с конца 1944 г. – Эдварда Стеттиниуса [1]. Образ будущей Польши и определение ее места на международной арене в связи с этим также претерпевали изменения в своем формировании.

Заместитель госсекретаря Уэллес, друг Ф. Д. Рузвельта и сторонник вовлечения США в войну в 1939–1941 гг., в 1942–1943 г. уделял немало внимания проблеме организации международного мира. Во время визита польского премьера Владислава Сикорского в Вашингтон в декабре 1942 г. ему было поручено подготовить проект – модель отношений польского правительства в эмиграции с советским правительством. 9 декабря 1942 г. начальник отдела по европейским делам Госдепартамента Р. Атертон вручил

Хэлли меморандум, передающий содержание американских взглядов на этот счет. Тогда впервые прозвучала цель создания «сильной и независимой Польши» [2].

Полагалось, что Польша должна получить выход к морю за счет включения в ее состав территорий Восточной Пруссии. По поводу восточной границы выражалось мнение, что любой возврат к границе по Рижскому трактату 1921 г. приведет к напряжению отношений с СССР. В связи с этим вспоминалась более правильная в этническом плане линия Керзона. Кроме того, в меморандуме не было конкретных предложений по поводу создания каких-либо конфедераций в ЦЮВЕ. Нельзя было допустить изоляции СССР, с одной стороны, и не содействовать безопасности целой Европы – с другой.

В самом отделе по европейским делам отмечали, что на данном этапе войны США не могут вести дискуссии на тему территориальных проблем. Тем самым Сикорскому давали понять, что США дистанцируются от роли посредника в советско-польских отношениях, предлагая полякам объективные, на их взгляд, пути достижения согласия с СССР. 4 января 1943 г. Уэллес резюмировал эти положения Сикорскому при личной встрече, добавив, что некоторые польские силы не служат интересам стабильности [3].

5 февраля 1943 г. польскому послу в США Я. Чехановскому он объяснял, что «польское правительство должно пойти на уступки Советскому Союзу в вопросе территорий» [4]. Очевидным было стремление Вашингтона улучшить отношения с СССР, что отражалось на заявлениях и проектах по поводу границ послевоенной Польши.

Визит Антони Идена в марте 1943 г. выявил точки зрения Англии и США на установление польско-советской границы. Речь шла о серьезных приращениях польских земель за счет Восточной Пруссии и использовании при определении советско-польской границы «линии Керзона» [5]. Данный разговор прошел 15 марта 1943 г. при участии Рузвельта, Идена и Г. Гопкинса. Информация о нем была опубликована Уэллесом в книге «The time of decision» в 1944 г., что говорит о причастности автора к формированию позиции американской стороны и в то же время не позволяет сделать вывод, что этот «план в отношении Польши» [6] появился в Вашингтоне только в 1944 г.

Во время встреч с членами английской делегации Уэллесу было поручено курировать вопросы создания ООН и международной безопасности. 16 марта в разговоре с Иденом и британским послом Э. Галифаксом о создании двух конфедераций (балканской и в центрально-восточной Европе) заместитель госсекретаря, согласившись

с представленными английским проектами, уточнил, что в последнюю должны входить Австрия, Чехословакия и Польша.

Уэллес уделял большое внимание региональным аспектам в планировании послевоенного порядка. Ему определенно думалось, что целью внешней политики СССР является достижение и сохранение безопасности его западных границ. В 1944 г., будучи в отставке, он отмечал, что советское государство имеет право создать «региональную систему в Восточной Европе», состоящую из «сотрудничающих друг с другом... независимых государств, тяготеющих к России...» [7] Такие суждения, опубликованные в 1944 г., не противоречили некоторым заявлениям Стеттиниуса в июне 1944 года, о чем речь пойдет ниже.

Это не была идея воссоздания в ЦЮВЕ прототипа малой Антанты, вынашивание которой шло, например, в Великобритании [8]. Это было конкретное предложение, реализующее идею «четырёх полицейских», и с ним соглашался президент Рузвельт, считавший, что необходимо обезоружить не только агрессоров, но и страны от Франции до Польши [9].

Разрыв польско-советских отношений в 1943 г. поставил конкретную внешнеполитическую задачу перед американским руководством и заставил искать особые пути ее решения. 26 апреля 1943 г. Уэллес, принимая у себя Чехановского, критично оценивал действия польского правительства, поверившего заявлениям Германии о расстреле польских офицеров советскими органами безопасности. Он считал, что Международный комитет Красного Креста не может делать объективную экспертизу, находясь на территории, контролируемой немцами [10]. Кроме того, он отмечал, что польское правительство, ссылаясь на это заявление, увидело в нем повод для разрыва дипломатических отношений, что только уменьшило возможности Вашингтона способствовать решению польской проблемы.

Политический кризис, возникший в связи с Катынской трагедией (апрель 1943 г.) и выводом польской армии генерала Андерса из СССР в Иран (июль – сентябрь 1943 г.), подорвал авторитет польского правительства и усложнил процесс польско-советского сближения, что негативно отразилось на политическом весе польского правительства в Лондоне. Это было замечено в английском руководстве, в Кремле и в Вашингтоне.

Польской стороне предлагалось обратиться за разрешением всех польско-советских противоречий непосредственно к Советскому правительству, а не искать посредничества у США и Великобритании. Однако разрешить конфликт между СССР и польским правительством в эмиграции таким путем не удалось. Уэллес вспоминал, что неучас-

тие во время войны в соглашениях с СССР и Чехословакией было со стороны Сикорского близокурой авантюрой [11]. Таким образом, вариант создания некоего союза государств как основы для реализации в будущем программы «четырёх полицейских» проваливался. Это обстоятельство усиливало напряжение в отношениях Уэллеса с Хэллом.

Ценность отношений Польши с каждой из стран Большой тройки при таких обстоятельствах должна была зависеть от того, с какими польскими политическими силами они сотрудничали и как эти силы представлены в формирующихся польских органах власти. С осени 1943 г. необходимо констатировать усиление роли различных польских институтов власти и групп лобби, влияющих на главных участников международных отношений, что позволяет говорить о существовании и действии фактически нескольких польских центров власти, помимо правительства в эмиграции.

Избегая каких-либо заявлений перед выборами, фактически до октября 1944 г. руководство США передало инициативу в деле восстановления советско-польских отношений Англии. Следовательно, исходя из ряда объективных и субъективных причин, отставка Уэллеса была необходима и для сохранения status quo президента.

Согласно точке зрения Хэлла, причиной отставки была критика госсекретаря и всего внешнеполитического ведомства США, причем об этом шаге Рузвельта попросил сам Хэлл. 25 сентября на место заместителя госсекретаря был назначен Э. Стеттиниус [12]. Давно существующий конфликт Хэлла и Уэллеса разрешился, и Рузвельт принял такой исход. Идея регионализма была ослаблена.

Известно, что Хэлл был последователем Вудро Вильсона, чьи «14 пунктов» оставили свой след на его собственных универсалистских взглядах, характеризовавшихся верой в неделимый мир, мощную международную организацию по поддержанию мира, универсальность законов и принципов, применяемых в международных отношениях. С августа 1943 г. госсекретарь лично занялся укреплением связей между Госдепартаментом и Администрацией [13].

Хэлл, в отличие от Рузвельта и Уэллеса, никогда не был сторонником регионализма, но это не мешало ему сотрудничать с президентом и его окружением. Сам президент США проявлял заинтересованность в достижении согласия с Госдепартаментом по многим ключевым вопросам внешней политики.

Еще 23 марта 1943 г., во время визита Идена в Вашингтон, госсекретарь встречался с Чехановским, который сообщил ему, что Сикорский, со-

лидаризовавшись с позицией США и Великобритании, может потерять доверие в польской армии и в правительстве. Поэтому он и соглашается на установление границ по линии Керзона. Хэлл ответил, что не считает необходимым быть посредником между Сикорским и Кремлем в данном вопросе [14]. Обещание поговорить об этом с президентом он не выполнил. Позднее, в беседе с Галифаксом, Хэлл подчеркнул, что польско-советские отношения нарушили не Рузвельт, Черчилль и Сталин [15]. Позиция Госдепартамента в данном вопросе была последовательной.

С целью улучшения польско-советских отношений, в Госдепартаменте был разработан план помощи полякам в СССР в вопросах пребывания или выезда из страны. Британский Форин Офис принял участие в его подготовке [16]. Польская сторона к сотрудничеству не привлекалась.

12 июня 1943 г. Хэлл проинформировал об этом плане посла США в Москве У. Стендли. Последний в ответ указал, что в инструкциях ничего не говорится о пожеланиях польского правительства и не уделяется внимание мотивам разрыва отношений со стороны СССР. Посол подчеркнул, что, не затрагивая вопросов реорганизации польского правительства и восточной границы Польши, невозможно разрешить проблему отношений между этими странами. Поэтому, по его мнению, следовало склонить Сикорского к тому, чтобы тот обратил внимание на эти вопросы и решил их.

Хэлл ответил, что США не могут решать частные проблемы (а в данном случае ими оказались вопросы границ, реорганизации польского правительства и гражданства польского населения к востоку от линии Керзона) в ущерб фундаментальным. Польская сторона должна была пойти на значительные уступки, в связи с чем ей надлежало самостоятельно разрешить проблему сильного сопротивления в польском правительстве [17]. Кроме того, вопрос гражданства населения, проживающего к востоку от линии Керзона, необходимо было оставить до будущих времен.

Во время Квебекской конференции 18 августа Хэллу были вручены три меморандума – проекты польских границ в районе Восточной Пруссии и Гданьска, Горной Силезии (в контекстах польско-немецкой и польско-чешской границ). Проекты были подготовлены совещательным комитетом по правам послевоенной внешней политики (Ф. Мосли) и отделом политических исследований (У. Коувин, Дж. Кэмбелл) при Госдепартаменте. Вопрос о западной границе Польши активно не обсуждался, а вопрос о восточной границе был уже согласован с англичанами. Восточная граница Польши должна была проходить по линии Керзона или на основе этнических кри-

териев [18], но об этом открыто американская сторона говорить не могла.

На Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. Хэлл по личным убеждениям сторонился какого-либо обсуждения польского вопроса [19]. Такая линия поведения госсекретаря заслужила одобрение Рузвельта и американского посла в СССР Гарримана. Дело в том, что перед президентскими выборами 1944 г. ФДР не мог давать каких-либо конкретных обещаний и заявлений по польскому вопросу, поскольку это могло стать одной из существенных причин разобщения мира «на враждующие военно-политические группы» [20]. Хэлл был удобен тем, что в принципе не мог говорить о каких-либо деталях построения послевоенного мира.

Безусловно, госсекретаря необходимо рассматривать как самостоятельного политика. В то же время с определенной долей вероятности можно предположить, что ответственность за решение вопросов о судьбе целого региона ЦЮВЕ и Польши в частности он возлагал в итоге на президента.

К такому заключению приводит интерпретация мемуаров Хэлла, которые, несомненно, являются одним из важных источников изучения польской проблематики, использование которых требует аналитического подхода. При этом следует учитывать, что к моменту публикации воспоминаний бывшего госсекретаря в 1948 г. уже были сформулированы принципы внешней политики США, основанные на концепции политического реализма [21], что могло повлиять на содержание двухтомного труда.

Интересующая нас проблема затрагивается в главе «Россия против Польши» второго тома мемуаров. При ее чтении следует обратить внимание на местоимения, которыми оперирует бывший госсекретарь.

Главу условно можно поделить на пять частей. Она начинается с подготовки госсекретаря к вылету в Москву. Первая часть – первый абзац определенно указывает, что К. Хэлл до отъезда в Москву имел три совещания с президентом и другими лицами. Он так и пишет: «...совещался с президентом...» [22]. Ясно и понятно: кто и с кем совещался.

Вторая часть – второй абзац указывает на некоторое условие общения и преследуемую цель: «мы согласились... сделать всё возможное, чтобы заручиться английским и русским согласием на участие Китая в предлагаемой Декларации четырёх государств» [23]. Этот посыл подчеркивает существование общего дела, что определило последующее поведение и стиль повествования госсекретаря. Однако Хэлл в данном случае не упомянул тот факт, что в официальном доку-

менте – меморандуме этой беседы от 5 октября 1943 г., подготовленном Стеттиниусом, говорилось также о стремлении создать необходимые условия, освобождающие «Россию от участия в решении вопросов, касающихся Тихоокеанской области до окончания войны с Японией» [24]. Возможно, что Хэлл упустил этот факт с целью показать, что он не был запланирован. По крайней мере, ФДР так и не увидел атомной бомбардировки Японии, а Стеттиниус просто делал свою работу.

Третья часть – собственно пересказ самого совещания от 5 октября 1943 г., а по сути, представление видения основных проблем и их решений Рузвельтом в изложении Хэлла. Далее не упоминается «я» [25], а используются термины «президент», «мистер президент», «он», «мы». Последнее местоимение можно трактовать как «все собравшиеся», или «мы как американцы», стремящиеся к общему результату (как некий императив президента, а возможно, уже как нарратив для политиков послевоенного времени).

Четвертая часть посвящена встрече Хэлла с польским послом в США Чехановским 6 октября 1943 г., где он продолжил воспоминания от своего имени («я»). В этой части госсекретарь оперировал выражениями: «для нас» (в вопросе важности польской проблемы), «американское правительство» (о необходимости налаживания русско-польских отношений), «американцы и англичане» (могут помочь СССР и полякам в реставрации отношений), «президент», опять «мы» (и как союзники, и как представители Госдепартамента, и как США – субъект международных отношений, и как Хэлл и ФДР).

Госсекретарь объяснял, что американское правительство совместно с британским примет все необходимые меры, чтобы «восстановить отношения между Россией и Польшей» [26]. Он также подчеркивал, что «русские, будучи очень подозрительными людьми, не расположены идти на уступки союзникам», но американцы и англичане могут многое сделать для Объединенных Наций, а также для восстановления отношений между СССР и Польшей, предостерегая «Россию, от чего она должна воздерживаться в будущем».

Он не давал конкретных обещаний Чехановскому. В данном месте мемуаров прослеживается интерес Хэлла к принципиальным вопросам – проблемам взаимоотношений между союзниками в интересах общего дела. В конце разговора он сказал Чехановскому, что США «хотели восстановления нормальных дипломатических отношений между Россией и Польшей... хотели, чтобы Советское правительство согласилось с широкими принципами международного сотрудничества после войны ради создания организации по поддержанию мира. Но... не собирались на-

стаивать на урегулировании во время войны таких специфических вопросов, как определение границы между Польшей и Россией». Логика понятна: попытка коснуться проблемы границ могла вызвать волну дискуссий по другим вопросам, сделать процесс неуправляемым, бесконечным, бессмысленным, несущим вред общему делу. Поэтому госсекретарь поощрял только побудить советскую сторону принять меры по восстановлению польско-советских отношений.

Интересен факт сожаления Хэлла о гибели генерала Сикорского (4 июля 1943 г.), которого он считал единственным человеком в польском правительстве, способным восстановить отношения с СССР [27]. Госсекретарь высоко оценивает деятельность Сикорского по налаживанию дипломатических связей между Кремлем и правительством Польши в изгнании. Однако в мемуарах он ничего не говорит о том, возможно ли было положительное решение этой проблемы в 1943 г. или последующие годы? Также без ответа остается вопрос об основе польско-советского сближения. Состояла ли она в двусторонних контактах или в сотрудничестве в рамках коалиции, в том числе и по вопросам европейского урегулирования и создания ООН? И какой могла бы быть роль США в этом случае?

Интересен и другой момент. Документы показывают, что Рузвельт относился к СССР как к союзнику в войне и партнеру в деле создания ООН. Гегемония Советского Союза в Восточной Европе им предполагалась уже в 1943 г. (если вспомнить содержание разговоров с Иденом и совещания от 5 октября в Белом доме). Однако в мемуарах госсекретаря мы видим иное отношение к проблеме [28].

Заключительная часть – последний абзац главы, который повествует, как мемуарист отправился в Москву и какие обещания он дал польскому послу, используя местоимение «я». Возникает единственная проблема, кому принадлежат те или иные мысли? В каких случаях Хэлл откровенно соглашался с мнением президента, а в каких, под маской конформиста, просто передавал косвенную речь ФДР, ставшую впоследствии общепринятой политической установкой?

Определенно можно сказать, что косвенная речь президента принадлежит именно президенту и никому другому. Однако по контексту видно, что решения главы государства, по сути, были императивными инструкциями госсекретарю к предстоящей поездке в Москву, и с огромной долей вероятности можно сказать, что последний их принимал, так как четвертая и пятая части главы подтверждают содержание второй ее части – содействовать общему делу установления мира и безопасности объединенных наций. Это обстоятельство объясняет, почему Хэлл такое

большое внимание уделял принципиальным вопросам военного и послевоенного сотрудничества, включая свободу выбора форм правления в государстве и невмешательство во внутренние дела. Эти проблемы в совокупности перекликались с 14 пунктами Вильсона, из-за которых госсекретаря считали либеральным интернационалистом [29]. Более точно его воззрения можно отнести к универсализму – вере в единый мир, крепкую международную организацию по поддержанию мира, универсальность законов и принципов, используемых в международных отношениях. Его не интересовали конкретные вопросы. В своих мемуарах он изображал себя проводником идей президента перед польским послом. Совпадающие мысли, видимо, подчеркивались фразами «мы с президентом». Думается также, что к 1948 г. местоимение «мы» приобрело смысл сотрудничества Госдепартамента с Администрацией и отенок оправдания собственной персоны за проявившиеся к тому моменту некоторые результаты Второй мировой войны [30].

В итоге можно сказать, что К. Хэлл в мемуарах инициативу проведения политики в отношении Польши отдал президенту, как правило, соглашаясь с его общими высказываниями. Но это согласие в 1943 г. могло быть следствием одинаковых взглядов на одну проблему. Выборный 1944 год служил основой сотрудничества Рузвельта и Хэлла в вопросе о Польше. Связано это было с нежеланием первого давать какие-либо конкретные обязательства полякам и с универсалистскими принципами второго. Думается, правда, что сближение было выгодно больше Рузвельту, чем Хэллу, так как позволяло президенту находить мягкие и нейтральные формы политических заявлений.

Отправляя госсекретаря на Московскую конференцию, Рузвельт «несколько беспокоился по поводу того, что Хэлл говорил от имени Соединенных Штатов на встрече министров иностранных дел» [31], поскольку тот не входил в его близкое окружение. Поэтому у нового американского посла США в Москве А. Гарримана была инструкция – присматриваться к тому, что делал глава внешнеполитического ведомства США. Но в Москве Хэлл не подвел ФДР.

Изучая повестки дня американцев и англичан на конференции в Москве, можно заметить одну особенность: английский вариант предполагал рассмотрение конкретных проблем. Польше в нем уделялось три пункта [32]. Американский вариант был более пространным. На третьем заседании 21 октября Хэлл сообщил, что «сотрудничество всех Объединенных Наций надо рассматривать не только с точки зрения общих интересов в этой войне, но и с точки зрения интересов послевоенного мира» [33]. Это означало, что ведение

конструктивной политики и поддержка добрых отношений должны создать прецедент – пример для послевоенного сотрудничества. Следовательно, Польша и СССР должны были наладить между собой дипломатические отношения, объединить свои усилия в деле разгрома общего врага, а не рассматривать вопросы приграничного урегулирования. На восьмом заседании, 26 октября, он заявил, что, не имея «принципиальных основ» [34], можно затруднить процесс обсуждения более конкретных проблем. На одиннадцатом заседании, 29 октября, при обсуждении польского вопроса в узком составе, Хэлл держался в стороне от дискуссии Идена и В. М. Молотова, заявив только, что в Соединенных Штатах имеются «лица, относящиеся дружелюбно как к советскому, так и к польскому народу», которые надеются, что «две соседние страны снова восстановят отношения между собой» [35]. Более конкретных заявлений по этому поводу и не могло быть, так как Госдепартамент подходил к решению польского вопроса «негибко до конца 1944 г.» [36].

В. Печатнов отмечает, что Гарриману не удалось «подтолкнуть Хэлла и Идена к обсуждению с русскими вопроса о Восточной Европе», особенно вопроса о Польше [37]. И в то же время акцентирует внимание на итоговом отчете президенту от 5 ноября 1943 г., в котором американский посол сообщает, что англичане «негласно согласились» с советскими западными границами 1941 г. Это и была та самая база для дальнейшего сотрудничества Большой тройки. Речь в данном случае шла о констатации растущего доверия между СССР и Великобританией, что могло бы быть использовано американцами в решении польского вопроса. Но они не были готовы открыто обсуждать этот вопрос. Возможно, Гарриман сообщил Рузвельту, что тот желал бы услышать, или, наоборот, резюмировал итоги пробы нового подхода к польской проблеме, которую потом испытает сам президент на Тегеранской конференции, тогда как Хэлл просто выражал свое мнение, не противоречащее целям общего дела. Дж. М. Бернс считает, что поездка в Москву главы внешнеполитического ведомства США «стала полезным средством дипломатического зондажа президента и чем-то вроде триумфа для государственного секретаря» [38].

В связи с этим Ч. Болен на совещании дипломатического состава посольства США в СССР 9 ноября 1943 г. выделил, что «создана основа для обсуждения любых, в том числе и спорных проблем между союзниками без ущерба для основополагающего единства цели между ними...» [39].

Реакция польского правительства была абсолютно противоположной. В ответ на обвинения в адрес Госдепартамента Хэлл 19 ноября заявил

Чехановскому, что есть только один способ решить все проблемы между СССР и Польшей – через восстановление их дипломатических отношений. Далее он отметил, что публичные обвинения американского руководства *ad hoc* не отвечают польским интересам [40].

В Госдепартаменте понимали, что пересечение польской границы советскими войсками означало потерю польским правительством в эмиграции каких-либо рычагов управления польскими землями. Сам Сталин и не собирался восстанавливать польско-советские отношения на основе польских требований. Когда Рузвельт участвовал в Каирской конференции (22–26 ноября 1943 г.), Хэлл обратил его внимание на эту проблему, а также на ресурсы и мощь польского правительства в Лондоне.

23 ноября 1943 г. в телеграмме он сообщал Рузвельту, что «польское Правительство находится в безнадежном положении» [41]. Это могло означать, что оно стало терять свои позиции как единственный представительный политический орган поляков. Этот момент не отражен в мемуарах, но сама идея слабости лондонского польского правительства присутствует, о чем свидетельствует, к примеру, его разговор с Чехановским 6 октября 1943 г., тогда как у Болена в это время зародилось лишь беспокойство за действия Рузвельта по польскому вопросу [42].

Выборный 1944 год не выявил каких-либо отклонений от заданного курса по отношению к польской проблеме. Британский посол в США Э. Галифакс в своих отчетах Идену писал, что в первой четверти 1944 г. «американцы вообще и Государственный департамент в частности отказываются брать во внимание проблему польских границ» [43].

Рузвельт и Хэлл действительно не торопились принять С. Миколайчика в Белом доме в первой половине 1944 г., надеясь, что польский премьер сам проявит инициативу в вопросе урегулирования отношений с СССР и не будет искать посредничества в Вашингтоне. Они не могли себе позволить принять сторону Польши в данном вопросе [44].

Июньские встречи (7, 12, 14 июня) Миколайчика с Рузвельтом, Хэллом и Стеттиниусом выявили полное отсутствие у американцев желания говорить о будущих границах Польши. Американской стороной выражалась заинтересованность в восстановлении отношений между польским правительством и СССР. Такие действия всего американского руководства привели к ухудшению американо-польских отношений.

Согласно польской историографии, в июле 1944 г. начинается их новый этап, связанный с подготовкой и осуществлением Варшавского восстания. П. Матусак называет его протестом про-

тив политики союзников по отношению к Польше. Он считает, что западные страны, включая США и их президента, «проявили малодушие» [45] и пошли на уступки Советскому Союзу.

Возникает вопрос, о каких польско-американских отношениях идет речь? Логично будет предположить, что только об отношениях США с эмигрантским правительством (единственным признанным Вашингтоном субъектом международного права) и связанными с ним подпольными Армией Крайовой (АК), Радой Национального Единства (РЕН), которые с июля 1944 г. начали активно готовиться к восстанию. При таком подходе сразу же отбрасываются другие польские организации: во-первых, действующие под покровительством СССР Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО) и Крайова Рада Народова (КРН), и, во-вторых, Национальный Комитет Американцев Польского Происхождения (НКАПП) и Польский Американский Конгресс (ПАК).

Польский Американский Конгресс, учредительный съезд которого состоялся 28–30 мая 1944 г. в Буффало, в значительной степени оказал непосредственное влияние на формирование отношения США к польскому вопросу. Его принципами стали: во-первых, тесное сотрудничество с американским правительством для ускорения победы «возлюбленной Америки и ее союзников», во-вторых, поддержка американской внешней политики, основанной на Атлантической хартии и четырех свободах [46].

Спустя неделю после съезда, когда председатель конгресса Ч. Розмарк пожелал встретиться с президентом, Рузвельт ему отказал [47]. Эксперт Госдепартамента по польским делам Э. Дурброу посчитал, что отказ от встречи был связан с антисоветским содержанием учредительного статута конгресса (Buffalo Convention, 1944 [48]), однако признал, что если президент откажется от встречи с поляками, то, вероятно, будет подвергнут критике со стороны большинства польских американцев. В связи с этим был разработан план: если президент примет делегацию польского Конгресса в США, то он должен принять и представителей американского польского Трудового Совета, который был настроен про-рузвельтовски. Но в итоге президент не захотел видеть ни тех, ни других, а принял Миколайчика.

Нежелание руководства США быть посредником между СССР и польским правительством было связано с уверенностью в том, что «Сталин не стремится к советизации Польши» [49], хотя Данн в обращении к Хэллу от 20 июля 1944 г. с опаской отмечал, что «Красная Армия перешла границу Керзона» и что теперь в каждый момент могут возникнуть новые обстоятельства в польско-советском споре» [50].

Реакция госсекретаря на образование Крайовой Рады Народовой была определенной: он, как представитель США, не принимал иных дипломатических отношений, кроме как с польским правительством в эмиграции. А в визите О. Ланге и С. Орлеманьского [51] в апреле – июне 1944 г. в Москву увидел шаг американского правительства в сторону умаления статуса польского правительства [52].

В ноябре 1944 г., на завершающем этапе своей карьеры, он отмечал, что США не могли давать какие-либо гарантии во время войны Польше по поводу новых границ, но при этом стремились сохранить добрые отношения между союзниками. Недобрыми они получились только у СССР и Польши вследствие слабости правительства Миколайчика. Уход Хэлла с поста госсекретаря США (30 ноября 1944 г.) официально по причине ухудшающегося состояния здоровья, а также по необходимости реализации Соединенными Штатами конкретных проектов послевоенного устройства мира и отставка Миколайчика с поста премьер-министра польского правительства в эмиграции (24 ноября 1944 г.) завершили очередную рубез польско-американских отношений.

Стеттиниус, довольно активно включившийся в работу Госдепартамента после отставки Уэллеса, 5 октября 1943 г. уже присутствовал на собрании перед Московской конференцией, а на Тегеранской – принимал непосредственное участие. Он довольно часто замещал Хэлла на посту госсекретаря ввиду болезни последнего, и под его руководством готовился перечень вопросов и проблем для их обсуждения президентом на конференции. В этой же роли он разрешил проблему антисоветской пропаганды в Китае, проводимой по инициативе польского правительства в эмиграции.

Известно, что еще до Московской конференции министров иностранных дел Сталин дал согласие на подписание Китаем Декларации четырех государств, безусловно являвшейся творением Хэлла. 22 января 1944 г. госсекретарь телеграфировал поверенному в делах США при польском правительстве Р. Шоэнфельду, чтобы тот негласно заставил польских политиков прекратить подобные акции [53].

Заменяя Хэлла в начале 1944 г., он сыграл роль посредника в общении Рузвельта и Чехановского. Президентские выборы, болезнь Хэлла заставляли брать все бремя польского вопроса на себя. Кроме того, подготовка к операции «Оверлорд» снимала напряженность в обязательствах Вашингтона перед Польшей.

В Вашингтоне не торопились принять Миколайчика. Однако в Госдепартаменте принимали тот факт, что польское правительство в Лондо-

не – единственный признанный польский субъект международного права. Стеттиниус, как и Хэлл, считал, что Ланге и Орлеманский не могли представлять интересов и взглядов Польши в вопросе польско-советских отношений, мнения американской Полонии и американского общества в целом.

Во время визита польского премьер-министра (9 июня 1944 г.) Стеттиниус предлагал, чтобы для разрешения ряда польских проблем со Сталиным встретился Э. Бенеш, а не сам Миколайчик, как бы он этого ни хотел [54]. Видимо, уже тогда в Госдепартаменте, а в отделе по европейским делам особенно (Х. Мэттьюз и Э. Дурброу присутствовали на этой встрече), видели в этом наиболее перспективный способ налаживания отношений между Польшей и СССР. В отличие от Хэлла, Стеттиниус строил свою тактику на поиске конкретных мер для преодоления разрыва польско-советских отношений. Ссылаясь на предстоящие президентские выборы в США, он отмечал, что необходимо взвешенно оценить возможности вмешательства ФДР в этот процесс. Миколайчику, по мнению Стеттиниуса, предстояло самому активно взяться за урегулирование отношений с СССР, принимая во внимание тот факт, что ситуация на восточном фронте в скором времени может существенно измениться [55].

12 июня Рузвельт ясно дал понять, что между престижем правительства и отношениями с мощным соседом выбирать нужно последнее. Поэтому он рекомендовал польскому правительству, думая, видимо, что такой подход сохранит позиции польского правительства на международной арене, обоюдность разрешения проблемы дипломатических отношений.

Стеттиниус все же посчитал визит Миколайчика успешным, хотя в том же месяце Чехановскому выразил мнение, что ситуация по поводу Польши выгодна СССР, и в Москве не торопятся начать переговоры с польским правительством. Может быть, именно такой тон Вашингтона подтолкнул поляков в Лондоне начать в июле 1944 г. активную подготовку к национальному восстанию, вспыхнувшему в августе – сентябре 1944 г. Однако и оно доказало, что главный союзник Польши находится на востоке, где польское правительство и должно было искать помощь.

Позиция президента и Госдепартамента по поводу отношений Москвы и правительства в эмиграции сохранялась до конца 1944 г. 13 декабря 1944 г. в инструкции Гарриману Стеттиниус подчеркивал, что США признают только одно польское правительство – в Лондоне, при этом они должны принять более жесткую позицию, «более жесткую, чем в прошлом» [56].

В заявлении от 18 декабря было сказано, что США стремятся создать сильное, независимое и

свободное польское государство, и они не будут против, если СССР и польское правительство в эмиграции смогут договориться о границах до окончания военных действий. Они также объявили о своей готовности предоставить помощь в экономическом восстановлении Польши и участвовать в организации переселения польского населения в связи с переносом границ. При этом оговаривалось, что США, проводя свою внешнюю политику, не могут давать какие-либо гарантии по поводу конкретных границ [57].

Уход премьера Миколайчика со своего поста в ноябре 1944 г. был встречен с большим сожалением в США. Понималось, что польские ресурсы, необходимые для восстановления польско-советских отношений, сократились. В связи с этим предполагалось, что в Москве быстро оценят свои преимущества в данном вопросе и признают за Люблинским комитетом право быть единственным представителем польского населения. Пока отчетливо понималось, что речь идет о поляках, живущих в Советском Союзе, и тех поляках, которые жили к востоку от линии Керзона. Основания бояться были, об этом писал в Вашингтон еще Гарриман в ноябре 1944 г., поэтому под руководством Стеттиниуса разрабатывались шаги возможных ответных действий на признание СССР иного польского правительства.

По поводу признания Соединенными Штатами только польского правительства в эмиграции Стеттиниус продолжал говорить на пресс-конференциях в начале января 1945 г. Эти же тезисы сохранялись в двух документах, подготовленных для Ялтинской конференции. В меморандуме для президента очередной раз перечислялись следующие положения: свободная, независимая, демократическая Польша; свободные выборы под контролем ООН; демократическое правительство; линия Керзона с возможностью включения Львова, горной Силезии, части восточной Пруссии, полосы Поморья. Тут же не признавалось включение в состав Польши Вроцлава и Щецина. Так называемая «Briefing book» ставила цели сохранить хорошие отношения с СССР и увеличить американское влияние в Польше и на Балканах [58].

В меморандуме от 1 февраля президенту Стеттиниус все еще придерживался идеи непризнания Люблинского правительства, однако и здесь нельзя не отметить присутствие политического реализма, он посчитал, что в польское правительство национального единства должны войти представители разных политических сил как в эмиграции, так и на территории самой Польши. Принцип представительности отразился в идее создания Президентского Комитета, созданного великими державами для формирования этого Временного правительства [59]. Однако 9 февраля

Стеттиниус представил документ, в котором отмечалось, что американская сторона отказывается от идеи создания Президентского Комитета [60]. Причинами этому стали противоречия и разные взгляды Великобритании и СССР по данному вопросу. Если первая стремилась к организации нового правительства, то второй – к реорганизации польского Временного правительства в Люблине, т. е. включению в него представителей польского подполья и эмиграции. В связи с этим возникал вопрос: что выгоднее – созвать польских представителей вместе или просто кооптировать некоторых политических деятелей в уже существующее Временное правительство, заменив при этом его название, не слишком сильно раздражая советскую сторону?

Так или иначе, появление идеи создания нового правительства, что являлось компромиссным вариантом для всех сторон, объединяло и трансформировало различные польские представительства в единый орган управления будущего государства. Делегация польского правительства национального единства должна была участвовать в работе конференции в Сан-Франциско, о чем не раз объявлялось Стеттиниусом, но в реальности этого не произошло.

Создание нового польского правительства могло расцениваться американским руководством в качестве способа сохранения польского представительства в эмиграции – инструмента осуществления англосаксонской политики на международной арене по польскому вопросу. В Госдепартаменте в 1942–1945 гг. он рассматривался через призму существовавших внешнеполитических концепций, разрабатываемых в американском руководстве. Идеи регионализма Уэллеса были отвергнуты в 1943 г. в связи с необходимостью американо-советского сближения и проведением президентских выборов в 1944 г. Поэтому разговоры о конкретных разработках по поводу послевоенного устройства Польши нужно было на время прекратить. С этой ролью прекрасно справился политический идеалист Хэлл. Исследования польской проблематики в Госдепартаменте в это время не прекращались вовсе. Сменивший Хэлла на посту госсекретаря Стеттиниус продолжил сближение Госдепартамента и Администрации президента по поводу польского вопроса. В условиях формирования новой внешнеполитической концепции – политического реализма – Стеттиниус умело соединил конкретные разработки и планы послевоенного устройства Польши с общими принципами американской государственности и мира по-американски. Он разработал конкретный план трансформации польского представительства на международной арене, который, претерпев некоторые изменения, был реализован путем дипломатического призна-

ния Соединенными Штатами Польского Правительства Национального Единства, созданного на основе участия представителей различных политических польских сил.

Примечания

1. Юнгблуд В. Т. Внешнеполитическая мысль США. Киров, 1998. С. 52.
2. FRUS. 1942. Europe. Vol. III. P. 204–208.
3. Цит. по: *Pastusiak L. Roosevelt a sprawa polska. Warszawa, 1981. S. 86.*
4. *Ciechanowski J. Defeat in Victory. N.Y., 1947. P. 141.*
5. *Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 375–379.*
6. Американский историк Я. Чекаевский, ссылаясь на один из летних номеров журнала «Life» 1944 года, пишет, что в руководстве США (что потом и отразилось в книге С. Уэллеса) в 1944 г. был некий план в отношении Польши. Восточная Пруссия должна была отойти к послевоенной Польше. Познань и Горная Силезия должны были отойти к Восточной Германии (по плану были еще Северная и Южная). На востоке Польша отдавала территории восточнее линии Керзона. Это означает, что разбитая Германия по территории была бы больше Польши, и в то же время этот план не создавал каких-либо условий для СССР «уважать суверенитет поляков». *Czekajewski J. Plan amerykańskie dla Polski w 1944 r. // Polonialife. 5 lutego 2005 г. См.: <http://polskiejutro.com/art.php?p=2915>*
7. *Welles S. The time of decision. L., 1944. P. 257.*
8. В. Сикорский видел федерацию только славянской, позже, под влиянием А. Мульштайна, эта идея трансформировалась в объединение государств ЦЮВЕ, с целью проведения общей внешней политики и обороны. Г. Гаррисон и А. Лутославский видели в федерации Центральную Унию отделяющей Германию от СССР. См. *Matusak P. Misja integracji Europy Podziemnej 1939–1945 // Pro Memoria. 2003. № 2. S. 16–17.* В Москве же, как известно, не принимали идею создания федерации, охватывающей Польшу, Чехословакию, Югославию, Грецию, Австрию и Венгрию (обращение В. М. Молотова А. Кларк-Керпу 7 июня 1943 г.), см: FRUS, 1943, General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 515 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1943v01.p0525&q1=Poland>
9. У. Буллит в 1943 г. называл это явление доминированием и призывал президента создать англо-американскую военную линию в Восточной Европе. См.: *Harper J. L. American visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean Acheson. Cambridge, 1997. P. 43.*
10. Цит. по: *Pastusiak L. Roosevelt a sprawa polska. S. 102.*
11. *Welles S. Seven Decisions that Shaped History. N.Y., 1951. P. 130–131.*
12. Чехановский потом вспоминал, что Уэллес был не только соратником Рузвельта, но и искренним другом Сикорского, сторонником его политики. См.: *Ciechanowski J. Defeat in Victory. N.Y., 1947. P. 223.*
13. *Hull C. The memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N.Y., 1948. P. 1255.*
14. То же самое он повторил 3 мая Галифаксу, в результате чего миссию посредника между СССР и

польским правительством взяла на себя Великобритания.

15. Встреча прошла 24 апреля. См.: *Pastusiak L. Roosevelt a sprawa polska*. S. 99.

16. США и Великобритания за счет своей системы консульств и посольств решили взять всю проблему на себя.

17. FRUS 1943 – III. P. 437.

18. *Pastusiak L. Roosevelt a sprawa polska*. S. 135.

19. *Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки*. М., 2006. С. 116.

20. *Юнгблуд В. Т. Внешнеполитическая мысль США*. Киров, 1998. С. 59.

21. В 1948 г. Ганс Моргентау издал свой труд, ставший своеобразной библией теории международных отношений, «*Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*». N.Y., 1948.

22. «...I had conferences with the President...». 4 и 5 октября ФДР провел совещания с К. Хэллом, причем на них присутствовали также Э. Стеттиниус (заместитель госсекретаря), А. Пасвольский (специальный помощник госсекретаря), Дж. Данн (советник отдела координации экономической деятельности за рубежом), Фр. Мэттьюс (начальник отдела Госдепартамента по европейским делам), адмирал У. Леги (начальник штаба Главнокомандующего Армии и Флота), Г. Хакворт (юрисконсульт). См.: *Memorandum of Conversation With President Roosevelt* (Вашингтон, 5 октября 1943 г.), см: FRUS, 1943, General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 541.

23. «We agreed at this conference that we should make every effort to secure both British and Russian agreement to China's participation in a four-power arrangement». *Hull C. The memoirs of Cordell Hull*. Vol. 2. N.Y., 1948. S. 1265.

24. «It should be possible to find a formulation which would clearly absolve Russia from participation in questions relating to the Pacific area until after the termination with the war with Japan». *Memorandum of Conversation With President Roosevelt* (Вашингтон, 5 октября 1943 г.), см: FRUS, 1943, General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 541–542.

25. По словам Хэлла, ФДР собирался встретиться со Сталиным и обсудить вопрос о Польше «на основе высокой морали». Он также считал, что новая граница должна проходить несколько восточнее так называемой линии Керзона, с тем чтобы Львов отошел к Польше, и что плебисцит следует провести после того, как вызванные войной потрясения улягутся. *Hull C. The memoirs of Cordell Hull*. Vol. 2. N.Y., 1948. S. 1266.

26. *Hull C. The memoirs of Cordell Hull*. Vol. 2. N.Y., 1948. P. 1269.

27. Тогда как 10 июля 1943 г. в депеше Стендли отмечал, что трагичная смерть Сикорского может принести реорганизацию в польском правительстве и реставрацию польско-советских отношений. См.: FRUS 1943 – III. P. 442.

28. Известно, что ФДР был против воссоздания малой Антанты, одним из идеологов которых был сам Сикорский. Возможно, здесь Хэлл сожалеет по поводу возросшей роли СССР в ЦЮВЕ к 1948 г.

29. *Harper J. L. American visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean Acheson*. Cambridge, 1997. P. 89.

30. Речь идет об отсутствии желания настаивать на урегулировании во время войны специфических вопросов, например определение границ между Польшей и СССР.

31. *Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве*. М., 2004. С. 313; В. А. Мальков же считает, что К. Хэлл просто был против «обсуждения проблем послевоенного устройства» во время войны. См. *Мальков В. А. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века*. М., 2004. С. 415.

32. Пункт № 4 посвящался польско-советским отношениям и политике в отношении Польши вообще; пункт № 11 – будущему Польши, вопросу о конфедерациях; пункт № 14 – политике в отношении территорий союзных стран, освобожденных в результате наступления вооруженных сил союзников. См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. С. 48–49, 64. См.: FRUS, 1943, General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 525–526.

33. Советский Союз на международных конференциях... Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. С. 117.

34. Там же. С. 191.

35. Там же. С. 253; Summary of the Proceedings of the Eleventh Session of the Tripartite Conference, October 29. FRUS, 1943, General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 668.

36. *Мальков В. А. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века*. М., 2004. С. 420.

37. *Печатнов В. Указ. соч.* С. 116–117.

38. *Бернс Дж. М. Франклин Рузвельт. Человек и политик*. М., 2004. С. 413.

39. Цит. по: *Печатнов В. Указ. соч.* С. 118.

40. FRUS 1943 – III. P. 485.

41. Телеграмма К. Хэлла Ф. Д. Рузвельту, 23 ноября 1943 г., см.: FRUS, 1943, II. The First Cairo Conference. P. 384.

42. *Bohlen, Charles E. Witness to history, 1929–1969*. N.Y., 1973. P. 151–153; Возможно, в этом сыграла свою роль критика Сталиным карт этнического состава восточной Польши, подготовленных самим Боленом в целях послевоенного планирования Госдепартамента. В своем меморандуме о Тегеранской встрече он подчеркнул наличие большого интереса у Сталина к этим картам. Они были созданы на основе статистических материалов 1920–1939 гг., что стало предметом критики советского лидера. См. *Memorandum by the First Secretary of Embassy in the Soviet Union (Moscow, December 1943)*. FRUS, The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 837–838; Ч. Болен неодобрительно относился к шуткам ФДР над У. Черчиллем, целью которых было сближение президента со Сталиным. *Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве*. М., 2004. С. 320; бремя польского вопроса ФДР переложил на плечи Черчилля, который становился «объектом жалоб Сталина и адресатом гнева на поляков». См.: *Eubank K. Summit at Teheran*. N.Y., 1985. P. 446.

43. *Confidential Dispatches. Analyses of America by the British Ambassador, 1939–1945 / ed. by Thomas E. Hachey. Evanston, 1974. С. 172.*

44. Миколайчик должен был принять линию Керзона. См.: *Hull C. The memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N.Y., 1948. P. 1441–1442.*

45. *Matusak P. Wstęp / Powstanie Warszawskie 1944. Wybór dokumentów. T. 1. Preliminaria operacyjne natarcie powstańców i opranowanie miasta 31 V – 4 VIII 1944. Warszawa, 1997. S. 6.*

46. Цит. по: *Lukas R. C. The strange allies: the United States and Poland, 1941–1945. Knoxville, 1978. S. 118. См. Polish American Congress, Records // <http://www.ihrc.umn.edu/research/vitrage/all/po/POLpac.htm#scope>*

47. *Lukas R. C. The strange allies ... S. 122–123.*

48. Polish American Congress, Records. Режим доступа: <http://www.ihrc.umn.edu/research/vitrage/all/po/POLpac.htm#scope>

49. FRUS 1944 – III. P. 1289.

50. FRUS 1944 – III. P. 1296.

51. Профессор Оскар Ланге и ксендз Станислав Орлеманский являлись представителями просоветской части американской Полонии.

52. Данные сведения черпаются из мемуаров Хэлла. См.: *Hull C. The memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N.Y., 1948. P. 1442–1443.* Тогда как тот же Данн официально заявлял Чехановскому, что Ланге и Орлеманский «едут в Москву как частные граждане, без каких-либо полномочий со стороны США». См.: FRUS 1944 – III. P. 1406–1407.

53. FRUS, 1944. Europe. Vol. IV. P. 760.

54. *The diaries of Edward Stettinius, Jr., 1943–1946 / ed. by Thomas M. Campbell and George C. Herring. N.Y., 1975. P. 82.*

55. *Pastusiak L. Roosevelt a sprawa polska. S. 202.*

56. *The diaries of Edward Stettinius, Jr., 1943–1946. P. 198.*

57. FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. P. 218.

58. Ibid. P. 230–236.

59. Ibid. P. 510–511.

60. Ibid. P. 803–804.

УДК 94(470+73+492.2)“1939/41”

Р. К. Камилов

ОТНОШЕНИЕ СССР И США К УЧАСТИЮ БОЛГАРИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939–1941 гг.)

В данной статье основной акцент в политике СССР и США делается на их отношении к вступлению Болгарии в военно-политический союз с Германией в марте 1941 г. Анализируется роль американской дипломатии в оказании сдерживающего влияния на прогерманский курс политики Болгарии. Отдельно характеризуется политика Советского Союза, направленная на вовлечение Болгарии в сферу советских стратегических интересов.

In given article the basic accent in the politician of the USSR and the USA becomes on a problem of the introduction of Bulgaria in the military-political union with Germany in March, 1941. The role of the American diplomacy in possibility of rendering of constraining influence on a pro-German course of a policy of Bulgaria is analyzed. The policy of Soviet Union directed on involving of Bulgaria in sphere of the Soviet strategic interests is separately characterized.

Ключевые слова: Нейский мирный договор 1919 г., «болгарский вопрос», нейтралитет Болгарии, национально-исторический вопрос Болгарии, статус Южной Добруджи, Тройственный пакт.

Keywords: The Nejsky peace treaty of 1919 year, «the Bulgarian question», Neutrality of Bulgaria, National-historical question of Bulgaria, The status of Southern Dobrudja, The Triple pact.

Международное положение Балкан в 1930-е гг. было достаточно противоречивым в связи с углубляющимися разногласиями, вызванными итогами Первой мировой войны для отдельных стран региона. Значимым фактором в жизни народов Балканского полуострова было наличие неразрешённых территориальных, политических и национальных проблем. Ведущие мировые державы стремились принять активное участие в политических событиях балканских стран. Наиболее активная роль в этом регионе традиционно принадлежала Великобритании и Франции. После смены политического режима в Германии в 1933 г. последняя также заявила о своём участии в балканских делах.

Позиции на Балканах Советской России, в отличие от Российской империи, были слабы. Лишь со второй половины 30-х гг. советское руководство начинает стремиться к восстановлению российских интересов, в первую очередь – в Болгарии. А. О. Чубарьян писал в связи с этим: «Идеи так называемой славянской солидарности побуждали московских лидеров продолжать считать Болгарию... страной, где Советский Союз мог рассчитывать на использование своего влия-

ния и прежних традиций» [1]. В целом же интенсивность советской политики на Балканах значительно уступала степени активности Лондона и Парижа, а также усилиям Рима и Берлина по реализации своих интересов.

Отношение США к региону в целом и отдельным странам варьировалось в зависимости от конкретной политической обстановки и наличия возможности для реализации экономических интересов. Рассматривая взаимоотношения Вашингтона и Софии, необходимо акцентировать внимание на слабой американской вовлечённости в болгарские дела, которая значительно уступала активности Великобритании [2]. Причина во многом была сокрыта в традиционном американском изоляционизме, хотя были и другие факторы. В 1930-е гг. Соединённые Штаты руководствовались тем, что Болгария отчасти была изолирована в своих внешних контактах, так как в Первой мировой войне она принимала участие на стороне Германии. Положения Нейиского мирного договора от 27 ноября 1919 г. наложили значительные ограничения на возможность выгодных для Вашингтона экономических контактов с Софией: аграрно-сырьевой рынок болгарской экономики, слабое промышленное развитие, незначительное присутствие иностранного капитала, потеря ряда территорий, в первую очередь важно в торговом отношении выхода к Эгейскому морю. Немаловажным моментом выступало наличие острых национально-территориальных противоречий с Югославией и Грецией [3]. Наконец, внутреннее состояние этой балканской страны негативно влияло на развитие отношений с США: американцам был чужд авторитарный характер политической системы болгарского государства.

Начало Второй мировой войны Болгария встретила провозглашением 15 сентября 1939 г. своего полного нейтралитета. Однако подобный политико-дипломатический ход со стороны Софии вовсе не означал её самоустранения от разгоравшейся мировой войны. Ведущей внешнеполитической установкой внешней политики Болгарии, начиная с 1920-х гг., было стремление добиться пересмотра условий Нейиского мирного договора 1919 г. В отличие от Германии, стремившейся в одностороннем порядке пересмотреть итоги Первой мировой войны, Болгария выбрала осторожную линию поведения. В секретной директиве № 19 от 19 апреля 1939 г., которую премьер-министр Г. Кюсейванов направил всем болгарским дипломатическим представительствам за границей, говорилось, «что Болгария проводит и впредь будет проводить до тех пор, пока это окажется возможным, самостоятельную политику» и что «в конечном счёте Болгария придерживается выжидательной политики» [4]. Развивая внешнеполитическую про-

грамму правительства, болгарский посол Н. Антонов в ноте, направленной В. М. Молотову 16 сентября 1939 г., писал: «При создавшемся международном положении и развивающихся событиях Болгария, продолжая свою миролюбивую политику, останется нейтральной» [5]. Правящая элита, сознавая тяжёлое наследие прошедшей мировой войны, сложное внешнеполитическое положение и неподготовленность страны к длительной войне, всячески подчёркивала миролюбивый характер своей внешней политики. София говорила о своих ревизионистских устремлениях очень осторожно, неизменно подчёркивая, что она выступает лишь за мирные их решения [6].

Основными территориальными устремлениями Болгарии были земли, которые считались исконно болгарскими и возвращение которых означало бы решение давнего национально-исторического вопроса. Это были Южная Добруджа (с 1913 г. входила в состав Румынии), выход к Эгейскому морю (территории, отошедшие к Греции), а также Вардарская Македония (с 1913 г. находилась в составе Сербии, затем Королевства сербов, хорватов и словенцев, впоследствии Королевства Югославия). В Меморандуме Госдепартамента от 13 февраля 1941 г., подготовленном заместителем госсекретаря А. Берлом, приводится ссылка на позицию греческого министра, основанная на преемственности внешней политики Болгарии, начиная со Второй Балканской войны (1913 г.) [7]. В отличие от Германии и Италии западные демократии в лице Великобритании, Франции и США были противниками ревизионистской политики, направленной на пересмотр европейских границ. Создатели Версальско-Вашингтонской системы международных отношений предполагали сохранение статус-кво на Балканах.

Осознавая невозможность добиться от ведущих европейских держав решения намеченных внешнеполитических задач в свою пользу, болгарское правительство всё более склонялось к ориентации страны на блок государств, выступающих за пересмотр Версальской системы. В силу сложившегося международного положения прогерманская внешнеполитическая стратегия Болгарии казалась вполне закономерной. Подкреплялась данная политика экономическими соображениями, поскольку основная доля экспорта болгарского производства (около 80%) приходилась на Германию. Это говорило об исключительном месте немецкого капитала в болгарской внешней торговле [8]. Поэтому попытки западных стран, в том числе и США, вовлечь Болгарию в «Балканский нейтральный блок», остановив тем самым германское экономическое и политическое проникновение в Юго-Восточную

Европу, потерпели фиаско. Заместитель государственного секретаря С. Уэллес писал в связи с этим, что реализация Соединёнными Штатами политики, направленной на снижение экономической зависимости балканских стран от Германии, не увенчалась успехом [9].

Накануне войны Великобритания и Франция попытались продвинуть на Балканах идею создания блока государств. Его конечная цель преследовала ограничение экспансионистской активности Берлина в регионе. В планах Лондона и Парижа Болгарии и Турции отводилась активная роль в укреплении стратегических интересов Англии в Восточном Средиземноморье [10]. Однако болгарская позиция в вопросе о блоке оказалась противоречивой, основанной на традиционном недоверии к политике Турции и стоявшей за ней английской дипломатии. Посол США в Софии Р. Атертон в марте 1939 г. писал о том, что Кьосейванов скептически воспринял англо-французские предложения, которые оказались запоздалыми по времени: «Повторные предложения и дипломатическая деятельность по формированию демократического блока ускорили бы подготовку Гитлера к войне» [11]. В частной беседе с американским посланником болгарский премьер-министр выразил недоумение по поводу фактической неосведомлённости англо-французской дипломатии относительно политических реалий на юго-востоке Европы.

Пытаясь предотвратить окончательный переход Болгарии на сторону Германии, США поддержали готовность Великобритании согласиться на частичный пересмотр государственных границ на Балканах. В Вашингтоне новое пограничное урегулирование считали делом отдалённой перспективы с обязательным участием всех заинтересованных сторон. Острый характер перед войной носил вопрос о линии государственной границы. Он был связан с болгаро-румынскими разногласиями по поводу принадлежности Южной Добруджи. После начала войны эта проблема приобрела особое значение. В частности, Миллард в донесении госсекретарю от 20 сентября 1939 г. свидетельствовал, что «Болгария будет терпеливо и мирно добиваться решения этого вопроса на предстоящей конференции» [12]. Вместе с тем болгаро-румынские разногласия выходили за рамки двусторонних отношений и становились общевосточной проблемой. Американский посол в Белграде А. Лейн в сентябре 1939 г. писал, что «Болгария увеличивает территориальные требования к Румынии, что становится опасной проблемой для мира на Балканах» [13]. Отчасти признавая справедливый характер болгарских притязаний на Южную Добруджу, Вашингтон видел решение данной проблемы в рамках многосторонних переговоров в противо-

вес возможной военной операции со стороны Болгарии [14]. Посол США в Болгарии Дж. Эрл летом 1940 г. сообщал, что в обществе и армейских кругах Болгарии военное противостояние с Румынией и вторжение в Добруджу расценивалось в качестве способа оказания влияния на переговорный процесс между Софией и Бухарестом.

7 сентября 1940 г. в Крайове был подписан болгаро-румынский договор, по которому Южная Добруджа была возвращена Софии. Министр иностранных дел Болгарии И. Попов расценивал дипломатический успех своей страны как проявление «дружеских» отношений с Румынией и заинтересованности во избежание тяжёлых последствий [15]. Румыны уступили под нажимом Берлина, что должно было способствовать развитию прогерманских настроений в Болгарии. Политические наблюдения Эрла основывались на предположении, что «без влияния оси Румыния никогда не согласилась бы уступить свою территорию» [16]. В благополучном исходе болгаро-румынских переговоров СССР и Германия также проявили подчёркнутую заинтересованность [17]. В советской прессе болгаро-румынский компромисс был охарактеризован как прекращение «несправедливости, легализованной в 1919 г. англо-французскими империалистами в Нейи» [18]. Хотя мирный характер передачи территории был оценен американской дипломатией положительно, в Вашингтоне понимали, что Германия будет добиваться вовлечения этой балканской страны в подписанный 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт [19].

Дальнейшее решение вопроса о территориальном положении Болгарии исходило из складывающейся международной обстановки и баланса сил в регионе. В частности, вопрос выхода Болгарии к Эгейскому морю Попов в беседе с Эрлом поместил в рамки «мирного ожидания, без применения угроз или действий подобного рода против любой нации» со стороны Болгарии [20].

Для предотвращения нежелательного для США развития событий Белый дом не только использовал дипломатические каналы, но и пытался повлиять на болгарскую позицию путём неофициальных переговоров. В январе 1941 г. в Софию был направлен личный эмиссар Ф. Рузвельта полковник У. Донован с целью повлиять на болгарское высшее руководство и не допустить прямого военно-политического союза Болгарии с Германией. В случае дружественного нейтралитета Болгарии по отношению к Великобритании посланник американского президента обещал помощь, подобную той, которую США планировали оказать Англии и Греции после подписания Закона о ленд-лизе. Также будущий директор Управления стратегических служб обещал в пер-

спективе помочь Софии получить выход к Эгейскому морю [21].

Миссия американского полковника оказалась безрезультатной. Однако некоторый, хотя и весьма ограниченный, результат от визита Донована в Софию всё же имел место. Как пишет болгарский исследователь В. Тошкова, «единственным результатом миссии американского представителя явилось то, что укрепились уже существовавшая тенденция к ограничению прямого вовлечения Болгарии в войну» [22]. Другим важным аспектом американских предложений было содействие созданию блока балканских государств с участием Болгарии [23]. Как пишет Эрл, заявление Донована о поддержке Соединёнными Штатами Великобритании в войне имело «большой эффект». Американский дипломат заключает, что Болгария, не имея возможности остаться нейтральным участником военного конфликта, рассчитывала на дальнейшее сотрудничество с Вашингтоном в рамках послевоенного мирного урегулирования и продвижения позиций Софии на конференции по территориально-пограничным спорам [24]. Деятельность Донована была ориентирована на пересмотр прежней балканской политики, что свидетельствовало об отходе администрации Ф. Рузвельта от изоляционистских традиций. В своих донесениях в Москву в ноябре 1940 г. посол СССР в США К. А. Уманский писал о проявлении заинтересованности Америки в отношении юго-востока Европы в смысле общего хода войны и «будущей безопасности США» [25].

В Советском Союзе в конце 1930-х гг. осознавали важность балканского региона. Усиление активности советской дипломатии в болгарских делах свидетельствовало о возрастании заинтересованности Москвы в решении своих внешнеполитических задач и проблем национальной безопасности. В расчётах Кремля Болгария характеризовалась как «сфера интересов СССР» [26]. В ближайшем будущем советско-болгарские отношения советская дипломатия намеревалась развивать путём укрепления и расширения двусторонних контактов. На переговорах в Берлине осенью 1940 г. В. М. Молотов сформулировал советскую позицию невмешательства во внутренние дела Болгарии «с полным сохранением существующего внутреннего режима» [27]. Проявлением сотрудничества между Москвой и Софией явилось достижение соглашений по развитию отношений в области экономики и культуры. В результате интенсивных советско-болгарских контактов 1939–1940 гг. были подписаны «Договор о торговле и мореплавании» и «Соглашение о товарообороте и платежах» [28]. Как пишет Чубарьян, «сами по себе эти договоры не имели сколько-нибудь заметного значения, но для со-

ветских лидеров означали, что СССР продолжает укреплять отношения с Балканскими странами на двусторонней основе» [29]. Политическое представительство США в Софии сообщало в Вашингтон о выраженной болгарской заинтересованности в развитии двусторонних экономических соглашений с Советским Союзом, которые будут сопровождаться «дружественными политическими жестами по отношению к России» и расширением болгарского экспорта [30].

Оценивая международное положение Советского Союза после советско-финской войны, американский посол Л. Штейнгардт писал в марте 1940 г., что «Советское правительство будет стремиться усилить дипломатические позиции на Балканах и в районе Чёрного моря» [31].

Основное место в двусторонних отношениях периода 1939–1941 гг. занимало обсуждение советского предложения заключить пакт о дружбе и взаимопомощи между СССР и Болгарией. В советской историографии уделялось большое внимание этому вопросу как выражению дружественности советской политики. Советское правительство дважды выходило с инициативой заключения двустороннего договора. В таком договоре советская сторона видела возможность расширить своё политическое присутствие в стране. В частности, в советских планах присутствовала идея оказания давления на Турцию и Грецию и последующей передачи Болгарии территории Фракии [32]. Конечной целью советской политики было «сделать Болгарию своим союзником на Балканах» [33].

Болгарское общественное мнение было склонно рассматривать советско-болгарский пакт как возможность избежать войны и предотвратить вовлечение страны в военно-политическое сотрудничество с Германией [34]. Однако заключения советско-болгарского договора не произошло по причине отказа болгарского правительства. Последнее посчитало, что «заключение договора о взаимной помощи в данный момент может ускорить войну на Балканах» [35]. Находившееся у власти правительство Б. Филова, опасаясь ухудшения отношений с Германией, объявило об отсутствии «необходимости принять в данное время гарантии СССР, так как никто не угрожает Болгарии» [36]. Последующее развитие событий характеризовалось обострением отношений Болгарии с СССР и западными странами. Ответственность за это в советской исторической литературе всецело возлагалась на болгарское правительство [37]. Подчёркивалось, что с марта 1941 г. «Болгария стала превращаться в плацдарм для развёртывания военных действий против Советского Союза со стороны Германии, Италии, Румынии и других напавших на СССР государств» [38]. Тем не менее разрыва дипломатических от-

ношений между Москвой и Софией не последовало. Ухудшение отношений нашло выражение в систематической критике руководством СССР болгарского режима и отказе Москвы поддерживать «антинародный» курс Софии [39]. Обвинения строились на проведении Болгарией непоследовательного, противоречивого и враждебного курса по отношению к СССР и советским мирным инициативам. В самой Болгарии, как писал Эрл в июле 1941 г., «пророссийские чувства уменьшились в результате её территориальных приобретений» и поддержки Германией болгарских планов на Балканах [40].

В начале 1941 г. Болгария продолжала сохранять нейтралитет. Премьер-министр Б. Филов, будучи сторонником прогерманской внешней политики, в речи 12 января подчеркнул, что «Болгария не стремится быть страной легионеров (имеется в виду Румыния), а царь и народ единодушно желают остаться вне войны» [41]. Эрл скептически воспринял позицию болгарского руководства, хотя и подчеркнул её значимость для Болгарии в «критический момент». В свете поражения западной дипломатии на Балканах и разгрома Франции летом 1940 г., политической линией болгарского руководства стало критическое отношение к внешней политике президента Ф. Рузвельта. Установившийся контроль пронемецких политических сил над прессой обеспечил сосредоточение критики на внешней политике Соединённых Штатов, выступавших за расширение борьбы оставшихся независимых государств против стран «оси» [42].

Результаты визита Донована и аналитические выводы Эрла в январе 1941 г. свидетельствовали о безрезультатности коллективных усилий дипломатии стран европейских демократий и США склонить Болгарию к сопротивлению в случае вступления немецких войск на свою территорию [43].

1 марта 1941 г. Болгария подписала Тройственный пакт, а на следующий день 680-тысячная немецкая армия вступила на территорию страны [44]. Успех системного внешнеполитического нажима на Болгарию со стороны Берлина был обусловлен силовой поддержкой германской политики [45]. Вовлечение в союзнические обязательства с «третьим рейхом» свидетельствовало о «преднамеренных уступках» софийской правящей элиты и низведении Болгарии до положения сателлита [46]. Давая оценку общественному мнению страны, Эрл писал, что на формирование восприятия внешней политики Болгарии повлияло то обстоятельство, что «немецкое доминирование казалось меньшим злом по сравнению с советским» [47]. Декларируемый на протяжении длительного времени болгарский нейтралитет исчерпал себя, открыв возможность для вовлечения Болгарии во Вторую мировую войну на стороне стран оси.

США трактовали такое развитие событий как неспособность Болгарии отстаивать свободу действий в определении самостоятельной линии поведения во внешней политике и как слабость самого государства: «Те, кто не хотел сопротивляться (Венгрия, Болгария, Румыния), стали сателлитами, которым было позволено сохранить свои правительства, пока они сотрудничали с немцами в военном плане» [48]. Международная реакция на присоединение Болгарии к Тройственному пакту со стороны западных держав была предсказуемой: 5 марта британское правительство отозвало посла из Софии. Безрезультатность усилий Вашингтона убедить Софию отказаться от присоединения к Тройственному пакту объяснялась отсутствием у США действенного комплекса политико-дипломатических рычагов давления на страны региона на фоне всё ещё сохранявших свою силу изоляционистских традиций. В Вашингтоне понимали важность оказания поддержки странам, готовым встать на путь сопротивления агрессорам. В 1940 г. президент Ф. Рузвельт неоднократно подчёркивал решимость США «всесторонне помогать правительствам стран, защищающихся от нападения стран “оси”» [49]. Но одних уверений в возможной американской помощи было недостаточно. Посол Эрл, анализируя зависимое положение внешней политики Софии от Германии, отводит Америке роль «традиционного и бескорыстного друга Болгарии» [50]. Не в последнюю очередь на провале американских усилий «уберечь» Софию от подчинения Берлину сказались отсутствие прямых американских интересов в Болгарии. В связи с этим некоторые американские авторы склонны считать, что предвоенная судьба государств Восточной Европы больше зависела от географической близости той или иной страны к России или Германии, чем от того, что мог сделать Запад [51]. Последующие действия Болгарии, предпринятые в отношении захвата югославской и греческой территорий в апреле 1941 г., привели к осознанию опасности «болгарской агрессии» и выработке внешнеполитической позиции США по этому вопросу. В послании Госдепартамента от 5 апреля 1941 г. говорилось, что в случае поддержки Софией акций, нарушающих территориальную целостность Югославии Вашингтон оставляет за собой право на применение необходимых мер против расширения агрессии [52]. В апреле 1941 г. последовало разъяснение позиции Вашингтона, основанной на категорическом неприятии действий Софии: «...акты агрессии Болгарии против ее соседей оказывают неблагоприятное воздействие на американское общественное мнение и на наше правительство» [53]. Опубликование заявления Рузвельта в апреле 1941 г. о «необоснованном вторжении Болгарии на югославскую тер-

риторию» должно было оказать политическое воздействие на Болгарию и обратить внимание на нарушение Софией провозглашённых принципов внешней политики, направленных на отказ от ревизионистских подходов в решении территориальных проблем [54].

В официальных документах Госдепартамента периода Второй мировой войны позиция Болгарии в отношении присоединённых территорий Югославии и Греции характеризовалась как фактический «захват» и «расчленение национальной территории» [55]. Министр греческого правительства С. Диамантопулос в письме в Госдепартамент от 8 декабря 1941 г. характеризовал болгарскую политику на оккупированных территориях как аннексию и «болгаризацию» [56]. Американские авторы подвергают критике болгарский курс в отношении Македонии, указывая, что «вместо того, чтобы предоставить автономию Македонии, к которой стремились жители, болгары осуществляли полный контроль из Софии и основали болгарский университет в Скопье, что было частью политики болгаризации» [57].

Следуя в фарватере Германии и в соответствии с 3-й статьёй Тройственного договора, 12 декабря 1941 г. Болгария объявила войну Великобритании и США. Понимая, что её участие в войне было несколько условным, Вашингтон не объявлял Софии войны вплоть до 5 июня 1942 г. В особом послании госсекретарю Рузвельт объяснял свою позицию следующим образом: «Они [т. е. Болгария, Венгрия, Румыния и Финляндия. – Р. К.] были спутниками оси. Но они не были нашими врагами в том смысле, как Германия и Италия» [58]. Расчёт президента делался на возможно скорейший выход Болгарии из войны на стороне Германии и переход Софии на сторону антигитлеровской коалиции.

Объявление Соединёнными Штатами войны Болгарии не изменило существующего положения дел. Формальный разрыв дипломатических отношений не привёл к началу военных действий между двумя странами. Участие Болгарии в войне с США можно рассматривать как символическое [59]. Впоследствии, в ходе работы Парижской мирной конференции, в 1946 г. представитель Болгарии отметил: «Болгарская армия не сражалась ни на одном фронте против стран антигитлеровской коалиции; такова историческая действительность» [60]. По сути, так оно и было до лета 1943 г. В целом, по словам историка М. Мюллера, «Болгария была островом мира в море войны» [61].

Общим итогом советской и американской политики в отношении Болгарии в 1939–1941 гг. стало дипломатическое поражение и Москвы, и Вашингтона в «борьбе» за внешнеполитическую ориентацию Софии. Гитлеру удалось изменить

ситуацию на юго-востоке Европы в интересах Германии, существенно расширив сферу нацистского контроля и подготовив плацдарм для агрессии против СССР. Причины провала усилий Советского Союза и Соединённых Штатов, как и сами методы реализации их политики в отношении Болгарии, различались.

Москва пыталась воздействовать на болгарское руководство, в той или иной степени согласуя свои действия с Берлином в рамках развития секретных условий советско-германского пакта о ненападении. Стремясь оттянуть начало войны с Германией, советское руководство опасалось занять более решительную позицию по болгарскому вопросу в отношениях с Берлином. К тому же не последнюю роль в провале политики Кремля на данном направлении сыграли идеологические различия между Болгарией и СССР.

Соединённые Штаты не нуждались в «оглядке» на Берлин. Неудача их болгарской политики во многом была определена отсутствием действенных механизмов воздействия на балканскую ситуацию, крайней слабостью американского влияния в регионе и сохранявшими силу изоляционистскими тенденциями в американской внешней политике. Тем не менее, несмотря на эти различия, Москва и Вашингтон преследовали общую цель – воспрепятствовать вовлечению Болгарии в блок фашистских государств и максимально ограничить сферу нацистского доминирования. Именно это совпадение интересов во многом стало основой для дальнейшего советско-американского сотрудничества при согласовании военно-политических действий в рамках антигитлеровской коалиции.

Примечания

1. Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 353.
2. Накануне нападения Германии: внешняя и внутренняя политика СССР в первой половине 1941 года: материалы «круглого стола» // Славяноведение. 2002. № 6. С. 4.
3. Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978; Исраэлян В. Л., Кутаков А. Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967; Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне: военно-исторический справочник. М., 1972; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999.
4. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 363.
5. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. I. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. М., 1976. С. 464.
6. Болгария в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. Е. А. Валева. М., 2003. С. 230; America

- at war. A geographical analysis / ed. by S. Van Valkenburg. N. Y., 1943. P. 280.
7. Foreign Relations of the United States / Diplomatic Papers (FRUS). 1941. V. II. P. 693.
8. Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3 т. Т. I. Становление «реального социализма» (1945–1965). М., 2000. С. 45–50.
9. Welles S. The time for decision. L., 1944. P. 253.
10. FRUS. 1939. V. I. P. 125.
11. Ibid. P. 99.
12. Ibid. P. 443.
13. Ibid.
14. Ibid. 1940. V. I. P. 482.
15. Ibid. P. 504–505.
16. Ibid.
17. Ibid. P. 460, 504–505.
18. Ibid. P. 506–507.
19. Ibid. V. I, II.
20. Ibid. V. I. P. 513
21. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 399.
22. Там же. С. 400.
23. Kinsella W. E. Leadership in Isolation. FDR and the origins of the Second World War. Cambridge, 1978. P. 134.
24. FRUS. 1941. V. I. P. 282.
25. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. I. 1 марта 1940 г. – 1 марта 1941 г. М., 1998. С. 9.
26. Севостьянов П. П. Накануне великой битвы // Новая и новейшая история. 1981. № 4. С. 99–128; Безыменский Л. А., Горлов С. Накануне (Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Международная жизнь. 1991. № 8; Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5; Безыменский Л. А. Визит В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В свете новых документов // Новая и новейшая история. 1995. № 6.
27. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. I. 1 марта 1940 г. – 1 марта 1941 г. М., 1998. С. 70.
28. Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. I. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. М., 1976. С. 475–489.
29. Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 357.
30. FRUS. 1940. V. I. P. 453.
31. Ibid. 1941. V. III. P. 189.
32. Ibid. V. I. P. 537.
33. Болгария в XX веке: очерк политической истории / отв. ред. Е. А. Валева. М., 2003. С. 234.
34. Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. I. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. М., 1976.
35. Там же. С. 468–469.
36. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. I. 1 марта 1940 г. – 1 марта 1941 г. М., 1998. С. 138.
37. Исраэлян В. А. Из истории подготовки мирного договора с Болгарией (1944–1946 гг.) // Из истории международных отношений. М., 1963. С. 38.
38. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943 г. М., 1946. С. 159.
39. FRUS. 1941. V. I. P. 296.
40. Ibid. P. 322.
41. Ibid. P. 278.
42. Ibid. P. 279.
43. Ibid. P. 282.
44. 25 ноября 1941 г. состоялось присоединение Болгарии к антикоминтерновскому пакту от 26 ноября 1936 г.
45. America at war. A geographical analysis / ed. by S. Van Valkenburg. N.Y., 1943. P. 78; Berle A. Tides of Crisis. A primer of foreign relations. N.Y., 1957. P. 103.
46. Kinsella W. E. Op. cit. P. 156.
47. FRUS. 1941. V. I. P. 296.
48. American policy toward communist Eastern Europe: the choices ahead. P. 7.
49. Юнгблуд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998. С. 14–15.
50. FRUS. 1941. V. I. P. 335–336.
51. Campbell J. American Policy toward Communist Eastern Europe: the Choices Ahead. Minneapolis, 1965. P. 6.
52. Hull C. The memoirs of Cordell Hull. N.Y., 1948. P. 933; Peace and war. United States foreign policy. 1931–1941. W., 1943. P. 206.
53. FRUS. 1941. V. I. P. 305.
54. Ibid. P. 307.
55. Ibid. V. II. P. 752; Ibid. P. 981–982.
56. Ibid. P. 753.
57. Kertesz S. D. The fate of East Central Europe. Hope and failures of American foreign policy. Indiana, 1956. P. 277–278.
58. FRUS. Application of the Principle of Unconditional Surrender to Bulgaria, Hungary and Rumania. 1944. V. I. P. 580–613.
59. Muller M. L. Bulgaria during in the Second World War. Stanford, 1975. P. 165; Negotiating with the Russia / ed. by Raymond Dennett and Joseph E. Johnson. Boston, 1951. P. 175–176.
60. Исраэлян В. А. Указ. соч. С. 39.
61. Muller M. L. Op. cit. P. 197.

ПРАВО

УДК 340.15(470)

А. И. Стахов

О СООТНОШЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ С ОСНОВНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье определяются границы юридического содержания безопасности и ее соотношение с такими категориями, как «право», «правопорядок», «общественный порядок».

In the article are defined borders of the legal content of safety and its parity with such categories, as "right", "law and order", "public order" are defined.

Ключевые слова: безопасность, правовая система Российской Федерации, право, правопорядок, общественный порядок.

Keywords: safety, legal system of the Russian Federation, the right, the law and order, a public order.

Если сопоставить между собой ст. 2, 18 Конституции РФ, которые, по сути, провозглашают человека, его права и свободы в России в качестве первоосновы правовой системы, и ст. 55, 56 Конституции РФ, которые допускают ограничение прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности, то становится очевидной необходимость доктринального установления границ юридического содержания безопасности в правовой системе Российской Федерации.

При этом следует заметить, что ст. 55, 56, 71, 72 Конституции РФ формально отделяют безопасность от таких категорий, как «оборона», «чрезвычайное положение», «законность», «правопорядок», и поэтому заставляют задуматься о месте и роли безопасности в правовой системе Российской Федерации.

По нашему мнению, если исходить из перечисленных конституционных установлений, то безопасность как элемент правовой системы Российской Федерации должна представлять собой специальную юридическую категорию, обусловленную формально определенными типизированными социальными ситуациями, которые не в полной мере подвержены воздействию права и, следовательно, создают высокую вероятность

причинения вреда благам и ценностям, составляющим конституционные и иные законные интересы человека и гражданина.

К таким формально определенным типизированным социальным ситуациям следует отнести: 1) правомерное использование физическими и юридическими лицами под контролем государства техногенных и природных источников опасности (правомерное использование автомобиля, здания, сооружения, агрегата и т. п.); 2) правонарушения, связанные с использованием техногенных и природных источников опасности (нарушение правил дорожного движения, нарушение правил техники безопасности, нарушение норм законодательства об охране окружающей среды и т. п.); 3) обстановка, складывающаяся с участием физических и юридических лиц в результате вредоносного воздействия техногенных и природных источников опасности (дорожно-транспортное происшествие, обстановка, складывающаяся в результате техногенной аварии, пожара, наводнения и т. п.).

Исходя из предлагаемого понимания безопасности, ее границы юридического содержания, а также место и роль в правовой системе РФ можно установить соотносительно с такими основными категориями, как «право», «правопорядок», «общественный порядок», разработанными юридической наукой для характеристики состояний общественной жизни, подверженных воздействию права.

Если говорить о соотношении безопасности и права, то с позиции инструментального подхода, известного в юридической науке, право по отношению к безопасности следует считать средством (инструментом) достижения безопасности. Безопасность, в свою очередь, представляет собой результат воздействия права на указанные выше типизированные социальные условия (ситуации), которые, по сути, связаны с возникновением и (или) развитием природных и техногенных факторов окружающей среды, создающих высокую вероятность причинения вреда конституционным и иным законным интересам личности, а также конституционным и иным законным интересам общества, государства и нации.

По нашему мнению, право оказывает воздействие на поведение физических и юридических лиц, связанное с использованием предметов, явлений и процессов природной среды и техноген-

ной системы, способных причинить (причиняющих, причинивших) вред конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации. Оказывая такое воздействие, право призвано противодействовать природным и техногенным факторам окружающей среды, создающим высокую вероятность причинения вреда тем благам и ценностям личности, общества, государства и нации, которые предусмотрены нормами Конституции РФ и нормами текущего законодательства.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что право выступает как специальное средство достижения безопасности.

Правовой порядок в юридической литературе трактуется как сложная социально-правовая категория.

В обобщенном виде правопорядок рассматривается как одна из основных составных частей общественного порядка, которая регламентируется правовыми нормами, принятыми в установленном в данном государстве порядке [1].

Отдельные авторы связывают правопорядок не только с правовыми нормами, но и с законностью, определяя правопорядок как состояние упорядоченности общественных отношений, основанное на праве и законности [2].

Кроме изложенных подходов к пониманию правопорядка существует мнение, что в правовом порядке правовые явления взаимосвязаны как с правовыми нормами и законностью, так с общесоциальными требованиями (порядочностью, справедливостью, гуманностью, нравственностью и пр.). С этой точки зрения правопорядок отождествляется с объективно и субъективно обусловленным состоянием социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью, урегулированностью системы правовых отношений, основанных на нормативных требованиях, принципах права и законности, а также на демократических, гуманистических и нравственных требованиях, правах и обязанностях, свободе и ответственности всех субъектов права [3].

Заслуживает внимания и поддержки позиция Ю. Е. Аврутина, В. Я. Кикотя, И. И. Сыдорука, согласно которой правовой порядок выступает как определенная устойчивая система взаимосвязанных и образующих целостное единство признаков и элементов, выражающих различные уровни упорядоченности общественных отношений [4].

Не подвергая сомнению изложенные подходы к пониманию правопорядка, следует подчеркнуть, что данная категория, по сути, представляет собой юридический итог, завершающий этап всех юридических форм и процессов, выступает некой суммирующей величиной. На основании такого понимания правопорядка безопасность в

правовой системе Российской Федерации следует рассматривать в качестве составной части правопорядка, обусловленной такими формально определенными факторами природной среды и техногенной системы и такими формально определенными типизированными ситуациями, связанными с возникновением и(или) развитием данных факторов, которые создают высокую вероятность причинения вреда конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации. При таком подходе безопасность и правопорядок соотносятся как часть и целое. Если правопорядок есть суммарный итог воздействия права на общественные отношения, то безопасность – итог воздействия права на типизированные социальные условия, связанные с возникновением и(или) развитием вредоносных техногенных и природных факторов окружающей среды. Угрозы правопорядку носят комплексный характер. Они проистекают от разнообразных явлений, подверженных воздействию права, которые создают всякую опасность конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации. Угрозы безопасности в правовой системе Российской Федерации, в свою очередь, обусловлены лишь теми правовыми явлениями, которые создают высокую вероятность причинения вреда конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации. Следовательно, угрозы безопасности в правовой системе Российской Федерации соотносятся с угрозами правопорядку как особенное и общее. Суммируя изложенное, следует отметить, что безопасность как составная часть правопорядка неразрывно связана с иными сферами правопорядка: оборонной, финансовой сферой, таможенной сферой, сферой охраны государственной границы и др.

Общественный порядок трактуется в юридической литературе в широком и узком смыслах.

В широком смысле под общественным порядком понимают установившуюся в результате соблюдения социальных норм (норм права, морали, обычаев и традиций и т. п.) систему общественных отношений, неприкосновенность которой гарантируется всей политической системой государства [5]. При таком подходе отдельные авторы справедливо рассматривают общественный порядок в качестве «состояния общественных отношений, складывающихся по поводу соблюдения гражданами, должностными лицами и организациями ограничений, обусловленных общественным характером человеческого существования и установленных правовыми и моральными нормами в целях обеспечения максимальной безопасности и свободы жизнедеятельности каждого человека, всех законных институтов общества и государства» [6].

В узком смысле под общественным порядком понимается система волевых общественных отношений, складывающихся и развивающихся главным образом в общественных местах на основе соблюдения норм права и иных социальных норм, направленных на обеспечение личной безопасности граждан, общественной безопасности, на создание благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, для труда и отдыха граждан, уважения их чести, достоинства, общественной нравственности [7]. Под общественными местами, в свою очередь, понимают места общения людей в целях удовлетворения различных жизненных потребностей. В законодательстве дается примерный перечень общественных мест: улицы, площади, парки, транспортные магистрали, вокзалы, аэропорты и др. [8]

Несмотря на указанные выше существенные различия в содержании широкого и узкого подходов к пониманию общественного порядка, данная категория имеет единую сущность – под общественным порядком понимаются отношения, регулируемые правовыми и иными социальными нормами.

С этой точки зрения безопасность и общественный порядок являются диалектически связанными, но не идентичными категориями. Диалектическая связь безопасности и общественного порядка в правовой системе, по нашему мнению, состоит в том, что обеспечение безопасности есть в то же время обеспечение общественного порядка. Различия данных категорий состоят в следующем:

а) общественный порядок представляет собой систему общественных отношений, урегулированных правовыми и иными социальными нормами, а безопасность – это система общественных отношений, урегулированных правовыми и технико-правовыми нормами;

б) угрозы общественному порядку составляют всякие опасности, связанные как с правовыми, так и не правовыми явлениями. Угроза безопасности проистекает из правовых явлений, которые связаны с техногенными и природными

факторами окружающей среды, создающими высокую вероятность причинения вреда конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации;

в) методы и формы обеспечения общественного порядка обусловлены социальными факторами и условиями, а методы и формы обеспечения безопасности предопределены формально определенными вредоносными факторами техногенной системы и природной среды, а также формально определенными типизированными социальными условиями (ситуациями), способствующими возникновению и(или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

Изложенный подход к пониманию соотношения безопасности с основными категориями правовой системы может служить вектором направленности для развития отдельных видов правового регулирования безопасности, и прежде всего административно-правового регулирования безопасности.

Примечания

1. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1999. С. 345.
2. Теория государств и права: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. С. 209.
3. Например, Борисов В. В. Правопорядок // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2000. С. 563.
4. Аврутин Ю. Е., Кикоть В. Я., Сыдорук И. И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: монография. М., 2003. С. 54
5. Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: монография. М., 1998. С. 16.
6. Соловей Ю. П. Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. 2005. № 1(1). С. 11.
7. Колонтаевский Ф. Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 16; Административное право / под ред. Ю. М. Козлова, А. Л. Попова. М., 1999. С. 689.
8. Ст. 10 закона РФ «О милиции» от 18.04.1991 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного суда РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

УДК 343.140.02

А. В. Сучков, А. В. Семенов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В данной работе авторы рассматривают проблему использования в качестве самостоятельного вида доказательств заключения и показаний специалиста. Раскрывая тему, авторы обращаются к работам ведущих российских криминалистов и процессуалистов, во многом определивших развитие отечественной процессуальной науки. Не останавливаясь на анализе действующего законодательства, авторы поэтапно прослеживают развитие института «специалиста» в отечественном процессуальном праве, мотивированно отстаивая свою точку зрения, согласно которой использование в качестве самостоятельного вида доказательств заключения и показаний специалиста возможно.

In this article authors consider the problem of use conclusion and depositions of authority as independent form of evidence. Exposing the theme authors deal with to articles of leading Russian criminalists and trailers, who have done much in the development of criminal trial science of our country. Not analyzing current legislation, authors consistensing retrace the development of the institute of «authority» criminal-trial law in our country, persist on their view, according to which using conclusion and depositions of authority as independent form of evidence is undoubtedly possible.

Ключевые слова: расследование уголовного дела, специальные знания, эксперт, специалист, доказательства, показания и заключение специалиста, сведущее лицо, опытные люди, консультативная деятельность, преступления, совершенные медицинскими работниками, источник доказательств.

Keywords: investigation of criminal case, special knowledge, expert, authority, evidences, depositions and conclusion of authority, versed person, experienced people, consultative activities, professional crimes, committed by medical workers, source of evidences.

В ходе расследования уголовных дел сотрудники органов предварительного следствия (ОПС) и дознания очень часто сталкиваются с необходимостью использования специальных профессиональных знаний в таких областях, как химия, физика, биология, технические науки, искусствоведение, медицина. Особое место занимает в области научных знаний, к которым приходится обращаться сотрудникам ОПС и дознания в ходе расследования уголовных дел, криминалистика – наука, изучающая и обобщающая опыт борьбы с преступностью, разрабатывающая средства, приемы и методы раскрытия и расследования преступлений. Носителями указанных выше знаний являются физические лица, обладающие этими знаниями. Законодатель установил две катего-

рии лиц, обладающих специальными знаниями: это эксперт (ст. 57 УПК РФ) и специалист (ст. 58 УПК РФ), указав при этом, что в качестве доказательств допускаются как заключения и показания эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), так и заключения и показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Одной из существенных проблем института доказывания, с которой приходится постоянно сталкиваться следователям ОПС и дознавателям органов дознания МВД РФ, является отсутствие возможности самостоятельного и равнозначного использования такого вида доказательств, как «показания и заключения специалиста». По нашему мнению, такая проблема возникла в связи с тем, что используемые законодателем дефиниции понятий «специалист» и «показания и заключения специалиста» содержат языковые обороты, не позволяющие использовать и применять указанный вид доказательств в качестве источников сведений, на основе которых в установленном законом порядке можно сделать вывод о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Согласно требованиям ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Однако, несмотря на законодательное определение статуса специалиста в уголовном процессе, на практике ни участники уголовного процесса со стороны защиты, ни тем более участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения не используют заключения и показания специалиста в качестве самостоятельного доказательства.

Тому есть ряд причин, на наш взгляд, необоснованных.

Исторически сложилось так, что в качестве участника уголовного судопроизводства специалист достаточно давно знаком российскому уголовному судопроизводству. При этом следует отметить, что в качестве специалиста имелся в виду свидетель – сведущее лицо, призванное оказать помощь следователю и суду. Так, в трудах известных дореволюционных процессуалистов мы находим отражение положительных взглядов на процессуальную фигуру специалиста, называемую свидетелем – сведущим лицом [1].

Одним из первых криминалистов, затронувших проблему института специалиста в россий-

ском уголовном процессе, был выдающийся отечественный криминалист Е. Ф. Буринский, который в своей работе, во многом определившей развитие отечественной криминалистики, отмечал существенное различие между так называемыми «сведущими лицами и экспертами» и «опытными людьми» [2].

Криминалистами того времени, и в частности Е. Ф. Буринским, проблема виделась в том, что следователи и судьи не делали необходимого различия между заключением эксперта и показаниями (консультацией) сведущего лица. Обосновывая свою позицию, Е. Ф. Буринский указывал, что выводы «опытных людей» базируются на впечатлениях, как результат простого восприятия, в то время как выводы эксперта – это результат глубокого научного исследования.

Е. Ф. Буринский считал, что «слово “мнение” приложимо, например, к показаниям “опытных” людей, тогда как сведущие люди дают заключение. Мнение получается путем простого восприятия явления внешними чувствами, а заключение дает “то, что истинно” посредством перехода от идей к идеям. Для установления мнения не требуется никакой науки, никакие искусственные правила не могут сделать мнение более достоверным, чем каково оно само по себе. Мнение “опытного” лица может быть результатом чистой интуиции и даже так называемым “мгновенным умозаключением” вроде, например, оценки расстояния» [2].

Что касается советского уголовно-процессуального законодательства, то ни в УПК РСФСР 1922 г., ни в УПК РСФСР 1923 г. процессуальной фигуры специалиста не было. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый в 1960 г., тоже не содержал статьи, предусматривающей такого участника процесса, как специалист. Однако ряд косвенных данных указывал на то, что законодатель признает необходимость привлечения специалистов к участию в некоторых следственных действиях. Так, в ст. 159, посвященной допросу несовершеннолетнего свидетеля, и в ст. 397, касающейся участия педагога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого, допускалось привлечение к допросу педагога как специалиста в области детской и подростковой психологии. В ст. 180, регламентирующей осмотр трупа, предусматривалось участие врача-специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия – иного врача.

Возможно, развитие института специалистов шло первоначально по линии создания экспертных подразделений в органах внутренних дел. Эти подразделения, созданные для выполнения криминалистических экспертиз, являлись, по сути, центрами научно-технических знаний, сотрудники которых оказывали неоценимую помощь сле-

дователям и оперативным сотрудникам при раскрытии и расследовании преступлений.

Первое экспертно-криминалистическое подразделение в органах внутренних дел России, как отмечает П. Т. Скорченко, появилось в 1918 г., когда в центральном аппарате был открыт кабинет судебной экспертизы [3]. В 1921 г. он был преобразован в научно-технический подотдел Центррозьиска. Далее научно-технические подразделения стали создаваться при периферийных органах внутренних дел.

Что касается появления в уголовном процессе специалиста, то лишь в 1966 г. законодатель внес изменения в УПК РСФСР, введя в действие ст. 133.1, согласно которой в случаях, предусмотренных УПК РСФСР, следователь был вправе вызвать для участия в производстве следственного действия специалиста, не заинтересованного в исходе дела.

Введение законодателем в УПК РСФСР ст. 133.1, по нашему мнению, явилось полумерой, так как четкого и ясного изложения позиции законодателя по поводу привлечения специалиста и его процессуальных функций на тот момент не существовало.

Однако следует отметить, что упоминание в кодексах союзных республик бывшего СССР участника процесса – специалиста привлекло внимание некоторых ученых. В результате в печати стали появляться статьи, касающиеся статуса этой процессуальной фигуры. Так, А. И. Винберг предложил считать специалистом прокурора-криминалиста, оказавшего помощь следователю [4].

В УПК РФ, введенном в действие с 01.07.2002 г. ФЗ № 177-ФЗ от 18.12.2001 г., законодатель предусмотрел процессуальную фигуру – «специалист», которого отнес к иным участникам уголовного судопроизводства (гл. 8 УПК РФ).

В первоначальной редакции УПК РФ как отдельный вид доказательств заключение и показания специалиста не учитывались. Однако по сравнению с УПК РСФСР (ст. 133.1) в УПК РФ (ст. 58) законодатель внес существенное изменение, расширившее, на наш взгляд, функции специалиста.

По УПК РСФСР специалист привлекался к участию только следователем, и лишь к участию в производстве следственных действий.

Конструируя ч. 1 ст. 58 УПК РФ, законодатель поступил аналогичным образом, зафиксировав функции специалиста, указав, что специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств. В связи с этим трудно не согласиться с точкой зрения профессора Ю. Орлова, который в своей статье указывал, что «основной функцией специалиста

остаётся прежняя, бывшая ранее единственной, – участие в производстве различных следственных действий (ст. 168 УПК). Она апробирована десятилетиями и каких-либо проблем не вызывает. Специалист приглашается для участия в следственном действии с целью оказания следователю (дознавателю) или суду различного рода научно-технической помощи. Это может быть техническая помощь в подготовке следственного действия (например, реконструкция обстановки происшествия при следственном эксперименте), поиск и обнаружение невидимых или слабовидимых следов, иных доказательств, применение различных научно-технических средств, изготовление слепков, оттисков, иных приложений к протоколу и др.» [5].

Однако, согласно требованиям той же ст. 58 ч. 1 УПК РФ, специалисту, помимо вышеуказанного, дано право давать разъяснения сторонам и суду по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, что явилось новеллой данного института. При этом также следует отметить, что и специалист, и эксперт, согласно определениям, данным законодателем, – это лица, обладающие специальными знаниями (ст. 57, 58 УПК РФ). Различие между экспертом и специалистом, помимо предусмотренной Законом ответственности эксперта при даче заключения, составляет принадлежность к организации, что в определенной степени подтверждает точка зрения профессора Ю. К. Орлова [6]. В первом случае – это экспертно-криминалистическое подразделение (ЭКЦ, БСМЭ и т.д.), созданное для производства экспертиз [7], а во втором – организация, в которой трудится специалист. При таком подходе трудно сказать, где более квалифицированные специалисты.

Также следует отметить, что позиция разработчиков УПК РФ относительно функции специалиста вызывает недоумение. Так, согласно высказываниям Д. Н. Козака и Е. Б. Мизулиной, следует, что «задачи специалиста состоят в том, чтобы на основе своих специальных знаний: ...3) консультировать следователя (дознавателя) при формулировании вопросов эксперту, разработке следственных версий и плана расследования; 4) давать следователю (дознавателю) и суду пояснения по специальным вопросам...» [8]

Анализируя данную позицию, трудно не согласиться с точкой зрения профессора Ю. Орлова, который считает, что «совершенно очевидно, однако, что такая консультативная деятельность находится за рамками уголовного процесса и ни в каком законодательном регулировании не нуждается. Конечно, следователь (дознаватель) или судья могут получить любую консультацию у компетентного сведущего лица, но от этого такое лицо процессуальной фигурой не станет.

Такого рода советы и консультации даются не в процессуальной форме (а, возможно, по телефону или в частной беседе), процессуально никак не оформляются и никаких процессуальных прав и обязанностей не порождают» [9].

Казалось бы, введение законодателем в ст. 74 ч. 2 п. 3.1 (показания и заключения специалиста) УПК РФ должно было разрешить все вопросы. К сожалению, этого не последовало. Причиной тому, как мы видим, служит нечеткая и неясная законодательная регламентация производства специалистом заключений и сложившаяся практика использования в качестве доказательств лишь заключений эксперта.

Данная проблема особенно ощутима при расследовании профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками, где практически единственным источником доказательственной информации является заключение, данное врачами-экспертами БСМЭ.

Анализ данных законодателем определений понятия «специалист» (ст. 58 УПК РФ) и «эксперт» (ст. 57 УПК РФ) позволяет сделать вывод о том, что специалист призван «удовлетворять» потребности эксперта. Как мы уже отмечали, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ указано, что специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств... для постановки вопросов эксперту... Для того, чтобы сформулировать вопрос эксперту, существуют методические рекомендации и ведомственные инструкции, в которых сформулированы вопросы по каждому виду экспертиз. При необходимости лицо, производящее предварительное расследование, а также суд вправе лично обратиться к эксперту, законом это не запрещено.

Ущербность заключения специалиста как источника доказательств просматривается и из анализа ст. 80 УПК РФ. Так, согласно требованиям данной статьи, заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами, тогда как заключение специалиста – это представленные в письменном виде суждения по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ст. 80 ч. 3 УПК РФ).

Исходя из этого, следует, что отсутствие в определении понятия «заключение специалиста» указания на проведение исследования, а также отсутствие предусмотренной ответственности за дачу заведомо ложного заключения является причиной, по которой указанное доказательство не используется при доказывании как по преступлениям общеуголовной направленности, так

и при доказывании вины медицинских работников, совершивших профессиональные преступления.

Данная позиция, по нашему мнению, необоснованна, так как специалист, разъясняя сторонам и суду входящие в его профессиональную компетенцию вопросы, предварительно должен будет прибегнуть к необходимым исследованиям. Для получения суждения специалиста по тому или иному вопросу последнему необходима информация, которую он будет анализировать и сопоставлять с тем или иным производственным или технологическим процессом, входящим в круг его функциональных обязанностей.

По данному вопросу единства мнений нет. Так, доктор юридических наук И. Овсянников в своей статье, по нашему мнению, ставит под сомнение возможность использования заключения и показаний специалиста в качестве доказательства лицом, ведущим предварительное расследование, допуская использование заключения и показаний специалистом защитником [10].

По мнению профессора В. Быкова, с точки зрения которого трудно не согласиться, «на основании ч. 1 ст. 38 УПК, которая предоставляет следователю полномочия по осуществлению предварительного следствия по уголовному делу, он вправе истребовать от специалиста заключение. Это может быть сделано путем направления специалисту соответствующего письма, в котором следователь формулирует вопросы, требующие разрешения на основе специальных познаний. Следователь обязан предоставить для осмотра объекты – предметы, документы, вещества и другие объекты, а затем предложить специалисту оформить свои суждения и мнения по результатам осмотра объектов в виде заключения. Специалист представляет свое заключение в письменном виде» [11].

Косвенное подтверждение точки зрения, согласно которой специалист может самостоятельно проводить исследования, мы находим в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 сентября 1975 г. № 5 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» (в редакции от 21 декабря 1993 г.) (с изменениями от 20 декабря 1976 г., 20 декабря 1983 г., 27 августа, 24 декабря 1985 г.). Так, в п. 11 постановления указано, что во всех случаях, когда для установления конкретных обстоятельств дела необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле, следует решать вопрос, требуется ли проведение экспертизы или эти обстоятельства могут быть выяснены путем привлечения к участию в судебном разбирательстве соответствующего специалиста. Специалист приглашается для

участия в судебном разбирательстве в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут потребоваться специальные знания и навыки (например, в существе технологического или производственного процесса, специфических особенностях той или иной профессии и т. п.). Мнение специалиста обязательно отражается в протоколе судебного заседания [12].

Использование в качестве самостоятельного вида доказательств заключений и показаний специалиста при расследовании отдельных видов преступлений, в частности деяний, совершенных медицинскими работниками, на наш взгляд, является единственным способом преодолеть информационный вакуум и медицинскую корпоративность, практически не позволяющие лицу, ведущему проверку или предварительное расследование, установить истину по делу.

Согласно действующему законодательству, в рамках возбужденного уголовного дела для установления причин смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, лицу, ведущему расследование, обязано назначить судебную экспертизу (ст. 196 УПК РФ). Альтернативы нет. Возникает вопрос: кто проводит судебно-медицинскую экспертизу? Судебно-медицинскую экспертизу проводят врачи-эксперты бюро судебно-медицинских экспертиз (БСМЭ). В свою очередь БСМЭ подчиняется департаменту или Министерству здравоохранения субъекта РФ. Таким образом, круг замкнут.

Было бы несправедливо утверждать, что все без исключения врачи-эксперты склонны выгораживать своих коллег при проведении судебно-медицинских экспертиз, но ведь этого практически и не нужно делать, так как обязательных к исполнению всеми медицинскими работниками правил оказания медицинской помощи при тех или иных заболеваниях нет. К тому же резолютивная часть заключения может изобиловать таким объемом специальных терминов, что для того, чтобы в нем разобраться, необходимо назначать еще одно исследование.

Разорвать этот замкнутый круг и помочь правоохранительным органам в установлении истины поможет использование в качестве доказательств заключения и показаний специалиста. Подтверждение правильности занятой нами позиции мы находим в статье профессора В. Быкова, который указал, что «суд Ленинского района Саратова, рассматривая уголовное дело по обвинению врача Г. в мошенничестве и злоупотреблении должностными полномочиями, пригласил в судебное заседание доктора медицинских наук, профессора А. и предоставил ему возможность ознакомиться с заключениями всех проведенных судебно-медицинских экспертиз. Суд

предложил профессору высказать свои суждения и мнения по поводу научной обоснованности судебно-медицинских экспертиз. Тот подверг состоявшиеся судебно-медицинские экспертизы обоснованной критике, указал на научную несостоятельность их выводов, что позволило суду признать заключения судебно-медицинских экспертиз недопустимыми доказательствами и обоснованно постановить по делу оправдательный приговор» [13].

Бесспорно, использование в качестве отдельного вида доказательства заключения специалиста расширяет возможности дознавателя и следователя в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу.

На наш взгляд, выход из сложившейся ситуации может быть найден путем совершенствования законодательства, касающегося определения понятия «специалист», указания функций специалиста, четкой законодательной регламентации процессуальных возможностей специалиста.

Так, в ст. 58 УПК РФ необходимо указать на право и обязанность специалиста давать заключения по проведенным им исследованиям.

В ст. 168 – определить порядок истребования и представления специалистом заключения.

Также в УПК РФ следует добавить статью «204.1 Заключение специалиста» следующего содержания:

«1. В заключении специалиста указываются:

1) дата, время и место производства исследования;

2) основания производства исследования;

3) должностное лицо, назначившее специальное исследование;

4) сведения об учреждении, в котором работает специалист, а также фамилия, имя и отчество специалиста, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и(или) ученое звание, занимаемая должность;

5) сведения о предупреждении специалиста об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;

6) вопросы, поставленные перед специалистом;

7) объекты исследований и материалы, представленные для производства исследования;

8) данные о лицах, присутствовавших при производстве исследования;

9) содержание и результаты исследований с указанием примененных методик;

10) выводы по поставленным перед специалистом вопросам и их обоснование.

2. Если при производстве исследования специалист установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении.

3. Материалы, иллюстрирующие заключение специалиста (фотографии, схемы, графики и т. п.), прилагаются к заключению и являются его составной частью».

В ст. 205 УПК РФ целесообразно внести ряд дополнений. Так, в название статьи после слова «эксперта» следует добавить «и специалиста». В части первой ст. 205 следует после слов «допросить эксперта» добавить «(и) или специалиста». Во втором предложении части первой после слов «допрос эксперта» добавить «и(или) специалиста».

В ч. 2 после слова «эксперт» следует добавить «и(или) специалист». После слов «с производством судебной экспертизы» добавить «и(или) специального исследования». После слов «судебной экспертизы» добавить «и(или) специального исследования».

В ч. 3 после слова «эксперта» добавить «и(или) специалиста».

В ч. 1 ст. 307 УК РФ после слов «или показание эксперта» следует добавить следующее: «заключение или».

Примечания

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. II. С. 169; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. Т. II. С. 97; Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1913. С. 116.

2. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов. СПб., 1903. С. 132–134, 136.

3. Скорченко П. Т. Криминалистика: учеб. пособие. М., 1999. С. 118.

4. Винберг А. И. Специалист в процессе предварительного расследования // Проблемы судебной экспертизы. М., 1967. Сб. № 3. С. 44.

5. Орлов Ю. Специалист – это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела // Российская юстиция. 2003. № 4.

6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская. М.: Юристъ, 2006. С. 288.

7. О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ: ФЗ № 73-ФЗ от 31.05.2001 г.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Д. Н. Козака, Е. Б. Мизулиной. М.: Юристъ, 2002. С. 185–186.

9. Орлов Ю. Указ. соч.

10. Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. Режим доступа: <http://www.juristlib.ru>

11. Быков В. Заключение специалиста // Законность. 2004. № 9. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru>

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 сентября 1975 г. № 5 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» (в редакции от 21 декабря 1993 г.) (с изменениями от 20 декабря 1976 г., 20 декабря 1983 г., 27 августа, 24 декабря 1985 г.)

13. Быков В. Указ. соч.

И. Н. Ившина

**СООТНОШЕНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК
И ПРИЧИН ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ***

Автор теоретически исследует предпосылки и причины создания федеративных государств, разграничивая их по критериям возможности и необходимости; называет виды предпосылок и причин, иллюстрируя их примерами из истории отечественного и зарубежного федерализма.

The author theoretically investigates preconditions and the reasons of creation of federative states, differentiating them by criteria of possibility and necessity; names kinds of preconditions and the reasons, illustrating by examples of russian and foreign history of federalism.

Ключевые слова: теория государства, история государства, федерализм, федерация, федерализация.

Keywords: theory of state, history of state, federalism, federation, federalization.

Многие исследователи подчеркивают, что вопрос о предпосылках формирования федераций слабо разработан как в отечественной правовой и политической науках в целом, так и в теории федерализма в частности [1]. Более того, в немногих существующих работах по данной проблематике авторы часто смешивают причины и предпосылки, попутно называя также цели и мотивы создания федераций [2]. Так, например, в единственном отечественном правовом исследовании, предметом которого являются непосредственно причины и условия развития федерализма в странах мира, Е. Н. Барышников, пытаясь теоретически проанализировать обширный исторический материал, постоянно оговаривается, что «отделение причин от условий зачастую носит гипотетический характер: один и тот же фактор может выполнять двоякую роль в процессе федерализации, выступая одновременно в качестве причины и условия становления и развития федеративного государственного устройства» [3].

На наш взгляд, данный вопрос подлежит более глубокому анализу с целью определения критериев разграничения предпосылок и причин федерализации, так как причины и предпосылки абсолютно любого явления, безусловно, следует различать. Для этого обратимся прежде всего к

методу логического толкования. Начнем с терминологии.

Термин «**предпосылка**» означает предварительное *условие*, исходный пункт чего-либо [4]; предпосылка – это то, что является *условием* другого [5]. Условие, в свою очередь, означает обстановку, в которой что-либо происходит [6], или то, что делает возможным осуществление чего-либо другого, от чего это «что-нибудь другое» зависит [7]. Философский энциклопедический словарь определяет значение термина «условие» в сравнении с термином «причина», и здесь мы видим, что условие – это «то, от чего зависит нечто другое (обусловленное), что делает возможным наличие... состояния, процесса, в отличие от причины, которая с необходимостью, неизбежностью порождает чего-либо...» [8].

Применительно к настоящему исследованию предпосылка федерализации, то есть «наличие благоприятной почвы для развития федерализма» [9], – это наличие условий, при которых существует возможность учредить институты федеративной государственности, эффективно вписать их в сложившуюся систему общественных отношений без последующего отторжения или фиктивности этих институтов.

Здесь особо следует отметить, что федеративные отношения не могут быть реализованы абсолютно в любом обществе. История федерализма дает много примеров федераций, которые смогли просуществовать лишь несколько лет, а то и месяцев, а также федераций, которые де-факто являются унитарными государствами [10]. Их проблемы порождены отсутствием предпосылок федерализации в момент учреждения федеративной формы территориально-государственного устройства. Американский профессор У. Ливингстон подчеркивает, что «задача федерализма – оказывать содействия и соответствовать обществу, для которого он предназначен» [11], если же такого соответствия нет, то нет и подлинного федерализма.

Что касается **причины**, то в самом широком смысле она может определяться следующим образом: это *явление, обстоятельство*, служащее основанием чего-нибудь или обуславливающее появление другого явления [12]; это *явление* или *действие*, вызывающее, обуславливающее возникновение или изменение другого явления или действия [13]; это «то, без чего данный факт не может произойти, а при наличии чего он происходит с необходимостью» [14].

Следовательно, причина – это конкретное явление, обстоятельство или действие, которое неизбежно приводит к учреждению федеративных отношений. «Причины... вызывают к жизни федерализм, определяют возникновение его и дальнейшее развитие» [15]. История показывает,

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Конституционно-правовое регулирование федеративных отношений: мировой опыт». 09-03-00438а.

что чаще всего возникает целый комплекс причин федерализации, которая в совокупности с имеющимися предпосылками действительно становится неизбежной.

Таким образом, предпосылка – это *возможность* институционализации федеративной государственности, а причина – *необходимость* ее учреждения в конкретном государстве в конкретное время, и, следовательно, в любом государстве предпосылки федерализации складываются длительно и предшествуют появлению причин. Причины же возникают относительно внезапно как реакция на меняющийся исторический контекст и всегда предполагают определенные цели и мотивы так называемых «отцов федерации». Так, например, А. Гамильтон, Д. Мэдисон и Д. Джей на протяжении почти целого года доступно объясняли американскому обществу, зачем и почему тринадцати конфедерированным штатам необходим именно федеративный союз. Создание федерации при наличии только причин и при отсутствии исторически сложившихся предпосылок существования федеративных отношений ведет к искажению сущности федерализма и даже к распаду федерации.

Предпосылки федерализации. Приступая к исследованию предпосылок федерализации, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, создание федеративного государства – процесс как минимум двусторонний, значит, условия федерализации должны складываться и существовать одновременно как на уровне потенциального федерального центра, так и на уровне территориальных образований, претендующих на статус субъектов будущей федерации. Иначе говоря, должна быть «встречная» совпадающая заинтересованность (осознанная потребность социальной группы или всего общества), с одной стороны, частей в целом, с другой – целого в своих составляющих. Только тогда возможно образование качественно нового, подлинно федеративного государственного образования.

Во-вторых, парадоксально, но одна и та же предпосылка (условие) в разном историческом контексте может рассматриваться и как объединяющий, и как разделяющий фактор. Например, сосуществование нескольких компактно проживающих этносов на сопредельной территории может являться, с одной стороны, фактором, препятствующим созданию единого унитарного государства, с другой – фактором, способствующим федерализации.

В-третьих, современные гуманитарные науки называют только четыре сферы отношений, объективно существующие в любом обществе: политическую, экономическую, социальную и духовно-культурную. Следовательно, условия, ведущие к федерализации государства как раз-

новидности организации общества, могут сложиться в любой из этих сфер или же параллельно в нескольких. Кроме того, речь идет об организации территории, значит, нельзя игнорировать и географический фактор.

Некоторые исследователи вообще или применительно к конкретной федерации говорят также об историческом факторе, обуславливающем процесс федерализации. Так, например, А. А. Ахтамзян, ссылаясь на труд К. Зонтхаймера [16], при исследовании причин федерализации Германии многократно подчеркивает определяющее значение именно исторического фактора. В качестве аргументов он указывает на многовековое сосуществование в рамках Священной Римской империи германской нации нескольких сотен суверенов, которые объединялись в разнообразные союзы – политические (Рейнский союз 1806 г., Германский союз 1815 г. и Северогерманский союз 1866 г.), экономические (Ганзейский союз, Таможенный союз 1834 г.), религиозные (Протестантская лига 1608 г. и Католическая лига 1609 г.) и военные [17]. Однако, с нашей точки зрения, в данном случае под историческим фактором подразумевается процесс приобретения опыта взаимодействия потенциальных частей федеративного союза в различных сферах общественных отношений – здесь в политической, экономической и социальной, а также усложнение и сближение этих отношений между субъектами будущего федеративного союза, складывание определенных тенденций их развития.

Следовательно, при более тщательном изучении исторического фактора приходится констатировать, что под ним подразумевается лишь конкретное сочетание каких-либо из пяти выше-названных предпосылок; то есть так называемые исторические условия можно «разложить» на ряд составляющих. Это, в свою очередь, ведет к нецелесообразности выделения исторического фактора как самостоятельного.

Таким образом, следует выделять пять основных групп предпосылок (факторов, условий) учреждения федеративной государственности: политические, экономические, социальные, духовно-культурные и географические. Некоторые авторы, основываясь на системном подходе к изучению данной проблемы, называют их либо не в таком объеме, либо не в такой последовательности, субъективно придавая большее значение той или иной группе предпосылок. Однако это может быть справедливо только в отношении конкретной федерации.

Причины федерализации. Необходимость конкретного государства в конкретное время учредить федеративную форму территориально-государственного устройства чаще всего бывает вызвана объективными обстоятельствами, складыва-

ющимися как внутри государства, так и за его пределами. Следовательно, можно выделить внешние и внутренние объективные причины федерализации. История федеративных государств дает нам примеры тех и других.

К внутренним причинам федерализации следует отнести угрозу распада страны в периоды острых политических кризисов, а также наличие длительных межнациональных и межконфессиональных конфликтов между сообществами, компактно проживающими на достаточно обширной территории внутри государства. В этих случаях, как правило, федерация создается «сверху» путем проведения конституционных реформ. Примером первой из названных причин является федерализация России в 1992–1993 гг., примером второй – федерализация Бельгии в 1993 г.

Внешние причины федерализации чаще всего обусловлены позицией бывшей метрополии, стран-победительниц в войне против федерируемого государства, угрозой утраты суверенитета или территориальной целостности.

Так, например, федерализация Канады была вызвана в том числе и нежеланием Великобритании терять контроль над обширными владениями в Северной Америке. Метрополия в данном случае стала одним из участников процесса федерализации, поставив под контроль все политические действия и юридические процедуры, и фактически сохранила свою власть над Канадой еще на несколько десятилетий вплоть до принятия Вестминстерского статута в 1931 г. Причиной федерализации Германии была воля стран-победительниц, которые, желая ослабить государство, развязавшее две мировые войны, разделили его на четыре зоны оккупации, позволив в дальнейшем объединиться западным зонам.

Кроме того, можно выделить *субъективные причины* федерализации, связанные с волей политических элит, с деятельностью политических партий и конкретных людей, пропагандирующих и отстаивающих идеи федерализма. Так, например, представители тринадцати освобожденных североамериканских колоний, уже переименованных в штаты, на Филадельфийском конгрессе 1787 г. сочли возможным нарушить предписания избравших их законодательных ассамблей и собственной коллективной волей приняли федеральную конституцию Соединенных Штатов Северной Америки. А. Гамильтон, Д. Мэдисон и Д. Джей около года убеждали американский народ в необходимости тесного федеративного союза на страницах «Федералиста» и, таким образом, внесли неоценимый личный вклад в создание Соединенных Штатов Америки.

Ярким примером деятельности политических партий, борющихся за федерализацию, является деятельность Индийского Национального Конгресса и Мусульманской Лиги в Британской Индии. Именно эти политические силы настояли на разделе крупнейшей британской колонии в Азии по религиозному признаку и создании в каждой стране федеративного государства.

Безусловно, при отсутствии предпосылок и объективных причин федерализации одни только субъективные причины вряд ли смогут привести к созданию федеративного государства, однако для полноты исследования они также заслуживают внимания. Более того, только представители политической элиты способны принять принципиальное решение о федерализации, облечь его в юридическую форму и решить вопрос о способе легитимации нового территориально-государственного устройства.

Таким образом, и теоретически, и практически следует различать предпосылки и причины федерализации. Создание конкретного федеративного государства, как правило, вызывается уникальным сочетанием предпосылок и причин, причем решающими могут быть любые из них. Однако следует признать, что наличие одних только причин при отсутствии длительно складывающихся предпосылок федерализации не ведет к созданию подлинной федерации.

Таким образом, и теоретически, и практически следует различать предпосылки и причины федерализации. Создание конкретного федеративного государства, как правило, вызывается уникальным сочетанием предпосылок и причин, причем решающими могут быть любые из них. Однако следует признать, что наличие одних только причин при отсутствии длительно складывающихся предпосылок федерализации не ведет к созданию подлинной федерации.

Примечания

1. См., напр.: Фарушкин М. Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты / Академия наук республики Татарстан, Отделение социально-экономических наук. М.: Юрист, 2004. С. 74.
2. См., напр.: Durbacek Ivo D. Comparative Federalism: The Territorial Dimension of Politics. Lanham: University Press of America, 1987. P. 199–201.
3. Барышников Е. Н. Причины и условия развития федерализма в странах мира: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2002. С. 7.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939.
5. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 361.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2008.
7. Толковый словарь русского языка. Т. 4. М., 1940.
8. Философский энциклопедический словарь. С. 469.
9. Барышников Е. Н. Указ. соч. С. 11.
10. Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
11. Livingston, William S. Federalism and constitutional change. Oxford: At the Clarendon press, 1956. P. 9.
12. Толковый словарь / под ред. Д. И. Ушакова. Т. 3.
13. Национальная философская энциклопедия. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/176/word/>
14. Национальная философская энциклопедия: В. Соловьев. Толковый словарь по философии. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/194/word/>
15. Барышников Е. Н. Указ. соч.
16. См.: Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы / пер. с нем. М., 1996.
17. Ахтамзян А. А. С. 119–121.

УДК 328(595)

И. А. Петрова

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В МАЛАЙЗИИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ*

Статья посвящена особенностям становления парламентаризма в Малайзии. Рассмотрены основные этапы становления парламентской системы, выявлены особенности структуры малазийского парламента, функции и состав.

The article is devoted to the peculiarities of the formation of parliamentarism in Malaysia. The article deals with the main stages of the parliamentary system formation. It also treats structural peculiarities of the Malaysian Parliament, its functions and membership.

Ключевые слова: парламентаризм, парламент, верховный правитель, палата представителей, сенат, парламентская процедура.

Keywords: parliamentarism, parliament, supreme governor, House of Representatives, Senate, parliamentary procedure.

Становление парламентаризма в Малайзии проходило в течение длительного времени. Исторически ни у одного из государств, составляющих Федерацию Малайзию, не существовало парламентов, и, хотя британское колониальное правительство разрешило формирование законодательных советов для Малайи, Сингапура, Саравака и Саравака, реально они никаких полномочий не имели, точно так же, как и Федеральный Законодательный совет, который оставался зависимым от верховного комиссара Англии. Он председательствовал в Федеральном совете, назначал и смещал его членов. Верховному комиссару принадлежала законодательная инициатива, право утверждения законов и исключительное право вето [1]. Султаны же в Совете были в меньшинстве. Их положение в высшем федеральном органе никак не соответствовало статусу глав членов федерации: султаны не могли председательствовать на заседаниях совета, не располагали правом вето; решения могли приниматься даже в тех случаях, когда султаны не присутствовали на заседаниях совета [2].

К компетенции Федерального Законодательного совета были отнесены вопросы общественного порядка и безопасности, коммуникации и транспорта, торговли и промышленности, импорта и экспорта, морских перевозок и навигации, иммиграции, бюджета, налогов, таможи и банков-

ских операций, уголовное, гражданское и трудовое законодательство, а также ряд других важных вопросов [3]. Таким образом, совет занимался множеством вопросов, а принятием и изданием законов – колониальная администрация. И только по конституции 1957 г., которая провозгласила создание Малайской Федерации, высшим законодательным органом становится парламент, состоявший из верховного правителя, палаты представителей и сената.

Палата представителей избиралась на основе всеобщих прямых выборов сроком на пять лет в составе 104 депутатов [4]. Сенат был частично назначаемым и частично избираемым органом. По два члена сената избирали из своего состава законодательные собрания одиннадцати штатов федерации, и шестнадцать сенаторов назначал верховный правитель [5].

В соответствии с конституцией парламент разделялся очень широкой законодательной компетенцией. К исключительной законодательной компетенции Федерации были отнесены внутренняя безопасность, оборона и внешние сношения, гражданское и уголовное право и отправление правосудия (включая состав и организацию судов, их юрисдикцию и права, вознаграждение судей и должностных лиц), гражданство, финансы, торговля, импорт и экспорт, контроль над ценами, судоходство, навигация и рыболовство, коммуникации и транспорт, труд и социальное обеспечение, образование, здравоохранение, пропаганда и цензура [6]. К исключительной законодательной компетенции штатов, которая, по выражению австрийского юриста З. Коуэна, выглядит «очень бледно» [7], относились мусульманская религия и право, личный статус и семейное право мусульман, земельная собственность, аренда, рента и земельные отношения в целом, резервирование земли для малайцев, сельское хозяйство и лесоводство, местные органы власти и службы управления, общественные работы на дорогах, мостах и переправах [8]. Указанное распределение компетенции само по себе свидетельствует о крайней централизации государственного управления в Малайской Федерации. Централизация еще более усиливалась положениями конституции о праве федерального парламента законодательствовать по любому из вопросов, отнесенных к компетенции штатов с целью «выполнения любого договора, соглашения или конвенции между Федерацией и любой другой страной», а также для «установления единообразия в законодательстве двух или более штатов» [9]. Кроме того, в условиях чрезвычайного положения федеральный парламент мог издавать законы или постановления по любым вопросам, отнесенным к компетенции штатов (за исключением мусульманского права и обычаев

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Конституционно-правовое регулирование федеративных отношений: мировой опыт». 09-03-00438а.

малайцев) [10]. Таким образом, отличительной чертой федеративного устройства Малайи являлась крайняя централизация государственного управления.

Согласно конституции 1963 г. законодательная власть в Федерации Малайзии принадлежит парламенту (Meijjlis), который состоит из верховного правителя и двух палат – палаты представителей (Dewan gaajat) и сената (Dewan negara). Палата представителей состоит из 222 членов парламента, избираемых на основе всеобщих прямых выборов. Избранным может быть любое лицо, достигшее 21 года, если оно является гражданином, проживает в Федерации и при этом не есть, не признано и не объявлено душевнобольным, не является несостоятельным должником и не занимает какую-либо оплачиваемую должность. Не может быть избранным лицо, осужденное когда-либо судом Федерации к тюремному заключению на срок более года или к штрафу более чем в две тысячи долларов и не было затем помиловано, а также лицо, которое добровольно принимало гражданство иностранного государства, пользовалось правами такого гражданства и заявляло о своей верности иностранному государству [11]. Если имеются основания для дисквалификации, право гражданина быть избранным в палату представителей можно оспорить только через Федеральный суд путем подачи петиции по выборам [12]. Однако окончательное решение о дисквалификации принадлежит самой палате [13].

Во главе палаты представителей стоит избираемый ею спикер, однако конституция обходит молчанием вопрос о его функциях и полномочиях. Они регламентируются так называемыми уставами палаты представителей, которые принимаются самой палатой и основаны на соответствующих документах и традициях английского парламентаризма.

Сенат состоит из 70 членов. 26 сенаторов избираются на основе непрямых выборов – законодательными ассамблеями штатов (по два сенатора от каждого из 13 штатов), четыре сенатора назначаются Янгом ди-Пертуан Агонгом и представляют три федеральные территории (два для Куала-Лумпура, по одному для Путраджая и Лабуана). Остальные 40 участников назначены верховным правителем из числа лиц, которые, по его мнению, «имеют выдающиеся заслуги на государственной службе, либо известны своей деятельностью в качестве специалистов или в области торговли, промышленности, сельского хозяйства, культуры или общественной деятельностью, либо являются представителями национальных меньшинств, либо могут представлять интересы аборигенов» [14]. Срок полномочий членов сената – шесть лет, причем этот срок не

прерывается роспуском парламента [15]. Членом сената может быть лицо, достигшее 30 лет; во всем остальном оно должно обладать той же квалификацией, что и член палаты представителей [16]. Сенат обладает правом окончательного решения о дисквалификации сенатора [17]. Сенат избирает из своего состава президента палаты, который обладает правом решающего голоса, если при голосовании голоса разделились поровну.

Что касается парламентской процедуры, то конституция регламентирует лишь следующее: а) каждая палата устанавливает свою собственную процедуру с соблюдением положений конституции; б) палаты проводят свою работу независимо от наличия в них вакансий; работа палаты не становится недействительной, если в ней приняло участие лицо, которое не имело на это права; в) палаты принимают решения большинством голосов присутствующих членов, за исключением случаев, когда конституция требует квалифицированного большинства; г) члены палаты, не присутствовавшие на заседании, не могут принимать участия в голосовании; д) палата может установить, что некоторые решения, относящиеся к процедуре, должны приниматься квалифицированным большинством или квалифицированным числом голосов [18].

Законодательная власть осуществляется парламентом в форме законопроектов, принимаемых обоими палатами. Любой законопроект, за исключением денежного, может быть внесен в любую палату, и после того, как он принят в одной палате, передается на рассмотрение в другую. Если законопроект принимается другой палатой и между палатами достигнуто соглашение в отношении поправок, он направляется на одобрение верховному правителю. Законопроект становится законом после того, как он одобрен верховным правителем, скреплен государственной печатью и опубликован в правительственной газете [19]. Сенат обладает правом отлагательного вето в отношении любого законопроекта, за исключением денежного и конституционного. В общих чертах это право сформулировано в конституции следующим образом: законопроект, не принятый сенатом или принятый с поправками, на которые не согласна палата представителей, откладывается до следующей сессии; однако вновь он может быть рассмотрен не ранее чем через год после принятия палатой представителей; по истечении года законопроект должен быть вновь принят палатой представителей, передан в сенат и если последний не примет его или примет с поправками, на которые не согласна палата представителей, то законопроект передается на одобрение верховному правителю и становится законом пос-

ле опубликования в печати [20]. Право отлагательного вето заимствовано конституцией Малайзии из английской конституции.

Особая законодательная процедура установлена для так называемых денежных законопроектов. Такой закон может быть внесен или представлен только министром и только в палату представителей [21]. Законопроект, принятый палатой представителей, передается не позже чем через месяц до окончания сессии в сенат, и, если в течение месяца не будет принят сенатом без поправок, представляется на одобрение верховному правителю [22]. Таким образом, принятие денежного законопроекта сенат может отложить только на один месяц.

В начале каждой сессии палата представителей создает несколько комитетов: 1) комитет по выборам, задачей которого является подбор кандидатур для других комитетов; 2) общественный комитет по отчетам – для проверки отчета генерального ревизора и отчетов различных властей о расходовании общественных средств; 3) комитет по уставам во главе со спикером – для рассмотрения предложений по процедурным вопросам; 4) комитет по привилегиям – для рассмотрения всех вопросов, связанных с полномочиями и привилегиями палаты представителей. Такие же комитеты, за исключением общественного комитета по отчетам, создаются и в сенате. Обе палаты могут создавать совместные комитеты для рассмотрения определенного законопроекта, а также для изучения и выработки предложений по вопросам взаимодействия между палатами [23].

Конституционные положения, и в особенности уставы обеих палат, наделяют парламент и его членов целым рядом привилегий и полномочий. Многие из них скопированы с английского парламента [24]. Конституция устанавливает, что действия палат парламента и их комитетов не могут оспариваться в судебном порядке, что члены парламента не несут судебной ответственности в связи со своими высказываниями или голосованием в парламенте или одном из его комитетов и что ни одно лицо не подлежит судебной ответственности в связи с опубликованием каких-либо данных на основании решения какой-либо из палат парламента и в соответствии с этим решением [25]. Уставные положения значительно расширяют привилегии парламента и его членов. Особое место среди уставных документов занимает «Ордонанс о привилегиях и полномочиях палат парламента», принятый еще в колониальный период и остающийся в силе до насто-

ящего времени. Устанавливается, что за любые действия, предпринятые вне парламента, но на основании его решения, ни одно лицо не несет ответственности перед судом; что парламента и его члены обладают такими же привилегиями, иммунитетом и правами, какими располагает палата общин английского парламента и ее члены, а все парламентские привилегии являются частью общего и публичного права Федерации [26]. Парламент устанавливает размеры вознаграждения членов палаты, а также спикера палаты представителей и президента сената и их заместителей.

Таким образом, между парламентами Англии и Малайзии существует много общего, что проявляется в способе избрания нижней палаты, в принципе конструирования верхней палаты, в законодательных полномочиях и процедуре, в парламентской процедуре, в правах и привилегиях парламента и его членов.

Примечания

1. *Winstedt R. O.* The constitution of the colony of the Straits Settlements and of federated and unfederated states. London, 1931. P. 12
2. *Ibid.* P. 12–14.
3. *How the constitution works.* Kuala Lumpur, 1949. P. 19.
4. *Ahmad Bin Adullan.* The Malaysian parliament (practice and procedure). Kuala Lumpur, 1969. P. 4.
5. Конституции стран Юго-Восточной Азии и Тихого океана. Конституция Малайи. М., 1960. С. 270.
6. Там же. С. 382.
7. *Cowen Z.* The emergence of a new federation in Malaya. «Tasmanian university law review». Vol. 1. 1958. № 1. P. 59.
8. Конституции стран Юго-Восточной Азии и Тихого океана. С. 389.
9. Там же. С. 270.
10. Там же. С. 330.
11. Там же. С. 270–271.
12. Там же. С. 312.
13. Там же. С. 273.
14. Там же. С. 270.
15. Там же. С. 270, 313, 268.
16. Там же. С. 270.
17. Там же. С. 271, 273.
18. Там же. С. 275.
19. Там же. С. 277.
20. Там же. С. 279.
21. Там же. С. 278.
22. Там же.
23. *Groves H. E.* The constitution of Malaysia. Singapore, 1964. P. 73–74.
24. *Ibid.* P. 60.
25. Конституции стран Юго-Восточной Азии и Тихого океана. С. 276.
26. *Герасимов А. С.* Федерация Малайзии (государственный строй). Киев: «Наукова думка», 1969. С. 173.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 81'366

Т. А. Сидорова

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СВЯЗАННЫХ ЗНАЧЕНИЙ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ

Данная статья является откликом на статью О. П. Ермаковой, опубликованную в сборнике «Семантика. Функционирование. Текст». Проблема членности слов с деривационно связанными значениями корневых морфем рассматривается О. П. Ермаковой в системноцентрическом аспекте, что сужает представление об этом явлении. В данной статье предлагается решение проблемы в когнитивном аспекте. При этом членность осмысливается во взаимосвязи с мотивированностью.

The present article is the response to the article by O. P. Yermakova published in the collected articles "Semantics. Functioning. Text". The problem of divisibility of words with derivationally associated meanings of root morphemes is regarded by O. P. Yermakova in the system-centered linguistic aspect which constricts the idea of this phenomena. The present article suggests the solution of the problem in the cognitive aspect. At the same time the divisibility is interpreted in relation with validity.

Ключевые слова: морфемная структура, членность, мотивированность, фразеологизация, когнитивная модель, маркированность морфем, система и среда, структура знаний, контекст.

Keywords: morpheme structure, divisibility, validity, phraseologization, cognitive model, morphemes being marked, system and environment, structure of knowledge, context.

Основной задачей данной статьи является попытка решить проблему членности слов, содержащих семантически связанные корневые морфемы, в когнитивном аспекте. Дискутируя с О. П. Ермаковой по ряду вопросов [1], попытаемся изложить свою позицию и предложить возможные варианты осмысления выдвинутых проблем.

Рассматривая явление связанности значений корневых морфем, О. П. Ермакова выходит на такие важные проблемы, как членность и производность, связь лексического значения и значений морфем, типология деривационно связанных корневых морфем, синонимия производных с деривационно связанными корневыми морфемами и др. Однако предлагаемая в её статье концепция базируется лишь на системных семанти-

ческих отношениях и связях. Традиционный «винокуровский» подход реализуется и при определении значений связанных корней путём вычитания из лексического значения значений служебных морфем. Думается, развитию и углублению представлений о таких свойствах слова, как фразеологичность, членность и мотивированность, способствует когнитивный подход, используя который, можно увидеть новые аспекты этих явлений на качественно другой основе.

Морфемная структура слова, несмотря на желание автора выйти за пределы устоявшихся взглядов, исследуется только сквозь призму лексического значения слов. Представляется, что проблему связи лексического значения и значений морфем следует решать не только с позиции системного критерия, но и с учётом функционального и когнитивного аспектов (контекстная семантика). Так, в словоформе *распутница* корень, изоморфный лексеме *путь*, концептуализирует признак 'дорога', а в словоформе *беспута* тот же корень концептуализирует признак 'цель, смысл'. По нашим наблюдениям [2], морфемы способны выражать ту или иную сему лексического значения (причём жёсткой закреплённости сем за определёнными морфемами не существует), маркировать ситуацию, компоненты ситуации, стоящей за лексическим значением, сигнализировать о структурах знаний (например, о presupпозициях, пропозициях и т. д.), изменять своё значение под влиянием контекста и т. д. При этом корневая морфема может быть основной единицей информации (*краснеть*), сопутствующей (*офонареть*), периферийной (*стеклярус, обуть*).

Слово является многоаспектной целостной единицей, в которой можно выделить семантический, словообразовательный (если слово производное) и концептуальный уровни. Связанность морфем вообще, а деривационная связанность корневых морфем в частности, является основной причиной фразеологизации морфемной структуры слова. Поэтому слова с деривационно связанными корневыми морфемами следует отнести к словам с фразеологизированной морфемной структурой. Обращение к словам фразеологизированной морфемной структуры уже само по себе открывает большие возможности для важных и интересных научных изысканий. Представляется важным дифференцировать понятия *идиоматичности* и *фразеологичности*. Под *иди-*

оматичностью следует понимать полное сращение морфем, приводящее к «затемнению» внутренней формы слова и приобретению основной слова свойства нечленности. Термин *фразеологизация* используется для обозначения процесса, предваряющего идиоматизацию. *Фразеологизация морфемной структуры* слова рассматривается в статье как особый лингвокогнитивный процесс расхождения между концептуальной сущностью лексического значения и интегративной концептуальной структурой морфемной синтагмы, в результате чего происходит потеря морфемами своих содержательных (концептуальных, функциональных, семантических) свойств или приобретение новых. В словах с фразеологизированной морфемной структурой все морфемы или хотя бы одна из них сохраняют способность в той или иной степени передавать информацию (языковую или внеязыковую), связанную с лексическим значением слова. Таким образом, фразеологичность морфемной структуры осмысливается нами как системное языковое явление, обусловленное интегративностью смысла целого, каким и следует считать морфемную структуру (упорядоченное формально-смысловое единство морфем). Фразеологизация морфемной структуры может затрагивать каждый из аспектов слова: семантический, словообразовательный, концептуальный. При этом важную роль играет контекст, который сопровождает не только любой коммуникативный акт, но и является необходимым условием процесса номинации, тесно связанного с познанием объектов действительности. Наряду с лингвистическим контекстом морфемы (другая морфема, лексическое значение слова, словосочетание, высказывание, текст) принимается во внимание нелингвистический (когнитивный, психологический, культурный, социальный) [3]. Например, в производном *шалайтинская* (право́та) корневой морф осмысливается благодаря контексту: пресуппозиция-прототип – *знание precedentного имени собственного Шалайтин, род занятий человека, носящего это имя, легенды о силе его голоса, от которого разбились стаканы*, и т. д. Индикатором контекстуального значения является лексема *право́та*. Значение выражения – ‘у кого громче бас, тот и прав’. Корневой морф становится маркером культурного контекста.

Другим важным условием решения проблемы является необходимость учёта процесса мотивации, так как фразеологизация и мотивация представляют собой взаимосвязанные важнейшие тенденции развития структуры слова. Описание механизмов этих процессов содержится в нашей докторской диссертации [4].

Анализ слов с деривационно связанными корневыми морфемами показывает, что *мотивирован-*

ность не всегда непосредственно объективируется морфемной структурой. Даже утраченная в результате социальных, языковых изменений, семантика того или иного слова может сохранять мотивированность на концептуальном уровне (уровне внутренней формы). Например, прямое значение слова *распоясаться* – ‘снять пояс’. Переносное значение (‘лишиться сдержанности, вести себя разнузданно’) обусловлено символическим значением объекта действительности: пояс в древности был символом чести. Снять пояс означало ‘лишиться чести’. Сема ‘лишиться’ сохраняется и обуславливает развитие значения. Центром организации синтагматики морфем здесь является префикс. В слове наблюдается концептуальная интеграция по принципу «разархивации скрытых признаков» (термин Л. В. Бабиной) [5]. Ср. также слова *водвориться* (сохраняется сема ‘поместить субъект’), *отбояриться* (сохраняется сема ‘отделение’) и т. д., в которых восстанавливаются концептуальные признаки на ситуативном уровне. Во всех подобных словах, на наш взгляд, мотивационная структура эксплицирована не полностью, но она есть, что обуславливает членность слова, несмотря на фразеологичность его морфемной структуры. Связанные корни в подобных словах можно разделить на две группы:

- корни с полной потерей качественной определённости при сохранении парадигматических связей (корень передаёт только знания о языке): *обуть, застегнуть, раздеть* и т. д.;

- корни с неполной потерей качественной определённости и сохранением культурной или исторической маркированности (корни содержат знания о мире и изоморфны словам): *водвориться, отбояриться, переборщить* и т. д.

Третью группу составляют корни, сохраняющие лишь ассоциативные связи и относящие слова к периферии членимых: *присобачить, проморгать, пронюхать*. В таких словах корневые морфы могут потерять парадигматические связи или изменить предметную соотнесённость. Например, лексема *присобачить* возникла в результате ассоциаций: *пригвоздить* → присоединить → *приковать* → посадить на цепь → собака → *присобачить*. См. подробнее [6]. Мотивированность (ассоциативно-образная) при этом сохраняется. Сохраняется и членность слова.

Поскольку ряд семантических процессов, происходящих в морфемной структуре слова, так или иначе связан с ментальными операциями и детерминируется критерием понятности, в нашей работе определены когнитивные модели переосмысления, которые демонстрируют механизм трансформации неязыковых знаний в языковые.

Под *когнитивными моделями* мы понимаем ментальные операции, которым подвергаются еди-

ницы морфемики на уровне взаимодействия системы и среды. О. П. Ермакова в своей статье [7] приводит классификацию деривационно связанных корневых морфов в соответствии с характером семантических отношений. Частично выделенные группы совпадают с когнитивными моделями, обозначенными в нашей диссертации [8]: метафоризация, метонимизация, генерализация, спецификация, ассоциация, символизация, перекатегоризация, транзитивация и др.

Когнитивные модели участвуют в структурировании ментальных пространств, которые, в свою очередь, включают и результаты рефлексивной деятельности. В связи с этим проблема членимости решается во взаимосвязи с явлением *маркированности морфем*, под которой понимается способность морфем (морфемы) вызывать в сознании носителей языка ту или иную рефлексию: этимологическую, словообразовательную, историческую, социальную, культурную и т. д. Маркированность является фактором, снижающим фразеологизацию и обеспечивающим членимость слова. Так, в словоформе *отбояриться* корневой морф, изоморфный лексеме *бояр*, является *архаически маркированным*. О том, что корневая морфема действительно вызывает рефлексию, свидетельствует и новое образование *семибанкирищина*.

В нашей работе отмечаются и такие типы маркированности, как грамматическая, культурно-историческая, символическая, социально-культурная, этнокультурная, фразеологическая, семантическая и др. [9]

Таким образом, слова с деривационно связанными корневыми морфами следует считать членимыми. В них корень теряет парадигматические связи, его семантика имеет связанный характер, но она так или иначе коррелирует с лексическим значением на концептуальном уровне, служебные морфемы сохраняют воспроизводимость и по форме, и по содержанию. Так, в словах *офонареть*, *раздраконить*, *залимонить* корень ассоциативно связан с лексическим значением, а словообразовательная модель легко осмысливается носителями языка. В словах *прихвостень*, *пролаза*, *молокосос* корень концептуализирует образный мотивационный код (связь с лексическим значением осуществляется на концептуальном уровне). В подобных словах корневой морф так или иначе осмысливается носителями языка и культуры, но его смысловая связь с лексическим значением ослаблена. На осмысление корневых морфем в данных лексемах влияет когнитивный контекст.

Слова с деривационно связанными корнями могут быть объединены на основе общности мотивационной модели, под которой нами понимается внутренняя организация структуры знаний,

стоящей за внутренней формой, позволяющая объединить ряд объектов действительности на основании единой стратегии номинации (установки на те или иные признаки объекта) и общей идеи. Зачастую мотивационные модели формируются на основе общности образного видения мира, жизненного опыта, процессов мышления. Ряды слов, объединённые мотивационной моделью, характеризуются однотипностью логических и образно-ассоциативных связей между объектами, ставшими знаками, и объектами, получившими номинации на основе этих знаков. Например, в основе номинаций *цыганить*, *матросить*, *свинячить*, *попугайничать* и т. п. лежит мотивационный признак 'стереотипное представление о лице/животном'. Слово *цыган*, например, приобрело коннотацию 'попрошайка', *матрос* – 'неразборчивый в интимных связях', *свинья* – 'любит лежать в грязи', *попугай* – 'любит повторять слова'. В сознании говорящих формируется *мотивационная модель* 'вести себя так, как свойственно лицу/животному, с точки зрения говорящих' (ориентация на коннотацию, а не на лексическое значение мотивирующих компонентов).

Следует иметь в виду, что один и тот же образ может реализовывать разные идеи, так как способен концептуализировать различные свойства объекта действительности. Ср., например, лексемы *бесхребетник* и *захребетник*. В первом слове образ *хребта* используется для реализации идеи *слабого, безвольного человека*, и объект действительности *хребет* концептуализирует свойства 'опора', 'стержень'. Во втором слове актуализируется идея *дармоедства*, и тот же компонент концептуализирует свойства 'защита', 'спина' (ср. выражение *как за широкой спиной*).

Когнитивный подход к языковым фактам позволяет рассматривать смысл целого (лексического значения) как результат концептуальной интеграции [10]. Думается, формирование значения слов с деривационно связанными корневыми морфами следует рассматривать на уровне концептуальных структур как результат фиксации информации (знания о действительности).

Примечания

1. Ермакова О. П. Проблемы изучения деривационно связанных значений корней на современном этапе развития словообразования // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Памяти В. И. Чернова (к 75-летию со дня рождения). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 74–78.

2. Сидорова Т. А. Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2007.

3. Там же.

4. Там же.
5. *Бабина А. В.* О концептуальной деривации // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов [26–28 сентября 2006 года]. Тамбов, 2006. С. 258–260.
6. *Сидорова Т. А.* Указ. соч.
7. *Ермакова О. П.* Указ. соч.
8. *Сидорова Т. А.* Указ. соч.
9. Там же.
10. *Ольшанский И. Г.* Концептуальная интеграция в лексике и словообразовании // Композиционная семантика: материалы III междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике [18–20 сентября 2002 г. Ч. 1]. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 22–23.

УДК 811

И. М. Шеина

ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Данная статья посвящена тому аспекту фоновых знаний, который является культуроспецифическим. Автор обосновывает роль фоновых знаний при анализе степени успешности или неуспешности коммуникации в тех случаях, когда ее участники принадлежат к разным культурам и общаются через переводчика.

The paper deals with culture-bound background knowledge as a factor that ensures effective communication in a communicative situation when the participants of the process have to resort to the services of a translator as an intermediary.

Ключевые слова: фоновые знания, картина мира, межкультурная коммуникация, коммуникативная неудача, коммуникативный дискомфорт, межкультурная коммуникативная компетенция.

Keywords: Background knowledge, world view, intercultural communication, miscommunication, communicative discomfort, intercultural communicative competence.

Данная статья посвящена проблеме адекватности понимания в условиях межкультурной коммуникации, то есть в ситуации, когда отправитель сообщения принадлежит к одной культуре, а получатель – к другой. При этом в процессе общения участвуют не просто разные личности, но и носители разных культурных и языковых картин мира.

По мнению Е. С. Кубряковой, модель, или картина мира, представляет собой сумму значений и представлений о мире, упорядоченную в голове человека «по самым разным основаниям» и объединенную «в известную интегральную схему» [1].

Строго говоря, у каждого индивида существует своя картина мира, сложившаяся на основе его/ее

личного опыта, но опыт отдельного человека формируется в рамках той культуры, в которой происходит становление личности, и наша интерпретация событий и явлений обусловлена культурой, к которой мы принадлежим.

Коллективная картина мира отдельного народа может выступать как идеациональная (то есть существующая на уровне идей) модель его культуры. Не случайно С. Г. Тер-Минасова использует термин «культурная» или «культурно-концептуальная картина мира», подчеркивая, что она складывается на основе представлений, прошедших через коллективное и индивидуальное сознание [2]. Определение культурной картины мира, данное С. Г. Тер-Минасовой в работе «Война и мир языков и культур», не отвергает определение Е. С. Кубряковой, приведенное нами выше, но смещает акцент, указывая на механизм возникновения картины мира: «Культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное. Это образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [3].

Языковая картина мира – это та часть культурно-концептуальной картины, которая получила означивание средствами языка и, следовательно, может быть подвергнута анализу на уровне языковых единиц.

И культурно-концептуальная, и языковая картины мира непосредственно участвуют в процессах понимания и порождения высказывания в процессе коммуникации.

С нашей точки зрения, целесообразно рассматривать три варианта межкультурной коммуникативной ситуации.

Первый вариант: общение происходит на языке, который является родным для одного из коммуникантов, но иностранным для другого.

Второй вариант: общение происходит на языке-посреднике (например, английском), который не является родным для участников коммуникативной ситуации. В обоих случаях уровень иноязычной коммуникативной компетенции может играть решающую роль.

Третий вариант: общение происходит через переводчика. В этой ситуации собеседники фактически становятся «заложниками» межкультурной коммуникативной компетенции переводчика и его профессиональной компетенции, особенно в случае синхронного перевода.

И. И. Халева описывает это следующим образом: «...осмысление... иноязычного текста может иметь место только при условии, что “вто-

ричная языковая личность” хотя бы относительно приближается к “природному” носителю языка по уровню не только языковой, но и когнитивной (лингвокогнитивной) компетенции и, кроме того... по уровню осведомленности относительно стереотипных ситуаций общения и общего контекста этого общения...» [4].

Рассматривая все эти ситуации с точки зрения взаимодействия картин мира, мы можем представить тот «уровень осведомленности», о котором пишет И. И. Халеева, как наличие или отсутствие определенных фоновых знаний в культурно-концептуальных картинах мира участников процесса.

Под фоновыми знаниями обычно понимаются различные типы знания, влияющие на процесс коммуникации. Эти знания участвуют в процессе интерпретации коммуникативного поведения и влияют на наши ожидания и пресуппозиции, являющиеся частью коммуникативной ситуации.

Фоновые знания можно считать «готовыми смыслами», которые культурное и языковое общество предлагает своим членам. Разумеется, в рамках одной культуры эти «готовые» смыслы варьируются в зависимости от социального статуса, личного опыта и других факторов.

Термин «фоновые знания» является переводом английского термина “Background knowledge”, и в работах таких авторов, как В. Гудикунст и Й. Ким, Р. Сколлон и С. Вонг Сколлон и других [5] под этим термином понимаются все наши знания о мире. В то же время Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [6] в своих работах делают упор на страноведческий и лингвострановедческий характер фоновых знаний.

Некоторые исследователи, подчеркивая энциклопедический характер фоновых знаний, отмечают, что они не являются строго систематизированными научными знаниями. Они могут содержать противоречия и стереотипы.

В данной статье под фоновыми знаниями мы будем понимать различные типы знания, влияющие на процесс коммуникации. По определению О. С. Ахмановой, фоновые знания представляют собой «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения». И. В. Гюббенет определяет фоновые знания как социально-культурный фон, характеризующий воспринимаемую речь [7].

Текст как продукт речемыслительной деятельности автора и материал речемыслительной деятельности интерпретатора есть прежде всего особым образом представленное знание: вербализованное знание и фоновое знание.

В соответствии с классификацией Т. Ван Дейка в коммуникативном взаимодействии участвует следующий комплекс знаний:

- знания об особенностях коммуникативных ситуаций;
- знания, полученные из предыдущих речевых актов;
- знания о характере происходящего взаимодействия и структуре предшествующей коммуникативной ситуации;
- знания общего характера о взаимодействии и правилах, главным образом, прагматических;
- другие разновидности общих знаний о мире (фреймы) [8].

Классификация Т. А. Ван Дейка не учитывает культурно-обусловленный характер фоновых знаний, в то время как культурная обусловленность фоновых знаний является их важнейшей характеристикой. Р. Сколлон и С. Вонг Сколлон подчеркивают, что, хотя когнитивный механизм действия фоновых знаний в ситуации общения универсален, они имеют различную структуру в разных культурах.

К. Крамш отмечает, что коммуниканты всегда вступают в акт коммуникации с определенными приемлемыми в данном обществе схемами поведения, усвоенными в процессах социализации и инкультурации (аккультурации). Эти схемы включают:

- знания о правилах поведения в стандартных ситуациях повседневного общения, в том числе знания о правилах поведения с людьми различного возраста и статуса;
- понимание коммуникативного намерения собеседника;
- ожидание определенных действий от собеседника (приветствие, улыбка, пожатие руки и т. д.) [9].

Однако этот список далеко не исчерпывает все виды фоновых знаний, используемых для обеспечения правильного понимания текста.

Поэтому мы предлагаем также рассмотреть классификацию Б. Хазлет, которая выделяет четыре типа фоновых знаний, влияющих на процесс коммуникации.

1. «Обыденные знания», или наивная картина мира.
2. Культурные знания, тесно связанные с ценностями родной культуры.
3. Знания о правилах взаимодействия в ситуации общения.
4. Лингвистические знания (языковая компетенция) [10].

А. Н. Крюков подчеркивает, что фоновые знания проявляют свое реальное бытие только в осмысленном высказывании, насквозь пронизывая его и придавая ему многомерность. Фоновые знания – это результат присвоения индивидом как материальных, так и духовных ценностей. Сами по себе фоновые знания могут не иметь к языкознанию никакого отношения, изучаясь в рамках естественных и социальных наук. Но лингвистику

интересует то, как в той или иной лингвокультурной общности фоновые знания как невербальный компонент речевого общения вплетаются в текст речевого произведения, что в языковой коммуникации имплицитруется, а что эксплицитруется [11].

Как показывает практика перевода, недостаток фоновых знаний в большинстве случаев ведет к коммуникативной неудаче, то есть к такому сбою в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения [12].

Для доказательства особой роли фоновых знаний в процессе межкультурной коммуникации проанализируем некоторые ошибки, допускаемые переводчиками, обладающими высокой профессиональной компетенцией.

Приведем выдержки из интервью с главой Госкомстата России В. А. Соколиным (29 апреля 2003 г.):

Сейчас у нас низкая продолжительность жизни, а начнет возрастать, кто <i>наших стариков</i> через 10 лет кормить будет?	Right now we have low life expectancy, but when it starts rising – who will be taking care of our <i>old people</i> ten years from now?
Если вы взглянете на <i>половозрастную структуру</i> населения, то увидите, что «дети до 15 лет» – это сужающийся книзу конус	If you look at <i>the age and sex structure</i> of the population, you'll see “children under 15” from the narrow end of the cone

Оба приведенных примера иллюстрируют несоблюдение переводчиком норм политической корректности, которой придается все большее значение, и ведут, по меньшей мере, к коммуникативному дискомфорту. Поэтому в первом случае следовало бы использовать вместо выделенного фрагмента *the elderly/seniors*, а во втором – безусловно, *gender* и более идиоматичное *breakdown* вместо дословного *structure*.

...высшее образование было у 8 тысяч, из них – 42 кандидата и 11 докторов наук	8000 had higher education and those included 42 candidates of science and 11 people with doctorates
--	---

Переводчик использует неудачные варианты передачи названия научных степеней, поскольку не учитывает разницу между российской и американской/английской образовательными системами. Поэтому предложенный им вариант ведет к коммуникативной неудаче: иностранные слушатели, незнакомые с российской системой образования, многое не поймут в сообщаемой информации. Во избежание коммуникативной неудачи переводчику следовало (в условиях отсутствия точных эквивалентов) прибегнуть к культурной адаптации. Л. Виссон предлагает вариант *42 people with the equivalent of a Ph.D and 11 with advanced degrees* [13]. В то же время те же термины, использованные в официальном документе, потребовали бы дословного перевода: *candidate of science* и *doctor of science*. Таким образом, правомерность культурной адаптации при переводе обусловлена, в частности, и видом дискурса, то есть в широком смысле слова – коммуникативной ситуацией.

При общем, безусловно, высоком качестве английского перевода интервью, в переводном варианте присутствуют погрешности, связанные с недостатком фоновых знаний переводчика или просто с невнимательностью, которые ведут к дискомфорту, а в некоторых случаях – и к незначительным коммуникативным неудачам. Тем не менее приведенные неудачи ведут к непониманию мелких информационных блоков, но не искажают смысла сказанного в целом.

Несколько иную ситуацию наблюдаем при анализе перевода интервью В. В. Путина, которое он дал 12 декабря 2007 г. журналу Time, став по опросам издания человеком года. При общем, безусловно, высоком качестве английского перевода интервью, опубликованного Time, сравнение исходного русского и переводного английского текстов выявляет ряд стилистических погрешностей и смысловых ошибок, неоправданных добавлений или опущений смысловых компонентов, очевидно, вызванных непониманием американским переводчиком нюансов русского языка, недостатком страноведческих знаний, а иногда и просто недостатком внимания. Все это ведет к искажению смысла того, что говорил В. В. Путин, то есть к коммуникативным неудачам.

Проанализируем наиболее показательные примеры из этого интервью:

Я для себя ещё <i>не принял решение</i> , буду я претендовать на должность председателя правительства или нет	<i>I'm prepared to accept</i> Dmitri Medvedev's offer to serve as the Premier...
Но их мало не только в журналистской среде, их мало вообще: <i>они такие пассивные люди</i> , они в любой среде немножко диссиденты. Но тем не менее именно такие люди, бескорыстные, честные, и вызывают уважение, где бы они ни работали, – журналисты они или политики, кто угодно	There are generally independent people who are not afraid of losing their jobs and will write their mind, but there are not many. I don't live with any journalists, but generally speaking they are very <i>passionate people</i>

В первом примере смысл английской фразы противоположен тому, что имеет в виду В. В. Путин: президент говорит о том, что еще не принял решение, а в версии переводчика – он готов принять предложение будущего президента, а это совершенно другое отношение и другое намерение.

Второй пример иллюстрирует случай непонимания переводчика, что ведет к очень неудачному английскому варианту и искажению смысла оригинального высказывания. «Пассионарность» – термин, введенный Львом Гумилевым, – означает, в частности, «необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)». Несмотря на похожее звучание, значение понятия далеко от *passionate* «страстный, пылкий», которое использует переводчик. Более уместной была бы характеристика *committed*.

Рассмотрим еще два примера из того же интервью:

Я не считаю, что демократизацию, если под этим понимать гласность, нужно откладывать на потом как второстепенную задачу. Но также очевидно, что нельзя было откладывать на потом и рыночные преобразования. И вот результат	Well, I don't believe that democratization, if you mean by glasnost democratization, should be postponed. It is equally clear that market transition could be postponed to a later date. Well, everything in its good time, and what happened happened
У нас складывается впечатление, что США нужны вассалы, которыми можно покомандовать	Sometimes we get the impression that you need some kind of <i>auxiliary subjects</i> to take command of

В первой цитате наблюдаем очевидную ошибку переводчика, ведущую к искажению смысла того, что говорит В. В. Путин, а следовательно, к коммуникативной неудаче. Можно предположить, что переводчик не расслышал отрицание в высказывании президента. Но если бы он обладал достаточными страноведческими знаниями, касающимися политической и экономической ситуации в России середины 80-х гг., то этой ошибки никогда не возникло бы. С этим же связана разная коннотация в конце анализируемого высказывания. В. В. Путин явно говорит с сожалением, которое не передается в переводе.

Второй пример – один из многих, показывающих, что переводчик, будучи американцем, может попытаться «сгладить острые углы» и делает некоторые резкие высказывания В. В. Путина нейтральными, а зачастую несколько *проамериканскими*. В данном случае речь идет о неверной передаче смысла, который В. В. Путин вкладывает в слово «вассал». Возможно, переводчик не знает исторического значения этого слова, подразумевающего полное подчинение и зависимость в обмен на землю, хотя президент имеет в виду именно это. Кроме того, английский полный эквивалент *vassal*, который, очевидно, следовало бы использовать переводчику, имеет одним из своих значений следующее: *a country that is controlled by another country*. Решение переводчика в пользу слова *auxiliary*, в каждом значении которого есть сема “smth. that provides additional help”, является, на наш взгляд, коммуникативной неудачей, так как не передает смысла того, что имел в виду В. В. Путин.

Как видим, в процессе перевода фоновые знания переводчика взаимодействуют со словами и структурами текста, но при недостатке фоновых знаний, сопровождаемом различиями в культурных ценностях, правильная интерпретация высказывания может быть затруднена. Различия в культурных картинах мира ведут к искажениям в оценке обсуждаемых явлений, нарушениям норм вежливости, принятым к иной культуре, неверному пониманию намерений собеседника.

Таким образом, фоновые знания, являющиеся неотъемлемой частью культурной картины мира, представляют одновременно и важнейшую составляющую профессиональной компетенции переводчика. Они включают не только знание культуры исходного и переводящего языков, но и общую эрудицию в синхроническом и диахроническом аспектах, а также учет требований дискурса к передаче культуруобусловленного содержания, что, несомненно, должно учитываться при создании учебных планов и программ для бакалавров и магистров лингвистики.

Примечания

1. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 141.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО, 2000. 261 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: АСТ [и др.], 2007. С. 22.
4. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. М.: Высш. шк., 1989. С. 140.
5. Gudykunst W. B., Kim Y. Y. Communication with strangers: an approach to intercultural communication. N. Y.: McGraw-Hill, 1997. 442 с.; Scollon R., Scollon S. Wong. Intercultural Communication: a Discourse Approach. 2nd ed. Malden Mass: Blackwell, 2001. 316 p.

6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.

7. Ахманова О. С., Гоббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.

8. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. М.: Наука, 1989. 310 с.

9. Kramsch С. Language and culture. Oxford: Oxford University Press, 2000. 134 p.

10. Haslett В. Communication, strategic action on context. Hillsdale; N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. 1987. 287 p.

11. Крюков А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. М., 1988. С. 19–34.

12. Гордеецкий Б. Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание / Центр. совет. филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР. М., 1990. С. 50.

13. Виссон А. Практикум-2 по синхронному переводу с русского языка на английский. М.: Р. Валент, 2005. С. 15.

УДК 811.581'27

Лю Бо

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)

В статье дается сопоставительная характеристика фразеологизмов, пословиц и поговорок русского и китайского языков, отражающих национально-специфичные представления, гендерные стереотипы о мужчине и женщине, их взаимоотношениях и социальных ролях.

In the article is given a comparative description of phraseology, proverbs and sayings of Russian and Chinese languages, reflecting national-specific conceptions and gender stereotypes about man and woman, their relations and social roles.

Ключевые слова: Русский и китайский языки, фразеология, семантические группы фразеологизмов, сопоставительный анализ, гендерные стереотипы, концепты.

Keywords: Russian and Chinese languages, phraseology, semantic groups of phraseology, comparative analysis, gender stereotypes, concepts.

Гендер становится таким же ключевым понятием, как класс, род, нация. Гендер – это конструкт, в основе которого лежат три группы характеристик: биологический пол, полоролевые стереотипы и гендерный дисплей – многообразие проявлений, связанных с предписанными обществом нормами мужского и женского взаимодействия [1].

Категория «гендер» была воспринята лингвистикой и оказалась плодотворной для прагматики и антропоцентрического языкознания в целом. В гендерной лингвистике обоснована андроцентричность языка. Это асимметрии в системе языка, указывающие на то, что женщинам в обществе отводится второстепенная роль. Гендерная лингвистика исходит из того, что язык не природный, а общественно-исторический феномен [2].

Гендерный подход предполагает отражение гендерных отношений в истории языка, изучение пола как культурной репрезентации в лингвокультурологии. Убедительные результаты даёт сопоставительный анализ, поскольку он позволяет установить сходства и различия в моделировании феномена пола в связи с экзистенциальными характеристиками человека. Можно сказать, что в данной работе гендерные стереотипы – это система представлений о том, как должны вести себя мужчина и женщина [3].

Человек систематизирует и интерпретирует поступающую информацию с помощью семиотической языковой системы, которая структурируется различными языковыми средствами (словами, фразеологическими единицами, текстами). Наиболее яркими языковыми единицами, в которых отражена культура народа, являются фразеологизмы. Анализ фразеологических единиц показывает, что русский и китайский языки принадлежат к разным типам культур.

Фразеология продолжает оставаться объектом многочисленных разноаспектных исследований. В последнее время усилился интерес к её рассмотрению с точки зрения лингвокультурологии с целью постижения языковой картины мира [4]. В данной работе проанализированы фразеологические единицы как средство выражения национальных концептов, выражающих универсальное знание и национально-культурную информацию. В работе устанавливается сходство и различие гендерных стереотипов в русском и китайском языках на материале фразеологических единиц.

Ядром культуры должен быть принцип развития жизни и совершенствования человечества через слияние двух противоположных начал – мужского и женского [5]. В словарном фонде рассматривались единицы, имеющие гендерную специфику, т. е. касающиеся социальных аспектов взаимодействия мужчин и женщин, конкретная семантическая область которых может быть очерчена достаточно чётко на высоком уровне обобщения: женское видение мира – мужское видение мира. В общем массиве материала исследования ярко выражена андроцентричность, т. е. отражение мужской перспективы, но есть и отражение женского мировидения.

Нами отбирались фразеологические единицы (ФЕ), содержащие непосредственную номинацию пола. Это относится прежде всего к лицам женского пола. При разделении исследуемого материала однозначное проведение границ между семантическими областями в двух языках не представляется возможным. Так, ряд ФЕ может быть отнесен и к области женского интеллекта, и к сфере семейной жизни. Несмотря на это можно выявить, какие семантические области представлены в материале наиболее явно и какую картину мира они отражают. Можно также проследить наличие положительной и отрицательной оценки и описать её качественные характеристики, выявив доминанту.

По В. Н. Телия, к русским фразеологическим единицам относятся все типы узуально воспроизводимых сочетаний, которые группируются в сильно размытые множества на основании тех или иных характерных для каждого множества признаков и отношений между ними. Выбраны типы: фразеологизмы, пословицы и поговорки. Базой анализа стали «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (1986), «Словарь русских пословиц и поговорок» (Жуков, 2000), «Пословицы русского народа» (Даль, 1999).

В китайском языке предметом фразеологии являются фразеологические единицы, т. е. устойчивые, воспроизводимые в готовом виде сочетания слов, существующие в языке в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований. Под фразеологическими единицами китаисты понимают, главным образом, так называемые Чэньюй, т. е. устойчивые фразеологические словосочетания (чаще четырехсловные), построенные по нормам древнекитайского языка, семантически монолитные с обобщенно-переносным значением, носящие экспрессивный характер и функционально являющиеся одним членом предложения [6]. Как отмечает китайский ученый Су Я, «связь истории и культуры народа с языком особенно ярко проявляется на фразеологическом уровне. Большое число пословиц, поговорок отражает специфические национальные черты, которые корнями своими уходят в историю народа, его быт, обычаи, традиции» [7].

Изученные нами типы китайских фразеологических единиц, подобные русским, следующие: Шуюй (熟语) (фразеология) – Чэньюй (成语) (идиом), Яньюй (谚语) (пословица), Сехоуэй (歇后语) (недосказанное выражение), Гэянь (格言) (народные изречения). Источником для изучения языкового материала послужили следующие словари: «Фразеологический словарь китайского языка» (1995), «Китайский Сехоуэй» (1991), «Большой

словарь китайских поговорок» (1991), «Фонд слов современного китайского языка» (2003).

Представим сопоставительный анализ русских и китайских фразеологических единиц, учитываемый выражаемый ими смысл.

I. Супружество (замужество и женитьба)

1) Необходимость брака

Важное место в этом фрагменте картин мира, создаваемых китайским и русским (или двумя) языками, всегда занимает представление о вступивших и не вступивших в брачные отношения. Общая картина супружества (замужества и женитьбы) в двух языках воспринимается как необходимость брака и минимальной защищенности, отсутствующей у одного члена вне брака: например, в русском – *Всякая невеста для своего жениха родится; С ним горе, а без него вдвое. Хоть лычками шит, да муж; Худ мой Устим, да лучше с ним; Худ мой мужилка, а завалюсь за него – не боюсь никого; Муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижусь сиротой; С мужем худо, без мужа – и того хуже; Добьет мужа до худого мужа. Нету такого, выйдешь и за всякого;* в китайском (следующие выражения показываются иероглифами и фонетическим алфавитом) – (Яньюй) 女大不中留 [nǚ dà bù zhōng liú] (взрослая девушка не может остаться дома); (Чэньюй) 女生外向 [nǚ shēng wài xiàng] (девушка всё равно выйдет замуж, или девицье сердце обращено к семье будущего мужа); 女大须婚 [nǚ dà xū hūn] (взрослая девушка должна выйти замуж); 女大难留 [nǚ dà nán liú] (трудно оставить девушку в определённом возрасте); 男室女家 [nán shì nǚ jiā] (парень должен иметь жену, девица – мужа); 男婚女嫁 [nán hūn nǚ jià] (парень должен жениться, девица – выйти замуж); (Гэянь) 男有室, 女有家 [nán yǒu shì, nǚ yǒu jiā] (мужчина имеет супругу, женщина – супругу); 男子生而愿为之有室, 女子生而愿为之有家 [nán zǐ shēng ér yuàn wéi zhī yǒu shì, nǚ zǐ shēng ér yuàn wéi zhī yǒu jiā] (человек мужского пола родился и желает иметь супругу для себя, женского пола – иметь супругу для себя).

Мы обнаружили, что по традиции в каждой из двух стран девушка в определённом возрасте (т. е. на выданье) должна выйти замуж, молодой человек также должен жениться (взять девушку). В обоих языках отражается необходимость не только замужества женщин, но и женитьбы мужчин: в китайском – 男婚女嫁 [nán hūn nǚ jià] (парень должен жениться, девица – выйти замуж); в русском – *Не женат – не человек; Холостой – полчеловека.* По сравнению с мужской женщине нужнее выйти замуж, хоть за худого человека.

Как видим, здесь четко прослеживается андроцентричность в языке, которая выражается в выдвигании на первый план таких предложений, как в предыдущем китайском примере 男婚女嫁 [nán hūn nǚ jià] (парень должен жениться, девица – выйти замуж), и в русском тоже: Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт; Без мужа, что без головы; без жены, что без ума и др. Женское и мужское выражения представляются идентичными по смыслу, но мужское выражение всегда идет прежде женского, что и свидетельствует о том, что невеста (женщина) выступает в роли объекта.

В китайском языке подчеркивается также исключительная важность супружества в жизни женщины, что соотносимо с мужским выражением: (Гэянь) 男人最怕入错行, 女人最怕嫁错郎 [nán rén zuì pà rù cuò háng, nǚ rén zuì pà jià cuò láng] (мужчина больше всего боится ошибочно выбрать профессию, а женщина – мужа).

В обоих языках необходимость замужества женщин выражается сильнее, чем мужчин, в каждой из стран немолодую девушку, не вступавшую в брачные отношения, называют старой девицей (в китайском то же самое: 老姑娘 [lǎo gū niang]). Брак для женщин является самым важным жизненным событием и воплощением судьбы и счастья. Женщина рождается не для себя, а мужчина рождается не только для брака. Уже здесь мы можем заметить и различное социальное положение мужчин и женщин. Эта социальная сторона будет очевиднее проявляться в следующих группах.

2) Характер супружеской связанности, единства

Связанность жены и мужа существует в супружеской жизни, причины такой связанности у мужчин и у женщин разные. Жена мужу нужна для того, чтобы вести хозяйство и давать необходимые советы. Это отражается в русском фразеологическом фонде: Без жены как без шапки; Муж без жены – что гусь без воды; Подумаю с подушкой, а после спрошусь с женой; Утро вечера мудренее, жена мужа удалее. Мужчина для женщины предстает как опора и глава всей семьи (как небо), это выражается в обоих языках: в русском – Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт. Без мужа, что без головы; без жены, что без ума; Мужчина без жены – что конь без узды; Жена мужа почитай, как крест на главе; муж жену береги, как трубу на бане; в китайском – 男子无妻是家无主, 妇人无夫是身无主 [nán zǐ wú qī shì jiā wú zhǔ, fù rén wú fū shì shēn wú zhǔ] (мужчина без женитьбы значит, что нет человека, который может вести домашние дела; женщина без замужества – не на кого опираться). Из этого следует, что супружеская связан-

ность является необходимой составной частью брака.

В китайском языке прежде всего обращается особое внимание на хорошие и дружественные отношения между мужем и женой, т. е. супруги едины на всю жизнь. Это происходит потому, что в китайской традиции дружная семья – основа стабильности целой страны, а согласие в семье считается ценностью. И здесь мы можем утверждать, что идеальная дружная семья отличается:

(а) глубокой привязанностью и семейным единством, например, 双宿双飞 [shuāng sù shuāng fēi] (дословно: оба лежат и летают); 一夜夫妻百日恩 [yí yè fū qī bǎi rì ēn] (при установлении супружеских отношений возникает глубокая привязанность); в русском также: У мужа и жены мысли одни; Муж да жена – одна душа; Муж да жена – одна сатана; Где муж, там и жена; Муж с женой, что мука с водой; Чужой муж бы и мил, да не жить мне с ним, а свой постыл – волочиться с ним. В русском зафиксировано больше пословиц и поговорок, которые подчеркивают взаимовлияние и обусловленность между мужем и женой: У милостивого мужа всегда жена досужа; У умного мужа и глупая жена досужа; У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана; У плохого мужа жена всегда дура;

(б) традиционным общественным разделением труда: 男当家女插花 [nán dāng jiā nǚ chā huā] (мужчина управляет семьей, женщина делает цветы на срез, т. е. ведёт домашние дела); 男子走州又走县, 妇女围着锅台转 [nán zǐ zǒu zhōu yòu zǒu xiàn, fù nǚ wéi zhe guō tái zhuàn] (мужчина ходит по городам, женщина вращается вокруг плиты); 男耕女织 [nán gēng nǚ zhī] (муж пашет, а жена прядёт). Это доказывается тем, что жена всегда ведёт домашние дела, а муж чаще вне дома. В русском также: Женская дорога – от печи до порога; Не наряд жену красит – домостройство; Муж молоти пшеницу, а жена пеки паланицы; Не прядет мужик, да без рубахи не ходит; а баба и прядет, да не по две вдруг носит; Давно то было баяно, что жена не бабыня. Такие пословицы, как Жена мелет, а муж спит; Жена прядет, а муж пляшет; Жена у посудника (дома), и муж у посудника (в кабаке) отражают распределение обязанностей в русской семье – жена все делает в быту, а муж ей не помогает, даже вне дома.

Отметим и то, что в русском языке некоторые единицы выражают большую зависимость жены от мужа (Птица крыльями сильна, жена мужем красна; Жена по мужу честна; Жене при муже хорошо; Жена мужу пластырь, муж жене пластырь) и ответственность мужа за жену (Ро-

дители берегут дочь до венца, а муж жену до конца). Скорее всего, женщины оцениваются с позиций мужских представлений и жизненного опыта, т. е. в русском языке и культуре проявляется андроцентризм и языковая картина мира это фиксирует. Например, *Жена – не рукавица, с руки не сбросишь; Жена – не сапог, с ноги не скинешь*. Женщина следует за мужем и подчиняется ему, к примеру, 夫唱妇随 [fū chàng fù suí] (счастливое супружество, дословно: муж поёт, жена также); 嫁鸡随鸡 [jià jī suí jī] (за кого вышла замуж, тому и угождай). Подобное выражение существует и в русском языке: *Куда иголка, туда и нитка*. В этих выражениях ещё более очевидным становится то, что отмечалось выше, различие в социальном положении и отношениях между женщиной и мужчиной.

Можно предположить, что причин существования этих высказываний о женской привязанности много. Это объясняется особенностями характера женщин, а также их низким социальным статусом: *Жена без грозы – хуже козы; Кто жене волю даёт, тот сам себя обкрадывает; Не петух куры петухом, не владеть бабе мужиком; Кого люблю, того и бью, жену не бить – и милу не быть; Люби жену, как душу, трясси её, как грушу; Не муж в мужях, кем жена владеет, не работа в работах под женками воз возити; Как так? Муж дьяк, а жена – попадья; У мужа жена всегда виновата;* в китайском также: 娶到了媳妇买到的马, 由人骑由人打 [qǔ dào le xī fu mǎi dào de mǎ, yóu rén qí yóu rén dǎ] (дословно: жена, на которой женился, как лошадь купленная, её бьют и на ней ездят в воле, это значит женщина под феодализмом имеет низкий социальный статус, подчиняет мужу после свадьбы).

Ряд единиц в обоих языках дают отрицательную оценку супружества. В русском языке более подчеркивается несогласие между женой и мужем: *Ехал бы прямо, да жена упряма; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; Муж в двери ногою, а жена в окно и с головою; Муж в бедах, жена в гостях; Муж в шанцах, а жена в танцах; Муж по двора, а жена со двора; Муж за бороною, жена за меледюю*. В китайском отмечается вторичный брак после развода или потери одного члена: 琵琶别抱 [pí pa bié bào] (женщина вышла замуж вторично, дословно – «пипа» [один из видов китайских музыкальных инструментов] в других руках) и незаконные дела, разрушающие семейные отношения из-за несчастливой супружеской жизни и внесемейного соблазнителя: 金屋藏娇 [jīn wū cáng jiāo] (брать девушку быть наложницей, дословно: скрывать любимую женщину в золотом доме). В русском есть выражение, обозначающее «первая жена – хорошая, а дальше – хуже»: *Первая жена от бога, вторая от человека, третья от черта*.

3) Человек в неполной семье

Семья – это социальная ячейка, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу. В любой семье могут возникать противоречия, проявляться взаимные обиды и непонимание. Отношения в семье регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях. Но есть основания считать, что в семьях двух стран неизбежно появляются те или иные семейные проблемы, которые разрушают нормальные дружественные семейные отношения, и семьи становятся неполными.

В двух языках причиной неполной семьи может быть (а) потеря одного члена из-за развода или смерти: в русском – *Без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой хоть волком вой; Жена без мужа – вдовы хуже; Без мужа не жена; Без мужа жена – всегда сирота; Вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота;* в китайском – 孤儿寡妇 [gū ér guāi fù] (сирота и вдова); 寡妇门前是非多 [guāi fu mén qián shì fēi duō] (дословно: за дверью вдовы много неприятности, т. е. в старину к вдове относятся с пренебрежением, с ложными слухами и грязной клеветой); (б) развод: 牛郎织女 [niú láng zhī nǚ] (супруги разошлись, дословно – Альтаир и Вега [из мифа]).

II. Материнские черты женщин

Материнство от слова «мать». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова мать – это «женщина по отношению к её детям; женщина, имеющая или имевшая детей».

В китайском языке, по данным словарей, значение «мать/мама» передают три иероглифа – «母 mǔ», «妈 mā», «娘 niáng». Иероглиф «妈 mā»: в общем значит «мама». Это название бытует в китайских городах, а в деревнях обычно говорят «娘 niáng». Данный иероглиф имеет другие значения – «название женщин старшего поколения среди родственников», «уважительное название среди родственников», «(в старину) с фамилией название служанки старого или среднего возраста». Иероглиф «母 mǔ»: тоже значит «мать». Это символический иероглиф. В надписях на костях, в надписях на бронзе и «чжуаньшу» (тоже древнее китайское письмо) рисунок данного иероглифа больше рисунка иероглифа «女» на две точки, которые символизируют обе груди. Известно, что мать представляет собой человека, который родит и возвращает будущее поколение, поэтому имеет другое значение – «источник», отраженное в этимологических словарях. Данный иероглиф означает ещё «женский», «общее название пожилой женщины», или «женщины старшего поколения». Иероглиф «娘 niáng» в основ-

ном значит «мать». Главная часть иероглифа «良» означает «хорошо», отражает материнское качество. Кроме смысла «мать», он приобретает другие значения с положительной и нейтральной оценкой. Например, «старшая замужняя женщина», «обобщённое название человека женского пола» – чаще всего используют для молодых женщин: невеста (дословно перевод с китайского: новая женщина).

Китайская литература дает также представление о традиционном понимании образа женщины-матери: *Материнская любовь является женской натурой. Большая часть китайских женщин предпочитает быть матерью и умеет это делать. В китайском традиционном обществе девочки не всегда имели возможность ходить в школу, а их семьи были афеной для их деятельности, их матери были первыми учителями и авторитетными руководителями* [8]. *Первобытный китайский общественный строй представлял собой матриархальный родовой строй, потому что какой-то дух матриархата всё ещё сохраняется в складе китайских женщин. Среди всех прав у женщин самым важным является право стать матерью* [9]. *Китайский учёный Го Можо сказал, что идея «верная супруга и добродетельная мать» являлась железной цепью, которая может сковать женщин с периода основания андроцентричного общества; а деторождение – великая материнская функция* [10] (перевод автора – Лю Бо).

1) В оценке материнских качеств общими для двух языков являются чувство ответственности, заботливость и добродетельность: в русском – *Мать дитя любит, а бык овцу любит; Ребенок научит быть матерью; Без отца – полсироты, а без матери – и вся сирота*; в китайском – *母慈子孝 [mǔ cí zǐ xiào] (Мать любит ребёнка и ребёнок почитает и слушает родителей – это нравственные нормы, которые поощряют соблюдать в феодальном обществе); (Сутью) 女儿是娘的挂心钩 [nǚ er shì niáng de guāi xīn gōu] (Дочь является крючком беспокойства для матери).*

2) В данной подгруппе отражается природное предназначение женщин – деторождение. По китайской традиции, в день своего рождения дети должны вспомнить и благодарить свою мать за жизнь, поскольку дети всегда трудно достаются. Например, *母难之日 [mǔ nán zhī rì] (День страдающей матери); 儿生娘苦日 [ér shēng niáng kǔ rì] (День, когда ребёнок родился, страдала мать).*

3) Особо подчеркнем, что в русских пословицах мать любит детей самой сильной, ни с чем не сравнимой любовью (*Материнское сердце в детках, а детское – в камне*), и дети тянутся к ней за лаской, поддержкой как к самому родному

человеку (*Птица радуется весне, а младенец матери; Жена для совета, тёща для привета, а нет родней родной матери*), мать незаменима (*Отцов много, а мать одна*), материнские наставления надолго запоминаются (*Что мать в голову вобьёт, того отец не выбьёт*) [11].

4) Материнство оценивается высоко. Мать выступает как источник комфорта, заботы: *Тепло, да не как лето, добра, да не как мать; От солнышка тепло, от матушки добро; Нет лучшего друга, чем родная матушка*. Во многих русских пословицах мать противопоставляется мачехе и иногда даже кормилице: *Мать кормилица, а кормилица не мать; Сыр калача белее, а мать мачехи милее; Мать высоко замахивается, да не больно бьёт, мачеха низко замахивается, да больно бьёт*. Особое внимание обращается на зло мачехи: *Горько живётся от мачехи пасынку, а не сладко и мачехе от пасынка; В лесу медведь, а в дому мачеха*. А в китайском отсутствует.

5) В материалах двух языков материнство коннотировано тем, что образ матери определяется с точки зрения её необходимости для детей: в русском – *Без матки роё не держится, без матки пропадут и детки; Без матки пчёлки пропащие детки*, в китайском выражении того же самого основного смысла – (*Сехоуэй*) *无娘的藤 – 找不到根 [wú niáng de téng – zhǎo bú dào gēn] (Плеть без матери – не нашла корня, здесь плеть сравнивается с ребёнком).*

6) Любая мать, которая родила ребёнка, обращает особое внимание на развитие своего ребёнка. В Китае об этой тенденции говорят такие выражения: *望子成龙 [wàng zǐ chéng lóng] (Надеется, что из её ребёнка выйдет перспективный человек); 母以子贵 [mǔ yǐ zǐ guì] (положение матери становится уважительным благодаря повышению авторитета сына)*. Поэтому в современной семье ребёнку дают лучшее питание, хорошее образование и обеспечивают благоприятную среду для его всестороннего развития. Это ведёт к тому, что одни матери балуют детей, другие относятся к ним очень строго. В некоторых китайских работах есть такое положение: *В китайской истории мало было добрых матерей, в нашей памяти образы матерей обычно были серьёзными и строгими, в частности матери великого человека и героев, они выступали как строгие учителя. Может, это материнская любовь в китайском стиле* [<http://blog.sina.com.cn/u/4baf8ce9010007yv>]. Однако мать ассоциируется прежде всего с эмоциональным теплом и любовью к детям, поэтому сердце матери, наполненное любовью к ребёнку, не позволяет ей быть предельно строгой, жестокой. Этот смысл сохраняется в фонде двух языков, более того, используется описание одинакового явле-

ния: в русском – *Мать высоко руку подымет, да не больно опустит*; в китайском – (Сехоу-юй) 妈妈打儿子一心上有数 [māma dǎ érzi — xīn shàng yǒu shù] (мама бьет сына – знает меру под рукой). В подтверждение этой мысли мы легко нашли пословицу: 恨铁不成钢 [hèn tiě bù chéng gāng] (Ждать ещё большего от человека), т. е. мать побольше желает в детях, но она построена, потому что они стали не такими, какими она хотела, тогда она воспитывает их неподходящим способом (например, ругает, бьет и т. д.). В русском есть подобное выражение, в котором говорится о том, что мать детей подвергает строгой каре: *Детки за клетки, а матка за ветки; Ребенок научит быть матерью*. Надо отметить, что в русской семье на детей влияет не только мать, но и отец, или просто родители: *В глупом сыне и отец не волен; Детки хороши – отцу-матери венец, худы – отцу-матери конец; Каков отец, таков и молодец; От плохого сына отец сидит*.

7) Из материалов двух языков следует, что в дочерях проявляются наследственные черты матери, в частности черты внешности матери и дочери совпадают: в русском – *Как две капли воды, точка в точку, как мать в дочку; Маменькина дочка – дочь, очень похожая на мать*; в китайском – (Сехоу-юй) 女儿穿娘的鞋—老样子 [nǚ er chuān niáng de xié—lǎo yàng zi] (Дочь надевает на себя обувь матери – прежний образ), в китайских пословицах ещё такое высказывание, как 娘勤女不懒 [niáng qín nǚ bù lǎn] (Если бы мать была трудолюбивая, то дочь бы не была ленивая), тоже выражает наследственное явление.

8) Необходимо указать ещё на те китайские пословицы и поговорки, которые выявляют отрицательную сторону в том, что мать балует своих детей и дети не почитают свою мать (в этом случае «мать» выступает как объект): (Яньюй) 娘肚子里有子, 子肚子里没娘 [niáng dù zi li yǒu zǐ, zǐ dù zi li méi niáng] (у матери в душе сын, у сына – нет матери); 娘生十子不嫌多, 十子养娘嫌罗嗦 [niáng shēng shí zǐ bù xián duō, shí zǐ yǎng niáng xián luō suo] (мать не боится родить десять сыновей, а сыновья содержат мать и страдают от её многословия); (Суюй) 儿子不养娘—白疼一场 [ér zi bù yǎng niáng—bái téng yí chǎng] (Сын не содержит мать – просто даром дрожала над ним).

Рассмотренный материал позволил установить, что концепт «мать» коннотирован в двух языках главным образом положительно. В Китае красивой считают ту женщину, которая обладает материнскими качествами: *Теперь самая идеальная женщина является той, кто имеет современные знания и традиционные моральные качества. Современные женщины непрерывно черпают зна-*

ния и повышают степень образования, чтобы приблизиться к идеальной женщине. На самом деле идеальная женщина в мыслях людей всё ещё представляет собой мудрую, нежную и ответственную мать [12].

III. Внешность женщин

1) Оценки внешности женщин в двух странах (описание объекта оценок).

В двух языках при характеристике внешности женщин релевантным для положительной оценки выступает ряд признаков.

Китайский язык относит привлекательную внешность к числу значимых ценностей. В семантических моделях используются такие коды, как коды цветообозначения, растений, каких-то предметов [13]. Приведем конкретные фразеологические единицы: 倾国倾城 [qīng guó qīng chéng] (писаная красавица, дословно: красота способна наклонить город); 秀色可餐 [xiù sè kě cān] (дословно: такая красота, какую хотят кушать, т. е. красота женщины); 天姿国色 [tiān zī guó sè] (преlestная внешность женщины, т. е. природная красота известна всей стране); 闭月羞花 [bì yuè xiū huā] (писаная красота, т. е. девушка так красива, что луна скрывается, цветы стыдятся); 月貌花庞 [yuè mào huā páng] (красивая девушка, т. е. красавица как луна и цветы); 如花似玉 [rú huā sì yù] (красота как цветы и яшма). В китайском языке выявлены фразеологизмы, называющие женщину по (разным) деталям лица, например, 月眉星眼 [yuè méi xīng yǎn] (писаная красота, т. е. у женщины бровь как луна, глаза как звезды); 皓齿朱唇 [hào chǐ zhū chún] (преlestная внешность, т. е. зубы белые и губы красные); 星眸皓齿 [xīng móu hào chǐ] (глаза как звезды, зубы белые, т. е. красавица); по коже женщин: 冰肌玉骨 [bīng jī yù gǔ] (кожа женщины гладкая и белая, как лёд и яшма); 香娇玉嫩 [xiāng jiāo yù nèn] (у девушки нежная кожа и тёплый аромат, т. е. красавица). Актуальными для оценки фигуры являются её параметрические данные, такие, как «рост», «объём», «пропорциональность» (следует отметить, что в русском языке данный признак не акцентируется): 仙姿玉色 [xiān zī yù sè] (преlestная внешность, т. е. фигура красива, как у феи, внешность прекрасна, как яшма); 亭亭玉立 [tíng tíng yù lì] (стройная изящная фигура женщины); в русском языке отрицательно оценивается женщина, имеющая внешний облик, не соответствующий норме: *Драная кошка (груб. прост.) – о худой, жалкого вида женщине*.

Данные фразеологизмы оценивают красоту женщин со стороны лица, позы, кожи, части тела или фигуры, а также через сравнение с конкретными предметами и явлениями. Такой способ

описания женщин получил объяснение в китайской литературе: В китайском сознании в многих аспектах выражается женское мышление. Китайцы равнодушны к абстрактным словам, предпочитают женскую речь. Средство их мышления оказывается синтетическим и конкретным. При размышлении китайцы в большой степени опираются на интуицию. А китайский язык, в том числе китайская грамматика, носит чёткий женский характер. Китайская лексика раскрывает простоту мышления китайцев и крайнюю конкретность воображения, конкретное выражение всегда заменяет абстрактную лексику. Например, иностранцы часто говорят: «Как я воспринимаю движение мысли внутри его мозга?», а в разговорной китайской речи люди говорят более конкретно – «Я круглый глист в его животе?». Это доказывает, что китайцы предпочитают переживать через факт, который является основой опыта и ума [14] (перевод автора. – Лю Бо).

В отличие от китайского языка, в русском языке при оценке внешности акцентируется признак «волосы»: Коса – девичья краса, красная краса – русая коса; Природна трубчатая коса – дорога девичья краса; Девичья коса – на всю Москву (на всё дело) краса; Руса коса да шелкова пояса, коса – девичья краса; ещё красива такая девушка, какая хорошо танцует: Девка пляшет, сама себя красит; Красная девка в хорошеде, что маков цвет в огороде. В обоих языках содержится незначительное количество фразеологизмов и пословиц, в которых акцент делается на украшениях и косметике женщин: в русском – Черны брови наводные, русы кудри накладные; в китайском – 粉白墨黑 [fěn bái mò hēi] (дословно: белые пудры и черные краски для брови, т. е. украшение женщин или просто обозначение женщин); 粉妆玉琢 [fěn zhuāng yù zhuó] (дословно: красится пудрами как делана яшмой, т. е. женщина, которая хорошо красится, или красивая и белокожая женщина). Кроме того, в двух языках женщины характеризуются и с других сторон (позы, улыбки и голоса и т. п.): в китайском – 千娇百态 [qiān jiāo bǎi tài] (дословно: тысячи и сотни видов нежных поз и мимик, т. е. изящный образ лица и позы у женщин); 燕语莺声 [yàn yǔ yīng shēng] (дословно: звук ласточки и иволги, т. е. у девушки прекрасный голос); 嫣然一笑 [yān rán yí xiào] (у девушки красивая и сладкая улыбка); в русском – Рубль да денюжка, да красна девушка; Все красные девки золотом изошьют. Семантическое ядро составляют ещё два признака – слабость и нежность внешнего вида женщин: 玉软花柔 [yù ruǎn huā róu] (женщина нежна и слаба как яшма и цветы); 软玉温香 [ruǎn yù wēn xiāng] (образ женской нежности, дословно – почечный камень и тёплый

аромат); 柔枝嫩叶 [róu zhī nèn yè] (нежная и ласковая девушка, дословно – гибкие ветви и нежные листья).

Есть фразеологизмы, в которых говорится о тяжелой судьбе женщин (в том числе и о смерти): 香消玉减 [xiāng xiāo yù jiǎn] (красавица исхудавшая и измождённая, т. е. как аромат исчезает и яшма уменьшается); 玉碎珠沉 [yù suì zhū chén] (красавица умерла, т. е. как яшма разбита и жемчужина оседает); 摧兰折玉 [cuī lán zhé yù] (загубленная женщина, т. е. как загубленная орхидея и разбитая яшма); 残花败柳 [cán huā bài liǔ] (женщина, которую губит и мучит жизнь, т. е. как побитые и опавшие цветы и истлевшая ива); 翠消红减 [cuì xiāo hóng jiǎn] (внешность женщины ухудшилась, т. е. как зелёный цвет исчезает и красный теряет яркость, блекнет). В русском также существует подобное высказывание: Какова ни будь красна девка, а придет пора – выцветет.

Важную роль играет возраст женщины, который виден по внешности женщины: в китайском – 人老珠黄 [rén lǎo zhū huáng] (старая женщина не такая дорогая, как пожелтевшая жемчужина); 徐娘半老 [xú niáng bàn lǎo] (женщина среднего возраста, сохраняющая элегантность и изящество молодости); 少女嫩妇 [shǎo nǚ nèn fù] (молодая женщина); в русском возраст выступает как символ разных периодов жизни женщин: Сорок лет – бабий век; Была бы невеста, а сваха будет; Была когда-то баба девкой, да давно; Бальзаковский возраст – возраст женщины от 30 до 40 лет; На возрасте – о становящемся взрослым, зрелым, обычно о девушке.

Целый ряд китайских фразеологизмов, таких, как 红颜祸水 [hóng yán huò shuǐ] (дословно: красная внешность – злой источник); 红颜薄命 [hóng yán bó mìng] (дословно: красная внешность – тонкая судьба, т. е. у красавицы обычно имеется бедная судьба) подчеркивает не только красоту, но также указывает на чувство опасности, порождаемое этой красотой. Являясь образными, данные фразеологизмы реализуют существующее в сознании носителей культуры представление о женской красоте как источнике опасности для мужчин или источнике беды в судьбе для самих женщин.

Особо подчеркнем, что в русском языке внешность несущественна, а часто тесно связана с другими аспектами, касающимися женщин. Например, (а) в русском языковом сознании красота тесно связана с нравственными качествами объекта оценки: Красная девица (или красная девушка – о робком, скромном, застенчивом молодом человеке); (б) по русским понятиям считается, что красота и внешность в оценке женщин уступают хозяйственности и трудолюбию,

необходимым женским качествам: *Жена красавица – слепому радость; Не наряд деву красит, домостройство; Глупому мужу красная жена дороже красного яйца; Хорошая невеста – худая жена; Красные девицы, тирожны мастерицы, коршечные пагубницы; Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога;* (в) красота не важна, а та, кто обладает хорошей славой, считается красивой: *Жену выбирай не глазами, а ушами* (т. е. по славе).

2) Другие представления о женской внешности (описание с позиции субъекта оценок).

В сознании носителей двух культур восприятие женской внешности определяется субъектом оценки в рамках гедонизма (возможность получить удовольствие). Сенсорные мотивы получили языковую реализацию в выражениях, характеризующих женщину по признаку «сексуально привлекательная» и дающих негативную оценку, например, в русском – *Ходить по рукам* (о женщине-проститутке); *Доступная женщина* (устар.) (о женщине легкого поведения, не строгих нравов); *Женщина легкого поведения* (т. е. женщина, вступающая в случайные непродолжительные связи с мужчинами).

В китайском языке в этом фрагменте очень четко присутствует андроцентричный взгляд: все оценки производятся с мужской точки зрения. Положительно и отрицательно оценивается привлекательная внешность с позиции ее значимости для мужчины, в том числе с неперстойной точки зрения. При этом сохраняется позитивность образа женщин, вызывающих у мужчин ассоциации с любовью к ним, но преобладает все же негативная оценка образа женщины, которая мотивируется ее аморальным поведением. Такого рода взгляд представлен в ряде исследований: *Теперь оценивают женщину всё ещё с позиции мужского взгляда и нормы, эстетические нормы для оценки женщин попадают под влияние права мужчины. Перед мужчинами женщины просто выступают как «ландшафтная культура» и «развлекательная культура»* [15]. *Автором проанализированы 26 газетных и 68 журнальных публикаций, касающихся женщин. Выводы следующие: во всех событиях, касающихся женщин, женщины выступали как сексуальные игрушки и сексуальные предметы. В заголовки вынесены такие слова, как «блудница», «развратница», «старая проститутка», «цветик» и т. д.* [16]

В рассматриваемой подгруппе (описание женщины с позиций субъекта оценки) можно выделить следующие рубрики, в рамках которых характеризуется женщина и ее взаимоотношения с мужчиной.

(а) Образ привлекательной для мужчин женщины (в основном – «проститутка»). Например, с отрицательной оценочностью – *水性杨花* [shuǐ

xìng yáng huā] (женщина легкого поведения, дословно: женская душа как проточная вода и тополиный пух, гонимый ветром); *柳圣花神* [liǔ shèng huā shén] (распутница, т. е. сравнить женщину как иву и цветы); *神女生涯* [shén nǚ shēng yá] (жизнь проститутки); с положительной оценкой – *人面桃花* [rén miàn táo huā] (женщина, которая даёт мужчине любовь с первого взгляда и с которой мужчина не имеет ни одной возможности встретиться в будущем). Такую женщину чаще сравнивают с цветами. В русском также существует такое сравнение женщин с камелиями: *Дама с камелиями* (т. е. женщина легкого поведения).

б) Между мужчиной и женщиной возможно • чувство обожания и безумная любовь *儿女情长* [ér nǚ qíng cháng] (глубокое чувство любви между мужчиной и женщиной); *痴男怨女* [chī nán yuàn nǚ] (мужчина и женщина, погружающиеся в любовь, дословно: влюблённые выражают глупость и обиду); • недозволенные делишки *觅柳寻花* [mì liǔ xún huā] (искать иву и цветы, здесь «ива» и «цветы» означают проститутку); *弄玉偷香* [nòng yù tōu xiāng] (пеллюбодаяние мужчин и женщин или мужчина совращает женщину, дословно: украсть яшму и какой-то аромат); *穿花蛱蝶* [chuān huā xiá dié] (тот, кто погружается в разврат с женщиной, дословно: бабочка, летающая среди цветов); *男欢女爱* [nán huān nǚ ài] (фамильярность мужчины и женщины); *眠花宿柳* [mián huā sù liǔ] (дословно: спать у цветов и ивы, т. е. мужчина проводит время с гетерами); • разные реакции на любовь *痴心女子负心汉* [chī xīn nǚ zǐ fù xīn hàn] (влюблённая встретила с мужчиной, который нарушил верность в любви); (Янььюй) *男子痴一时迷, 女子痴没药医* [nán zǐ chī yī shí mí, nǚ zǐ chī méi yào yī] (влюблённый временно погружается, а влюблённая не вылечится).

с) Место, где женщина и мужчина встречаются или занимаются незаконными (непристойными) делами: *月下风前* [yuè xià fēng qián] (дословно: под Луной место, где дует ветерок, т. е. место, где женщина и мужчина встречаются); *月下花前* [yuè xià huā qián] (дословно: под Луной и перед цветами, место с прекрасным пейзажем, т. е. место, где женщина и мужчина пошлёпывают любовные речи); *柳影花阴* [liǔ yǐng huā yīn] (дословно: тень от ивы и цветов, т. е. место, где женщина и мужчина тайно встречаются, или в переносном значении – непристойные дела); *红粉青楼* [hóng fěn qīng lóu] (дословно: красные пудры и голубой терем, красные пудры означает красавиц, голубой терем – публичный дом); *柳户花门* [liǔ hù huā mén] (дословно: ивовый дом и цветочная дверь, т. е. публичный дом); *柳陌花街* [liǔ mò huā jiē] (дословно:

ивовые переулки и цветочные улицы, т. е. публичный дом); 温柔乡 [wēn róu xiāng] (дословно: нежное место, т. е. место, где мужчин обольщают женские красоты или развратные женщины) и т. д.

Всё сказанное позволяет сделать следующие выводы:

а) Проведенный анализ показал, что доминантными областями при оценочной квалификации женской внешности в сопоставляемых языках выступают лицо, фигура, походка, одежда. В результате анализа характеристик, определяющих семантику фразеологических единиц с компонентом «красота», было установлено, что мотивы положительной оценки женской внешности в различных социумах имеют разные основания. Так, к примеру, при оценке привлекательной женщины в русском языке преимущественно имеют место эмоциональные критерии, указывающие на способность вызвать симпатию, расположение, а в китайском много фразеологизмов с отрицательной окраской.

б) Для китайского языка релевантным является тот факт, что объектом высокой положительной оценки в большинстве случаев выступают внешние атрибуты, составляющие эталон настоящей китайской красоты: 冰肌玉骨 [bīng jī yù gǔ] (кожа женщины гладкая и белая, как лёд и яшма); 亭亭玉立 [tíng tíng yù lì] (стройная изящная фигура женщины); 柔枝嫩叶 [róu zhī nèn yè] (нежная и ласковая девушка, дословно – гибкие ветви и нежные листья). Отсюда следует, что стройная фигура, белая и нежная кожа и т. п. являются критериями красоты настоящих китайских женщин. Русское языковое сознание при оценке женской внешности акцентирует внимание преимущественно на признаке «коса», а красота определяется не внешностью, а нравственными качествами, например: добрая слава и домовитость.

в) В китайском языке наиболее частотным выступает главный мотив – гедонистический: способность доставлять чувственные наслаждения, удовольствие. Во фразеологических единицах, характеризующих гедонизм, мы нашли отражение оценки женщин внутри китайской культуры: собственная ценность женщин определяется и воплощается мужчинами. Как и в группе «Супружество», материал группы «Внешность» подтверждает мысль о более низком социальном положении женщины по сравнению с мужчиной, т. е. в китайском языке и культуре представлен андроцентризм.

IV. Качества женского характера

1) Отрицательные характеристики женщин.

В рассматриваемом материале незначительная доля фразеологии с негативной оценочностью.

Это связано не с гендерным фактором, а с особенностями человеческой концептуализации действительности, маркированной и отражаемой в языке чаще как признак отклонения от идеального хорошего качества [17]. Нами выделены подгруппы фразеологических единиц двух языков, отрицательно оценивающих женщин и женскую деятельность, определен ряд прототипических черт, создающих негативный стереотип, преобладающий в оценке женщин.

а) Слабый и нелогичный ум и инфантильность в целом: в русском – *Волос длинный, а ум короткий; Бабуны умы разоряют дома; Перекапти-поле – бабий ум; Что ни душень, то и бабин; Женская логика – о суждениях, лишённых строгой последовательности, логичности, основанных на чувстве, а не на доводах рассудка.* Эти пословицы констатируют также недостаточность женского ума. Обычно говорят, что женская работа ума и рассудка не требует: *И баба смекает, что ребёнка качает.* Нами обнаружены пословицы китайского языка, констатирующие недостаточность, ограниченность и неполноценность женского интеллекта, которую ещё в древности считали нормой добродетельности женщин: (Яньюй) 女人头发长见识短 [nǚ rén tóu fa cháng jiàn shí duǎn] (у женщин волос долог, ум короткий); 女子无才便是德 [nǚ zǐ wú cái biàn shì dé] (неразвитая или необразованная женщина – добродетельная). Кроме того, в пословицах женские черты (вздорность и взбалмошность) преподносятся как следствие нелогичности, т. е. умственной недостаточности, например: *Ехал бы прямо, да жена упряма; С бабой не сговоришь (Бабу не переговоришь); Женских прихотей не перечтешь; Бабуны сказки – вымысел, выдумки, ерунда, вздор; Базарная баба – крикливый, грубый, вздорный человек; Бабуны-то промышля, что неправые помышля; Где две бабы, там судел (схватка), где три – там содом.*

б) Болтливость: в этом фрагменте немалое количество пословиц русского языка, посвященных женскому говорению и отражающих андроцентричное представление о болтливости: *Бабуны вранья и на свинье не объедешь; Бабуны сборы – гусиный век; Волос долог, а язык длинней (у бабы); Бабий язык, куда ни завались, достанет; Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке; Языком метет, что коклюшками; У бабы только суды да ряды; Шила и мыла, гладила и катала, пряла и ложила, а всё языком.* Фразеологизмы китайского языка, касающиеся женского говорения, отражают неискренность, фальшь и коварство женщин: (Яньюй) 女人舌头上没骨头 [nǚ rén shé tou shàng méi gǔ tou] (женщина обычно не держит слов, дословно: в языке женщины нет костей); 妇人之言不可听 [fù rén zhī yán bù kě tīng] (словам женщины нельзя доверять); в рус-

ском – *Баба бредит, да чёрт ей верит*, даже опасность из-за женского говорения: (Яньюй) 女人是枕头边的风 [nǚ rén shì zhǒu biān de fēng] (слова, сказанные женщиной своему любимому, могут и помочь ему, и разрушить его); в русском – *Женская лесть без зубов, а с костями сглохнет; Женское слово, что клей, пристаёт*. Кроме способов женского говорения, необходимо указать ещё на несколько русских пословиц, характеризующих голос женщин: *Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей; Бабьи сборы – гусиный век; У тебя голосок, что бабий волосок (тонок да долог); У неё голосок – не кишка, а волосок*.

в) В данной группе отражается интроспективная позиция самих женщин. В этой позиции просматриваются и социальные ограничения на факт деторождения: в русском языке содержатся пословицы, которые рассматривают рождение ребёнка как раскрытие тайны, неотвратимый выход на свет греха – *И году не протапшишь: девятый месяц все скажет; Чрево все грехи скажет; Один раз мать родила, один раз и умирает*. А в китайском языке это отсутствует.

г) «Так как женщины в нашем обществе имеют более низкий статус, чем мужчины, их деятельность также получает более низкую оценку, чем деятельность мужчин. При одинаковых занятиях считается, что действие, выполненное женщиной, более значимо, чем действие, выполненное женщиной» [18]. Женщины и женская деятельность противопоставлены мужчинам и мужской деятельности как правое и левое, правильное и неправильное, норма и отклонение. Здесь выражаются нелепость и неправильность женского поведения. Эта мысль выражается в русских пословицах: *В чём деду стыд, в том бабе смех; Муж в дверь, а жена в Тверь; Мужичий ум говорит: надо, бабий ум говорит: хочу*. В китайском это отсутствует.

д) Женский труд.

Согласно Д. Майерсу, в номадических культурах (культурах кочевников и собирателей) образование мальчиков и девочек практически не отличается, так как те и другие выполняют одну и ту же работу. В земледельческих обществах гендерные роли более дифференцированы: женщины работают в поле и сидят с детьми, в то время как мужчины могут пойти, куда сочтут нужным [19].

Таким образом, статус женщины непосредственно связан с ее гендерной ролью, продиктованной родной культурой, будь то ведение домашнего хозяйства и воспитание детей или выполнение равноценной с мужчинами работы. При этом, как отметил Ф. Энгельс, «...дама эпохи цивилизации, окруженная кажущимся почтением и чуждая всякому действительному труду, занимает

бесконечно более низкое общественное положение, чем выполнявшая тяжелый труд женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительной дамой... да по характеру своего положения и была ею» [19].

Эта семантическая область в нашей работе относится к сфере домашней работы, что проявляет черты социально воспроизводимой зависимости и незащищенности женщины. Исключение её из всего многообразия социальных отношений предполагает в первую очередь лишение женщин воли, которая включает как понятие личной свободы, так и понятие неограниченности пространства. Замкнутость женского пространства подчеркнута: *Держи деньги в темноте, а девку в тесноте* (не давать женщине воли – это лишить её возможности принимать решения, а также ограничить её в пространстве.)

Например, в русском: *Домашняя хозяйка – женщина, не работающая на предприятии и ведущая хозяйство своей семьи; Одной женой да одной кобылой поля не удобришь; Ехал бы прямо, да жена (да кобыла) упряма; Сердилась баба на торг, а торг того и не ведал; Скачет баба задом и передом (попусту хлопочет, суетится), а дело идёт своим чередом; Жена – кабальный батрак*. В китайском немало высказываний, высоко оценивающих хозяйственную деятельность женщин по сравнению с деятельностью мужчин: (Яньюй) 男当家女插花 [nán dāng jiā nǚ chā huā] (мужчина управляет семьёй, женщина делает цветы на срез, т. е. ведёт домашние дела); 男子走州又走县, 妇女围着锅台转 [nán zǐ zǒu zhōu yòu zǒu xiàn, fù nǚ wéi zhe guō tái zhuǎn] (мужчина ходит по городам, женщина вращается вокруг плиты). В китайском языке также констатируется, что мужчина, который не может заниматься тем, чем занимается женщина, считается неспособным и бездарным: 男大无能, 涮锅抹盆 [nán dà wú néng, shuān guō mǒ pén] (мужчина, который не моет посуду, бездарный).

С древних времён в традиционной семье существовала модель: мужчина работает, женщина домовничает. Но женщина работает очень тонко, обращает внимание на окружающую среду, на подробности, поэтому в быту как *домашние работницы* они имеют большее преимущество, чем мужчины [20]. В русском языке есть фразеологизм такого содержания: *Домашняя работница – женщина, по найму выполняющая отдельные виды работ в хозяйстве семьи*.

е) Другие типичные характеристики женщин в двух культурах.

Сопоставительный анализ фразеологизмов обнаружил, что в китайском языке часть гендерно релевантных фразеологических единиц презентрует оценки нравственных качеств и поведенческих норм «злость, дурной нрав»: (Янь-

юй) 最毒妇人心 [zuì dú fù rén xīn] (злейшая душа – женская); 妇贤夫祸少 [fù xián fū huò shǎo] (чем жена добродетельнее, тем меньше зла у мужа, т. е. чем жена злее, тем больше бед у мужа).

Концепт женщина/баба в ряде случаев коннотирован отрицательно и близок к семантическому полю «переменчивый и неуловимый нрав»: Женские умы – что татарские сумы. На женский нрав не угодишь; На женский норов нет угадчика; Женские думы изменчивы.

В русском языке чаще описывается эмоциональный женский нрав в отличие от мужского: Женский обычай – слезами беде помогать; Плачет, как на девишнике; Баба слезами беде помогает; Без плачу у бабы дело не спорится; У баб да у пьяных слёзы дешевы; Бабы слёзы чем больше унимать, тем хуже. «Слабый пол, который зовут “женщина”», – так говорил Шекспир. Слезы свидетельствуют о слабой по природе натуре женщин, женщина со слезами на глазах – символ женственности и слабости. В китайском языке выражается представление о том, что в отличие от женщины мужчина считается сильным полом, он не может лить слезы: 男人有泪不轻弹 [nán rén yǒu lèi bù qīng tán] (Настоящий мужчина не может легко пролить слезы).

2) Положительные характеристики женщин.

а) Умственные способности женщин.

Как отмечалось выше, в двух странах типичным во взаимоотношениях двух полов было пониженное положение женщины, ее подчинение воле мужчины, его авторитету. Соответствующее поведение рассматривалось как проявление любви и благоденствия. Как правило, женское поведение ассоциируется с мягкостью, заботой, ответственностью, ненасилием, терпимостью, альтруизмом, эмоциональностью и т. п. Но положительная оценка женского ума все же не игнорируется: Кум говорит наобум, а кума – бери на ум; Женский ум лучше всяких дум.

В современном обществе женщины острее чувствуют нестабильность своего положения в жизни и на работе, видят меньше альтернатив в поисках новых видов занятости. Для большинства девушек оказался наиболее значим ум (первое место), далее идет красота (второе место) [21]. А в китайской литературе и женских записках также существуют предложения, подтверждающие изменения социального положения женщин в разных сферах общества: Среди слов для восхваления женщин женщина ставит на первое место слова «профессия», «изящество», которые становятся направлением ее усилий. XXI в. имеет благоприятную среду, широкое пространство, характерный стиль эпохи, даёт возможность стать своим духовным хозяином, который обладает инициативой в любви, карьере и жизнен-

ном поведении и др. На слово «профессия» обращают особое внимание, потому что в современном обществе женщины должны иметь самостоятельный характер и экономическое сознание, всё это приносит им стабильный экономический источник обеспеченной жизни, чтобы женщины могли вершить свои судьбы, жили с достоинством и весельем; а слово «изящество» воплощает вкус и воспитание зрелых женщин, оно становится молчаливой силой [http://blog.sina.com.cn/u/46d951bd010006dh] (перевод автора. – Лю Бо). Появилось определённое количество так называемых «мужественных женщин», так как для обыденного сознания нехарактерно восприятие женщины как «слабого пола» и противопоставления её «сильному полу» [22].

В Китае интеллект и разумность женщин описываются фразеологизмами со значением «мужественные женщины»: 巾帼英雄 [jīn guó yīng xióng] (женщина-герой); 女中丈夫 [nǚ zhōng zhàng fu] (женщина, имеющая мужественность характера); 女中尧舜 (мудрая женщина); 女中豪杰 [nǚ zhōng háo jié] (женщина-рыцарь, по-английски – first lady); (Яньюй) 妇女能顶半边天 [fù nǚ néng dǐng bàn biān tiān] (женщина может поднять полнеба, т. е. женщина имеет определённое положение во всех областях).

б) Непорочность и моральные устои.

Существует также еще одно отличие от русского языка, связанное с концептуализацией мужественности и женственности в китайском языке. Безусловно, типичные женские качества в этой подгруппе в китайском языке чаще, чем в русском, оцениваются положительно. Например, 九烈三贞 [jiǔ liè sān zhēn] (в старину хвалили женщину за то, что она считала, что лучше смерть, чем вторичное замужество и нарушение супружеской верности); 守身如玉 [shǒu shēn rú yù] (женщина блюдет себя так, как чистую яшму); (Яньюй) 妇人从一而终 [fù rén cóng yī ér zhōng] (женщина должна следовать за единственным мужчиной).

Анализ материала обнаружил, что между мужчиной и женщиной существует также моральная ограниченность: 男女有别 [nán nǚ yǒu bié] (расстояние в полах мужском и женском); 男女授受不亲 [nán nǚ shòu shòu bù qīn] (мужчин и женщин нельзя смешивать). Иными словами, у мужчин тоже имеется отличный моральный признак: (Яньюй) 男人膝下有黄金 [nán rén xī xià yǒu huáng jīn] (под коленями мужчин есть золото, т. е. мужчине нельзя стоять на коленях); 男儿宁当格斗死 [nán ér nìng dāng gé dòu sǐ] (мужчина предпочитает умереть через дуэль, т. е. мужчина должен быть человеком чести).

Таким образом, сопоставительное изучение фразеологизмов русского и китайского языков дает основания говорить об определенном сходстве и различиях в картине мира китайского и русского языкового сообществ. По многим параметрам отражение гендерных стереотипов в обоих языках обнаруживает общие черты:

1. Первым по степени важности следует расположить андроцентричность (ориентированность языка на дефиниции и оценки, производимые с точки зрения мужчин). И китайская и русская фразеология отражают представления о подчинённом образе женщины. По отношению к мужчине женщина выступает в таких ипостасях, как *девушка, невеста, жена, мать, домохозяйка, вдова* и т. п. Женщины выступают как «второй», «слабый» пол и объект действия.

2. И в том и в другом языке женщину часто низко и негативно оценивают по таким параметрам, как «женская внешность», «отрицательные характеристики женщин». Отрицательные стереотипы в русском и китайском предлагаются для концепта «жена/баба», но не для концепта «мать».

3. Сходство отмечено и в оценке типично женских качеств – «слабом интеллекте», «молодых людях, вступающих в брак», «картине женской работы и трудовой деятельности» и т. п.

4. В ряде случаев отмечаются референциально идентичные пословицы в обоих языках: *Старой девицей* = 老姑娘 [lǎo gū niang]; *Волос длинный, а ум короткий* = 女人头发长见识短 [nǚ rén tóu fa cháng jiàn shí duǎn]; пословицы, одинаковые по смыслу, в обоих языках: *Дама с камелиями* = 女人头发长见识短 [shì xīng yáng huā] (*женщина лёгкого поведения*); *Как две капли воды, точка в точку, как мать в дочку* = 女儿穿娘的鞋—老样子 [nǚ er chuān niáng de xié—lǎo yàng zi] (*Дочь надевает на себя обувь матери – прежний образ*); *Мать высоко руку подымет, да не больно опустит* = 妈妈打儿子—心上有数 [mā ma dǎ ér zi—xīn shàng yǒu shù] (*мама бьёт сына – знает меру под рукой*); *Один раз мать родила, один раз и умирает* = 儿生娘苦日 [ér shēng niáng kǔ rì] (*День, когда ребёнок родился, страдала мать*); *Куда иголка, туда и нитка* = 夫唱妇随 [fū chàng fù suí] (*муж поёт, жена также*); *Без мужа, что без головы; без жены, что без ума* = 男子无妻是家无主, 妇人无夫是身无主 [nán zǐ wú qī shì jiā wú zhǔ, fù rén wú fū shì shēn wú zhǔ]; *Всякая невеста для своего жениха родится* = 女生外向 [nǚ shēng wài xiàng] (*девушка всё равно выйдет замуж, или девичье сердце обращено к семье будущего мужа*).

Несмотря на ряд сходных черт, анализ показал и весьма существенные различия в отображении концепта *женщина* китайским и русским языками.

1. В обоих языках положительно коннотированы концепты *мать* и *материнство*, но с разных сторон. В русском языке чаще выражаются противопоставления *мать – отец, мать – мачеха*, а в китайском делается акцент на взаимоотношения между *матерью* и *детьми*.

2. Установленные выше факты позволяют заключить, что доминантными областями при оценочной квалификации женской внешности выступают описания лица, фигуры и др. Их больше в китайском языке, чем в русском. В русском акцентируется содержание красоты, которая отражается главным образом в нравственных качествах женщин.

3. В отличие от русского, в китайском языке отразился факт моральных устоев. В китайском языке имеется значительное количество фразеологических единиц, выражающих непорочность и моральную устойчивость не только женщин, но и мужчин.

Примечания

1. Ласкова М. В. Гендерная лингвистика в парадигме современного научного сознания // Междунар. конф. «Язык и культура». М., 2001. С. 52.

2. Там же.

3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. С. 125.

4. Ли Ли. Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта «Дом» с позиции носителя китайского языка и культуры: автореф. дис. ... канд. наук. М., 2006. 14 с.

5. Маслова В. А. Указ. соч. С. 142.

6. Ду Яли. Специфика фразеологизмов со значением физического состояния человека в русском и китайском языках как показатель особенностей китайской и русской культуры // Путь Востока. Универсализм и партикуляризм в культуре: материалы VIII Молодежной науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symhjsium», вып. 34. СПб., 2005. С. 86–87.

7. Су Я. Контрастивно-лингвистический анализ культурных особенностей в языковом выражении китайского и русского языков // Русский язык: система и функционирование: материалы междунар. науч. конф. 18–19 мая 2004 г.: в 2 ч. Ч. 1. Минск, 2004. С. 204.

8. И Чжунтянь. Китайские мужчины и женщины. Шанхай, 1999.

9. Линь Юйтан. Китайцы. 2-е изд. Шанхай, 2006.

10. Чэнь Жусун. Рассуждение о женщине. Пекин, 2002.

11. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003. С. 132

12. Линь Юйтан. Указ. соч.

13. Журавлева Я. А. Моделирование семиотического пространства идиоматического знака (на материале китайских фразеологизмов типа чэньюй): автореф. дис. ... канд. наук. Барнаул, 2007. 16 с.

14. Линь Юйтан. Указ. соч.

15. Лю Сяон. За «женским» и «сексом» – изучение женского писания о сексе и любви в 90-х годах XX века: дис. ... магистр. наук. Хуананьский пед. ун-т, 2005. 59 с.

16. Лю Бонун. Изучение женских образов в описаниях секса и насилия в некоторых изданиях: Чжэцзянское учебное издание. 2001. № 4. С. 107–111.

17. Кирилина А. Гендерные стереотипы по данным языка. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/kirilina_b.htm.

18. Там же.

19. Майерс Дэвид. Социальная психология. СПб., 1999. С. 259–266.

20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М. С. 53

21. Электронный журнал по-китайски: Женщины во всём мире. 2006. № 51.

22. Голубкова О. А. Красота важнее ума... Режим доступа: <http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtorii/konferencia/golubkova.htm>.

23. Кирилина А. Указ. соч.

УДК 811.112.2'28

О. В. Байкова

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТОНАЦИИ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ИНТОНАЦИОННЫХ ФРАЗ – СИНТАГМ)

В представленной статье для определения завершённых и незавершённых интонационных фраз (далее ИФ) нами используется метод неинтонационных критериев, основанный на синтаксических, семантических и прагматических особенностях исследуемых ИФ, что, на наш взгляд, даёт возможность определить вышеназванные ИФ независимо от их интонационной реализации.

In the article the method of non-intonational criteria was used to determine complete and incomplete tone groups. The method is based on the syntactic, semantic and pragmatic characteristics of the tone groups under study. From our point of view, it gives an opportunity to determine the tone groups irrespective of their intonation realization.

Ключевые слова: диалектная интонация, автосегментная фонология, завершённые, незавершённые фразы (синтагмы), неинтонационные критерии исследования.

Keywords: dialect intonation, autosegmental phonology, complete and incomplete tone-groups, non-intonational criteria of research.

Несмотря на повышенный интерес классической немецкой диалектологии к исследованию интонации в диалектах, до настоящего времени нет ещё достаточно полных исследований в этой области. Ещё в своё время на недостаточность подобных исследований указывали такие выдающиеся ученые, как В. М. Жирмунский [1] и П. Визингер [2]. С середины 1970-х до 1990-х гг. практически не было ни одной публикации по

исследованию диалектной интонации в Германии. Лишь в последнее время, как отмечает Й. Петерс, благодаря развитию автосегментной фонологии появляется ряд работ по исследованию интонации немецкого языка и других европейских языков [3].

Впервые сравнительно-сопоставительным анализом интонации начал заниматься немецкий ученый Е. Вайблингер [4], который на основе записей высказываний 22 информантов со всей территории Германии построил схемы направления частоты основного тона, на которые впоследствии накладывались соответствующие звуковые высказывания информантов [5]. Следует отметить, что Е. Вайблингер создал тонограммы, в которых высота тона наиболее сильных ударных слогов выделялась при помощи черных точек, располагавшихся на шкале полутонов и связанных между собой пунктирными линиями, которые соединяли колебания высоты тона также на неударных слогах. Однако представленные схематичные направления частоты основного тона не показывали инвариантные особенности высоты тона говорящего, они обозначались лишь как «типичные» особенности, характерные для интонации определенного высказывания, и не являлись абстрактными контурами, представлявшими собой инвариантные признаки индивидуальных направлений высоты тона.

Сравнительно-сопоставительное исследование интонации предполагало наличие абстрактного понятия контура, дававшего возможность идентифицировать индивидуальные направления высоты тона как фонетические реализации одного и того же интонационного контура в различных диалектах. Количество подобных исследований значительно увеличилось с развитием описательной модели Британской школы, а также с развитием американского структурализма и автосегментно-метрической фонологии, так как, по мнению Й. Петерса, Британская школа и американский структурализм ввели абстрактные понятия контура (tune, contour), которые впоследствии были разложены на тональные единицы [6]. Основываясь на результатах исследований Британской школы и американского структурализма, автосегментно-метрическая фонология создала более продуктивную модель сравнительно-сопоставительного описания интонации языков и диалектов. А именно, цель автосегментно-метрической модели тоновой секвенции, по мнению Р. Лэда, состояла не только в точном описании интонационного контура, но и в создании и разработке «фонологии интонации» [7]. В центре внимания находились не интонационные контуры, а тоны, которые располагались на различных уровнях диапазона голоса. Благодаря соединению отдельных тонов возникало определенное инто-

национное оформление фразы («Тон создает мелодию» [8]). Начиная с исследований Г. Брюса [9] и Ж. Пьерхамберт [10] интонации шведского и английского языков была постепенно разработана модель описания тона в языке, которая успешно применяется в настоящее время в исследовании различных языков и диалектов.

Тоны представленной модели понимаются как абстрактные конечные точки движения тона, расположенные на двух уровнях. Во многих исследованиях по интонации различаются два типа тонов: высокий тон (Hochton) и низкий тон (Tiefton), обозначаемые следующими сокращениями: H (high tone) и L (low tone). Конечные пункты тонов находятся в верхней и нижней четвертях диапазона голоса. Интонационные контуры рассматриваются как последовательная реализация высоких и низких тонов.

В зависимости от ударности слога внутри интонационной фразы (в дальнейшем ИФ) различают определенные типы высоких и низких тонов. На ударных слогах образуются акцентные тоны, обозначаемые символом – звездочкой (*). Таким образом, знаками H*, L* выделяются высокий и низкий тоны на ударных слогах. Акцентные тоны могут быть монотональными и битональными. В монотональных H*, L* ударный слог воспринимается как высокий или как низкий. Битональные акцентные тоны, в отличие от монотональных, связаны с предшествующими и последующими тонами (предударными и заударными). Так, например, символ L*+H обозначает нисходящий тон, который переходит в высокий тон (нисходяще-восходящий тон). Если при битональном акцентном тоне тон без звездочки предшествует тону со звездочкой, то здесь следует говорить о последующем тоне (trailing tone) и предшествующем тоне (leading tone). Символ L+H* показывает, что ударному слогу с восходящим тоном предшествует нисходящий тон, который формируется на предударных слогах. Следует отметить, что монотональные акцентные тоны являются неподвижными, а битональные – подвижными. Акцентные тоны в автосегментно-метрическом исследовании интонации служат для маркировки части информации ИФ, они делают высказывания на более мелкие ИФ. Что касается пограничных тонов, то они определяют движение тона в безударных слогах ИФ. Эти так называемые «фразовые пограничные тоны», или «пограничные тоны», обозначаются добавлением к сокращениям H, L символа %. Предшествующий акцентному тону, символ % определяет начальный фразовый пограничный тон, а последующий акцентному тону символ % характеризует конечный фразовый пограничный тон. Так, например, пограничный тон L% характеризует низкое положение тона в конце ИФ. А %H соответ-

ственно обозначает высокий начальный пограничный тон. Как отмечают М. Грайс и Ш. Бауманн, начальный пограничный тон в немецком языке, как правило, определяется как нисходящий или средне-восходящий, поэтому символ % не употребляется. Напротив, для редких случаев начального высокого пограничного тона в ИФ символ % необходимо указывать [11].

Каждую ИФ можно разделить на небольшие части, которые также обладают акцентным тоном, и окончание данных отрезков маркируется собственным пограничным тоном. Таким образом, ИФ состоит из отдельных отрезков, границы которых (ИФ и отрезков) совпадают, что образует комбинацию пограничных тонов. Наряду с пограничными тонами ИФ H%, L%, появляются пограничные тоны частей ИФ, которые схематично обозначаются тире (-): H-, L-. Данные пограничные тоны часто называют «фразовыми тонами» (phrase tone) [12] или «фразовыми ударениями» (phrase accents) [13]. По словам М. Грайс и Ш. Бауманна, благодаря пограничному тону частей ИФ можно «описать интонационный контур от ядерного слога до конца интонационной фразы» [14]. То есть эти дополнительные пограничные тоны необходимы для того, чтобы правильно воспринимать возможные тонологические контрасты в языке.

Для маркировки особых случаев направления тона в лингвистическом словаре GToBI (German Tones and Break Indices Система транскрипции для интонации немецкого языка) имеются следующие обозначения. Например, вершина высокого тона ядерного слога располагается ниже, чем предшествующая вершина ударного слога. Для того чтобы обозначить этот «спуск» [15], перед сокращением H используется символ ! (!H, H*+!H). Данная тоновая модификация возможна только в том случае, если в ИФ имеется еще один высокий тон. Сверхвысокие тоны по системе GToBI обозначаются символом ^ (^H). В табл. 1 дан полный список комбинаций акцентных и пограничных тонов.

Таблица 1

Акцентные тоны	Комбинации пограничных тонов	Начальный пограничный тон
H*	H-%	%H
L+H*	H-^H%	
L*	L-H%	
L*+H	L-%	
H+L*		
H+!H*		

На основе соединения акцентных и пограничных (фразовых) тонов возникают многочисленные интонационные контуры. М. Грайс и Ш. Бау-

манн интонационные контуры немецкого языка делят на нисходящие, восходяще-нисходящие, восходящие, остающиеся на одном уровне, нисходяще-восходящие [16].

По мнению М. Кенстовича [17], при исследовании диалектов, интонационная система которых еще не была ранее изучена, необходимо использовать трехуровневую модель описания интонационной системы, которая позволяет отличать друг от друга фонетическую реализацию, тонологическую (под тонологией понимают автосегментные методы, использующиеся для создания интонационных контуров и системы всех интонационных контрастов) и фонологическую структуры. Вышеназванное разграничение необходимо для сравнения фонетических реализаций одной тоновой структуры в различных вариантах языка. Таким образом, трехуровневая модель описания интонационной системы выглядит следующим образом:

Интонационный уровень	Задача
Фонетика	Реализация интонационных контуров
Тонология	Автосегментно-метрическое создание интонационных контуров
Фонология	Функция интонационных контуров

Так как одной из главных функций интонации является структурирование речи, которое оформляет высказывание в единое целое, одновременно расчлняя его на ритмические группы и синтагмы, то мы считаем, что в соответствии с данной функцией необходимо проанализировать образцы интонации, характерные для рассматриваемых говоров. Для анализа мы выбираем завершённые и незавершённые интонационные фразы (далее ИФ) (синтагмы), выступающие в качестве независимых величин исследования. Следует отметить, что зависимой от интонационной реализации величиной является регионально-специфическая интонационная окраска рассматриваемых ИФ. Для того чтобы определить независимо от интонационной реализации завершённые и незавершённые ИФ, в своем исследовании мы используем неинтонационные критерии, основанные на синтаксических, семантических и прагматических особенностях ИФ. Выбранная функция интонации анализируется на материале исследования, основанном на спонтанной речи. Материал и подбор информантов нами был рассмотрен во второй главе настоящего исследования. В основе нашей методики лежит методика исследований немецких региональных диалектов Германии П. Гиллеса [18].

При исследовании завершённых и незавершённых ИФ нами были рассмотрены только так называемые содержательные («substanzielle») ИФ. Критерии для определения содержательности ИФ были введены еще В. Чейф [19], которая определила их следующим образом: во-первых, фраза должна полностью реализоваться с точки зрения просодии, то есть в наличии должен быть завершённый интонационный контур с главным ударением; и, во-вторых, ИФ должна содержать определенную законченную информацию [20]. При определении завершённости и незавершённости ИФ необходимо обращать внимание на тот факт, что если синтаксическая незавершённость ИФ всегда указывает на абсолютную незавершённость, то из синтаксической завершённости ИФ не всегда следует, что налицо законченность мысли. Определение завершённости и незавершённости ИФ, на наш взгляд, только тогда будет однозначно, когда их исследование будет проводиться в одном русле, а именно, на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях.

Критерии определения завершённости и незавершённости ИФ

Чтобы определить завершённость ИФ, рассмотрим ее с точки зрения синтаксиса, семантики и прагматики. С. Форд и С. Томпсон [21] утверждают: для того, чтобы признать ИФ законченной, необходимо рассмотреть ее синтаксическую структуру, которая не должна предполагать дальнейшего дополнения. На уровне семантики законченность интонационной фразы налицо в том случае, если фраза имеет явную законченную мысль. Более точные указания на завершённость фразы выводятся из исследования прагматической структуры. С. Форд и С. Томпсон считают, что высказывание с точки зрения прагматики только тогда закончено, когда оно как сложный речевой акт истолковывается в соответствии с контекстом, то есть прагматическую завершённость ИФ определяет законченность речевого акта [22].

Рассмотрим на примере отрывка «Рассказ об отце» метод неинтонационных критериев для определения завершённости ИФ (см. табл. 2).

В примере «Рассказ об отце» все ИФ выделены в отдельные строки. В графе «ИФ» отмечено, какой тип интонационной фразы в данном случае представлен (содержательная ИФ, фрагментальная ИФ (не содержащая информации), регулирующая речевой акт ИФ (или смена говорящих)), то есть с помощью семантики определяется законченность ИФ. В графе «Синтаксис» рассматриваются все содержательные ИФ с точки зрения их законченности (+ – законченность ИФ). В графе «Прагматика» рассматриваются те ИФ, для которых уже из контекста явно выражена прагматическая законченность (+ – прагматическая законченность ИФ). В последней гра-

фе маркируются те фразы, по которым происходит смена речевого акта.

Данный отрывок взят из более длинной записи и является частью описания детства информанта. Первый речевой акт заканчивается ИФ 5, которая является синтаксически законченной. С точки зрения прагматики следует отметить, что на данном предложении заканчивается определенная тема и начинается новая тема «Разделение детей». Таким образом, с точки зрения прагматики первый речевой акт закончен. Также лексико-семантическая структура ИФ 5 приводит к окончанию речевого акта, данным высказыванием говорящий подводит итог своему рассказу. При смене говорящих, когда слушающий подтверждает слова говорящего, то он также понимает, что данный речевой акт закончен. Второй речевой акт – разделение детей – заканчивает ИФ 19, что также определяется с точки зрения прагматики, синтаксиса и семантики. ИФ 20 является уточнением к ИФ 19.

Для того чтобы определить незавершенность ИФ, рассмотрим ее также с точки зрения синтаксиса, семантики и прагматики. Синтаксически незавершенная ИФ определяется тем, что она содержит синтаксическую конструкцию, требующую продолжения в последующей фразе/фразах. Примером могут служить все предшествующие главному предложению придаточные предложения. В исследуемом корпусе языкового материала это часто встречающиеся придаточные

предложения условия (wenn.../dann...). К этой же категории относятся неполные синтаксические конструкции, которые разделены из-за их длины на несколько ИФ. С точки зрения семантики незавершенность ИФ появляется в том случае, если лексический элемент фразы предполагает определенное продолжение в последующей фразе, то есть, по мнению У. Энгела, незавершенные ИФ должны включать в себя такие вводные слова, как *zwar*, *eigentlich*, *schon*, *sicher*, *erstens*, *vielleicht* [23]. Прагматическая незавершенность ИФ определяется, прежде всего, в длинных речевых актах говорящего, например, в рассказах, описаниях, когда говорящий использует речевые единицы, которые не позволяют закончить речевой акт. Для анализа мы использовали только те ИФ, в которых прагматические структуры определяются однозначно. Если же появляется неуверенность в определении незавершенности, то данные ИФ определяются нами как возможно незавершенные ИФ.

В следующем примере – рассказе «Отношение к природе» – рассмотрим представленный метод для определения незавершенности ИФ (см. табл. 3).

В данном примере все ИФ выделены с отдельной строки. В графе «ИФ» отмечено, какой тип интонационной фразы в данном случае представлен (содержательная ИФ, фрагментальная ИФ (не содержащая информации), регулирующая речевой акт ИФ (или смена говорящих)). В графе «Син-

Таблица 2

Определение завершенности ИФ на основе неинтонационных критериев
(РМК-25 «Рассказ об отце»)

Интонационные фразы	Тип ИФ	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
1) nu der vAter hat gelebt	С	+		
2) bis dreiunDREIssig noch	С			
3) vor dEm haben sie ihn	Ф			
4) раскулачивали хотели				
5) sie wollten RAUSSchicken ihn	С	+	+	
6) ugu	Р			+
7) потом haben sie uns	Ф			
8) ugu	Р			+
9) wollten uns	Ф			
10) die kleIne kinder wollten sie ver... verTEllen uns	С	+		
11) und die zwei GROSSe ju... jungS	С			
12) sie waren von Elften und DREIzehn	С	+		
13) die SOLLten fahren	С	+		
14) mit dem VAter	С			
15) und da HAben sie mich	Ф			
16) haben sie uns geLASSen	С	+		
17) aber im dreiundDREIssig kamen sie	С	+		
18) und haben sie ihn geNOMMen eingesteckt	С	+		
19) und da hat er geSESSen	С	+	+	
20) bis zum MÄRZ monat	С			

таксис» рассматриваются все содержательные ИФ с точки зрения их незавершенности (– – незавершенность ИФ). В графе «Прагматика» рассматриваются те ИФ, для которых уже из контекста явно выражена прагматическая незавершенность (– – прагматическая незавершенность ИФ).

Представленный отрывок взят из более длинной записи и является частью описания сегодняшней жизни, профессии информанта. В ИФ 2 мы наблюдаем функцию незавершенности с точки зрения семантики, которая выражается при помощи вводного слова *eigentlich*, то есть содержание данной ИФ ожидает в последующих фразах оговорку, которая, как правило, вводится при помощи союза *aber*. Так как ИФ 2 с точки зрения синтаксиса закончена, то ожидание последующей информации нами определяется с помощью семантики. В ИФ 3 при помощи союзов *und* и *und* информант еще раз подчеркивает мысль предыдущей ИФ. Последующие ИФ 4, 5 также не заканчивают с точки зрения семантики содержание ИФ 2, в этих фразах происходит объяснение, почему было хорошо и красиво. Таким об-

разом, ИФ 3, 4, 5 объясняют содержание ИФ 2, не используя союз *aber*. Это происходит лишь на фрагментальной ИФ 6, в которой союз *aber* является начальным сигналом для противопоставления содержанию ИФ 2 с вводным словом *eigentlich*. Проекция выполняется полностью на ИФ 7, 8, 9, где противопоставление формулируется следующим образом: *«jetzt die bIrgen (=Birken) die Espen und das ALLES die... und momentanALno zuwachsen alles»*. В представленном примере с точки зрения семантики мы можем идентифицировать ИФ 2 как однозначную (абсолютную) незавершенную фразу.

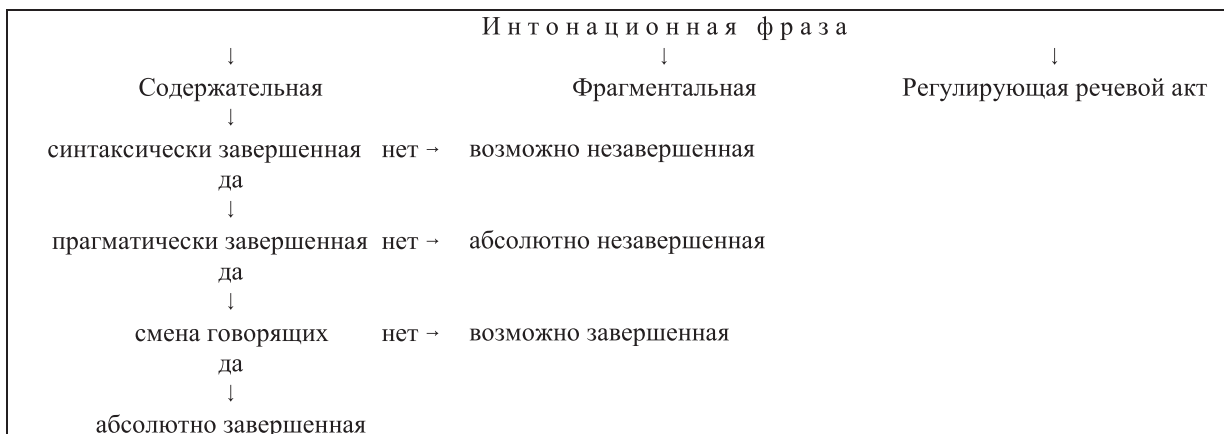
Согласно П. Гиллесу [24] метод определения завершенности/незавершенности ИФ на основе неинтонационных критериев можно выразить следующей схемой (см. рисунок).

Следует отметить, что абсолютная завершенность определяется только в том случае, если содержательная ИФ синтаксически и прагматически закончена и сопровождается сменой говорящих. Если смена говорящих отсутствует, то в данном случае мы говорим только о возможной завершен-

Таблица 3

Определение незавершенности ИФ на основе неинтонационных критериев (ИКР -13 «Отношение к природе»)

Интонационные фразы	Тип ИФ	Синтаксис	Семантика	Прагматика
1) ja die ZEIT ist vorbei	С			
2) hier war war eigentlich GUT	С		–	
3) und und SCHÖN	С	–	–	
4) das war der kIEwerwald (=Kieferwald) der TANNENwald	С			
5) die pflanzen war da hm GUT gewachsen	С			
6) .h aber	Ф	–		
7) jetzt die bIrgen (=Birken) die ESpen	С	–		
8) und das ALLES die	С			
9) und моментально zuwachsen alles	С			–
10) es ist GANZ kalt und	С			
11) die bIUmen sind ganz WEniger geworden	С			

ности ИФ. Возможная незавершенность определяется, во-первых, с точки зрения незавершенности синтаксиса и семантики. Если же мы говорим об абсолютно незавершенных фразах, то имеем в виду уже не только их синтаксическую и семантическую, но и прагматическую незавершенность.

Примечания

1. *Schirmunski V. M.* Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten. Berlin, 1962. S. 149.

2. *Wiesinger P.* Die deutsche Dialektologie // Stellmacher Dieter: Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen. Beiträge der Internationalen Dialektologietagung, Göttingen, 19–21. Oktober 1998. Stuttgart: Steiner (Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beiheft 109), 1998. S. 15–32.

3. *Peters J.* Intonation deutscher Regionalsprachen. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2006. S. 200–203.

4. *Waiblinger E.* Tonfall deutscher Mundarten. Vox 10, 1925. S. 43–44.

5. *Ibid.* 44

6. *Peters J.* Op. cit. S. 204.

7. *Ladd D.* Robert Intonational Phonology. Cambridge: Cambridge University Press (Cambridge studies in linguistics 79), 1996.

8. Ср.: *Wunderlich D.* Der Ton macht die Melodie. Zur Phonologie der Intonation des Deutschen // Altmann, Hans: Intonationsforschungen. Tübingen: Niemeyer (Linguistische Arbeiten 200), 1988. S. 1–40.

9. *Bruce G.* Swedish Word Accents in Sentence Perspective. Lund: Gleerup, 1977.

10. *Pierrebumbert J.* The phonology and phonetics of English intonation: diss. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, 1980.

11. *Grice M., Baumann S.* Deutsche Intonation und GToBI // Linguistische Berichte 191. S. 283.

12. *Pierrebumbert J.* Op. cit.

13. *Grice M., Baumann S.* Op. cit. S. 280.

14. *Ibid.* S. 280.

15. Ср.: *Beckman M. E., Pierrebumbert J. B.* Intonational structure in Japanese and English // Phonology Yearbook 3, 1986. S. 255–309.

16. *Grice M., Baumann S.* Op. cit. S. 285.

17. *Kenstowicz M.* Phonology in Generative Grammar. Oxford: Blackwell, 1994.

18. *Gilles P.* Prosodie der Deutschen Regionalsprache. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2006. S. 43.

19. *Chafe W.* Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: University Press, 1994.

20. *Ibid.* S. 63.

21. *Ford C. E., Thompson S. A.* Interactional units in conversation: syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns // Ochs Elinor, Schegloff Emanuel A., Thompson Sandra A.: Interaction and grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. S. 155.

22. *Idid.* S. 150.

23. *Engel U.* Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 1988. S. 89.

24. *Gilles P.* Op. cit. S. 55.

УДК 81-13

В. А. Береснева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК МЕТОД СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению предпосылок, задач, сущности, функционирования и предварительных результатов применения метода лингвистического синкретизма.

The article is dedicated to consideration of grounds, tasks, essence, functioning and results of the method of linguistic syncretism.

Ключевые слова: лингвистический синкретизм, метод, онтологические законы, особенности исследуемого явления.

Keywords: linguistic syncretism, method, ontological laws, peculiarities of the considered phenomenon.

1. Основные предпосылки и задачи метода лингвистического синкретизма

Несмотря на то что положение о формально-содержательной асимметрии в языке уже стало хрестоматийным, в исследовании обусловленных законом асимметрии языковых феноменов имеется еще много нерешенных или спорных вопросов.

Как, к примеру, следует интерпретировать распространенное в немецком языке употребление временной формы презенса в сфере прошлого? Считать ли его следствием временной универсальности презенса [1]? Объяснять ли «легитимность» презенса в данном употреблении возможностью перенесения сознания «теперь» в хронометрическое прошлое и достижения таким образом того, что прошлое становится презентным для сознания говорящего [2]? Усматривать ли здесь синтетическую временную фигуру «промежуточной сферы» между настоящим и прошедшим [3]? Рассматривать ли транспозицию презенса в сферу прошлого лишь в качестве стилистического средства, но не грамматического явления [4]? Полагать ли, что презенс в этом случае «замещает претерит», «становится синонимом претерита» [5]?

Предлагаемый в настоящей работе подход к истолкованию языковых фактов подобного рода есть *лингвистический синкретизм*, определяемый нами как метод объяснения происходящих в языке процессов парадигматического совмещения двух и более сигнификативных функций одним языковым знаком.

В своем понимании лингвистического синкретизма мы опираемся на объяснение синкретиз-

ма, данное Плутархом, от которого мы знаем, что древнегреческое слово $\sigma\upsilon\chi\text{-}\chi\rho\eta\tau\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, к которому восходит термин «синкретизм», означало «примирение враждующих сторон для борьбы против общего врага» [6], употреблялось для обозначения «союза народностей Крита» [7]. Посредством ассоциаций в ходе анализа интересующих нас особенностей языковых форм возбуждаются фоновые знания соответствующего свойства, так что мы применяем изначально политический термин «синкретизм» к описанию языковых фактов, разумеется, не в буквальном, а в переносном смысле, метафорически.

Исходя из неразрывной связи между бытием и знанием как модусом первого, мы употребляем термин «лингвистический синкретизм» в двух значениях. Во-первых, – как *синкретизм языковых форм*. Применительно к последним следовало бы, собственно, говорить о «языковом синкретизме». Но в силу известных терминообразовательных процессов мы остановились на термине «лингвистический синкретизм». Второе значение представляет *научно-лингвистическое понимание синкретизма*. Лингвистический синкретизм как языковое явление, конечно, существует объективно. Но к его установлению, выяснению его природы и лингвистического статуса мы приходим именно вследствие научно-лингвистического столкновения данного феномена.

Научно-лингвистическое рассмотрение фактов синкретизма в языке осуществляется в опоре на достижения таких наук, как философия и психология. Как точно было подмечено еще выдающимся немецким языковедом Й. Л. Вайсгербером, подчеркивавшим важность установления связи языкознания с философскими и психологическими исследованиями, «одного лишь знания фактов», как правило, «оказывается недостаточно», языковедению «не достает <...> зачастую <...> верных масштабов для анализа и оценки языковых явлений» [8].

Основывающийся на знании наиболее общих закономерностей развития объективной действительности и специфических закономерностей исследуемого явления метод лингвистического синкретизма преследует решение таких основных задач, как познание истоков синкретизма в языке, сущности изучаемого феномена и особенностей его развития.

2. Сущность метода лингвистического синкретизма

Сущность метода лингвистического синкретизма определяется следующими основными положениями: 1) язык служит формой материализации духовного (идеального); духовному как одной из основных сфер бытия внутренне присуще единство; *истоки* лингвистического синкретиз-

ма – именно в онтологическом (бытийном) единстве; 2) мир, в котором мы живем, есть материальный мир; к всеобщим свойствам материи, обеспечивающим единство объектов мира, относятся структурность и движение; 3) один из основных типов движения – это процессы, характеризующиеся как развитие. «Общий закон всякого развития» был установлен выдающимся русским философом В. С. Соловьевым (1853–1900) [9]. Соловьев называет три состояния (момента) развития: смешение, или внешнее единство, составных форм и элементов организма, их обособление и дальнейшее внутреннее свободное единство. Первый и третий моменты в названной схеме развития отображают, по нашему убеждению, два этапа развития *синкретизма* [10]; 4) закономерные связи образующих содержание мира сознания идей, ассоциации, имеют своим следствием сопряженность концептов; в случае вторичного восприятия посредством ассоциаций происходит объединение образов первичного восприятия с образами, идеями, составляющими фоновые знания, и вместе с тем ассоциации приводят к тому, что в рамках самих терминов внутреннего опыта совмещаются содержательные элементы, представляющие, с одной стороны, передачу первичной объективной информации, а с другой – интерпретацию вторичной информации, опосредованной первичной информацией, обуславливают *би- и поликонцептность* содержания сознания; 5) в условиях синкретического мифологического мышления содержательные элементы, участники ассоциативной связи, существуют лишь потенциально, находятся в безразличии, или *смешении*; это безразличие, однако, лишь относительное и состоит в том, что элемент единства, которому здесь принадлежит исключительная актуальность, скрывает в себе все остальные, не допуская их самостоятельного бытия; 6) с развитием научного осмысления действительности, строгой научной логики происходит обособление концептов, членов ассоциативной связи. По закону развития, отмежевавшиеся концепты сначала все вместе отрицают скрывавший их некогда концепт. Но обособившиеся концепты для их полного развития должны также отрицать друг друга. Ввиду того что ни один из них не может получить исключительного господства, они вынуждены искать для своего единства некоторый высший центр вне себя. Им может стать только высший концепт единства. С другой стороны, высший концепт не нуждается больше во внешнем подчинении скрываемых им когда-то концептов, так как он вследствие обособления последних получил собственную независимую действительность и может служить для них началом *внутреннего свободного единства*; 7) обнаруживающаяся в рамках сознания би- и поликонцептность объекти-

вируется в языке как *парадигматическое совмещение двух и более сигнификативных функций одним языковым знаком*. Объединение в системе языка в общее целое сигнификативных функций языкового знака и составляет *сущность* лингвистического синкретизма. Синкретичность мышления вызывает синкретизм в языке; 8) в силу действия общего закона развития имеют место два этапа развития лингвистического синкретизма: первоначальный синкретизм, чисто внешнее, вынужденное единство содержательных элементов, и внутреннее единство содержательных элементов, синкретизм как свободный синтез.

3. Синкретологический подход в действии

В целях иллюстрации синкретологического анализа рассмотрим в аспекте синкретизма функциональный потенциал уже упомянутого выше немецкого презенса.

В системе временных форм немецкого языка синкретизм проявляется на внутри- и межкатегориальном уровнях. Под *межкатегориальным* синкретизмом автор понимает совмещение грамматической категориальной формой в ее первичном объективном содержании, помимо темпорального признака, признаков других грамматических категорий.

В результате последовательного разграничения характера протекания события/бытия и его существования во времени, учета различной маркировки характера протекания, а также рассмотрения временных форм как глагольных комплексов, представляющих единое грамматическое целое при сохранении семантической значимости их компонентов [11], выявляется совмещение в первичной объективной функции презенса грамматических категорий темпуса и аспекта. С точки зрения темпоральной дифференциации форма презенса может быть определена как презентная, а с точки зрения аспектуальной дифференциации – как неперфективная [12].

Осуществляющаяся в сознании интерпретация наличной информации в терминах внутреннего опыта влечет за собой *внутрикатегориальный* синкретизм. Все временные формы совмещают в системе языка несколько функций. Одна из них воплощает первичную объективную информацию. Другие же, обнаруживая интерпретацию опосредованной ею вторичной информации, выступают в качестве так называемых коннотаций, понимаемых как смысловое содержание языковой единицы, используемой во вторичной для нее функции наименования, формируемое ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования.

Коннотативное употребление временных форм является, по сути, их метафорическим употреблением. Метафоры как один из видов языковых тропов есть «озвученный» результат деятельности ассоциативного мышления. Языковые тропы служат ярким свидетельством существования понятийных тропов.

Вторичные сигнификативные функции отражают транспозицию временной формы в первичную временную сферу употребления других временных форм. Презенс транспонируется в первичные временные сферы функционирования претеритальных и футуральных временных форм [13].

Первоначальный мыслительный синкретизм приводит к первоначальному синкретизму в языке. Безразличие содержательных элементов сознания на ранних этапах развития человечества обуславливает *смешение* содержательных элементов на ранних ступенях развития языка. Так, когда в древневерхненемецком языке для обозначения будущего времени использовался презенс [14], речь шла не о сознательном поиске и обнаружении аналогии между восприятиями настоящего и будущего времени, а именно о нерасчлененности в восприятии временных предметов, о сокрытии презентного содержательного элемента, представляющего первичную объективную информацию, и футурального содержательного элемента, являющегося носителем вторичной информации, опосредованной первичной информацией, со стороны высшего элемента единства, который может быть обозначен как «настоящее-будущее» [15], ср. из древневерхненемецкого текста «Муспилли»: *tano vallit, prinnit mittilagart* («*месяц упадет, сгорит срединная земля*») [16].

Внутри- и межкатегориальный синкретизм временных форм современного немецкого языка может быть охарактеризован как *свободный синтез* различных сигнификативных функций в рамках одной единой грамматической формы. На смену периоду обособления содержательных элементов категориальной формы, дальнейшего отрицания ими скрывавшего их некогда элемента и друг друга приходит стадия их *внутреннего свободного единства* под началом получившего собственную независимую действительность высшего содержательного элемента. Для различных временных функций презенса, к примеру, таким высшим содержательным элементом выступает концепт «актуальное вообще, актуальное в самом широком смысле этого слова». Если мы, например, сравним прошлое, выражаемое претеритом, и прошлое, выражаемое историческим презенсом, то заметим, что они не идентичны. Хотя прошлое и относится всегда к сфере нашего воспоминания, но воспоминание осуществляется

в разных формах. При помощи претерита мы можем обозначить лишь так называемое воспоминание «в простом подхватывании (Zugreifen), когда воспоминание „всплывает“, и мы направляем на вспомненное некоторый луч взгляда, при этом вспомненное смутно <...> и не есть повторяющееся воспоминание» [17].

Но мы также можем осуществлять и «действительно воспроизводящее (nacherzeugende), повторяющееся воспоминание, в котором временной предмет снова полностью выстраивается в континууме воспроизведений (Vergegenwärtigungen), мы его как бы снова воспринимаем» [18]. Выражение концепта «прошедшее, но как будто настоящее» находится вне компетенции претерита. Презенс же благодаря своему объективному содержанию способен обозначить действительно воспроизводящее, повторяющееся воспоминание, ср.: *Auf dieser Balustrade also setzt Charlotte Menzel in einer warmen Juninacht des Jahres 1925 ihren, gelinde gesagt, angetüteten Tischherrn ab* <...> (Wolf Ch. «Kindheitsmuster»). Вторичная для презенса функция выражения прошлого обнаруживает интерпретацию вторичной информации, опосредованной первичной информацией, концептуальный троп, и выступает в качестве языкового тропа, коннотации.

Обусловленная существованием метафорических концептов, понятийных метафор, транспозиция одной грамматической формы противопоставления в первичную временную сферу функционирования другой приводит к нейтрализации различных темпоральных дифференциальных признаков на уровне категориальной формы [19]. В результате такой нейтрализации происходит парадигматическое совмещение сигнификативных функций формы. *Объединенные* общностью денотативного содержания употребления временной формы выступают в системе языка как общее нерасчлененное целое и как парадигматический функциональный потенциал единой грамматической формы находятся в *оппозитивных* отношениях с функциональным потенциалом других форм противопоставления.

4. Результаты применения метода лингвистического синкретизма

Процесс становления лингвистического синкретизма как нового направления исследований только начинается. Поэтому речь может идти пока, по-видимому, лишь о некоторых предварительных результатах применения предлагаемого метода.

Уже сегодня можно говорить об эффективности лингвистического синкретизма в качестве средства изучения такого вида неоднозначного соотношения формы и содержания, при котором одному элементу плана выражения соот-

ветствуют два и более элемента в плане содержания.

В литературе можно часто наблюдать, как языковой синкретизм растворяется в полисемии. Смешение явлений синкретизма и полисемии, возможно, отчасти происходит потому, что они в какой-то мере соприкасаются друг с другом, поскольку оба принадлежат к одному и тому же типу формально-содержательной асимметрии. Метод лингвистического синкретизма позволяет эксплицировать различие природы их асимметрии и таким образом разграничить обсуждаемые категории формально-содержательной связи.

Для отмеченных в плане неоднозначности форм языковеды большей частью приводят лишь отдельные разрозненные «значения», «варианты значения», «функции», «способы употребления» без установления их сущности и языкового статуса. В ходе рассмотрения языковых форм в аспекте синкретизма осуществляется детальный анализ содержания форм, тем самым уточняется их функциональный потенциал.

Применение синкретологического подхода обнаруживает, что синкретизм в языке носит не случайный характер, а существует *объективно* как выражение *онтологического* синкретизма, синкретичности мышления – совместной реализации концептов как итога закономерной деятельности ассоциативного мышления, что синкретизм свойственен не только неразвитому состоянию какого-либо объекта, но может рассматриваться и как некоторый этап его развития, как результат эволюции. Именно лингвистический синкретизм, учитывающий онтологические принципы и законы, является здесь наиболее адекватным и перспективным методом исследования.

Примечания

1. См.: *Flämig W.* Zur Funktion des Verbs. I. Tempus und Temporalität // *Deutsch als Fremdsprache*. 1964. № 4. S. 2.

2. *Bartsch W.* Tempus, Modus, Aspekt. Die systembildenden Ausdruckskategorien beim deutschen Verbalkomplex. Frankfurt am Main; Berlin; München: Diesterweg, 1980. S. 61.

3. *Renicke H.* Grundlegung der neuhochdeutschen Grammatik. Zeitlichkeit – Wort und Satz. Berlin (West): Erich Schmidt Verlag, 1961. S. 67.

4. *Москальская О. И.* Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1975. С. 87.

5. Ср., напр.: *Москальская О. И.* Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1975. С. 94; *Шендельс Е. И.* Практическая грамматика немецкого языка. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1988. С. 50; *Czochralski J. A.* Verbalaspekt und Tempussystem im Deutschen und Polnischen. Eine konfrontative Darstellung. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. S. 117; *Saltveit L.* Synonymik und Homonymie im deutschen Tempussystem // *Sprache der Gegenwart*. Bd. 6. Studien zur Syntax des

heutigen Deutsch. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1970. S. 143.

6. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 2 / под ред. С. И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. С. 1524.

7. *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов: пер. с франц. Н. Д. Андреева / под ред. А. А. Реформатского; предисл. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 267; ср. также: *Robert P.* Le Grand Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. 2-ème éd. T. IX: Suc – Z. Paris: Le Robert, 1990. P. 105; Webster's third new international dictionary of the English language, unabridged: a Merriam-Webster / editor in chief, Philip Babcock Gove and the Merriam-Webster editorial staff. Vol. III: S to Z. Chicago a. o.: Encyclopædia Britannica Inc., 1993. P. 2319; Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion [Red. Bearb.: Matthias Wermke...]. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1996. S. 1505.

8. *Вайсгербер Й. А.* Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. (История лингвофилософской мысли.) С. 43.

9. См.: *Соловьев В. С.* Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. 2-е изд. Т. II / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева;

примеч. С. А. Кравца и др. М.: Мысль, 1990 (Филос. наследие. Т. 111). С. 145.

10. См. замечание в: *Розанов В. В.* Памяти Вл. Соловьева // Вл. С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. В. Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. (Русский путь). С. 190.

11. См. об этом в: *Береснева В. А.* Синкретизм временных форм современного немецкого языка. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. С. 13 и след.

12. См. об этом подробнее в: Там же. С. 20 и след.

13. См. об этом подробнее в: Там же. С. 37 и след.

14. Ср., напр.: *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М.: Высш. шк., 1965. С. 293; *Москальская О. И.* История немецкого языка. М.: Высш. шк., 1977. С. 113.

15. *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М.: Высш. шк., 1965. С. 293.

16. Пример из: Там же.

17. *Гуссерль Э.* Собр. соч.: Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени: пер. с нем. / сост., вступ. ст., пер. В. И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994. С. 40.

18. Там же.

19. См. об этом подробнее в: *Береснева В. А.* Соотношение синкретизма и нейтрализации в лингвистике (на материале грамматической категории времени современного немецкого языка) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч. журнал. Киров, 2008. № 2(1). С. 91–94.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81'22

И. Е. Фадеева

СИМВОЛ И СЕМИОЗИС: АКТУАЛЬНОСТЬ СИМВОЛИЧЕСКОГО

В статье рассматривается онтологическая и когнитивная природа символа. Автор показывает роль символа в процессе национального семиозиса, а также историческую эволюцию знака в контексте изменения процедур означивания.

The article is devoted to the ontology and cognitive sense of symbol. The author demonstrates role of symbol in processes of the national semiosis, and then analyses the historical evolution of sign in the change of context.

Ключевые слова: символ, семиозис, текст культуры, сознание, континуальность.

Keywords: symbol, semiosis, text of culture, consciousness, continuity.

Находясь на пересечении разноректорных научных дискурсов и попадая при этом в осязаемо переживаемое пространство разрыва смыслового континуума (но и не обретая дискретности линейно развертываемого), мир символического затрагивает самые глубины человеческого сознания и самосознания. Антропологически, психологически или культурологически описываемая символика, являясь, по сути, не вполне проясненным местом соединения сознания и реальности – феноменальной материей, существующей в многочисленных фигурах означивания от первобытной «символики» наскальных изображений до философско-психологических построений Ж. Лакана, имеет свойство ускользать от любой окончательной дефиниции.

Говоря о символе, достаточно трудно не поддаваться соблазну, с одной стороны, описательности (собрать ряд символических артефактов или ментефактов и осуществив их систематизацию с учетом тех или иных выявляемых признаков) или исторической нарративизации – с другой. Однако, не обладая никакой «субстанциальной плотностью» и представляя собой «всего лишь разрыв между двумя точками перспективы» [1], символ становится бесконечно ускользающим предметом, и только пустоты и провалы в промежут-

ках между сколько-нибудь позитивными его измерениями обнаруживают его сущность. С этой точки зрения продуктивной для теоретического моделирования символа и символического представления является предпринятая С. Жижекком философская метафоризация физической идеи параллакса [2]. Касаясь внутреннего устройства феноменального, операционализация параллакса позволяет, с одной стороны, семиотизировать те пустоты и лакуны, существование которых составляло предмет «трансцендентальной иллюзии», с другой – сконструировать единое «параллаксное» пространство, совмещающее разные стороны ленты Мебиуса [3].

При рассмотрении символа философско-культурологическая метафоризация явления параллакса обретает дополнительную остроту, что связано именно в данном случае с необходимостью учета позиции наблюдателя: символ может быть «увиден» в качестве символа только с вполне определенной, смысловым образом фиксированной точки, которая, тем не менее, смещается при теоретическом приближении к описываемому объекту. Поскольку параллакс представляет собой изменение видимого положения объекта относительно удаленного фона в зависимости от положения наблюдателя, постольку, помещенное в «скольжение» процессуального «параллаксного» видения, описание символа требует изменения ментального пространства самого наблюдателя. При этом видимое отсутствие единого наблюдателя с его фиксированным в некоторой мертвой точке взглядом требует допущения, что перспектива может быть выстроена из отсутствующей точки – точки разрыва. «Радикальная антиномия, которая, как кажется, препятствует нашему доступу к Вещи, и есть сама Вещь», что демонстрирует параллаксный статус Реального, – утверждает С. Жижек [4].

Применительно к символу это значит, что тот внутренний разрыв, который показывает противоречие между «невыразимостью» символического и выраженностью семиотического, как раз и представляет собой собственное смысловое поле символа в его социокультурной и когнитивной феноменальности. Символ, существуя в качестве реального в виде текстов и дискурсов, на уровне теоретической рефлексии предстает в качестве «словаря» однозначных соответствий, задающих вектор его понимания и интерпретации. «Ядро

фрустрирующей бессмыслицы» (С. Жижек) обуславливает полагание смысла, который, подвергаясь процедурам означивания и нарративизации, предстает в качестве социокультурной символики в ритуале, мифе или поэзии.

Поиски семиотического в процессах эволюции сознания становятся исторически очевидной платформой имманентной эволюции дискурсивных практик (обнаруживающих единство речемыслительных актов как эксплицируемой основы сознания). По мысли А. Бадью, историческое обновление дискурсов, изменчивость которых демонстрирует эволюцию субъективности и самопознания, на определенном этапе приводит к рождению «дискурса невыразимого, дискурса не-дискурса» [5]. В результате субъект предстает как мистическая глубина и безмолвие, обитаемый «невыразимыми словами» (*arreta remata*), что лучше всего было бы перевести как «несказанность сказываемого» [6]. Открытие апостолом Павлом «внутреннего человека» стало почвой для осознания символа как имманентной человеку сущности, поскольку, очевидно противостоящий современному «тренду» интеллектуализации дискурса, «дискурс не-дискурса» наиболее близок к наиболее адекватной экспликации символического (тавтологическое утверждение должно подчеркнуть непереходимость грани символического и дискурсивного, бесконечные сближения которых всегда останутся когнитивной утопией).

Сказанное дает основание усомниться в универсальной применимости концептуальных схем (будь то национально или культурно обусловленная модель концептуализации реальности или ее индивидуально уникальные варианты). Однако речь здесь должна идти не об отрицании негласно принятого допущения о наличии некоторого до-феноменального опыта реального, а лишь об отрицании исключительной значимости концептуальных схем, которые принято считать действующими механизмами организации нашего опыта, придающих форму чувственным данным.

По словам Д. Дэвидсона, «отбрасывая свою зависимость от понятия неинтерпретируемой реальности как чего-то находящегося вне всех схем и науки, мы не отказываемся от понятия объективной истины. Напротив, как раз приняв догму дуализма схемы и реальности, мы получаем концептуальный релятивизм и относительность истины к схеме» [7]. Однако, отказываясь «от дуализма схемы и реальности» и восстанавливая «непосредственный доступ к знаковым объектам, чьи «гримасы» делают наши предложения или убеждения истинными или ложными» [8], мы обнаруживаем иной путь к «феноменологизации» реального. Символ, на наш взгляд, становится *первичным способом до-ког-*

нитивной организации опыта и, как следствие, реализует бесконечный «драйв» в сторону все большего приближения когнитивного, смыслового – то есть вербального, или вообще знакового – означивания к до-вербальному. Однако в силу различной обоснованности этих векторов их «встреча» оказывается не только исторически нереализованной, но и теоретически невозможной. В этом промежуточном пространстве отсутствия, в этом межумочном «зазоре» непомышляемого как раз и обретается символ. Признание конкретного «практико-этического обязательства в качестве подлинного “ядра” человека» [9] дает основание вывести символ за пределы собственно гносеологической проблематики, в которую, казалось бы, он был намертво вписан. Символ, демонстрируя первенство прaxisа над теорией и аксиологии над гносеологией, непосредственно связан с внутренним ядром сознания и «Я» в целом.

Сказанное может быть дополнено обращением к концепции материального воображения Г. Башляра [10]. Ощущаемая материя образа дает возможность воспринимаемому в качестве «иного» по отношению к сознанию обретать смысл («форму»), отражая «грезы» и жизненные импульсы, присущие телу [11]. Представляя собой «предпонятое», материя, в интерпретации Г. Башляра, предстает как «стихия», что указывает на ее активность и непредсказуемость по отношению к придающему ей форму сознанию: «сопротивление» стихии, с одной стороны, «онтологически соответствует» импульсам нашего тела, с другой – оставляет ощутимый «зазор» различия между образом и ее самостийностью, онтологической *инаковостью*.

Вопрос о природе реальности, являясь одним из актуальных в новоевропейском знании, так или иначе формулируется посредством его когнитивно-семиотических экспликаций. Пространство разрыва, осознание которого стало основанием идеи трансцендентального субъекта, – разрыва между феноменальным и ноуменальным, эмпирическим и когнитивным – не может быть заполнено посредством только эстетического переживания опыта (как утверждает, например, Р. Анкерсмит [12]). Само эстетическое в данном аспекте требует антропологического и когнитивного обоснования. Пространство разрыва выявляется как символическое пространство, то есть как промежуточная – до-феноменальная и до-семиотическая, антропологически обоснованная фигура «до-означивания». Будучи не в силах уничтожить точку разрыва, такой подход позволит сконструировать проблему исходя из самой необходимости разрыва. Суть его заключается в том, что вся история ментальности определяется как бесконечная попытка заполнить этот разрыв

посредством его «перевода» в знаки, тексты и образы. Осмысление историчности, основанное на имманентных сознанию механизмах означивания, мы предлагаем назвать историческим (или культурно-историческим) семиозисом.

«Тайна» символа заключена в философской непроясненности сознания (сознания субъекта), рассмотрение которого в качестве мыслящей субстанции не дает, как кажется, оснований для иного, помимо когнитивного, понимания мира символического. Наиболее очевидным примером его является идея Ч. С. Пирса о конвенциональных знаках – «символах». Символ, с такой точки зрения, представляет собой не что иное, как результат гносеологического отношения между субъектом и объектом как отношения символизации познанного и освоенного. При этом дополнение гносеологического модуса символического посредством обращения к аксиологии само по себе не исправляет ситуации, поскольку собственно аксиологические понятия и категории, ориентированные на высшие духовные ценности, не учитывают того «онтологического соответствия» [13], о котором говорит Г. Башляр как о первичном телесном опыте ощущения и восприятия, неразрывно связанном с воображением.

Современная философия человека с ее антикартезианским поворотом дает основания рассмотреть как характер соотношения субстанциональности/несубстанциональности сознания как сознания мыслящего субъекта, так и природу этой субстанциональности по отношению к нейрофизиологическим механизмам, обеспечивающим равновесие организма. С одной стороны, «субстанциальная» природа человека может быть представлена в биологической реальности тела (А. Дамасио), когда сознание предстает как «эмоциональная реакция» или как «осознание нарушения «гомеостаза организма с внешним (или внутренним) объектом, который и выступает причиной этого нарушения» [14]. С другой – его «несубстанциональность» определяется как действующее взаимодействие между Внешним и Внутренним. Но в обоих случаях понимание субстанциональности/несубстанциональности сознания дает основание рассматривать символ как действующий механизм такого взаимодействия.

Однако, поскольку субъективность определяет область, которая *в себе* «открыта», область, которая отмечена *внутренним* онтологическим провалом» [15], постольку пространство символического онтологически пусто. Это некоторая нулевая точка, лагуна, феноменальный опыт которой может быть реализован исключительно в процессе семантизации.

Философия символа в ее онтологическом и когнитивно-историческом аспектах должна строиться вне привычного разделения на знаки-ико-

ны, индексы и «символы», согласно которому символ занимает весьма почетное, но все же локальное место одного из типов «прирученного», логически непротиворечивого и вполне однозначно трактуемого знака. При этом даже открытая романтизмом «мистическая» глубина и смысловая неоднозначность символа [16] оказалась явно недостаточной для его полноценного описания, поскольку, вписав символ в сферу символической образности романтической поэзии, романтики тематизировали лишь верхушку смыслового айсберга, заметив, но не показав его «глубинной» части: человеческого сознания, непосредственным качеством которого является, говоря словами Ч. С. Пирса, «чувствование» («Чувствование есть просто качество непосредственного сознания», – утверждает Пирс [17]). Сказанное вполне согласуется с семиотикой страстей позднего А. Греймаса, согласно которому «страсти» как континуально-смысловые сущности представляют собой опыт первичной семиотизации некоторого бессловесного опыта «чувствующего тела» [18]. Однако было бы весьма неточным ставить знак равенства между семиотикой страстей Греймаса и феноменологией символа как качеством непосредственного сознания. Их объединяет континуальность, непрерывность опыта чувствующего тела, что не дает оснований не видеть сущностного отличия: символ, связанный с аффективно-эмотивной сферой человеческого бытия, в отличие от трактовок Греймасом страстей с их возможностями вербально-понятийной и вербально-концептуальной семантизации, такой семантизации не подвержен. К тому же, поскольку в соответствии с феноменологией Э. Гуссерля «различные регионы бытия конституированы по-разному» [19], онтологически символ принадлежит точке фрустрации, пустоты – онтологическому переходу от небытийности «ничто» к значимости и бытийности.

«Когерентность» и «нетранзитивность» [20] символа в его поэтико-текстуальной («образной») ипостаси симметричны визуально и вербально непроясненной, дологической природе символа как структуры сознания: символ не может быть описан как дискретная часть некоторой связанной «картины мира», визуализированная в ментальном пространстве и вербально очерченная при посредстве именованности или метафоризации (хотя вся история сознания есть процесс такой визуализации и вербализации). Говоря словами М. Мерло-Понти, символическое в сознании человека – это «визуальное присутствие» того, «что у меня за спиной» [21]. Но и при этом символ, представляя собой непосредственность сознания, так же, как и сознание, несубстанционален, хотя и может быть понят только на границе с субстанциальным. Но и так же, как сознание, символ

становится полем продуцирования механизмов артикуляции смыслов и организации феноменологического опыта реальности.

Смысловое поле, в котором возможен символ, ограничено «визуальным присутствием» «за спиной», с одной стороны, и его манифестацией в значимости событийного или фактического – с другой, притом, что «интервенция» (термин А. Бадью) символического смысла всегда основана на некотором взгляде наблюдателя, не совпадающем с субъектом чувствования. В результате становится возможным не только приписывание значения некоторому означающему, но и вычленение из континуально непроясненного фона означающего как такового. Но такое расщепление чувствующего и наблюдающего, собственно, и становится *со-знанием*. Символ представляет собой не *видимое* – но *взгляд* как таковой (или – не фигуру, но фон). Отнюдь исторически не случайная, эстетическая и философская тематизация символа в модерне начала XX столетия становится точкой отсчета для постепенного погружения в континуальные миры не только невыразимого и безымянного, но и невизуализируемого. В частности, подвижность визуального «чувствования», ощущаемая, например, как «ужас» в фильмах А. Хичкока, демонстрирует процессуальность, подвижность символического, неотделимого от общего континуального поля сознания как непосредственного чувствования.

Вместе с тем сказанное о символе дает основания задаться вопросом: в чем актуальность символического и в чем смысл обнаружения его смысла? Если символ, обретаясь в темном поле сознания, не подвержен сколько-нибудь внятной семантизации ни в одном из языков, то какова теоретическая значимость его описания? Или, иначе, если тот теоретически обнаруживаемый «зазор» между чувствованием и сознанием, который дал основания Канту постулировать наличие трансцендентального субъекта, будет переосмыслен как символическое, то не приведет ли отказ от трансцендентализма к его вывернутой наизнанку копии?

На наш взгляд, оснований для определения актуальности символа несколько. Первое обстоятельство (первое не в силу его значимости, но в силу очевидности) связано с видимым тяготением современного искусства к экспликации символических миров, и при этом в их до-логической и отнюдь не рационализированной проекции. Стремление обнаружить некоторое «Оно» в его непостижимости для рассудка, пугающее и порождающее мифы и галлюцинации, с очевидностью демонстрирует современный художественный текст, в том числе и литературный, как, впрочем, еще более наглядно – кинематограф: от А. Хичкока и до А. Тарковского. В свя-

зи с этим весьма показателен культовый роман Д. Глуховского «Метро 2033», где непроясненные сознанием и визуально непредставимые силы становятся непосредственно ощущаемым ужасом, персонификацией смерти как некоторого длящегося процесса (а не результата). Понятны и художественные неудачи романа: любая попытка визуализации ужаса (или, что то же самое, его логического прояснения) уничтожает его переживание, превращая экзистенциальную ситуацию в тривиальный «ужастик» или компьютерную игру.

Более значимо другое. Конструирование символа как промежуточной сферы до-феноменального опыта, балансирующего на грани бытия и небытия, чувствования и сознания, до-семиотического и семиотического, в отличие от трансцендентального субъекта, предполагает рассмотрение не столько интеллектуальных стратегий как проецирования на этот опыт до-опытных априорных категорий. Речь при этом идет не о пластах чувственно-телесного как предметной сфере психоанализа (что предполагает известную долю эмпиризма), но о дорефлексивном *cogito*, обретающего предметность в рамках метафизической дискурсивности. Символ в результате «проваливается» в зазор между несопадающими дискурсивными практиками, что повторяет его собственную онтологическую ситуацию: символ – дискурсивная лакуна, нечто, которое может быть описано исключительно как «ничто» [22].

При этом онтологизация «ничто», экзистенциально приоткрывающегося в состоянии ужаса, тошноты или скуки (как состояний психологически или психоаналитически описываемых), открывает тем самым бытие, которое проявляет себя в непосредственности этого состояния. Понимание символа как точки разрыва бытия и небытия дает основания и для понимания механизмов включения сознания из не-сознания как в историко-культурном, так и в онтогенетическом аспектах. «Доонтологическое понимание», говоря словами М. Хайдеггера, не закрепляемое в понятиях и не получающее прояснения, несемиотично – семиотично, напротив, онтологическое. Поэтому семиотизация «доонтологического» представляет собой именно онтологическую необходимость, говоря словами Ж. П. Сартра, «давать себе данное», оказываясь, в то же время, основанием для построения собственного Я субъекта.

Начало семиозиса – чувствование, воспроизводимое в памяти, тавтологическое утверждение (что, кстати, находит косвенное подтверждение в положении А. Н. Веселовского о первичности тавтологического эпитета в истории сознания [23]), различие между частями которого и образует тот неуловимый зазор, где вспыхивает смысл

символического. Но это значит, если брать за основу идею Пирса, что вторая часть тождества уже не может быть определена как непосредственное сознание, и этот шаг минимального опосредования, возможный только как аксиологически ощутимая *манифестация* чувствования (в отличие его от бесконечного чувствования как непосредственности сознания), есть символ. Но поскольку «чистое чувствование сводится к тому, чтобы ничего не чувствовать» и «очевидность чувствования» не основана на свидетельстве сознания [24], постольку и существование предметов (как дискретных составляющих некоторой ментальной «картины», связываемой нашим сознанием) становится доступным нам только посредством их «значения» [25].

Символ семантически отделим от «фона» посредством экзистенциального опыта, переживаемого в «пограничных» ситуациях или, в рамках психоаналитического дискурса, – в ситуации «травмы». В существенной степени именно этот опыт становится основой индивидуальной идентичности. Говоря словами Г. Башляра, «индивидуум – это не совокупность его обычных впечатлений, это сумма его уникальных впечатлений» [26].

Сказанное дает основания для построения историко-культурного нарратива в перспективе исторического семиозиса. Начинаясь с тавтологического удвоения чувствования в представлении и памяти и экспликации символического в фигурах означивания (отметим, кстати, роль раны в первобытной символике), культурно-исторический семиозис становится процессом бесконечного движения к пониманию реальности (технологизация и операционализация которого представляет собой научный и технический прогресс). И это притом, что понимание реальности оказывается магистральной стратегией феноменологического самопознания. Сомкнутое в качестве ленты Мебиуса посредством усилий экзистенциальной герменевтики и феноменологии, понимание требует обоснования в некотором общем пространстве «чувствования» как непосредственности сознания – то есть в символе. Философская рефлексия экзистенциального опыта, начало которой исторически связано с эпохой промышленных переворотов и стремительного развития техники, определяет все большее приближение к символическому (отметим бесконечность такого приближения) и, как следствие, – усложнение текстов культуры. Если первобытное до-сознание, совершая гигантский скачок из «ничто» в сознание посредством тавтологического удвоения чувствования, эксплицировало себя в символе раны или условного знака («символа»), то вся эволюция сознания (как двустороннего процесса познания и самосознания) демонстрирует

изменение в семиозисе: от дискретного знака (фиксирующего только *момент* непосредственной континуальности чувствования) к тексту (фундированному дискретными знаками, фиксирующими... и т. д.) и далее – к континуальному тексту как бесконечного процессу бесконечного приближения к континуальному.

В конкретно-исторической проекции это с очевидностью демонстрирует литературный текст XX–XXI вв. Открытие несемiotизированного поля экзистенциального опыта исторически совпадает с усложнением структуры текста, обретением его все большей символической глубины (континуальности), начинаясь с теоретического постулирования символической природы искусства в философии и художественной практике символизма. В этом смысле становится очевидной не очевидная для отечественной художественной традиции связь символизма и импрессионизма (органичная в случае Ш. Бодлера или К. Дебюсси): общим является стратегия полагания трансценденции реального по отношению к семиотическому (образному, визуальному, вербальному, то есть так или иначе подвергнутого операционализации). При этом ощутимый зазор между трансценденцией реального и перцептивной очевидностью семиотического образует сферу как философско-культурологической, так и – опосредованно – художественной рефлексии. Осознаваемое стремление художника к максимальному приближению к реальному, будь то реальность «бесконечного» («универсум первообразов», по Шеллингу) или реальность чувственного, порождающая все новые возможности семиотизации, заставляло радикально изменить природу семиотических единиц. Стратегия удвоения амбивалентного экзистенциального состояния (например, «ужаса» и «восторга» у Ш. Бодлера) определяет его выражение посредством заведомо недостаточных, параллельно возникающих, ускользающих подобий, призванных вывести из мира феноменального в мир вечного. Преходящее, понятие как «символ вечного» (фраза Гете, особенно цитируемая теоретиками русского символизма), тем не менее, дает основания пристального взгляда в преходящее, чувственная ощутимость которого становится источником символически постижимого смысла.

Отказ от дискретности – будь то манера письма художников-импрессионистов, позволяющая передать принципиальную не-дискретность, ускользающую от четких очертаний зыбкость и динамику мира, или «несказанность» слова в поэзии символистов, обусловил, в конечном счете, текстцентризм культуры XX в. Современный семиозис демонстрирует обретение семиотическими единицами иных измерений, создавая почву для отказа от постулата триадичности знака.

Примечания

1. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Изд-во «Европа», 2008.
2. Там же.
3. Лента Мебиуса, образ которой все чаще повторяется в современной гуманитаристике, является, на наш взгляд, весьма точной метафорой символа. См. об этом: *Фадеева И. Е.* Лента Мебиуса, или Теория символа как феномен культуры // Символ в системе культуры: символические миры и знаковые системы: сб. науч. ст. по материалам Междунар. конф. (под эгидой Международной академии наук). Апрель 2004. / под ред. И. Е. Фадеевой. Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2004. С. 41–48.
4. Жижек С. Указ. соч. С. 38.
5. *Бадью А.* Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.; СПб.: Московский философский фонд: Университетская книга, 1999. С. 46.
6. Там же.
7. *Дэвидсон Д.* Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия. Избранные тексты / сост. А. Ф. Грязнов. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 159.
8. Там же.
9. Жижек С. Указ. соч. С. 93.
10. *Башиляр Г.* Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. С. 25–26.
11. Там же. С. 26.
12. *Анкерсмит Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007.
13. *Башиляр Г.* Указ. соч. С. 24.
14. Цит. по: Жижек С. Указ. соч. С. 199.
15. Там же. С. 95.
16. *Тодоров Ц.* Теории символа. М.: «Дом интеллектуальной книги», 1999.
17. *Пирс Ч. С.* Феноменология // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. Категории в подробном изложении / пер. К. Голубович, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. С. 128.
18. *Греймас А. Ж., Фонтань Ж.* Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души / пер. с фр. И. Г. Меркуловой. М.: АКИ, 2007. С. 161–162.
19. *Левинас Э.* Теория интуиции в феноменологии Э. Гуссерля // Левинас Э. Трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004. С. 14.
20. *Тодоров Ц.* Указ. соч. С. 343.
21. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. М.; СПб.: Наука: «Ювента», 1999. С. 26.
22. Показательно одно из именовании символа М. Мамардашвили и А. Пятигорским как «знака ничего». *Мамардашвили М., Пятигорский А.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 99.
23. *Веселовский А. Н.* Из истории эпитета // Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики. М.: Высш. шк., 1989.
24. *Мерло-Понти М.* Указ. соч. С. 26.
25. *Левинас Э.* Указ. соч. С. 15.
26. *Башиляр Г.* Указ. соч. С. 25.

Н. О. Осипова

**МЕТОД ПСИХОАНАЛИЗА
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА Ф. ОЗОНА
«КРЫСЯТНИК»)**

В статье рассматривается специфика отражения психологии бессознательного в кинематографе постмодернизма (на примере фильма Ф. Озона «Крысятник»).

The article considers the specificity of psychology of the unconscious reflected in postmodern cinema (as exemplified by F. Ozon's film "Sitcom").

Ключевые слова: психоанализ, Фрейд, бессознательное, апологетика сексуальности, интерпретация, Ф. Озон, «Крысятник».

Keywords: psychoanalysis, Freud, the unconscious, apologetics of sexuality, interpretation, F. Ozon, "Sitcom".

В 1895 г. в мировой культуре произошли события, которые стали знаковыми и определили пути формирования гуманитарного знания и искусства XX в.: выход работы З. Фрейда «Изучение истерии», послужившей началом новой науки – психоанализа, и изобретение братьями Люмьер кинопроектора. Несмотря на весьма прохладное отношение отца-основателя психоанализа к кино, оно стало одним из первых видов искусства, который чувствительно отозвался на психоаналитические идеи – как в области репрезентации и интерпретации этих идей, так и каналом их трансформации и визуализированным выражением самого образа психоанализа в искусстве. Во многом именно благодаря кинематографу психоанализ занял свою нишу и в методологической парадигме осмысления культуры XX в. (первые возможности применения подобного подхода проявились уже в попытке анализа фильма Бунюэля-Дали «Андалузский пес» в терминах психоаналитических экспериментов неофрейдизма).

Благодаря распространению психоанализа З. Фрейда и аналитической психологии К. Юнга, в частности сущности бессознательного, теории сублимации, апологетики сексуальности и агрессивности, теории архетипов, в культуре XX в. возможности интерпретации искусства значительно расширились. На базе постулатов классического фрейдизма возникает структурный психоанализ (Ж. Лакан, Ж. Делез, М. Фуко и др.), выдвинувший новые способы интерпретации аспектов художественного творчества сквозь

призму рождающихся в сновидениях образов, трансформаций и конфликтов в границах бессознательного [1].

Своеобразной художественной сферой рождения этих теорий явился кинематограф постмодернизма, который активно осмысляет наследие психоанализа с его стремлением к интертекстуальности, экзистенциальности, сновидческой стилистике, игре и т. д. [2] Об этом свидетельствует формирование и развитие психоаналитической кинокритики, которая постепенно охватила солидный французский кинематографический журнал «Cahiers du Cinema», британский журнал «Screen», американские журналы «Camera Obscura» и «Discourse». Современный интерес психоанализа к кино настолько вырос, что с 2003 г. в Лондоне проходит ежегодная конференция «Кино и психоанализ», в которой принимают участие как психоаналитики, так и кинематографисты. Даже официальная критика признает сотрудничество режиссеров с психоаналитиками, так как, «когда имеешь дело с изображением человеческих судеб, характеров и симптомов, трудно не прибегать к психоаналитическим концепциям» [3].

Переинтерпретация Фрейда и пансексуализм постмодернистской философии приводят к выводу о невозможности создания цельной картины человеческого «Я», которое является лишь расплывчатым симбиозом либидозных биологических импульсов и символических образов культуры.

Как следует из анализа постмодернистского киномышления [4], сам процесс «киновидения» и его природа проецируются на такие психоаналитические аспекты, как исполнение желания в замаскированном виде; регрессия, механизмы работы кино по аналогии с работой сна: сгущение, смещение, символизация, попытка овладеть травматическим переживанием; удовлетворение Сверх-Я; прямое обращение к бессознательному через образы и звуки...

По наблюдениям Ж. Лакана («Я» в теории Фрейда и технике психоанализа) «Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда» [5]), самые успешные фильмы обычно совпадают с подавленными желаниями и страхами массового зрителя: отражение проблем идентичности, работы, горя, борьбы с временем и старением, страхом уничтожения и нарциссическими тревогами. Лакановский теоретический дискурс оказался весьма продуктивен не только как психоаналитическая концепция, но и как концептуальный инструмент для анализа артефактов.

Одной из иллюстраций этого тезиса является кинематограф Ф. Озона, демонстрирующий последовательную художественную репрезентацию

аспектов, связанных с изменениями в бессознательном человека. В его фильмах находит отражение современное постмодернистское прочтение идей психоанализа, а поэтому метод психоанализа представляет одновременно и поле, и инструмент исследования не только «превращенных форм» «сексуальности, по Фрейду», но и явлений, тесно связанных с их художественным отражением. Теоретический аппарат психоанализа в этом случае адекватно отражает предметное поле исследования.

Методология структурного психоанализа Лакана может быть применима к кинематографу Озона, равно как и теория архетипов, и теория «шизоанализа» Делеза и Гваттари («Анти-Эдип»), которая, противостоя в некотором смысле классическому психоанализу, исходит из продуктивности бессознательного. В отличие от психоаналитической интерпретации бессознательного как травмирующего, шизоанализ заявляет не только о возможности, но и о необходимости конституирования бессознательного в качестве свободного и спасительного проявления латентных возможностей человеческого подсознания.

Об этом как раз и свидетельствует кинематограф Ф. Озона, каждый из фильмов которого («Под песком», «Капли дождя на раскаленных скалах», «Крысятник», «Бассейн», «Ангел», «Восемь женщин» и др.) демонстрирует разные сценарии психоаналитического дискурса (в том числе и в провокационно-ироническом ключе, как фильм «Крысятник») и потому может быть рассмотрен в рамках этой методологии.

Фильм «Крысятник» (1998), являющийся предметом нашего анализа, представляет собой постмодернистскую пародию как на предшествующий кинематограф, так и на психоаналитические экзерсисы постструктурализма, связанные с желанием, соблазнением, девальвацией отеческого и природой «превращенных форм» сексуальности.

Об этом свидетельствует и оригинальное название картины – «Sitcom» (situation comedy, в русском прокате – «Крысятник»), оно не имеет никакого отношения к содержанию фильма и связано с определением жанра, который подвергается разрушению. Сам режиссер так комментирует это название: «Я имел в виду ироническое обозначение фильмов с маленьким и очень убогим смыслом, рассчитанным на самую что ни на есть широкую публику» [6]. Название «Sitcom» отсылает к комедийным телевизионным сериалам, объекту массового потребления: здесь есть элементы хоррора, фэнтези, романтического фильма или того, что называют gothic film (фильмы с запекшейся кровью)... Садомазохизм и гомосексуальность вторгаются в мир ситкома, и его «искусственная розовая гармония оборачивается депрессией» [7]. Возможно, в этом и состоит

основной парадокс «Ситкома»: легкое развлечение (комедия положений) мутирует в художественном мире этого фильма в свою ироническую противоположность, балансируя на грани смеха и ужаса.

Действие сосредоточено в рамках одного пространства, в загородном особняке, характерный для Озона прием. Чаще всего дом семантически связан с фигурой отца, что вполне соотносится с классическим фрейдизмом. Глава семейства (Жан) приносит домой крысу, и скоро становится понятно, что крыса, словно материализовавшийся сгусток подсознательных темных инстинктов, оказывает влияние на каждого члена семьи. Искусав каждого или коснувшись кого-либо, она извлекает и материализует скрытые желания героев, заставляя их совершить то, о чем они и так уже давно мечтали, но боялись сделать. Подобно настоящему источнику заразы, она разносит вирус свободы, и все обитатели дома один за другим начинают следовать своим истинным желаниям: сын осознает свою нетрадиционную ориентацию, интересуется модой и молодыми людьми, превращаясь из «ботаника» в привлекательного общительного юношу. Дочь пытается покончить с собой. Мать (Элен) соблазняет собственного сына. И только отец, принесший животное, остается абсолютно бесстрастным и индифферентным.

Одним из «ключей» к разгадке «Крысятника» (как, впрочем и его предшественника – фильма «Теорема» Пазолини со схожим сюжетом [8]) является фрейдовское научное эссе «Заметки о случае одного невроза» (1909), посвященное описанию навязчивых неврозов одного из пациентов Фрейда, юриста Э. Ланцера, прозванного «человеком с крысами».

Но заявленная установка на жанровую модель *situation comedy* разрушается в самом развитии сюжета: изменения, которые происходят в доме с момента появления крысы, изменяют и структуру киноповествования, переходящего в триллер. Крупный план крысы в монтажном сочетании с крупными планами лиц ее «жертв», их расширенных глаз, попытка немотивированного самоубийства Софи, догадка зрителя о расстреле всех членов семьи по звукам в первых кадрах фильма, «ужасный» сон Жана, наконец, гиперболизация ужаса в сцене борьбы с гигантской крысой в бессознательном желании «отцеубийства» – все это составляет глубинную семантику хоррора.

Первой «жертвой» становится Никола. Клетка с крысой стоит в его комнате. Зритель видит обыкновенную крысу, суеющуюся в своей клетке. Следующий за этим кадр сопровождается звуком, характерным для фильма ужасов: камера наезжает на лицо Никола, внезапно прекра-

тившего игру на гитаре и повернувшегося лицом к клетке. Сначала он внимательно, расширенными глазами смотрит на зверька, затем поднимается, замороженный увиденным. Мы можем лишь расширять свою фантазию, предполагая, что же видит герой – ведь в кадре только крыса. Этот кинематографический прием (*suspense*) – классический для фильмов ужасов – призван повысить уровень тревожности у зрителя (как известно, тревога отличается от страха тем, что у нее нет конкретного объекта). Далее устанавливаются отношения между крысой и Абдулом – мужем домработницы: грызун кусает его за палец, когда тот подходит к клетке, причем зритель слышит только тревожный резкий звук за кадром.

В тот же вечер Софи берет крысу из клетки и позволяет той бегать по своему телу, после этого она смотрится на себя в зеркало, как бы проводя идентификацию. Ночью Софи встает с кровати и выбрасывается из окна, но, выжив и пересев в инвалидное кресло, приобретает явно выраженные садомазохистские наклонности.

Четвертой «жертвой» становится домработница Мария: ее реакция на крысу внезапна и показана в том же стиле, что и история с Николаем. Выпустив крысу из клетки, Мария сажает ее на голову и медитирует, будто крыса выполняет роль своеобразного энергетического канала. Взгляд Марии меняется, становится сомнамбулическим, а поведение – зомбированным.

Наиболее интересны и загадочны отношения с крысой Элен: ненависть и брезгливость внезапно сменяются и по отношению к грызуну на нежную любовь. Лаская зверька, Элен повторяет как заклинание: «Диалог... Любовь... Нежность... Диалог... Любовь... Нежность...», потом соблазняет собственного сына, а затем повествует об этом своему психоаналитику.

Крыса «заражает» всех желанием, совершенно иррациональным и необъяснимым. В каждом случае Желание (в лакановском понимании) получает имя «превращенных» форм сексуальности: гомосексуализм, садомазохизм, зоофилия, инцест и т. д.

Крыса как животное вообще и как животное, с которым в европейской культуре связывается широкий спектр коннотаций, ассоциируется с животностью, тварностью, телесностью в самом концентрированном и самом неприглядном, отвратительном виде (крыса плодovита, агрессивна, вредоносна и несет эпидемию). Соприкасаясь с крысой, герои сталкиваются с Реальным, безголосым, нечленораздельным, инстинктивным, несущим смерть, но – свободным от культуры как таковой.

Интересно, что большинство героев попадают под мистическое воздействие крысы через

взгляд, под влиянием образа самого себя, увиденного в Другом. Примечательно, что, выходя из состояния замороженности зверьком, они смотрятся в зеркало, проделывая путь к Символическому через нарциссическую идентификацию, через восстановление разрушенного Другим образа собственного Я («стадия Зеркала», по Лакану). Этот импульс, переданный крысой членам семьи, можно сопоставить с описанным Фрейдом влечением к смерти.

Атрибутами носителя нормы в психоанализе – как в классическом, так и в структурном, лаканианском – наделяется фигура отца. Парадоксально, что именно отец (Жан) – «глава» буржуазной семьи, главный воспитатель морали в своих детях, в психоаналитических концепциях трактуемый как «носитель Закона», остается самым невозмутимым персонажем всей истории, не воспринимая происходящее как кошмар, трагедию или нечто патологическое. Жан спокойно рассуждает о факте инцеста, но не втягивается в сексуальный ажиотаж, охвативший всю семью, оставаясь нейтральным созерцателем. Более того, с ним связано одно символическое или даже мифологическое событие – он съедает крысу и вскоре сам становится огромной крысой. Может быть, в художественной концепции режиссера это символический акт реализации своих деструктивных желаний, которые уничтожают человека. Со ссылкой на М. Фуко можно утверждать, что Озон иронически (а ирония и пародия есть, по Фрейду, способ преодоления табу) воспроизводит языки «превращенных» форм сексуальности. Обращение Элен к Жану («Ты просто настоящая крыса!») связано с последующим превращением Жана в настоящую огромную фантасмагорическую крысу как иллюстрацию к сентенции Лакана, что «слово «слон» реальнее живого слона». В этом контексте появление огромной крысы может быть истолковано как персонификация агрессивности как реакции на потерю индивидом идентичности. Важно при этом иметь в виду, что в эпизоде своего сновидения Жан убивает всю семью – соответственно крыса, в которую он превратился, нападает на вошедшую Элен и ведет себя агрессивно. Ключевая сцена фильма – убийство гигантского грызуна – является символом разрушения нарциссического вакуума: в результате победы над огромной крысой структура отношений в семье меняется. И в этом контексте первоначальная установка режиссера на ситком становится понятной.

Многие теоретики постмодернизма, в том числе и Ж. Лакан, считали работу Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» «самой бесспорной, ибо самой прозрачной, поскольку в ней открываются черты бессознательного, которые и есть черты самого ума, запечатленные

той двусмысленностью, что сообщает ему язык, оборотной стороной которого является острота, в которой юмор символизирует некую истину, не произносящую своего последнего слова» [9]. В контексте интерпретации Лакана остроумие концентрирует в себе сущностные характеристики языка, т. е. иронически репрезентируемый художественный образ является аналогом остроты. Ирония Озона, включенная в структуру репрезентации сексуальности и девальвации отеческого, связана с постмодернистскими установками, в контексте которых ироническому переосмыслению подвергается образ сексуальности и отеческого в современной культуре, ряд собственных клише символических моделей (сексуальные сценарии «гомосексуализма», «садомазохизма» и пр.), само внимание к этим вопросам массового зрителя и кинематографической традиции.

Важно отметить и тот факт, что объектом смеха каждый раз становится ситуация, так или иначе связанная с сексуальностью или со смертью. Наиболее ярким примером этого является упомянутый эпизод в конце фильма, когда шесть человек в черном, выстроившись в ряд перед могилой, грустно улыбаются. Комический эффект создается и благодаря почти блаженным улыбкам, хотя и грустным, и благодаря неестественному для ситуации похорон расположению героев (они выстроились в ряд, словно позируя), и, самое главное, благодаря новой «парности» героев. Похороны словно официально закрепляют союзы, до этого бывшие «непризнанными», почти «случайными».

Тот факт, что сексуальность и смерть становятся объектами иронии, объясняется, в том числе, и тем, что, согласно фрейдистской концепции природы остроумия, недопустимые в «чистом виде» структуры бессознательного могут «выходить на поверхность» в «снятом», превращенном виде, прикрытом иронией.

Режиссер иронизирует на запретные для сознания темы, разряжая тем самым как свои собственные бессознательные интенции, так и помогая вызвать катарсическую реакцию у зрителя. О подобном соотношении иронической, художественной и обыденной реальности рассуждал, переосмысляя Фрейда, Ж. Лакан, считая его наиболее эффективным способом символизации.

В соответствии с законом постмодернистского текста в фильме обыгрывается два противоположных варианта финала. Финал, совпадающий с хронологическим завершением, – фантасмагория с превращением и убийством сначала крысы, съеденной Жаном, затем – огромной крысы, в которую он превратился. Другой вариант развязки выведен в самом начале фильма, однако его возможно только «слышать»: Жан убива-

ет всех домочадцев, как можно догадаться по звукам за кадром (в кадре – лишь изображение особняка, из которого доносятся крики). Таким образом, один из финалов связан с убийством всей семьи Жаном. Другой финал связан с убийством Жана-крысы всей семьей, во главе с Элен. Развязки существуют параллельно, допуская также множество вариантов интерпретаций происходящего в доме с первых же кадров фильма. В фантазмагорическом финале, совпадающем с финалом сюжета, явно обнаруживается действие описанных Фрейдом сновидческих механизмов, главным образом таких, как «сгущение» и «смещение».

Однако последний «штрих» проявления Символического (привет Фрейду!) – это ироническое возвращение к «глубинам»: в последнем кадре фильма на надгробную плиту, установленную усопшему, никем не замеченная, взбирается симпатичная маленькая белая крыска...

Примечания

1. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. М., 2002; Russian Imago 2001: Исследования по психоанализу культуры. СПб., 2002; Психология искусства: материалы конф.: в 3 т. Самара, 2003; *Корбут К. П.* Психоанализ о кино и кино о психоанализе. Режим доступа: <http://biblioteka.teatr-obraz.ru/node/6547>

2. *Kluge D.* Psychoanalysis and Film. 1999. Режим доступа: www.dspp.com/papers/kluge.htm

3. *Гемайл Д.* Некоторые размышления по поводу аналитического выслушивания и экрана сновидения // Современная теория сновидения. М., 1999. С. 44.

4. *Брусянин В. О.* Кино и современность. М., 1990. С. 32.

5. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М. 1999; *Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М., 1997.

6. Цит. по: *Трофименков Н.* Опять французы // Weekend. 2005. № 81. С. 34.

7. См. подробнее: Там же.

8. Мы не рассматриваем здесь подробно специфику явных интертекстуальных связей фильма Ф. Озона с предшествующей кинематографической традицией (П. Пазолини, Ж.-Л. Годар и др.), что может представить иной ракурс анализа постмодернистского текста (возможно, и на иной методологической основе).

9. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 40.

УДК 81'276.3-053.6

Ю. В. Игошина

КВН-ЯЗЫК КАК МАРКЕР МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУРНЫХ ФОРМ*

В статье рассматриваются субкультурные характеристики движения КВН. Выявляется специфика КВН-языка как основного идентифицирующего маркера, анализируются его уровни, формы, приемы и проблемы.

The article refers to subcultural features of the KVN-movement. It reveals the KVN-language specificity as the main identified marker, analyzes its levels, forms, methods and problems.

Ключевые слова: КВН, субкультура, язык, молодежь, сообщество, смех, зритель, игра, лексика.

Keywords: KVN, subculture, language, youth, community, laughter, spectator, game, lexicon.

КВН как игра и международное движение (в первую очередь молодежное) настолько массово и масштабно, что по своим показателям могло бы претендовать на статус особой молодежной субкультуры. Однако выделения КВН в субкультуру не происходит.

Исследователи по-разному подходят к определению субкультурного характера КВН. В основном речь идет о его вхождении в студенческую субкультуру (М. Юнисов, К. Маласаев), в массовую культуру (И. Борц, М. Сагдиев, А. Захарченко), в смеховую культуру в виде одной из ее современных форм (П. Вайль и А. Генис, С. Г. Кара-Мурза, А. Чивурин и М. Марфин) [1].

С. Г. Кара-Мурза в интернет-дискуссии «Смех и слезы. Дискуссия о юморе» [2], предметом обсуждения которой является смеховая культура 1960–1970-х гг., пользуется дефиницией «ироническая субкультура». Участники диалога высказывают категоричные и спорные мысли, в числе которых следующие: «официальная культура 60–70-х тщательно дозировала смех»; «вся смеховая культура 60-х несла в себе антисоветский потенциал»; «в советском строе не было систем, которые могли бы интегрировать смех в его конструктивном значении, и как только от фильмов Гайдая переходили к Рязанову, нарастала концентрация яда (как и в КВН, и в авторской песне)». КВН, с точки зрения одного из участников дискуссии, был верхушкой айсберга культуры

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Язык молодежных субкультур: региональный аспект», проект № 09-01-00001а/Э.

1960-х, доброкачественной и авангардной, отстоящей от «золотой молодежи», стилистичности, богемы, которая на протестном уровне воспринималась (и зачастую продолжает восприниматься) как авангард настоящий, «официальный». КВН рассматривается как проводник, канал распространяющегося «антисоветского» начала, из-за которого был запрещен в 1972 г.

Книга М. В. Юнисова «Мифопоэтика студенческого смеха» представляет собой очерк развития студенческой субкультуры России XIX – XX вв. Автор обосновывает логику генезиса молодежной смеховой культуры (в тексте присутствуют оба понятия – и «стudenческая субкультура», и «молодежная субкультура», что, на наш взгляд, является смешением похожих, но тем не менее разных явлений культуры). На рубеже 1950–1960-х гг., считает автор, остроумие превратилось в одну из центральных сфер общественного сознания. Именно в это время формируются и приобретают популярность сразу несколько направлений современной смеховой культуры: вузовские капустники, КВН, анекдоты от «армянского радио», политические анекдоты, кинокомедии, юмористические литературные произведения, пародии и фельетоны ряда авторов.

М. В. Юнисов транслирует тезис о разрушении рамок социального поведения с помощью ставшего возможным в это время смеха, остроумия: «Смех в силу своей медиативности в культуре давал возможность молодому поколению испытать различные модели поведения, авторитеты и социальные схемы. И он же расширял пространство выбора. Смех позволял не только обнаруживать себя в той или иной части оппозиции, но и как бы зависать между верноподданничеством и инакомыслием, сохранять за смеющимися их срединное положение» [3].

К. Маласаев рассматривает КВН как форму современной студенческой смеховой субкультуры, наряду со СТЭМ'ами, капустниками и т. д. [4] Эти рамки представляются нам чересчур узкими, поскольку, изначально задуманный как интеллектуальная, а потом и игровая форма творческого соревнования именно студентов, в 90-х гг. КВН существенно расширил и возрастные рамки студенчества, и тематические, и ментальные. Еще в период «старого» КВН появляются команды, организованные на заводах и предприятиях, проводятся локальные турниры взрослых команд. В составе вузовских команд телевизионного КВН 60-х встречались достаточно возрастными участниками, особенно среди авторско-режиссерского состава. В 1990-х гг. развиваются такие нестуденческие формы КВН-команд, как школьные, профессиональные (например, УВД, Вооруженные силы, медицинские учреждения), рабочей молодежи, функционируют соответствующие

лиги. Игроки школьных команд часто переходят в студенческие и усиливают их благодаря уже имеющемуся опыту; обратный же процесс – переход из производственной команды в студенческую – встречается достаточно редко.

Студенческая смеховая субкультура с наиболее интересными для нее темами (учеба, взаимоотношения полов, работа, досуг) является частью КВН-пространства, но не ограничивает его собой. Более уместна формулировка «молодежная смеховая субкультура», однако и она, на наш взгляд, не охватывает всего спектра возможностей КВН, поскольку среди зрителей игры, а также среди авторов, режиссеров, редакторов достаточно большое количество людей, вышедших за пределы молодежного возраста, но воспринимающих «молодежный» юмор и участвующих в его создании.

Таким образом, происходит выход КВН и за рамки молодежной субкультуры, когда возрастные ограничения снимаются вовсе. Этот процесс обусловлен, во-первых, естественными причинами: становясь старше и переходя в категории взрослых и пожилых людей, участники и зрители КВН не обязательно теряют к нему интерес. Ведущий игр высшей лиги КВН А. В. Масляков начал карьеру телевизионного ведущего в 1963 г., средний возраст членов жюри высшей лиги КВН значительно больше молодежного; финалистом сезона Премьер-лиги 2009 г. стала команда «ВиЗиТ» (МИИТ, г. Москва), в составе которой есть 60-летний игрок, выполняющий не просто роль выходящего персонажа (это распространенное явление в КВН, с участием в том числе известных в разных сферах личностей), но именно постоянного актера.

Второй причиной выхода КВН за рамки молодежной субкультуры является его вписанность в формат массовой культуры, который также диктует размывание границ между поколениями и их ценностями, распространение общих культов и вкусов на аудиторию вне зависимости от возраста [5].

Рассматривая вопрос взаимоотношений КВН с молодежной субкультурой, мы сталкиваемся с двунаправленной ситуацией. Неоспорим тот факт, что КВН является одной из творческих форм самореализации молодого поколения, обладает многими признаками молодежной субкультуры и, таким образом, может восприниматься как ее часть, причем в отличие от многих субкультурных форм, мода на которые держится недолго, КВНная составляющая присутствует в социокультурном пространстве нашей страны уже полвека, и КВН-сообщество сформировано на достаточно устоявшейся базе.

К КВН-сообществу мы относим не только непосредственных участников движения, но и их

ближайшее окружение, родственников и друзей, а также болельщиков и бывших КВНщиков, поскольку только такая многочастная структура обеспечивает успешное функционирование КВН как игры и молодежного движения. Внутри КВН-сообщества можно наблюдать неконфликтное сосуществование различных молодежных субкультур. Панк или гот может играть в КВН или быть его зрителем, не теряя принадлежности к своей основной субкультуре и, более того, воспринимая КВН не как субкультуру, а как форму времяпрепровождения, организации досуга, игру, увлечение. Важно отметить, что КВН не противопоставлен ни одной молодежной субкультуре, ни с кем не находится в конфронтации и не вызывает агрессию со стороны приверженцев субкультур, несмотря на то что на КВН-сцене периодически появляются номера и шутки, высмеивающие или пародирующие субкультурную специфику:

– Я вообще этих эмо, готов не различаю, а эти все металлисты, панки, растаманы, джанглисты, рейверы, скинхеды, рэперы, риветхеды, как их всех запомнить-то? Индии, отаку, фурри, моды, толкиенисты, нудисты, тедди бои, visual key, стилиги – я уже в них запутался; анархо-панки, битники, неформалы, стрейт-эйджеры, хиппи, яппи, руд-бои, любера, байкеры, райтеры, гопники – ну вот к этим еще нейтрально отношусь. А эти все нью эйдж, фрики, милитари, кибер-готы – не люблю я все это!

– Есть же нормальные ребята: дзюдоисты, борцы, каратисты.

– Я про гопников уже говорил!

«Сборная учителей» (Ульяновск)

– Правительство Хабаровского края занялось искусственным выращиванием гопников для очистки центральной площади от эмо, скейтеров и мелочи.

«Сборная Железки» (ДВГУПС, Хабаровск) [6].

Итак, КВН, с одной стороны, входит в пространство молодежной субкультуры в целом, с другой – вбирает в себя элементы различных субкультур, при этом не обладая достаточным и необходимым количеством субкультурных маркеров.

Немногочисленными формальными атрибутами, по которым можно узнать КВНщика (или болельщика этой игры), являются, например, футболки с названием команды или лиги, в которой играет актер или за которую болеет зритель. Однако не существует каких-то принятых правил, согласно которым представитель КВН-субкультуры обязан выглядеть определенным образом, а наличие и ношение формы может означать следующее: КВНщик хочет пока-

зать свою принадлежность игре в глазах сторонних наблюдателей; показать свой КВН-статус, если таковой имеется (опыт игры в международной лиге, например); болельщик присутствует в форме на игре, чтобы визуально быть соотношенным к категории болельщиков конкретной команды. В целом ношение элементов формы уместно сравнить со спортивными традициями, и это логично, учитывая сильный соревновательный момент игры КВН.

Других ограничений и инструментов идентификации с субкультурой в одежде, внешности, стиле, манере поведения нет. Самоидентификация происходит по другим признакам, одним из наиболее существенных проявлений которых становится язык как сигнал причисления себя к определенной культурной группе и узнавания себе подобных.

КВН является достаточно замкнутой системой, при всей его открытости для зрителей и потенциальных участников. Обучение искусству КВН чаще всего происходит на примерах самого КВН, хотя черпать нужные знания следовало бы из теории литературы, сценографии, кинематографии, музыки, поскольку КВН вписан в рамки народной смеховой культуры и культуры в целом. Язык КВНщиков демонстрирует замкнутость системы: так же, как и КВНный юмор, он весьма специфичен и очень часто непонятен «нормальным» людям. КВН-язык нередко построен на цитатах, аллюзиях, использовании особых интонаций, недоговариваний и т. п. Другими словами, в процесс идентификации и общения входит далеко не только собственно текстовый материал, но и невербальные, достаточно закодированные знаки, распознать которые человеку, не находящемуся в обозначенном культурном пространстве, очень сложно, а порой невозможно.

Выделим три уровня функционирования КВН-языка, в комплексе формирующих дискурс КВН. *Первый* – постоянный, повторяющийся уровень. К нему относятся устойчивые формы в первую очередь лексического характера; в качестве яркого примера выступают названия команд.

В базе данных официального сайта Международного союза (МС) КВН на сегодняшний день зафиксировано более 7000 команд [7], игравших в различных лигах КВН (как официальных, так и региональных) в разное время. Проанализируем названия команд с точки зрения их отнесенности к студенческой и молодежной субкультуре.

В 1960-е гг. названий как таковых у команд не было вовсе, именем команде служило название вуза, а узнаваемым брендом – общепринятая аббревиатура: Московский инженерно-строительный институт (МИСИ), Московский физико-технический институт (МФТИ), Белорусский политехнический институт (БПИ), Одесский го-

сударственный институт (ОГУ) и другие. В 1980–1990-х такая форма идентификации команды с вузом сохраняется, однако названия, например Новосибирский государственный университет (НГУ), Ереванский медицинский институт (ЕрМИ), Харьковский авиационный институт (ХАИ), Белорусский государственный университет (БГУ), используются в основном в виде аббревиатуры и в восприятии аудитории являются брендом, в котором семантика уступает звучанию. Кроме того, появляется новый тип названий, в которых присутствует название не вуза, а города: «Парни из Баку», «Криворожская шпана», «Одесские джентльмены», «Махачкалинские бродяги», «Запорожье – Кривой Рог – Транзит», фигурирует и название территорий, национальностей: «Новые армяне», «Сибирские богатыри», «Уральские пельмени», «Волга-Волга». Связано это с процессом продвижения территориального субъекта (города, республики) с помощью принадлежащей ему команды КВН. Благодаря этой игре широкой аудитории стали известны провинциальные города, не имеющие известных предприятий или торговых марок: Фрязино, Ступино, Камышин, Луганск, Тамбов и другие. В середине 2000-х в КВН-пространстве появляются не только города, но и более мелкие поселения, например станица Брюховецкая Краснодарского края (команда «БАК»).

Еще одним типом названий команд является отражение в имени имиджа команды в ущерб территориальной принадлежности: «Эскадрон гусар» (г. Москва; до этого, базируясь в другом городе, команда носила название «Львовские гусары»), «Ворошиловские стрелки» (г. Луганск), «В джазе только девушки» (г. Новосибирск), «Настоящие тамады» (г. Тбилиси), «Шиза» (г. Уфа). В названии команды «Уральские дворники» видим совмещение элементов двух типов названий: территориальная отнесенность и отражение имиджа. Некоторые из указанных названий отражают не только географическую характеристику, но и особенности менталитета – в одних случаях обоснованного национальным колоритом: Грузия – тамады, Дагестан – бродяги и т. п.

В связи с большими финансовыми затратами на участие в официальных лигах МС КВН командам требуются спонсорские вложения. Отдачу спонсор получает в основном в виде упоминания в телеэфире Первого канала, кроме того, встречаются случаи, когда команда берет себе имя по названию фирмы-спонсора: «СОК» (г. Самара), «Парма» (г. Пермь), «Плаза» (г. Санкт-Петербург). Если название не получает достаточной известности, при смене спонсора оно ликвидируется. Например, из указанных команд две последние больше узнаваемы как

«Сборная Перми» и «Сборная Санкт-Петербурга».

Период 2000-х гг. характеризуется обилием названий с большой долей абстракции, их семантика может быть непонятна зрителям, поскольку не выражает с ее точки зрения явных характеристик: «Полиграф Полиграфыч» (г. Омск), «СТЭП и Ко» (г. Новосибирск), «Пирамида» (г. Владикавказ), «Ботанический Сад» (г. Хабаровск).

Среди названий встречаются имена с характерной для гламура «нулевой семантикой» или семантикой, понятной очень ограниченному кругу лиц: «Z» (г. Лида), «Волосатая лампочка» (Московская область), «Даун-ёжики» (г. Хабаровск).

В региональном масштабе нередко названия, представляющие не стандартное слово или словосочетание, а поговорку, пословицу, фразеологизм, междометие, звукоподражание, иногда из сферы достаточно низкой языковой нормы, иногда с изменением написания с литературного на сниженный разговорный стиль или нарушением пунктуации: «В бой идут одни старики» (г. Днепрпетровск, Украина), «Ага, щас!» (г. Киров), «А кому щас легко?!» (г. Худжанд, Таджикистан), «И я весёлый ведущий» (г. Одесса, Украина), «Ты-дыщ» (г. Киров), «Кина не будет» (г. Саратов) и др.

Нередко используются окказионализмы, основанные, в частности, на трансформации известных слов с добавлением нового смысла: «Виасипед» (Красноярск), «Парапапарам» (г. Москва), «МАЭНЕЗ» (г. Львов, Украина).

В достаточно большом количестве присутствуют названия с иноязычными элементами: «ALLEGRO-ЮМБ» (г. Новосибирск), «DELUXE-ДЕЛЮКС-39» (г. Черновцы), «ДЕМОНЫ РАЗБУШЕВАЛИСЬ» (г. Навои, Узбекистан) или полностью написанные на иностранном языке. На наш взгляд, эта тенденция отражает общие закономерности нейминга как элемента создания имиджа объекта продвижения (в данном случае – команды КВН), а также увлеченность прозападными явлениями, характерную для российского мировоззрения начиная с 90-х гг. XX в.

Назовем несколько приемов использования иноязычных элементов в названиях команд:

– использование известных выражений из разных языков: «AKUNA MATATA» (г. Луцк, Украина), «DEJA VU» (г. Мурманск), «DOWN TOWN» (г. Хабаровск);

– написание латиницей слов с иностранной этимологией, употребляемых в русскоязычном варианте (в этом случае такое написание несущественно): «ALTERNATIVA» (г. Дубна), «ATLANTIDA» (г. Москва), «DANDI» (г. Москва);

– написание на латинице названия, состоящего из слов русского языка: «DEVOZKI IZ BET-XANU» (г. Днепропетровск, Украина), «ДЕТИ ФЕМИДЫ \$АРАТОВ» (г. Саратов) и др.

В качестве вывода по этому вопросу укажем, что тенденции смены типов названий команд включают три основных направления: геополитическое, имиджевое и ментальное. Заметны явные изменения в типах названий, реализуемые в определенные промежутки времени и, в принципе, отражающие особенности молодежной культуры в целом.

Еще одним примером устоявшихся языковых форм в КВН является его терминология, упрощающая общение на творческие, сценические темы. Наиболее полный словарь КВН-языка на сегодняшний день составлен и продолжает обновляться на интернет-ресурсе «Кафедра КВН»: более 800 определений, значение части которых известно широко, поскольку взято из театральной, литературной или спортивной лексики (иногда с незначительной корректировкой смысла: пантомима, БРИЗ, капитан и т. д.), значение другой части доступно для понимания исключительно КВНщиков (захлопать, зеленка, перебивка, мостик и т. д.). Практически все КВН-термины строятся на приеме полисемии, когда к существующему в национальном языке слову или выражению добавляется новое значение, как правило, весьма далекое от первоначального («биатлон» – конкурс шуток, «болт» – особенно удачная шутка, «зайти» – вызвать смеховую реакцию зрительного зала и т. д.) [8].

Знание КВН-терминологии обязательно для команд, входящих в элиту международного клуба, оно необходимо для общения с редакторами, сотрудниками телекомпаний, организаторами игр и движения в целом; знание терминологии является показателем высокого уровня информированности в сфере КВН для любого представителя КВН-сообщества и опять же маркером отстраненности от неКВНщиков.

Вторым уровнем функционирования языка КВН являются непосредственно тексты, звучащие на играх, – это сценическая, творческая, телевизионная формы, ориентированные на получение позитивной реакции зрителей (улыбка, аплодисменты, смех). В основе существенной части КВН-текстов лежат языковые приемы и игры: каламбуры, цитаты и аллюзии, окказионализмы, повторы, метафоры, инверсия, перевертыши (парадоксы), полисемия и т. д. Отметим, что на этом уровне далеко не всегда происходит дальнейшая фиксация элементов КВН-языка в общем лингвистическом пространстве; шутка запоминается зрителями только при условии успешности, высококачественности, но даже в этом случае «жи-

вет» в памяти относительно недолго. Приведем несколько примеров КВН-шутки, основанных на языковых играх.

Повтор

– Из черного лимузина появляется чернокожая звезда Эдди Мэрфи!

– «Понаехали тут черные!» – слышна реплика Армена Джигарханяна.

– Из черного лимузина появляется Панкратов-Черный!

– «Понаехали тут черные!» – слышна реплика Эдди Мэрфи.

«Новые армяне» (Ереван)

Парадокс

– В Лефортово прошел день открытых дверей.

«Криворожская штана»

Инверсия

– Ты в школе какой язык изучал?

– В тридцатой.

«Уральские пельмени» (Екатеринбург)

Аллюзия

– Погоня! Какой КВН обходится без погонии? Да практически любой!

«Уральские пельмени» (Екатеринбург) [9].

Наконец, *третий* уровень – ситуативный, незафиксированный. Это устная речь, непосредственное общение членов КВН-сообщества, часто основанные на сценическом текстовом уровне. КВН-язык имеет весьма условные территориальные ограничения, поскольку КВН как движение функционирует на международном уровне, по практически одинаковым правилам независимо от масштаба игры – будь то федеральная лига или внутришкольная игра.

После озвучивания на сцене или телеэкране КВН-тексты сами становятся базой для цитации или аллюзивности: в одних случаях превращаются в афоризмы или переходят в разряд анекдотов с потерей авторства (и на какое-то время становятся частью языкового пространства всего, без ограничений, зрительского сообщества). В других случаях в полной, усеченной или трансформированной форме курсируют внутри непосредственно КВН-сообщества, являясь тем самым сигналом самоидентификации и отстройки от неКВНщиков.

Но, как и подобает любой молодежной субкультуре, КВН (даже, как мы уже говорили, не будучи ею в полной мере) стремится формировать свое семантическое поле на условиях изолированности, непонятности для масс, закрытости. Поскольку КВН-шутка, звучащая с экрана федерального телеканала, этим требованиям не отвечает, более престижным, с точки зрения КВНщиков, процессом является вхождение в

международное пространство КВН, недоступное большинству зрителей и команд. Наиболее доступным вариантом является отслеживание шуток КВН в Интернете. Отсутствие границ интернет-коммуникаций на фоне достаточно централизованного информационного поля МС КВН способствует повсеместному проникновению и быстрому распространению языковых фактов и трендов, но опять же не отвечает требованиям изолированности. Наиболее высоким статусом обладает уровень личного присутствия в МС КВН, именно поэтому множество сугубо КВНных выражений и языковых оборотов «приезжает» в регионы с международных и межрегиональных игр и фестивалей. Носителями этих языковых трендов являются, как правило, местные «звезды» КВН, задающие моду на язык (в силу своей популярности на региональном уровне или, опять же, по причине своего присутствия на международном уровне). Например, команды КВН Кировского клуба имеют возможность выхода на международный уровень либо с помощью самого клуба, который в качестве бонуса за успешную игру в сезоне делегирует команду на ежегодный Международный фестиваль команд КВН в г. Сочи (в качестве примеров назовем команды «Блин пасхальный», «Макаленка», «Сборная г. Кирова» и т. д.), либо с помощью спонсорского финансирования, которое обеспечивает не разовое, а постоянное присутствие команды в играх той или иной лиги Международного союза КВН (команда «Цветмет» – Уральская лига, г. Екатеринбург; «Город N» – лига «Плюс», г. Н. Новгород; сборная г. Кирово-Чепецка «Повидло» – лига «Балтика» и т. д.).

В любом случае регион, особенно относящийся к периферийным, отстает в скорости проникновения конкретных «модных» направлений КВН-языка, поскольку взаимодействие с «центром» достаточно опосредовано и отделено от проходящих игр во времени.

Региональная специфика языка КВН формируется из следующих составляющих:

- текстовый и игровой материал региональных игр;
- «привезенный» с международных игр КВН-контент;
- использование и выщучивание местного акцента, говора, лексических особенностей;
- использование местной тематики, а также географических и других названий.

Наличие собственного языка, помимо реализации субкультурных задач, является коммуникативной и семантической проблемой. КВНщики оказываются в своеобразной языковой изоляции, которую сами же и формируют. Результатом этого процесса становится непонимание окружающих (неКВНщиков), неэффективность обратной

связи, отсутствие интереса в общении и т. д. Выходом из этой ситуации может быть один из следующих вариантов.

Первое: сужение круга общения до КВН-аудитории, которая разговаривает на одном, понятном ей и только ей, языке. Выход непродуктивный, ибо за чертой круга остаются, как правило, родители, педагоги, друзья-неКВНщики, работодатели и т. д.

Второе: последовательное использование своего языка, несмотря на непонимание окружающих, попытки приобщить их к нему или сознание собственного превосходства от «избранности». Выход эгоистичный, поскольку КВН-язык по сути является сленгом, говорить на котором, во-первых, не обязаны окружающие, во-вторых, его использование будет для них неестественным, так же, как, например, нарочитое употребление взрослыми людьми слов и выражением из языка подростков. В результате вместо понимания формируется дальнейшее отстраивание и – часто – отказ молодежи от использования языковых единиц, взятых на вооружение не представителями субкультуры, поскольку язык любой субкультуры в качестве одной из функций имеет «охрану» собственного внутреннего мира, в том числе с помощью «закрытых» лингвистических и семиотических текстов.

Третье: постепенное расширение КВНовского сленга, внедрение его в обиходную речь. Происходит по причине огромной аудитории КВН, в которую, повторим, входят не только сами КВНщики, но и зрители, болельщики. Кроме того, КВНщики, завершившие игру – повзрослевшие, – не уходят далеко от КВН и не перестают понимать его язык. Со временем количество таких людей становится все больше, во взрослой жизни они часто становятся рекламистами, копирайтерами, журналистами, и, таким образом, сами формируют язык, на котором будут говорить зрители, слушатели, потребители, среди которых тоже есть немало приверженцев КВН разных возрастов. Выход идеалистический (с точки зрения КВНщиков), требующий значительных временных затрат, к тому же стремление обладать собственным языком будет по-прежнему приводить к появлению изолированного сленгового сегмента.

Четвертое: умение четко различать ситуации, в которых уместно или неуместно использовать КВН-лексику, в зависимости от собеседников и внешних факторов. Выход компромиссный и, на наш взгляд, в настоящее время оптимальный, поскольку позволяет соблюдать языковой паритет и уважительно относиться не только к своей культурной группе, но и к носителям нейтрального языкового материала, а также к языкам других субкультур.

В качестве вывода отметим, что КВН-язык обладает следующими основными характеристиками: во-первых, его важнейшими задачами являются профессиональное общение внутри КВН-сообщества и отстройка от неКВНщиков для создания ореола закрытости, изолированности; во-вторых, лексической основой КВН-языка является национальный язык с использованием приемов языковых игр, особенно полисемии; в-третьих, использование КВН-языка может приводить к проблеме языковой изоляции, не являющейся, однако, нерешаемой. КВН-язык как явление и процесс является самым заметным идентифицирующим субкультурным маркером, объединяющим участников КВН-сообщества в условиях почти полного отсутствия других маркеров и отсутствия их необходимости.

Примечания

1. См.: *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: НЛО, 1996; *Марфин М., Чивурин А.* Что такое КВН? М., 2002; *Захарченко А. Е.* Организация досуговой деятельности учащейся молодежи в усло-

виях влияния массовой культуры: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2008; *Грушина И.* Мы начинаем КВН, Борщ? Режим доступа: www.womenclub.ru [Интернет-издание «Женский журнал»]. 2001. 28 июля.

2. Смех и слезы. Дискуссия о юморе: форум С. Г. Кара-Мурзы. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/-j_art_743.htm

3. *Юнисов М. В.* Мифопоэтика студенческого смеха (СТЭМ и КВН). Режим доступа: <http://kafedra.com.ua/modules/articles/article.php?id=99>

4. *Маласаев К. А.* Смеховая культура города в историко-культурном контексте: СТЭМ и КВН города Томска (вторая половина XX – начало XXI века): рукопись дипломного исследования. Томск, 2004.

5. *Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: КомКнига, 2006. С. 43.

6. Официальный сайт Международного Союза КВН. Режим доступа: www.amik.ru

7. Там же.

8. Кафедра КВН: образовательный портал КВН. Режим доступа: <http://www.kafedra.com.ua/modules/dictionary/>

9. Официальный сайт Международного Союза КВН. Режим доступа: www.amik.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 371.3

М. Г. Яновская

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье дано теоретическое обоснование эмоционально-ценностного подхода в образовательном процессе; показано его взаимодействие с другими концептуальными подходами.

The article offers theoretical grounding of the emotional-evaluative approach in educational process and reveals its interrelations with other conceptual approaches.

Ключевые слова: эмоциональный фактор, эмоциональное стимулирование, эмоционально-ценностная технология, эмоционально-ценностный подход; аксиологический, культурологический, деятельностный, компетентностный, герменевтический, синергетический подходы.

Keywords: emotional factor, emotional stimulation, emotional-evaluative technology, emotional-evaluative approach; axiological, culturological, activity-centered, competence-oriented, hermeneutic, synergetic approaches.

За последние годы в педагогике разработаны и апробированы концептуальные положения, характеризующие разные подходы, направленные на эффективное решение педагогических проблем.

Цель данной статьи – обосновать идеи, доказывающие правомерность и целесообразность эмоционально-ценностного подхода как самоценного педагогического феномена, а также показать его связь с другими педагогическими подходами.

Понятие «эмоционально-ценностный подход» не введено в педагогическую науку. Но в некоторых исследованиях и публикациях применяются термины – «эмоционально-ценностный компонент», «эмоциональная составляющая» (С. Н. Батракова, Т. А. Маслова). По толковому словарю С. И. Ожегова «компонент» – это составляющая, часть чего-либо [1]; следовательно, термины «компонент» и «составляющая» употребляются в идентичном значении. Другие исследователи вводят понятие «эмоциональный фактор» (О. В. Гирфанова, В. А. Сахаров, М. Н. Татарина, О. В. Хлупина). В современном словаре по педагогике «фактор педагогический» рассматривается как «любое педагогическое явление, ставшее движущей силой другого явления» [2]. Следовательно, всё то, что движет, т. е. активизирует эмоциональную сферу школьника, студента в целях повышения эффективности образовательного процесса, правомерно рассматривать как эмоциональный фактор.

Под эмоциональным фактором образовательного процесса следует понимать эмоции, оказывающие существенное мотивирующее влияние на его результативность.

С нашей точки зрения, специфика понятия «эмоциональный фактор» в том, что он пропитывает, пронизывает целостный образовательный процесс – его цели, содержание, методы, технологии. Поэтому именно эмоциональный фактор является основой эмоционально-ценностного подхода в образовательном процессе. В контексте методологии педагогической науки подход понимается как ориентация исследователя на использование совокупности понятий, идей, способов познания и преобразования педагогической действительности.

Эмоционально-ценностный подход – это совокупность идей, являющихся результатом теоретического анализа и педагогического опыта, выраженных в целях, принципах, содержании педагогической деятельности и адекватных технологиях, которые направлены на развитие и саморазвитие обучающихся.

Эмоциональный компонент, или эмоциональная составляющая, – более узкие понятия, которые входят в эмоционально-ценностный подход. Мы принимаем расширенную трактовку образовательного процесса: смысл образования – развивающийся человек, гармония его отношений с собой, другими людьми, миром; создание условий для развития – саморазвития, воспитания – самовоспитания; обучения – самообразования.

Конституирующая цель эмоционально-ценностного подхода – активизация эмоциональной сферы учащихся в учебно-воспитательном процессе как условие гармоничного влияния на рационально-смысловую и эмоционально-волевою сферы личности (в противовес «знаниевой» парадигме). При этом происходит процесс актуализации ценностных смыслов познания, культуры, духовности и нравственности.

Актуализировать – значит перевести из состояния потенциального в состояние реальное, актуальное (В. Г. Асеев). Этот «перевод» осуществ-

ствляется благодаря педагогическому стимулированию внутренних структур, адекватных педагогическому целеполаганию – эмоций, чувств, установок, мотивов; сопутствующие, но не менее важные цели: создание эмоционально благоприятной атмосферы межличностных отношений в образовательном процессе; развитие эмоциональной культуры учащихся и эмоционального интеллекта, воображения и творчества.

К важнейшим теоретико-методологическим обоснованиям эмоционально-ценностного подхода относится педагогический ракурс исследования функций эмоций. *Отражательно-оценочная функция* – важнейшая составляющая мировосприятия, мироощущения человека, ибо в её основе – удовлетворение или неудовлетворение его актуальных потребностей: для личности «значимо только то, что может либо способствовать, либо препятствовать удовлетворению потребностей» [3].

«Механизмы» этой функции: переживание – оценка = отношение, которые пронизывают, пропитывают каждый «нерв» жизнедеятельности личности. Они предметны, всегда эмоционально окрашены; могут быть скрытыми (внутренняя оценка-переживание) и открытыми. Положительное отношение (к чему-либо или кому-либо) может стать мотивом или мотивацией деятельности, поступка.

Эмоционально-оценочный ракурс отношения как этической категории личности всегда воссоединён с интеллектом. «Отношенческий» аспект сознания человека не может быть только эмоциональным; он «окультурен» активной работой интеллекта и при отражении эмоций – в переживании, и при выражении оценочного отношения, и при выборе поступка или линии поведения. В эмоционально-нравственных проявлениях личности интеллект как бы «фильтрует» эмоции, иницируя чувство меры, сдержанность в их проявлениях. Антипод – отношения как негативные эмоциональные «всплески», эмоциональный беспредел; отношение, основанное на «синдроме суженного сознания», т. е. гневливом неприятии иных точек зрения и др.

Учебный процесс как основной вид деятельности школьника или студента воспринимается, переживается, оценивается каждой личностью с позиций уровня её потребностей и притязаний. Если у подавляющего большинства обучающихся преобладает положительное оценочное отношение к учебному процессу или к конкретным предметам, можно констатировать положительное «эмоциональное поле» учебного процесса, когда подключаются другие важнейшие функции эмоций – побуждающая, регулятивная. Негативные отражательно-оценочные эмоции их не стимулируют; более того – возникает мотив неприятия, отторжения и предмета, и педагога. Ис-

ключение из общей тенденции – развитое чувство долга у отдельных обучающихся или эмоционально осознаваемая личностная значимость учебной дисциплины для профессиональной деятельности. Тогда ключевым механизмом становится воля, основанная на целеустремлённой самоорганизации, преодолении трудностей.

Поскольку отражательно-оценочная функция эмоций человека всегда связана с сознанием, в психологической литературе последних лет появился термин «когнитивно-оценочная» функция. В том числе и теориях «Я»: чем более познание связано с сердцевинной «Я», тем в большей степени задействованы эмоции. Например, недоброжелательность, гневливость педагога вызывает эмоцию страха и мотив избегания; поддержка «Я» – интерес к предмету и радость общения.

С точки зрения Г. Бреслава, отрицательные эмоции, выявляя неблагополучие ситуации для индивида, способствует мобилизации внутренних сил, необходимых для этой ситуации [4]. И это действительно так; но проблема заключается в личностных особенностях школьника, студента. У каждого «своя» мотивационная картина эмоционального реагирования: один (сильный) преодолевает неуспех и неприятности, другой – (слабый) ломается, «сдаётся» или занимает конфликтную позицию, направленную на обстоятельства или конкретных людей.

Побуждающую функцию эмоций можно считать мотивационной, стимулирующей. Физиологическое обоснование этой функции мы находим в трудах П. В. Симонова – о том, что положительные эмоции выступают в качестве важнейшего подкрепления высших социальных мотиваций, в том числе нравственной и трудовой активности; эмоционально активированный мозг по-иному воспринимает и перерабатывает информацию и накопленный опыт.

В процессе обучения благодаря положительным эмоциям активизируется мышление, образуются аффективные следы внимания, памяти (А. Н. Леонтьев).

Психолого-педагогический механизм побуждающей функции эмоций – интерес как явление потребностно-мотивационное и эмоциональное. Нет необходимости доказывать стимулирующие функции интереса в жизни любого человека. Что же касается образовательного процесса, удовлетворение возрастной потребности личности в ситуациях заинтересованного общения, познания, деятельности продуцирует положительные эмоции, связанные и с процессом, и с результатом этой деятельности. Интерес не может быть неэмоциональным, поэтому психологи применяют такие словосочетания, как «эмоция интереса», «чувство интереса», «мотив интереса» (Б. Додонов, А. Лук, К. Изард).

Вместе с тем побуждающие функции эмоций могут быть связаны с такими мотивами, как достижение цели, стремление к успеху, самоутверждение личности и др.

Регулятивная функция эмоций человека – это его адаптация к изменившимся условиям жизнедеятельности, общения (стиль и тон), симпатий, антипатий (эмоциональная сдержанность). Это переключение внимания, например, в учебной ситуации с трудного фрагмента, в основе которого логически-рациональное мышление, на эмоционально-ценностное «видение» этого материала, благодаря вводу эмоционально обогащённой информации или игровой технологии. Эмоция выполняет также *подкрепляющую функцию*, когда речь идёт об эмоциональной поддержке, подкреплении смысловой «единицы» познавательного материала – учебного или несущего важнейшую смыслообразующую «нагрузку» в воспитании и развитии духовно-нравственной культуры личности.

Креативная функция эмоций общеизвестна: творческая деятельность эмоционально насыщена, ибо в её основе поиск новизны, проба сил в разных подходах, вариантах оптимального решения, что отвечает потребностям юношеского возраста (Л. С. Выготский, П. В. Симонов, П. М. Якобсон и др.).

Б. Неменский говорит о необходимости формирования эмоционально-ценностных критериев личности, связывая их с переживанием смысла жизни.

Поскольку человеческие эмоции «отражают потребности, становятся мотивами и указывают на степень или возможность удовлетворения потребностей, логически следует, что они являются для человека «носителями смысла» [5]. В контексте приведённого умозаключения можно говорить о *смыслообразующей функции* эмоций.

В ходе опытно-экспериментальной работы были выявлены *принципы активизации эмоциональной сферы*, т. е. совокупность практико-ориентированных теоретических положений, которые лежат в основе содержания, форм, методов, технологий образовательного процесса, обеспечивая единство рационального (педагогическое целеполагание) и личностно значимого (мотивационно-потребностная сфера учащихся).

1. Принцип единства и гармонизации рационального и эмоционального. Единство означает целостность, т. е. эмоционально-рациональное отражение, восприятие. Гармонизация – это целостное воссоединение рационального и эмоционального в соответствии с конкретными педагогическими задачами. Например, учебный материал требует логически выстроенных рациональных доказательств, обоснований. Эмоциональный фактор выполняет сопутствующую фун-

кцию: образные сравнения, метафоры, связь с жизнью и т. п. облегчают его восприятие.

Ключевая роль эмоционального – в определённых «пластах» образовательного процесса, где важнее чувства, эмоции, оценочное отношение, а рациональное постижение мира – это и интеллектуальный и эмоционально-ценностный компоненты культуры в их единстве. При этом гармонизация эмоционально-рационального выступает как средство, а рационально-эмоциональное, т. е. образовательные ценности, – как результат, т. е. усвоение, присвоение личностью ценностных смыслов.

Дисгармония свидетельствует о гипертрофии рационального или эмоционального, что существенно понижает результативность образовательного процесса.

2. Принцип опоры на потребностно-эмоциональную сферу учащихся (разного возраста). С первых лет существования педагогика советского периода развивалась на реальном внедрении в практический опыт правильно понятого в новых условиях принципа природосообразности, т. е. опоры на возрастные потребности и интересы школьника как явление эмоционально-ценностное.

Успешная деятельность педагогов-новаторов – в следовании этому принципу. Его нарушение в массовой педагогической практике ведёт к формализму, педагогической «заорганизованности» и невысокой результативности образовательного процесса.

Практическое применение этого принципа заключается в следующих положениях:

- необходимо изучать возрастные и индивидуально-личностные потребности и интересы и ориентироваться на них в выборе содержания, форм, методов и технологий образовательного процесса;
- опора на потребностно-мотивационную сферу предполагает активную работу, направленную на развитие, возвышение потребностей и интересов учащихся: в процессе воспитания – от удовлетворения досугово-созерцательных, не требующих эмоционально-волевых напряжений, – к социально ценным, культуроёмким и личностно значимым.

Та же логика педагогических действий и в процессе обучения: от введения ситуативных мотивов, стимулирующих любознательность, интерес, – к «наращиванию» устойчивой познавательной активности через постепенную амплификацию содержания, усложнение задания, применение технологий, отвечающих новому «витку» интересов школьников.

Творчески работающие педагоги высшей школы стремятся удовлетворить интересы юношества, связанные с поисками жизненных смыслов, интеллектуально-нравственных и художественных ценностей, а также потребности в самостоятель-

ности, самосовершенствовании, успешной социальной адаптации.

3. Принцип эмоционально-ценностного «наполнения» образовательного процесса. Эмоциональная жизнь, т. е. внутренние переживания, личностно значимые состояния, напрямую связана с удовлетворением актуальных потребностей школьника и студента: в заинтересованном познании и общении; в успешности, самоутверждении, признании достоинств, самопринятии и принятии значимых окружающих. Названные потребности могут быть удовлетворены благодаря интеллектуально-эмоциональной насыщенности, событийности, педагогическому стимулированию значимых смыслообразующих и смыслотворческих эмоций.

Принцип эмоционального наполнения образовательного процесса реализуется через содержание, формы, технологии, личность педагога. Эмоционально-ценностное обогащение содержания должно быть приближено к жизненному опыту школьников и студентов, ориентировано на их мыслительную активность, творческий потенциал, переживания, адекватные педагогическому целеполаганию. Важно, чтобы в содержании учебно-воспитательного процесса был эффект актуальности, жизненной значимости, современного видения проблем на фоне исторических ракурсов.

Благодаря проблемному, образному представлению происходит эмоциональная поддержка научных идей или культурных ценностей, что содержательно обогащает и развивает интеллектуальный и эмоциональный «ресурс» личности.

Принцип эмоционально-ценностного наполнения – это такие современные формы, как мастерская, деловая игра, дискуссия, дидактический театр, этический театр, тренинг, разноразмерное и многое другое. В основе разнообразных форм, включая и традиционные (семинар, практикум), – технологии, «запускающие» эмоционально-ценностный механизм, который и обеспечивает функционирование этого принципа.

Поэтому главная «персона», на которой держится фундамент принципа эмоционального наполнения учебно-воспитательного процесса, – яркая личность педагога, его интеллектуальный, эмоциональный и творческий потенциал.

4. Принцип синтеза взаимопроникающих видов деятельности. Психологически этот принцип детерминирован природосообразной потребностью ребёнка и подростка в постоянной «пробе сил», быстрой смене разных видов деятельности и одновременно их взаимопроникновении, слиянии: труд и игра, познание и художественное творчество, познание и соревнование и др.

Эта особенность, специфичная для неформализованного детского общения, была отмечена

С. Т. Шацким: «...между трудом, игрой, искусством, умственным и социальным развитием существует определённая связь, обнаруживается постоянное взаимодействие, которые эмоционально обогащают формы и методы воспитания». «Знаемый» мотив – «надо учиться», «надо выполнять задание» – часто не срабатывает даже в студенческом возрасте; он нуждается в эмоциональном подкреплении, поддержке. Именно поэтому творчески работающие педагоги в основной вид деятельности – носителя смыслообразующей функции – вводят сопутствующую – игровую, художественную, творческую, т. е. привлекательный эмоционально окрашенный мотив, «работающий» на смыслообразующий. Тогда возникает ситуация воссоединения «надо» с «интересно», «хочу», «могу», «добьюсь», т. е. гармонизации рационального и эмоционального.

5. Принцип воссоединения и слияния «взрослых» и «детских» целей. В образовательном процессе всегда существуют две группы целей:

а) педагогическое целеполагание – «взрослые» цели; б) мотивационно положительные цели деятельности, к которым стремится ребёнок, подросток или юноша, т. е. «детские цели» (термин Н. К. Крупской).

Искусство обучения и воспитания заключается в воссоединении, гармонизации тех и других.

Слияние педагогической логики целеполагания и восприятие любого вида деятельности подростком – это поиски путей снятия эмоционально-смыслового барьера, который возникает в ситуациях, когда, по Сухомлинскому, «торчат педагогические уши». Т. е. речь идёт о децентрализации педагогического замысла, его сосредоточении на смысловом и эмоционально-ценностном восприятии учащимися. Умение видеть педагогический процесс глазами тех, ради кого он организован, и, соответственно, прогнозировать и осуществлять образовательную деятельность со скрытой педагогической позицией – одно из важнейших исходных положений творческой педагогики.

В процессе обучения педагогическая цель (задача) может выполнять функцию эмоционального настроя на значимость, ценностный смысл учебного материала, особенно если он практико-ориентирован. Тем не менее привнесённый извне (т. е. педагогом) «знаемый» мотив цели важно подкрепить внешними средствами, которые обеспечивают приближение, воссоединение «вбирание» в себя (учеником, студентом) конкретных учебных задач как личностно значимых. Эту функцию выполняет ориентация учащихся на связь с жизненным опытом и дальнейшими планами, а также организованные педагогом диалоговые ситуации и ситуации выбора.

6. Принцип сотрудничества-сотворчества. Образовательный процесс, основанный на принципе сотрудничества-сотворчества, мы рассматриваем как педагогическую деятельность, в основе которой заинтересованное общение и применение привлекательных средств, стимулирующих творческий поиск, самостоятельность и активность школьников и студентов в контексте их личностного саморазвития, самостроительства, самореализации.

Творчество, как известно, потребно на протяжении всех возрастных периодов развития личности (Л. С. Выготский, П. В. Симонов и др.). Определяя творчество, Л. С. Выготский подчёркивает, что это любая деятельность человека, который создаёт нечто новое, всё равно, будет ли это созданием какой-нибудь вещи или построением ума или чувства, живущего в самом человеке. «Оба фактора – интеллектуальный и эмоциональный – оказываются в равной степени необходимыми для акта творчества. Чувство, как и мысль, движет творчеством человека» [6].

Педагогическая интерпретация высказанных суждений заключается в следующих важнейших посылах;

– творчество (сотворчество) – всегда сплав работы мысли и чувства; это процесс, окрашенный положительными эмоциями;

– если потенции творчества «живут» в каждом человеке, то образовательный процесс должен стать «полигоном» творческой деятельности и педагога, и студента.

Сотрудничество-сотворчество обеспечивает эмоционально-ценностную среду развития-саморазвития творческой личности как ценнейшего личностного качества, востребованного во все времена и в любой профессии.

Принцип сотрудничества-сотворчества – одна из ключевых составляющих современных образовательных технологий.

Именно эти принципы стали основополагающими при разработке концепции эмоционального стимулирования. Более точное название этого педагогического понятия – «эмоционально-ценностное стимулирование», ибо ценность психологическая – это цель, удовлетворяющая потребность (А. В. Петровский). Поэтому эмоциональные стимулы, введённые в образовательный процесс, в соответствии с педагогическим целеполаганием, должны быть, прежде всего, ценностными с точки зрения школьника. С другой стороны, применение эмоциональных стимулов ценностно и с точки зрения педагога, поскольку позволяет ему разрабатывать образовательные программы и технологии, стимулирующие познавательный интерес, творческое взаимодействие; это не прямые, а косвенные средства, снимающие налёт дидактизма; они обеспечивают субъектную,

личностную позицию школьника, студента в образовательном процессе.

Поскольку эмоциональное стимулирование основано на воссоединении внешнего и внутреннего факторов, правомерны два взаимосвязанных подхода к выделению структурных компонентов этого понятия:

а) внутренний, субъективно-личностный, т. е. «видение» образовательного процесса сквозь призму эмоционально-ценностного восприятия обучающихся; б) внешний – с позиций творческого конструирования педагогической деятельности, стимулирующей у них субъектную позицию. Был использован метод трёхмерного анализа: а) живых впечатлений подростков, полученных в результате наблюдений за их непосредственными эмоциональными реакциями – по критериям, заложенным в модели – описании (объект исследования – 5–7-е кл.); б) ретроспективного эмоционально-оценочного осмысления опыта школьной жизни (7–11-е кл.); в) отсроченно-ретроспективного и более глубокого субъективно-аналитического подхода к опыту школьной и студенческой жизни, связанного с выделением эмоциональных «точек» положительной и отрицательной модальности (студенты I–II курсов).

При выявлении педагогического инструментария, благодаря которому удавалось формировать у школьников и студентов положительную мотивацию, оказалось, что во всех группах и временных срезах фиксировались и стабильно повторялись одни и те же положительно воспринимаемые эмоционально-ценностные компоненты, включённые в образовательный процесс, а именно:

– проблемность, атмосфера диалога и полилога;

– игра в её различных модификациях;

– художественные эмоционально-образные средства;

– соревнование (и соревновательные игры типа КВН, разнобоя и др.) на уроке и во внеурочной деятельности;

– оценочно-самооценочные ситуации, т. е. внешние положительные оценки, самооценочные задания с последующей рефлексией.

Есть все основания полагать, что именно эти компоненты составляют содержание понятия «эмоциональное стимулирование» как основы эмоционально-ценностной технологии образовательного процесса.

Под эмоционально-ценностной технологией мы понимаем педагогическое моделирование ситуаций эмоционально значимого для школьника и студента творческого взаимодействия, насыщенного эмоциональными стимулами, которые, подкрепляя и усиливая смыслообразующий мотив,

повышают эффективность образовательного процесса благодаря субъектной позиции личности.

Это гуманистическая социогенная технология, ибо в каждом эмоциональном стимуле и их сочетаниях заключена идея сотрудничества-сотворчества; благодаря полилогу – диалогу – творческому взаимодействию она обеспечивает естественность и лёгкость вхождения личности в мир интеллектуальных и социокультурных ценностей. По научной концепции и ориентации на личностные структуры она интериоризаторская, так как направлена на удовлетворение, возвышение и развитие эмоционально-потребностной сферы школьника и студента в образовательном процессе.

Технологии обучения и технологии воспитания имеют специфику. Их «водораздел» – в большей обращённости технологий воспитания к внутренним, эмоционально-потребностным структурам личности, в большей вариативности процесса, в некоторой неопределённости результата.

Если взять за основу логику конструирования технологической цепочки – при моделировании учебного процесса она выстраивается более жестко, логично. Исходный компонент – цель, основные звенья «цепочки» – процесс и завершающий этап – результат; «прибавки» в сфере знаний, умений, навыков достаточно определены, контролируемы и предсказуемы. Что же касается воспитывающе-развивающих функций процесса обучения, особенно в гуманитарном цикле, педагогу необходимо вводить вариативные компоненты именно эмоционально-ценностной технологии. Они могут функционировать автономно, трансформируясь в форму процесса обучения, например дидактический театр или воображаемое путешествие (ролевая игра). И в форму внеучебного воспитательного процесса, например рыцарский турнир (соревнование, игра); этический театр (сочетание игрового, проблемного, эмоционально-образного и рефлексивного стимулов).

Отдельные компоненты эмоционально-ценностной технологии могут применяться фрагментарно, усиливая ценностный потенциал учебного занятия или внеучебной воспитательной деятельности.

Будучи самоценной технологией, эмоциональные стимулы и их сочетания пронизывают другие современные технологии. Например, технологии критического мышления, проектов основываются на широком внедрении проблемно-поискового, эмоционально-образного, рефлексивного стимулов.

Таким образом, самоценность понятия «эмоционально-ценностный подход» обусловлена наличием теоретико-методологических обоснований о влиянии эмоционального фактора на процесс

интериоризации у учащихся познавательных и культурных ценностей; исходными положениями, выраженными в принципах активизации эмоциональной сферы; системой эмоционально-ценностного стимулирования, которое является основной адекватной технологии образовательного процесса; широким внедрением эмоциональной составляющей в другие современные методы и технологии.

Эмоционально-ценностный подход проникает в другие концепции, разработанные в гуманитарном знании и педагогической науке.

Аксиологический подход практически невозможен без эмоционально-ценностного, ибо в его основе ценность как явление эмоциональное. Именно в таком ракурсе рассматривает эмоции Б. И. Додонов – эмоции как ценности [7] и другие авторы (Г. М. Бреслав, В. Вилюнас, Л. С. Выготский, В. П. Зинченко, Т. А. Маслова, А. И. Шемшурин, Н. Е. Щуркова).

Известно, что ценностный мир современного подростка сложен и противоречив; спонтанно могут сформироваться как истинные ценности, так и ложные. Школа – это гуманная микросреда эмоционально-комфортного взаимодействия в системе отношений учитель – ученик. Именно благодаря тонкому, диалогово-дискуссионному выбору ценностей реализуется закономерность образовательного процесса о необходимости трансформации внешнего (педагогическое целеполагание) во внутреннее, личностно значимое для ребёнка, подростка, юноши. Определённая ценность входит в мотивационный строй личности, если она, опираясь на удовлетворение актуальных потребностей и интересов, переживается, соотносится с собственным опытом, перерабатывается сознанием и внутренне принимается как «значение для меня», т. е. как ценность.

Культурологический и *аксиологический* подходы, каждый из которых имеет свою методологию, содержание и специфику, объединены такими общими понятиями, как Культура, Ценности, Человек – наивысшая ценность. Культурологический подход – это взаимодействие субъектов педагогического процесса на уровне современных культурных достижений как диалог поколений, диалог субкультур. Среди главных идей культурологического подхода в образовательном процессе можно выделить: создание культуросообразной среды, идею свободного выбора, творческой деятельности (самодетельности); развитие и возвышение интересов и потребностей, создания ситуаций эмоционально-волевого напряжения при овладении нравственными и культурными ценностями, идею постоянной включённости рефлексивного аппарата личности с целью самосовершенствования.

Все обозначенные идеи могут быть успешно реализованы именно благодаря эмоционально-ценностному подходу в образовательном процессе.

Культурные ценности бесполезно декларировать учащимся, их нельзя навязать; они постепенно «впитываются», проходя через «эмоциональный фильтр» личности. В основе воссоединения аксиологического, культурологического и эмоционально-ценностного подходов – парадигма о единстве знаний, чувств (эмоций) и поведения (опыта). Она может быть выражена в такой формуле:

$$З + Ч(Э) + П(О),$$

где центральная составляющая – чувства, эмоции, входят и в акт познания, и в поведение (личный опыт). В результате образуется интеллектуально-эмоциональный комплекс (А. И. Рувинский), стимулирующий в процессе деятельности интериоризацию и экстериоризацию культурных ценностей.

Деятельностный подход основан на идее стимулирования субъектности учащихся в образовательном процессе, на закономерности о том, что личность развивается в деятельности и общении.

В состав деятельности входят мотивы, побуждающие субъект к деятельности; цели-результаты, на достижение которых она направлена; средства, с помощью которых деятельность осуществляется. В соответствии с этим в самом процессе взаимодействия субъекта с действительностью выделяются определенным образом мотивированная деятельность в целом, входящие в ее состав целенаправленные действия, и, наконец, «автоматизированные компоненты этих действий – операции, обеспечивающие использование этих средств и условия для достижения необходимого результата» [8].

Специфика субъект-субъектной деятельности в образовательном процессе заключена в следующих положениях: деятельность – это всегда активность; деятельность и общение потребности на протяжении всего школьного и юношеского возрастов; поэтому эмоционально-ценностная деятельность и общение должны быть включены в содержание, формы, методы, технологии образовательного процесса. Субъектность личности обеспечивается стимулирующей функцией цели; эмоциональные стимулы, введенные в социально ценные виды деятельности – познавательную, трудовую и другие, адаптируют цели деятельности к возрастным притязаниям и личностным особенностям школьников. Педагог прогнозирует создание ситуаций заинтересованного общения, снимающих «дидактоцентризм» в любом виде деятельности.

Следовательно, педагогическая эффективность деятельностного подхода в образовательном про-

цессе напрямую зависит от включенности эмоционального фактора.

Личностно-ориентированный подход означает отношение к учащемуся как уникальному явлению, как к самоценности, как к субъекту собственного развития, самостроительства, самореализации.

Личностно-ориентированный образовательный процесс основан на педагогическом конструировании коллективных, групповых и индивидуальных технологий, направленных на развитие личности в контексте ее природных predispositions и социального взаимодействия.

Коллективные и групповые технологии (методы, формы), в которых «заложены» разные потенциалы стимулирования ценностных эмоций учащихся, выполняют важнейшие функции личностно-ориентированного образовательного процесса:

- Эмоциогенную функцию правомерно рассматривать в контексте создания эмоционально насыщенной образовательной среды; имеется в виду организация эмоционально ценностных (с позиций школьника) условий учебного процесса и внеучебной деятельности. Эмоциогенная функция ориентирована на развитие эмоциональной сферы личности. Благодаря введению в образовательный процесс человековедческого материала, связанного с эмоционально-ценностным восприятием, переживаниями, настроениями, чувствами, происходит тонкое, мягкое влияние на эмоциональную сферу учащегося; обогащаются и развиваются его способности к адекватному реагированию, эмпатийности, состояниям сопереживания-сострадания-сорадования. Одновременно развиваются поведенческие аспекты: умение сдерживать эмоции или их активно выражать (в зависимости от конкретной ситуации); развивается культура чувств и культура желаний, то есть способность личности к сдерживанию, ограничению, коррекции желаний как явления эмоционально-мотивационного, его соотносительности с реальными обстоятельствами и интересами других людей.

- Энергезирующе-мотивационная функция – это, прежде всего, деятельностный, эмоционально-ценностный потенциал адекватной технологии при скрытой педагогической позиции. Энергезирующая функция обеспечивает эмоциональную настроенность, внутреннюю мобилизованность личности в атмосфере творческого взаимодействия. В эмоционально насыщенных формах, методах, технологиях образовательного процесса, которые основаны на ситуациях выбора, диалога, критического мышления, свободного самопроявления заключены спонтанные возможности сравнения себя с другими, себя с собой «сегодня» и «в перспективе», то есть механизм

рефлексивно-самооценочного самостимулирования внутренней энергии, волевых напряжений, способствующих развитию и саморазвитию личности.

- Фасилитаторская функция. Благодаря применению эмоционально-насыщенных технологий с их привлекательным потенциалом осуществляется индивидуально-личностная педагогическая поддержка. Снимается синдром страха в ожидании неуспеха, облегчается преодоление внешних и внутренних препятствий. В процессе педагогической поддержки эмоциональные стимулы выполняют роль «пускового механизма» в создании ситуации успеха. Их действие сочетается с различными приемами тонкого прикосновения к личности, отягощенной определенными сложностями.

Мы разделяем точку зрения В. В. Серикова, подчеркивающего важность личностно ориентированной ситуации, которая состоит в том, чтобы включить воспитанника в жизнедеятельность (коллизию, проблему), в которой бы востребовалось проявление его личности или, точнее говоря, личностных функций избирательности, смыслоопределения, рефлексии, произвольности. Ситуация в данном случае – специфическое образовательно-воспитательное средство, несущее личностно-развивающую функцию [9].

С точки зрения эмоционально-ценностного подхода речь идет о прогнозировании образовательно-воспитательных ситуаций – синтезе наиболее благоприятного сочетания организованных обстоятельств, педагогических средств, отдельных приемов, которые могут пронизывать любой метод или технологию.

Под образовательно-воспитывающей ситуацией мы понимаем оптимальное сочетание педагогических действий, направленных на мотивационно-потребностную сферу школьника, благодаря которым у него возникает эмоциональное состояние, способствующее переосмыслению и переоценке ценностей, переводу переживаний в мотивационно-деятельностный фонд личности, активному формированию положительных качеств. То есть речь идет о *личностно-ориентированном стимулировании*.

Таким образом, личностно-ориентированный подход практически невозможен без эмоционально-ценностного.

Компетентностный подход в свете Болонских реформ образования (1996 г.) ориентирует на необходимость определения ключевых компетенций, которые обучающиеся должны приобрести в образовательном процессе. Содержание компетенций в сфере специального образования связано с особенностями профессиональной деятельности.

Обозначим исходные позиции исследователей компетентностного подхода (В. И. Байденко,

И. А. Зимняя, А. В. Хуторской, С. Е. Шитов и др.): о необходимости постоянного обновления и углубления знаний, о креативности в процессе развития собственных потенциальных возможностей, о формировании социально значимых качеств личности и ценностного отношения к миру и к себе.

Компетентностный подход, безусловно, имеет индивидуально-личностный характер: в любой сфере жизнедеятельности каждый обучающийся на «своем» уровне компетентности. Это обусловлено его внутренней позицией, особенностями мотивационно-потребностной сферы, прижизненными новообразованиями, ценностными ориентациями, профессиональными планами.

Мы рассматриваем компетентностный подход в условиях общеобразовательного учреждения, выделяя следующие его компетенции: познавательную, эмоциональную и социальную. Охарактеризуем их в контексте эмоционально-ценностного подхода. В основе *познавательной (интеллектуальной) компетентности* – «пристрастное» отношение к знаниям, осознание их значимости, переживание и осмысление как «значения для меня».

Непереживаемые знания, как отмечает Л. И. Рувинский, объясняются абстрактным характером значения объекта, которое не отражает взаимодействия субъекта, когда «значение» имеет формальный характер, не приобретаая для субъекта личностного смысла [10]. Исследователь выдвигает плодотворные идеи об интеллектуально-эмоциональных связях и ценностном осознанно-эмоциональном усвоении нравственности [11].

На наш взгляд, эти концептуальные положения имеют более широкий диапазон – они распространяются на целостный образовательный процесс. Именно органичное воссоединение интеллектуального и эмоционального факторов стимулирует у учащихся интерес, волевые усилия, направленные на развитие познавательной компетентности; у подростков и старшеклассников ее мотивация сопряжена с профессиональным самоопределением.

Социальная компетентность связана с процессом социализации личности, ее успешным вхождением в социум, в систему социальных отношений. Этот вид компетентности включает в себя способность к групповой деятельности, к сотрудничеству с другими людьми на основе усвоенных личностью этических норм и культурных ценностей.

Эмоционально-ценностный аспект развития социальной компетентности обусловлен синтезом организованных педагогом (и спонтанных) влияний, которые вызывают у учащихся адекватные оценку-переживание-ценностное отношение.

Имеется в виду акцентуация содержания учебного материала на позитивных смыслах взаимодействия с окружающей средой – прежде всего в системе отношений «человек – человек»; организация практической деятельности, развивающей социальную активность учащихся. Педагогический инструментарий – технологии, стимулирующие ценностные эмоции, направленные на формирование социальной компетенции. В основе охарактеризованной эмоционально-ценностной технологии – создание ситуаций общения, которые так или иначе выходят на конкретную личность, позволяя ей глубже осознать свое «я» при взаимодействии с другими в контексте социальной компетентности.

Эмоциональная компетентность – это понятие, характеризующее способность человека действовать с внутренней средой своих чувств и желаний, т. е. «включить» регулятивную функцию самосознания, рефлексивный самооценочный механизм.

Автор и исследователь проблемы эмоциональной компетентности К. Саарни рассматривает это понятие как набор нескольких видов способностей и умений:

- осознание собственных эмоций;
- способность различать эмоции других людей;
- способность использовать словарь эмоций и формы выражения, принятые в данной культуре;
- способность симпатического и эмпатического включения в переживания других людей;
- способность отдавать себе отчет в том, что внутреннее эмоциональное состояние не обязательно соответствует внешнему выражению;
- способность справляться со своими негативными переживаниями, используя стратегии саморегуляции;
- осознание того, что структура или характер взаимоотношений в значительной степени определяются тем, как эмоции выражаются во взаимоотношениях (степень непосредственности, подлинности, эмоциональной взаимности);
- способность быть эмоционально адекватным [12].

Эмоциональная и социальная компетентность поддерживают друг друга. Если личность компетентна относительно собственных переживаний, настроений, желаний, умеет их направлять, тормозить, сдерживать, ей легче общаться с другими людьми и регулировать собственные эмоции.

Эмоциональная компетентность должна быть присуща прежде всего педагогу. Что же касается учащихся, – педагог, применяя разнообразные сочетания эмоциональных стимулов, создает воспитывающие ситуации, развивающие у них эмоциональную компетентность.

Герменевтический подход основан на общенаучной теории и практике *понимания* в самом

широком значении: научных и художественных текстов, языка, культуры и искусства, человека во всех его сложных и тонких проявлениях.

Процесс понимания – это размышление, дискурс, постижение скрытых смыслов, подтекстов. Он больше всего обращен к гуманитарным пластам образования; именно в них заложены значительные потенции развития духовно-нравственной культуры учащихся.

Теоретико-методологические положения об эмоциональных связях между пониманием и отношением – основа развития интеллектуальных, нравственных, эстетических чувств, ибо отношение всегда эмоционально окрашено. Постигание заключенной в текстах (и других источниках) информации, организованное педагогом в процессе групповой мыследеятельности, – это поиск, диалог, «сверка» мнений разных позиций и точек зрения. Т. е. речь идет о *проблемно-поисковом стимуле*. Понимание художественных произведений, в которых содержится метафорический подтекст – притча, сказка, стихотворение, видеофрагмент, игра-драматизация, основано на применении эмоционально-образного стимула, соединенного с проблемно-поисковым и игровым. *Оценочно-рефлексивный стимул* процессуально функционирует на всех этапах групповой мыследеятельности и, естественно, на заключительном этапе – «озвучиванием» разных позиций в понимании и эмоционально-ценностном отношении.

Таким образом, при герменевтическом подходе у учащихся развиваются не только интеллектуальные и эстетические чувства, поскольку речь идет о гуманитарном знании, развиваются способности, связанные с эмоционально-нравственным «видением» человековедческих проблем.

Синергетический подход в педагогике основывается на синергетике – междисциплинарной науке, изучающей системы с самоорганизацией. Под самоорганизацией понимается внутренняя способность системы выращивать в себе, надстраивать из себя новые качества.

Один из исследователей синергетического подхода в педагогической науке С. В. Кульневич выделяет такие системы, как образование, сознание, личность. Он рассматривает следующие признаки самоорганизующихся систем: старая система должна находиться в кризисном состоянии для того, чтобы «внутри неё», из неё образовалась новая. Так, знаниевая парадигма образовательного процесса «переросла» в гуманистически-творческую, в которой педагог создаёт условия для учащихся в поиске ценностных смыслов, когда требуется ценностно-эмоциональный и ценностно-смысловой анализ явлений, которые выступают средствами самоорганизации сознания – в первую очередь сознания педагога [13]; основной источник возникновения новых

качеств заложен в самой системе, т. е. он внутренний. «Однако, для того чтобы «запустить» механизм самоорганизации, этот источник должен «подпитываться» извне» [14]. Если рассматривать сознание личности ученика как сложную, самоорганизующуюся систему, то развитие нового качества этой системы, например *сознательности*, должно быть постоянно в фокусе внимания педагога. Он «подпитывает» мыслительную активность, значимость культуры, духовности, нравственности эмоционально-ценностными средствами, развивая его самосознание, самомотивацию, самостимулирование; новая структура должна достигнуть определенной *устойчивости*.

Это возможно благодаря эмоционально-волевым напряжениям личности, направленным на преодоление прежде всего внутренних «барьеров» самосовершенствования с целью сохранить, укрепить позитивные качественные новообразования; синергетический подход в образовательном процессе означает создание атмосферы гуманистического творческого взаимодействия между педагогом и учащимися; только при этом условии возникает внешняя питательная среда для проявления внутренних источников саморазвития и самоорганизации учащихся.

Именно эмоционально-ценностные средства, обращенные к внутренним структурам личности, более всего способствуют созданию творческой атмосферы. Синтез проблемности, диалога, «работы» критического мышления, направленного на самооценку, стимулирует все ипостаси «само», заложенные в идеях синергетического подхода.

Мы не ставили цели раскрыть все концептуальные идеи каждого из охарактеризованных подходов. Наша задача заключалась в том, чтобы изложить теоретические обоснования правомерности введения в педагогику понятия «эмоционально-ценностный подход в образовательном процессе» как самоценного феномена.

Вместе с тем были обозначены смысловые точки соприкосновения этого подхода с другими концептуальными подходами в образовательном процессе.

Помимо самостоятельного значения, заложенного в понятии «*эмоционально-ценностный подход*» вполне правомерно утверждение о том, что *эмоционально-ценностная составляющая* присутствует в каждом из охарактеризованных подходов: аксиологическом, культурологическом, деятельностном, личностно-ориентированном, компетентностном, герменевтическом, синергетическом. Без эмоционально-ценностной составляющей трудно отказаться от консервативного представления об образовательном процессе, «втиснутом» в узкие рамки ЗУНов, и переориентироваться на широкий контекст образования, культуры, духовности, нравственности.

Примечания

1. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова. М., 2000. С. 228.
2. Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. Минск: Современное слово, 2001. С. 846.
3. *Симонов П. В.* Междисциплинарная концепция человека. М.: Знание, 1989. С. 16.
4. *Бреслав Г. М.* Психология эмоций. М.: Академия: Смысл, 2004. С. 74.
5. *Яковлева Е. А.* Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 26.
6. *Выготский А. С.* Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987. С. 17.
7. *Додонов Б. И.* Эмоции как ценности. М.: Политиздат, 1978. 270 с.
8. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 169.
9. *Сериков В. В.* Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М.: «Логос», 1999. С. 57.
10. *Рубинский А. И.* Нравственное воспитание личности. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 70.
11. Там же.
12. *Бреслав Г. М.* Указ. соч. С. 277.
13. *Кульневич С. В.* Педагогика личности. От концепций до технологий: уч. пособие. М.: Учитель, 2001. С. 87.
14. Там же. С. 48.

УДК 37.018.1

В. Б. Помелов

РЕГИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАРОДНОЙ СЕМЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В статье дается характеристика особенностей традиционной народной семейной педагогики народов Вятской губернии в дооктябрьский период. Показано региональное своеобразие домашнего труда крестьян, положение женщины и детей в семье, их права и обязанности, взаимоотношения родителей и детей. Характеризуется традиционный образ жизни крестьян рассматриваемого региона, раскрываются традиционные религиозные представления народов Вятской губернии.

In the article the characteristics of peculiarities of the traditional people home pedagogics of the peoples of the Vyatskaya gubernia in the pre-October period is given. The regional peculiarity of the home labour, women's and children's state in the peasant family, their rights and duties, mutual relations of children and parents are shown. The traditional mode of life of the peasantry of Vyatskaya gubernia is characterized, the traditional religious ideas of the peoples of Vyatskaya gubernia are presented.

Ключевые слова: народная семейная педагогика, Вятская губерния, региональное своеобразие домашнего труда, фольклор, традиционный образ жизни крестьян Вятской губернии, положение женщины и детей в крестьянской семье, дети и родители, традиционные религиозные представления народов Вятской губернии.

© Помелов В. Б., 2009

Keywords: the people home pedagogics, Vyatskaya gubernia, the regional peculiarity of the home labour, folklore, the traditional mode of life of the peasantry of Vyatskaya gubernia, women's and children's state in the peasant family, children and parents, the traditional religious ideas of the peoples of Vyatskaya gubernia.

В последнее время в отечественной педагогике и семейной практике возрастает потребность в ценностях народной педагогики, что определяется усилением интереса к историческому и, в частности, культурному прошлому России, необходимостью использования ранее накопленного духовного потенциала народов нашей страны с целью противостояния усиливающимся негативным тенденциям обесценивания национальной культурной традиции, дискредитации идеологических и духовных устоев общества, противодействия историческому беспамятству, утрате национальных и государственных идеалов.

Игнорирование в течение длительного времени опыта народного, прежде всего семейного, воспитания и образования привело к забвению многих элементов традиционной педагогической культуры русского народа и других народов России.

В условиях унитарного государства подверглись значительной деформации их национальная психология и менталитет, традиционный образ жизни и привычные способы взаимодействия с окружающей природной и социальной действительностью.

Ослабление семейных уз, ставшее следствием политического противостояния и миграций, зачастую вынужденных, перенос центра тяжести в воспитательной работе с семьи на школу и ряд других причин привели к ослаблению значимости семейного, в том числе этнического, воспитания, к утрате целого ряда ценных исторически сложившихся на протяжении столетий средств народной педагогики.

Современные дидактические и воспитательные методики далеко не во всем обеспечивают достижение необходимого уровня духовного и нравственного развития молодежи. Один из главных недостатков некоторых из них состоит в оторванности от многовекового опыта народа. Как следствие, современная молодежь слабо знает историю своей страны, края, народа, зачастую скептически и с усмешкой относится к народному искусству, религии и другим источникам нравственности и культуры, что является невосполнимой потерей для воспитания подрастающего поколения. Активное освоение духовного наследия прошлого, составной частью которого является народная педагогика, выступает в качестве одного из действенных средств, противостоящих указанным деструктивным тенденциям [1].

Народная педагогика представляет собой специальную отрасль педагогической науки, изучающей роль народных масс в создании педагогической культуры, их самобытный опыт и идеи в области образования и воспитания и объединяющей педагогические знания и опыт народа, нашедшие свое воплощение в практике семейного, трудового воспитания, в наиболее характерных чертах традиционного образа жизни народа, в промыслах и ремеслах, в традициях, обрядах и праздниках, в фольклоре и т. п. В разнообразных формах народной культуры сохранились представления о смысле жизни, о прекрасном и безобразном, о добре и зле. В настоящее время исключительно актуальна мысль К. Д. Ушинского о том, что народность является основой воспитания и что национальный характер воспитания сохраняется благодаря пребыванию человека в сфере народной жизни и культуры [2].

Наиболее отчетливо выраженными чертами народной семейной педагогики, обеспечивающими ее жизнеспособность в постоянно изменяющихся условиях функционирования, являются сосредоточение в локальных очагах (центрах) и, как следствие, видовая и содержательная адаптированность к конкретным обстоятельствам осваиваемой историко-генетической, природно-географической, этнической и культурно-образовательной региональной среды. Поэтому исследование в области народной педагогики невозможно без обращения к изучению ее предмета в конкретных ареалах распространения.

Другой важной чертой отечественной народной семейной педагогики является то обстоятельство, что основой региональной духовной культуры, в том числе регионального своеобразия народной педагогической мысли, выступает русская этнокультура и российская педагогика. Тесное взаимодействие этнокультур, в том числе их педагогических составляющих, осуществляющееся благодаря усилиям региональных педагогов, приводит к взаимному обогащению педагогической традиции всех этносов, населяющих страну, а также русской этнокультуры.

В то же время стремление к утверждению этнической самобытности народа вызывает необходимость опоры, прежде всего, на национальные образовательные и воспитательные основания. В итоге в процессе исторического развития народная педагогика постоянно обогащается за счет всевозрастающего многообразия входящих в ее состав этнических компонентов. Это имеет одним из своих следствий активное взаимодействие педагогических элементов национальных культур и формирование стремления к их достаточно самостоятельному развитию на базе универсальных для этой области научного знания принципов, методов и форм.

Региональное многообразие и постоянная изменчивость условий функционирования побуждают народную педагогику к постоянному саморазвитию, обогащению научного, аксиологического, фактологического, образовательного и воспитательного потенциалов, способствуют накоплению в ее структуре элементов, обеспечивающих самодостаточность и локальное (региональное) своеобразие народной педагогики. Эти элементы проявляются в отчетливо выражающейся специфике использования и совершенствования вышеотмеченных традиционных средств – фольклора, ремесел, праздников и т. д.

В дооктябрьский период подавляющая часть населения Вятской и соседних с ней губерний проживала в сельской местности, а значительная часть городского населения еще не утратила духовных, производственных и родственных связей с селом. Педагогическое сознание народа, так же как и другие формы общественного сознания в доиндустриальный период, в значительной степени было «опрокинуто в прошлое» [3]. Это означает, что основы нравственного, трудового, физического, эстетического воспитания формировались в процессе напряженного сельскохозяйственного и ремесленного труда; в рамках традиционного образа жизни, присущего этносу; на основе соблюдения обычаев, обрядов и традиций, в том числе религиозных; в ходе проведения традиционных праздников и сопутствующих им игр и увеселений; посредством развития различных видов фольклора; через формирование общественного мнения окружающих.

Реализация воспитательных возможностей средств народной педагогики находила свое осуществление, прежде всего, *в семье*. Под семейным воспитанием в народе всегда понималась забота о передаче детям трудовых навыков и жизненного опыта, сохранение сложившихся в течение многих поколений традиционных семейных и социальных отношений, а также сообщение им религиозно-нравственных понятий и представлений. При этом преследовались две основные задачи: подготовка подрастающего поколения к жизни и сохранение этнической и социальной идентификации. Первая задача родителями четко осознавалась и сознательно решалась посредством передачи детям трудовых умений и навыков. Решение второй задачи, осуществлявшееся, во многом, попутно и, в значительной степени, вне семьи, состояло в посещении церкви, в принятии участия в совместной с другими семьями коллективной трудовой деятельности, например в так называемых «помочах», и в народных праздниках, в увеселениях, играх и в других коллективных действиях.

Суровый климат рассматриваемых регионов побуждал крестьян к упорному труду. Состязательные отношения с природой требовали от них проявления больших усилий в выполнении сельскохозяйственных работ, упорства в овладении трудовыми умениями и навыками, передаваемыми из поколения в поколение. Стремление воспитать трудолюбивую смену имело важное социальное значение. Поэтому как в бедных, так и в зажиточных семьях родители не могли допустить того, чтобы их дети входили в жизнь потребителей, нахлебниками.

Крестьяне придавали делу воспитания важное значение, поскольку семейное благополучие, согласие и достаток в семье во многом зависели от умения родителей воспитать детей. При этом в крестьянской среде меньше всего думали о специально организованной воспитательной работе с детьми, о необходимости целенаправленного развития их умственных, физических и духовных сил. Нормы нравственности, культуры, трудовые приемы не преподносились в форме специального обучения, а передавались посредством личного примера взрослых [4]. Детский труд занимал важное место в системе семейного воспитания. Руководствуясь интересами развития и укрепления хозяйства, крестьяне стремились воспитывать детей трудолюбивыми и умелыми, с ранних лет приучали их к земледельческому и домашнему труду. С четырех лет дети начинали помогать взрослым в работах по дому, в огороде и поле, работали с младшими, пасли домашнюю птицу. В семь-восемь лет мальчикам доверяли уход за лошадьми, а в восемь-десять – и управление ими. С этого же возраста они начинали боронить, жать, молотить, заготавливать дрова, участвовать в основных сельскохозяйственных работах. С десяти-тринадцати лет мальчикам поручалась пахота, а с пятнадцати-семнадцати лет – косьба. К этому времени юноша и девушка считались взрослыми и трудились наравне с родителями.

Традиционное половозрастное разделение детского труда нашло отражение в фольклоре народов, населявших наш регион:

«Когда мне семь исполнилось лет, веретено дала мне мать.

Когда мне девять минуло, меня посадили за ткацкий стан.

А двенадцати лет меня послали с серпом на поле» [5].

В дооктябрьский период семейные коллективы как русских, так и нерусских крестьян Вятской и соседних с ней губерний включали обычно от двух до четырех поколений. В 1858 г. количество таких семей доходило до 95% [6].

Наличие в семьях представителей нескольких поколений создавало благоприятные условия для

осуществления воспитательного воздействия на детей. Основная нагрузка в этом деле ложилась на матерей, старших братьев и сестер, стариков. Участие отцов в воспитании детей состояло в приучении мальчиков к проведению сельскохозяйственных работ и обучению ремеслу, прежде всего его наиболее распространенным видам, таким, как гончарное, портновское, плетение лаптей и т. п. Значительно реже отцы занимались умственным и нравственным воспитанием посредством проведения нравоучительных бесед, рассказывания сказок, чтения книг и т. п. Мужчины, которые занимались этим делом, получали в Казанской губернии от односельчан презрительное прозвище «бабик». Девочек, помимо выполнения обычной женской работы, приучали к рукоделию, ткачеству, вышиванию, вязанью, изготовлению скатертей, женских украшений и т. д.

Дети быстро осваивались с хозяйством, узнавали мелочи и секреты хозяйственного обихода, но уже к шестнадцати-семнадцати годам, достигнув той степени в умственном развитии, на которой стояли их родители, они как бы «застывали» на этом уровне и оставались на нем уже всю последующую жизнь. В условиях отдаленной глухой вятской провинции дети, быстро усвоившие весь наличный в деревне сельскохозяйственных сведений и наблюдений, зачастую не имели возможности пополнить их свежими знаниями.

Воспитание детей «домовитыми» хозяевами и хозяйками, выступавшее в качестве главной цели семейного воспитания, было *традиционным, общим* практически для любого российского региона; здесь не было какой-то особенной, существенно выраженной вятской, казанской или нижегородской специфики. Это воспитание осуществлялось в процессе приучения к выполнению обычных, широко распространенных и традиционных видов труда. *Региональное своеобразие* использования домашнего труда в качестве воспитательного средства народной педагогики усматривается нами в приобщении детей к овладению многочисленными *ремеслами*, которыми в рассматриваемый период особенно славилась Вятская, а также соседние с ней губернии. «В Вятской губернии мы встречаем почти все роды ремесел, начиная с токарных и мебельных, требующих опытных мастеров, тонкого вкуса и старательной отделки, до выделки кож и приготовления простого крестьянского сукна, изготовляемого почти в каждом крестьянском доме» [7].

Общее количество ремесел в Вятской губернии достигало восьмидесяти видов. Из них более половины были связаны с обработкой древесины: столярный, санный, плотницкий, тележный, колесный, бондарный, углежогный, смолокурный, выделка рогож, изготовление мочала и др.

[8] Широкое распространение получили такие сложные виды ремесел, как изготовление гармоной и скрипок (Вятский уезд), шкатулок из капа (Нолинский уезд) и т. п. [9] При этом секреты ремесла передавались из поколения в поколение не только в отдельных семьях, но на производстве отдельных видов изделий специализировались целые селения. Так, в Сарапульском уезде было развито свыше 30 видов ремесел, причем витие веревок было распространено, например, в селе Нуразово, плетение коробов – в деревне Салауши, изготовление дуг и полозьев – в деревнях Варзи и Бизяки, лопат – в деревнях Вишур и Средний Сирек, вязание рыболовных сетей – в деревнях Ситяковой и Порым и т. д. [10]

Таким образом, крестьянские дети осваивали не только традиционные сельскохозяйственные работы (пахота, посев, бороньба, уборка урожая, уход за скотом), но и специализированные промыслы, содержавшие особенно значительный педагогический потенциал, реализация которого, несомненно, способствовала развитию общего кругозора, имела важное значение для физического, трудового и особенно эстетического воспитания.

Ввиду того, что природно-климатические условия проживания русского народа и других народов европейского Русского Севера были примерно одинаковыми, основные виды ремесел, в целом, не носили этнической дифференциации. Некоторая национальная специфика в выборе ремесел состояла в том, что, например, каждый этнос вносил свои национальные элементы в развитие того или иного ремесла. Так, например, удмуртские, марийские и коми мастера-резчики по дереву значительно больше внимания уделяли форме вещи, нежели ее декору. Среди них было гораздо больше резчиков, в то время как нижегородские, вятские и казанские русские и татарские мастера славилась художественной отделкой изделий.

Освоение детьми технических и декоративных свойств древесины и других материалов носило творческий характер, который начинался с выбора подходящего материала, определения цели выполнения изделия, изготовления его при полном соблюдении необходимой технологии и привнесении в него элементов индивидуального своеобразия. Поэтому изделия кустарных промыслов (прялки, комоды, кухонная утварь, ящики для инструментов и т. п.) были штучной работой, зачастую обладавшими значительными художественно-эстетическими достоинствами и поэтому служившими украшением жилища.

Изготовление (или покупка) каждой вещи, необходимой в хозяйстве, требовало немалых усилий и средств. Поэтому детей приучали их ценить и беречь. Девочек учили умению укра-

шать жилища. Обычно на стенах развешивались узорные прялки, на видном месте ставились расписные сундуки. В особом порядке на полках ставились деревянные ковши, миски, солонки. Тканые полотенца, столешницы-скатерти, половики служили фоном для резных и расписных изделий. Изготовление деревянной утвари было обязанностью мужчины, который еще до женитьбы должен был приготовить весь хозяйственный инвентарь, выполнявший декоративную, утилитарную и обрядовую функции и включавший орудия труда, посуду, мебель и т. п. Реализация последней функции осуществлялась в ходе свадеб, молений, братчин, канунов и других обрядов, каждый из которых сопровождался церемонией, для чего была необходима не только специальная одежда, но и особая посуда. Так, солонка-уточка предназначалась для свадеб как символ счастья и благополучия будущей семьи.

Крестьяне-ремесленники пытались воспитать у детей в процессе работы потребность к достижению максимально возможных результатов (от этого, в частности, зависела продажная стоимость изделия), но, как правило, в рамках раз и навсегда установленных декоративных и объемных форм. Такое необычное сочетание тяги к творчеству и художественного самоограничения было отражением мировоззрения крестьянина, в сознании которого поиск новых средств эстетического самовыражения сочетался с опасением выхода за пределы привычных способов освоения мира.

Тенденции традиционализма и консерватизма, некоторой обособленности крестьянина от явлений, способных разрушить сложившуюся систему его мировосприятия, нашли свое проявление в фольклоре: «За тебя я не пойду, не пойду. / Коромысло твое без насечки, без насечки. / – Я насечку сделаю, сделаю. / Звезды с неба станут насечками. / За тебя я не пойду, не пойду. / У тебя ковш без ободка, без ободка. / – Ободок я сделаю, сделаю. / Солнце с неба станет ободком, ободком» [11].

В песне подчеркивается мысль о том, что молодому поколению следует во всем следовать заветам родителей и их образу жизни, ни в коем случае, даже если речь идет всего лишь о резьбе на коромысле, не отступать от некогда «утвержденных» далекими предками образцов.

Взрослые старались внушить детям мысль о том, что ценность работников, особенно невест, во многом оценивается по степени владения ими разнообразными ремеслами. При этом для мужчин главным оставалось умение качественного выполнения основных сельскохозяйственных работ. Этнографы отмечали, что в Вятской губернии «ткачеством занимается каждая женщина и девушка-вотячка и посвящает ему все свободное

время: прядет, тклет, вяжет, вышивает, красит пряжу, различные пояски и тесьму, ковры и полотенца» [12]. Достоинства девушки-удмуртки во многом определялись тем, насколько она искусна в ткачестве и шитье. При выборе рисунка и фасонов молодые портнихи ориентировались на искусство мастериц из сел Шаркан и Сосновка Сарапульского уезда, слывших центрами зарождения моды у удмуртов, поскольку там были открыты ткацкие мастерские. Девушки обменивались наиболее удачными фрагментами орнамента и узора. Если с изделия снимался образец вышивки или узора, на это изделие нашивалась кисточка. По количеству этих кисточек можно было судить о славе девушки как искусной мастерицы [13]. Таким образом, разнообразные виды ремесел, получившие распространение в рассматриваемых регионах и служившие одним из важнейших средств народной педагогики, отличались явственно выраженной половозрастной направленностью, локальным и этническим своеобразием, а также комплексным воспитательным воздействием на формирование личности.

Особенности исторического генезиса народов Среднего Поволжья определили становление специфики их *образа жизни*, который выступает в качестве еще одного воспитательного средства народной педагогики. Воспитательную значимость традиционного для конкретного этноса образа жизни рассмотрим на примере удмуртского народа.

Вятский краевед В. П. Кашин, служивший писарем в Сюмсинской волости Малмыжского уезда Вятской губернии, оставил яркую сравнительную характеристику «экономического быта и нравственного культа русского и вотского населения». Он писал: «Вотьяк – враг всякой роскоши в жилище, одежде и пище. Он не щеголяет в сапогах, шароварах и ситцевой рубашке, а одевается в то, что он сам сумел приготовить. Он не заботится о приготовлении вкусного обеда, а довольствуется тем, что собрал со своей нивы: горох, картофель, огурцы, изредка ячменная каша без масла. Чай и блины – уже роскошь, их потребляют в праздники. Причем обед не состоит из нескольких блюд» [14]. Краевед отмечает исключительную бедность, неряшливость и грязь, которые сопровождают быт удмуртов: «Животные живут в одном помещении с людьми круглый год. Размножившиеся тараканы не только не составляют неудобства жилища вотяка, но они служат помощником по кухне неряшливой хозяйки, так как расставленная кое-где обеденная посуда, чашки и ложки отлично очищаются тараканами, избавляющими хозяйку от лишней работы о необходимости их промывания» [15].

Г. Е. Верещагин, А. И. Анастасиев и другие ученые-этнографы и педагоги отмечали береж-

ливость и трудолюбие как наиболее отличительные личностные черты удмуртов. Они самые аккуратные налогоплательщики. Мужчины-удмурты всегда примерные семьянины, а женщины, в отличие от некоторых представительниц других народов рассматриваемых регионов, занимали высокое положение в семье. Разводы в удмуртской семье – крайне редкое явление, поскольку они ослабляют ее экономическое положение. Исключительное трудолюбие удмуртов объяснялось приобщением к нему детей с самого раннего возраста [16].

Исследователи неизменно отмечали значительно большую степень свободы, которую предоставляли своим детям русские крестьяне, отлучавшиеся на полевые работы и отхожие промыслы. Следствием отсутствия всякого надзора становилось развитие склонностей к шалостям, а «сквернословие у русских детей считается едва ли не красноречием, в том числе и у девочек». «Несомненно, что если ребенок при первоначальном воспитании предоставлен самому себе, то из него выйдет сомнительного свойства гражданин и, пожалуй, малополезный общественный деятель», – справедливо заключал Кашин. Дети удмуртов, напротив, находясь постоянно с родителями, изолированные от «своеволия детских затей и шалостей», постепенно приспосабливаются к образу жизни и поведению старших. В итоге из них выходит «скромный, безропотный труженик, примерный экономист и неуклонный исполнитель как семейных, общественных, так и государственных обязанностей» [17].

Различия в воспитании русских и удмуртских детей ведут и к различиям в уровне благосостояния этих народов. В доказательство этого приводится такой пример: «При требовании весной ежегодной хлебной ссуды из общественных магазинов оказывается, что на десять нуждающихся русских приходится один вотяк, а при уплате податных сборов... на десять вотяков, уплачивающих исправно, приходится один русский и даже меньше». В голодном 1891 г. именно вотяки пришли на помощь голодающим русским. «Разность экономического благосостояния русских и вотяков так очевидна, – отмечает В. П. Кашин, – что невольно поражает воображение. Русские нищие в 1891–1892 гг. толпами бродили по уездам, собирая милостыню; вотяков же среди них не было» [18]. Таким образом, этнические особенности образа жизни оказывали существенное влияние на формирование духовного облика того или иного народа, на уровень его материального благосостояния и, выступая в качестве одного из средств народной педагогики, во многом определяли характер семейного воспитания.

Одним из важнейших составляющих комплексного понятия «образ жизни» как средства на-

родной педагогики являются *взаимоотношения супругов, положение женщины и детей в семье*. Положение женщины в крестьянских семьях в рассматриваемых регионах было фактически бесправным. Муж, по понятиям крестьян, был ответственен за нанесение жене побоев только в том случае, когда бил ее без всякой причины или при свидетелях грозил ее убить [19]. Уважительными причинами для того, чтобы «поучить жену», считались ее непослушание, нерасторопность в домашних делах и др. [20]

В русской крестьянской среде в рассматриваемых регионах признавалось даже право мужа на лишение жены жизни в случаях убийства ею своего ребенка или намеренного вытравливания плода. Самое жестокое наказание следовало в случае супружеской неверности. Т. Ф. Иванов так описывал наказание жены мужем в селе Три Озера Спасского уезда Казанской губернии: «Муж жестоко наказывает жену, застав ее на месте прелюбодеяния, и бьет до тех пор, пока она не перестанет кричать и все тело не будет сине-багровым, а лицо в крови. Кроме того, обстригает ей косу, подбивает глаза и раздевает донага. Облив дегтем, осыпав пухом, мякиной, соломой, водит по деревне полунагую, надев на голову дырявый мешок, корчагу, решето, запрягает рядом с лошадей в телегу, надевши на нее узду и хомут, и погоняет кнутом. Связав ей руки и ноги, привязывает ее к столбу, к коннику в избе, не давая ей пищи несколько дней и сечет кнутом или древесными ветлами. Деревенские на такую расправу смотрят как на издевательство, но если жена заслуживает, одобряют, говоря: “Прибавь ей кнутом-то, хорошенько проучи ее”» [21]. К прелюбодеянию и разврату народ относился весьма строго повсеместно, считая их «жестокими преступными действиями», поскольку подобный поступок со стороны женщины задевал личную честь всех членов семьи [22]. Неверностью жены объясняли рождение неполноценных детей. Все же преобладающим было представление о том, что отношения между супругами должны основываться на согласии и миролюбии, уступчивости и трезвой жизни. «У мужа с женой лад, так не надо и клад», – говорили крестьяне Спасского уезда Казанской губернии.

Одним из следствий дифференциации воспитательной деятельности матери и отца в семье имели место определенные различия в объеме и характере их власти над детьми. Отец имел право отдавать своих детей внаем, отделять сына, определять ему по своему усмотрению часть общесемейной собственности, награждать детей, выделять приданое и т. д. Однако приоритет распоряжаться судьбой детей не всегда принадлежал отцу. Иногда в таких вопросах, как выбор одного из сыновей в рекруты, мать апеллирова-

ла к сельскому сходу, который мог принять во внимание ее мнение [23].

Бесправное положение распространялось не только на замужних женщин, но и на незамужних девушек, чем нередко пользовались различные проходимцы. Так, крестьянин Карим Рахимов из деревни Мамашерово Кошкинской волости Малмыжского уезда Вятской губернии уговорил некоторых односельчан отправить с ним в Ставропольскую губернию своих дочерей. В поисках лучшей доли согласились ехать семь девушек. По приезду в Ставрополь Каримов продал их за 250–300 рублей каждую. Чтобы отвести от себя удар и придать своему преступлению вид законности, он пригласил муллу Рахметулла Исмаилова, который, не обращая внимания на мольбы и протесты девушек, обручил их с покупателями. На вырученные деньги Рахимов открыл торговлю. Сообщение об этом случае поместил на своих страницах «Волжский вестник» (Казань. 1905. 22 февр.).

Народная и религиозная, особенно мусульманская, мораль строго следила за нравственностью. Проявление интереса мужчины к женщине, не соответствовавшее нормам Корана, рассматривалось как кощунственное посягательство на исключительные права ее мужа, в том числе и потенциального. Уклонение насильника от брака с обесчещенной девушкой рассматривалось в народной морали в рассматриваемых регионах как тяжкое преступление. При отказе виновника взять ее в жены, крестьянская община насильно принуждала его к женитьбе. В татарских деревнях получил распространение русский обычай обмазывания дегтем ворот дома скомпрометировавшей себя девушки. Однако нередко исполнение этого обычая было просто мстью девушке, ответившей отказом на предложение одного из парней.

Родителям принадлежало право выбора брачного партнера для своих детей. Однако степень родительской власти при вступлении детей в брак в рассматриваемых регионах имела некоторые территориальные особенности. В Царевококшайском уезде Казанской губернии, в Яранском и Елабужском уездах Вятской губернии родители имели право принуждения детей к браку с лицами, которых они считали наиболее подходящими. В случае сопротивления дочери родители даже обращались за помощью к земскому начальнику. Имели место случаи публичного наказания на сельской площади девушек, осмелившихся пойти против воли родителей [24]. В Нижегородской губернии лишь в Ветлужском районе выбор брачного партнера чаще всего зависел от согласия жениха и невесты, хотя и здесь непременным условием заключения брака было родительское согласие [25].

Суровые условия существования крестьянских семей в рассматриваемых регионах порождали строгое, требовательное, и вместе с тем, доброе отношение к детям. Характер взаимоотношений родителей и детей ярко проявляется в фольклоре. Так, в народных марийских песнях образы отца и матери рисуются в светлых, поэтических тонах:

«Не дорого серебро, не дорого золото,
Не дорого масло, не дорог мед.
Наши отцы и матери очень дороги [26].

Символами дружной семьи служат образы «муравейника», «пчелиной семьи». Дети сравниваются с «цветами», «сереброкрылыми птицами», «золотыми пряжками». Расставание детей с родителями – сродни горю. Родители ждут детей, как «весенних птиц». Символом встречи служит образ серебряного моста:

«И ты вдалеке, и я вдалеке. Между нами серебряный мост.

Под серебряным мостом играет серебряная рыба.
Вместе с детьми и родственниками радуется она» [27].

Народные песни призывали беречь и лелеять родителей. Не случайно сиротские песни наполнены страданием и горечью: сироту «мать оставила среди огня-пламени, отец – на голом льду»:

«Если знала бы глубину Белой, не села бы на паром.

Если знала бы горечи жизни, не родилась бы.
При родителях мы на окне цветам подобны.
При невестке и при брате сору под столом подобны» [28].

Горе сиротства сравнивается с «покинутыми птенцами посреди поля», с «одинокими деревьями у дороги», с «облаком, висящим в осеннюю стужу», с «земляничкой, растущей на самой стежке».

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что взаимоотношения между членами традиционной крестьянской семьи, являвшиеся важнейшей составной частью образа жизни населения, и сам образ жизни, изучаемый с позиций нашего исследования как важное воспитательное и образовательное средство народной педагогики, характеризовались спецификой, определявшейся особенностями хозяйственно-экономического уклада сельского населения и проявлявшейся на фоне соответствующих явлений российского масштаба.

Значительное место в традиционной народной педагогике рассматриваемых регионов отво-

дилось *религии*, выступавшей в качестве важного воспитательного средства. Одной из обязанностей старших в семье было обучение детей «Страху Божию». С трехлетнего возраста детей начинали учить молиться, водить в церковь. Им внушали разного рода поверья, страх перед домовым, «показывали» его, надевая шубу наверх шерстью. Однако вятским крестьянам было присуще преимущественно внешнее обрядовое благочестие. Недостаточное развитие школьной сети имело одним из следствий то, что многие крестьяне не знали церковно-славянский язык и поэтому плохо понимали содержание молитв. В то же время молитвам придавалось предохранительное значение, ими начинались все важные семейные дела [29]. Но в некоторых местах, например в Сарапульском уезде Вятской губернии, даже считалось, что девушкам не следует часто ходить в церковь [30].

Среди русских крестьян Казанской губернии были распространены невенчаные браки, скрепленные лишь сельским старостой [31]. Не всегда соблюдалось требование обязательного родительского благословения, имели место браки между раскольниками и православными без разрешения церкви [32].

Все эти факты указывают на то, что в рассматриваемых регионах среди русского населения церковно-религиозное влияние в ряде случаев носило в определенной степени обрядовый характер. Несколько поверхностное, «внешнее» отношение крестьян к религии нашло свое отражение в фольклоре, например в пословице: «На бога надейся, да сам не плошай».

В то же время обрядовые культы марийцев и удмуртов, уходящие своими истоками в древние языческо-мифологические представления этих народов, занимали существенное по своей значимости место в их жизни, что не могло не оказывать большого воздействия на нравственное, психическое и умственное развитие детей, выступая тем самым составной частью народной педагогики.

Религиозные представления этих «лесных» народов были теснейшим образом связаны с природным окружением, прежде всего с лесом и рекой и их обитателями. Марийцы совершали обряды моления высшим (добрым) духам и приносили им в жертву животных у священных культовых деревьев (береза, липа, дуб) в специальных рощах-мольбищах (кусото). Рощи богов марийцы содержали в чистоте, огораживали пряслами от скота; лес отсюда не брался. Сюда было не принято ходить без нужды, здесь нельзя было кричать и охотиться. Другой вид рощ рассматривался как место для совершения жертвоприношений низшим (злым) духам, таким как, кереметь, а также курык кугу ен (горный большой

человек), мукш шырт (пчелиный кереметь), куда-водыж (домовой) и др. В этих рощах находиться было еще более опасно: нельзя было ни к чему прикасаться, произносить вслух имя керемети. Проезжая мимо нее, мужчины сходили с лошади и падали ниц, а женщины отворачивали лицо [33]. Страх перед кереметями был так велик, что мариец старался не только не думать о них, но даже не смотреть в сторону воображаемого места их пребывания [34]. Эти и другие поверья, характеризовавшиеся ярко выраженным локальным своеобразием и составлявшие основу религиозно-языческих представлений марийцев, удмуртов, коми, естественным путем усваивались их детьми.

Высоко ценился у народов рассматриваемых регионов культ предков («старых людей»), в котором сочетались почтение к ним, преклонение и надежда на сверхъестественную помощь с их стороны. Любая мысль, высказанная ими при жизни, считалась законом для потомков. Основным мотивом в этих высказываниях было урегулирование семейной жизни, определение места и роли каждого ее члена в зависимости от возраста. Наибольшего уважения заслуживали пожилые люди, как наиболее близкие к ушедшим предкам [35].

Религиозные верования, отразившиеся в народной педагогике нерусских народов Среднего Поволжья, побуждали их почитать и умерших, оставшихся без родственников на земле. Эти умершие, ввиду того что их никто не поминует, находятся в вечных мучениях и могут наслать на поля бедствия. Поэтому один раз в три года каждая деревня проводила обрядовый обед в их честь, жертвовала черного быка, кости которого закапывались на кладбище. Этот обычай был характерен для чувашей, удмуртов и марийцев [36]. Религиозные верования накладывали определенные традиционные запреты. Например, во время цветения хлебов запрещалась всякая работа, связанная с повреждением земли, так как земля считалась беременной. В этот период нельзя было копать землю, возводить постройки, заготавливать дрова, косить, стучать, полоскать белье в реке и т. п. Не разрешалось даже одеваться в пеструю одежду, иначе такая же пестрота могла передаться посевам [37].

Начало жатвы также сопровождалось молением. Первым доверялось жать тому, кто считался счастливым и имел «легкую руку». По окончании жатвы совершали обряд «виле» (новинки по-удмуртски): из муки нового урожая пекли лепешки (табани) и варили кашу. Этот обряд снимал табу на употребление хлеба нового урожая. Аналогичные обряды имели место у русских («пожинки») и марийцев (упура найрам – «новое пиво»).

Религиозные верования и соответствующие им обряды служили, с одной стороны, одним из важных средств формирования этнического единства, а с другой стороны, выступали в качестве воспитательного средства. Это находило свое выражение в требовании неуклонного соблюдения традиции почитания старших, соблюдения определенной гражданской субординации в семье и сельском обществе. Педагогическое значение языческих верований, а также мусульманской и православной религий было двояким. Доминирующий в религиозном сознании культ табу, то есть ограничений и запретов, преклонения перед высшими существами, с одной стороны, формировал в детском сознании такие нравственные качества, как скромность, сдержанность, почтение к старшим, стремление к самоограничению своих потребностей, а с другой стороны, религиозные догмы духовно закабалили нерусские народы и становились все большим препятствием для их этнического самоопределения, включавшего в качестве одной из своих важнейших составляющих вопросы семейного воспитания и обучения.

Примечания

1. Макарецва Н. Н. Духовные ценности русской народной педагогической культуры // Педагогика. 1998. № 1. С. 81.
2. Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1988. С. 32.
3. Березина Т. И. Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири. 1861–1917: дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 1991. С. 4.
4. Некрылова А. Ф., Головин В. В. Уроки воспитания сквозь призму истории. СПб., 1992. С. 3.
5. Сборник удмуртских песен / сост. П. К. Поздеев. Ижевск, 1960. С. 53–54.
6. Лештаева Н. В. Внутрисемейные отношения русского сельского населения Казанского Поволжья: Вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1994. С. 112.
7. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 575. Оп. 140. Д. 253. Л. 123.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 253. Л. 37.
9. Там же.
10. Владыкин В. Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 80.
11. Королева Н. С. Народное искусство пермских финно-угров (коми, коми-пермяков, удмуртов) XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 197.
12. Федоров Г. Д. Ткацкий и красильный промыслы у вотяков // Отчеты и исследования по кустарной промышленности России: в 2 т. Т. 2. Пг., 1915. С. 100.
13. Владыкин В. Е. Указ. соч. С. 297.
14. Кашин В. П. Сравнительный очерк экономического быта и нравственного культа русского и вотского населения в пределах Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. 1892. № 73. С. 4.
15. Анастасиев А. И. Вятские инородцы и их школы // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 6. С. 78.
16. Богословский Г. Краткий исторический очерк Казанской епархии с приложением биографических сведений о казанских архиепископах. Казань, 1892. С. 5, 6.
17. Там же.
18. Там же. С. 6.
19. Там же. С. 120; Соловьев Е. П. Крестьянская семья. Казань, 1875. С. 11.
20. Столяров А. А. Русская сельская семья Среднего Поволжья: XVI – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1981. С. 104.
21. Российский этнографический музей. Фонд князя В. Н. Тенишева. Иванов Т. Ф. Разлад в личной жизни. Развод. Ф. 7. Оп. 1. Д. 471. Л. 3.
22. Соловьев Е. П. Преступление и наказание по понятиям крестьян Поволжья // Сборник народных юридических обычаев: в 2 т. Т. 2. СПб., 1900. С. 277.
23. Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Труды этнографического отделения ИОЛЕАЭ. М., 1899. Т. 2. Кн. 9. Вып. 1. С. 3.
24. Лештаева Н. В. Указ. соч. С. 116.
25. Троицкий В. Ю. Национальные духовные традиции и будущее русского образования // Педагогика. 1998. № 2. С. 3–7.
26. Марийские народные песни / сост. К. А. Четкарев. Йошкар-Ола, 1956. С. 215.
27. Иванов И. С. Марийская необрядовая народная лирика: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1970. С. 55.
28. Там же. С. 58.
29. Литинский А. Материалы для географии и статистики. СПб., 1868. Ч. 1. С. 544.
30. Зеленин Д. К. Народный обычай «греть покойников». Харьков, 1909. С. 4.
31. Веснин А. Современный великорусс в его свадебных обычаях и семейной жизни. М., 1892. С. 45.
32. Столяров А. А. Указ. соч. С. 105.
33. Фукс А. К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844. С. 246.
34. Васильев М. О кереметях у чуваш и черемис. Казань, 1904. С. 8.
35. Маркелов М. Г. Культ умерших в похоронном обряде волгокамских финнов. Мордва, мари и вотяки // Религиозные верования народов СССР: сб. этнографич. материалов. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 277.
36. Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. 3. Казань, 1921. С. 34.
37. Козлова К. И. Очерки исторической этнографии марийского народа: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. 732 с.; Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. 175 с.

УДК 37.012

С. М. Окулов, О. В. Сизихина

О МОДЕЛЯХ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматривается проблема корректного употребления модели и моделирования в современных педагогических исследованиях.

In this article the authors discuss the problem of correct use of model and modeling in contemporary pedagogical investigations.

Ключевые слова: модель, моделирование.

Keywords: model, modeling.

Проблема моделирования – одна из важнейших методологических проблем, выдвинутых развитием наук XX в., в особенности физики, химии, кибернетики. Интерес к моделям и моделированию стал всеобщим, и нет, пожалуй, ни одной науки, где бы не использовался метод моделирования как специфический метод познания. Научное обоснование и подробный анализ этого метода приводятся в трудах В. А. Штоффа, И. Б. Новика, В. А. Веникова, Б. А. Глинского и др.

Нашел свое применение метод моделирования и в педагогических исследованиях. Вопросами применения моделей в педагогике занимались такие ученые, как Л. Б. Ительсон, Г. П. Щедровицкий, Н. В. Кузьмина, Ю. А. Конаржевский, Г. В. Суходольский и др. Известен опыт создания моделей обучаемости (Р. Буш и Ф. Мостеллер). Но, так или иначе, исследуя модели, например, овладения знаниями, ученые пытаются найти закономерности процесса научения знанию.

Долгое время в науке не было единого понимания, общего определения понятия «модель». В каждой науке, отдельной отрасли знания в это понятие вкладывались разные (а порой и противоположные) смыслы. На вопрос о том, что же такое есть модель, «десять конструкторов моделей дадут по крайней мере пять явно различных ответов» [1]. Все ученые признавали неприемлемость такого положения и предлагали разнообразные способы решения возникшей проблемы.

Задавшись вопросом строгого определения модели, В. А. Штофф в своей работе «Моделирование и философия» приводит два прямо противоположных варианта употребления этого термина:

- модель как некоторая теория;

- модель как предмет некоторой теории, как то, «к чему теория относится, т. е. что она описывает и отражает» [2].

Первый вариант употребления имеет место, когда разрабатываемая теория недостаточно обоснована, содержит много допущений и упрощений, когда автор стремится избежать ответственности, связанной с защитой теории. В этом случае уместнее использовать такие термины, как гипотеза, идеализация... Конечно, модель и теория имеют некоторые общиеgnoseологические свойства и функции, но отождествлять эти понятия все же недопустимо. Модель и теория представляют собой качественно различные способы упрощения, схематизации реальных объектов. И, как отмечает В. А. Штофф, главным признаком, отличающим модель от теории, «является не уровень упрощения... не степень абстрактности... а способ выражения этих абстракций, упрощений и отвлечений, характерный для модели» [3]. Теория – это совокупность умозаключений, отражающая объективно существующие отношения и связи между явлениями объективной реальности. Основной функцией теории является *описание* некоторых объектов, областей действительности; *объяснение* известных фактов, указание на существенные связи, которые лежат в их основе; *предсказание* новых, еще неизвестных явлений, эффектов, свойств объектов. А модель же призвана наглядно *отобразить*, сконструировать систему идеализированных объектов, структур, в которых эти отношения и связи присутствуют в чистом виде. Кроме того, особенно заметно отличие модели от теории в случае материальных (вещественных) моделей, которые являются практически-предметной реализацией теории.

Второй вариант употребления термина «модель» (как предмет некоторой теории) также неуместен, поскольку теория изучает не модели, а объекты реальности посредством моделей.

И обобщая свой опыт и опыт коллег-ученых, В. А. Штофф формулирует следующее определение модели: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об объекте» [4].

Не менее точное определение этому же понятию дал И. Б. Новик: «Модель – это искусственный или естественный объект (представляющий собой вещественный агрегат или знаковую систему), находящийся в некотором объективном соответствии с исследуемым объектом, способный замещать его на определенных этапах познания, дающий в процессе исследования некоторую допускающую опытную проверку информацию, переводимую по установленным правилам в информацию о самом исследуемом объекте» [5].

Несмотря на некоторое различие в формулировке, оба этих определения указывают на две основные функции моделей:

- *иллюстративная* функция – модель позволяет наглядно, в упрощенной форме представить изучаемый объект;

- *трансляционная* функция – модель позволяет перенести (транслировать) информацию из одной относительно изученной сферы действительности в другую, менее изученную.

Кроме названных функций теории в области моделирования (как *метода познания*) считают, что модели выполняют еще две гносеологические задачи: *объяснительную* и *предсказательную*.

Однако в современной науке снова наметилась тенденция к различным подходам в трактовке понятия «модель». Каждый исследователь, стремясь изобрести что-то свое, наполняет модель своим новым смыслом. Особенно хорошо это видно в гуманитарных науках.

Кроме уже названных В. А. Штоффом примеров некорректного использования этого понятия, появляется еще одно – инверсия понятий. В работах многих молодых ученых модель становится первичной по отношению к объекту, процессу, явлению реальности. Именно на основе модели они создают и изменяют реальность (причем именно создают и изменяют, а не познают). Выдвигаются гипотезы, что «формирование готовности к трудовой деятельности у воспитанников школы-интерната будет успешным, если... учебно-воспитательный процесс строится на основе разработанной модели формирования готовности к труду» [6], «профессиональная самодостаточность педагогов в образовательном учреждении развивается успешно, если управление ее развитием осуществляется... в соответствии с предлагаемой моделью...» [7].

Часто термином «модель» подменяются другие понятия (подобно тому, как модель использовали в качестве синонима слов гипотеза, абстракция, отвлечение...). В частности, модель отождествляется с методикой, технологией. Так, в диссертационном исследовании [8] автор проектирует *модель* использования средств современных информационных технологий при изучении семейной экономики. Эта модель включает в себя содержание, формы (индивидуальная, групповая, домашняя работа...), средства (карточки-задания, инструкционно-технологические карты, демонстрационные файлы, программные средства...), приемы (создание эмоционального фона, поддержка мотивации...) обучения. Таким образом, по сути, разрабатывается *методика* проведения цикла занятий с использованием информационных технологий. В работе [9] разработана и внедрена педагогическая модель (как можно внедрить мо-

дель?) подготовки выпускной квалификационной работы на основе целенаправленной системной организации самостоятельной работы студентов. В педагогической модели выделены следующие компоненты: цели, взаимодействующие субъекты, принципы, содержание, этапы, технологии, результат. И, хотя технология и модель в работе разделяются, по сути, этими разными понятиями называет одно и то же – совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата, то есть технологию. Аналогичная трактовка понятия «модель» и в работе [10]. Разработана модель формирования ценностных ориентаций подростков в медиакультурном пространстве. При этом модель понималась как «совокупность цели, задач, содержания, форм, методов и принципов осуществления этого процесса», а вся эта совокупность уже давно называется технологией. Нередки отождествления модели с такими понятиями, как алгоритм, система, концепция: «модель управления развитием профессиональной самодостаточности педагогов образовательного учреждения» [11], «модель организации социально-педагогической деятельности студентов в условиях вуза» [12], «условия эффективного функционирования модели» [13], «модель содержания общеобразовательного курса информатики» [14].

Другой пример подмены понятий – именованную моделью ожидаемого результата деятельности. «Модель специалиста – это описание того, к чему должен быть пригоден специалист, к выполнению каких функций он подготовлен и какими качествами обладает» [15]. В классической педагогике это называется содержанием образования.

Еще один вариант употребления термина «модель» в педагогике заимствован из психологии, где под моделью понимается тип, стиль (поведения, взаимодействия, общения и т. д.), а под моделированием – «имитация естественных ситуаций, при которой человек в идеале должен вести себя так, как если бы это была естественная ситуация» [16]. В современных учебниках по педагогике и переизданиях классических даже такие общепринятые понятия, как стиль педагогического общения, превращаются в модель педагогического общения, методы и технологии обучения – модель обучения (объяснительно-иллюстративная, проблемная, программированная) [17], воспитательная система – в воспитательную модель [18]. На наш взгляд, такое безоговорочное следование моде на использование понятий «модель» и «моделирование» бессодержательно и просто вносит путаницу в уже устоявшуюся терминологию.

Часто один автор (даже в рамках одной работы) понимает модель в нескольких совершенно разных смыслах. В диссертационном исследова-

нии [19] разрабатывается и апробируется модель стимулирования социальной активности подростков в процессе взаимодействия семьи и школы. Понятие «модель» употребляется и в смысле технологии, и как стиль (тип) взаимодействия семьи и школы в формировании социальной активности у подростков. При этом утверждается, что «разработанная... модель взаимодействия... представляет собой воспитательную систему, которая состоит из целевого, содержательного, инструментального и оценочно-результативного компонентов» [20]. Видим, что моделью называется то, что уже имеет свое название.

Очень популярным становится такое понятие, как педагогическая модель, которое каждый автор определяет по-своему. Педагогическая модель понимается как «обобщенный мысленный образ, заменяющий и отображающий структуру и функции (взятые в динамическом единстве, в широком социокультурном аспекте) конкретного типологически воспроизводимого способа осуществления образовательного процесса» [21], «система элементов, воспроизводящая связи и отношения между субъектами подготовки к трудовой деятельности (воспитанниками и воспитателями), целевым, содержательным, технологическим, деятельностно-практическим и результативным компонентами, а также факторами, влияющими на подготовку воспитанников к трудовой деятельности (СМИ, учреждениями сферы обслуживания, производственными предприятиями, учебными заведениями)» [22].

Педагогическая деятельность действительно сложна и многогранна, и исследование её путем создания и разработки моделей действительно имеет право на существование, но, конечно, не путем простой замены устоявшихся понятий, например вместо педагогического проектирования использовать разработку педагогической модели.

Примечание. Педагогическое проектирование – это построение развивающейся образовательной практики, образовательных технологий, способов и средств педагогической деятельности [23].

Кроме некорректного (на наш взгляд) использования понятия «модель» в педагогических исследованиях имеет место своеобразное толкование метода моделирования. Под **моделированием** в науке (в упрощенной формулировке) понимают процесс создания моделей и их исследования. Он включает в себя несколько этапов:

1. *Построение модели.* Некоторые авторы моделирование сводят только к построению модели изучаемого объекта и на этом останавливаются. Однако этот подход противоречит основной функции модели – на основании полученных при исследовании модели знаний делаются

выводы о свойствах реального объекта или явления.

2. *Исследование модели.* Это исключительно важный этап в процессе моделирования. Здесь модель предстает как некоторый самостоятельный, не зависящий от познаваемого объекта, объект изучения – «квазиобъект» [24].

3. *Экстраполяция информации,* полученной при изучении модели (модельной реальности), на познаваемый объект.

4. *Практическая проверка* произведенной экстраполяции.

В современных работах моделирование трактуется не как метод познания, метод получения новой информации, метод исследования, а как метод представления изучаемого объекта наглядно-образно в виде схем, чертежей, словесных характеристик. Имеем: нечто (какое-то содержание) описали или представили наглядно-образно и получили модель этого нечто, а сам процесс описания назвали моделированием. А где этапы 2–4?

Вывод однозначный. Современные исследователи-педагоги должны более тщательно следовать общенаучным методологическим принципам.

Примечания

1. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.: Наука, 1966. С. 5–6.
2. Там же. С. 6–7.
3. Там же. С. 15
4. Там же. С. 19
5. Новик И. Б. О моделировании сложных систем (философский очерк). М., 1965. С. 42
6. Мясникова Е. Ю. Формирование готовности к трудовой деятельности у воспитанников школы-интерната: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2009. 22 с.
7. Крошихин А. Г. Управление развитием профессиональной самостоятельности педагогов в условиях образовательного учреждения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2008. 16 с.
8. Андрейчук С. С. Использование информационных технологий при изучении семейной экономики в процессе технологической подготовки учащихся основной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2009. 18 с.
9. Слесарева Г. Д. Выпускная квалификационная работа как результат организации самостоятельной работы студентов в условиях реформирования высшей школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2008. 23 с.
10. Кортиева Д. В. Формирование ценностных ориентаций подростков в процессе медиаобразования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2009. 11 с.
11. Крошихин А. Г. Указ. соч.
12. Митичева Т. И. Социально-педагогическая деятельность студентов как средство повышения качества профессиональной подготовки социальных педагогов в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2008. 19 с.
13. Пономаренко А. Н. Формирование дискурсивной компетенции у студентов педагогических специальностей в процессе межкультурного диалога: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2009. 18 с.

14. Шутикова М. И. Построение содержания общеобразовательного курса информатики на основе развития концепции коммуникативной деятельности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 44 с.

15. Машарова Т. В., Сырцова Е. А. Интеллигентность как ведущее качество будущего специалиста: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. 99 с.

16. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006. С. 411.

17. Педагогика: учеб. пособие / под ред. П. И. Пидкасистого. М.: Высшее образование, 2008. С. 153.

18. Софокумова Е. А. Педагогическая психология. Краткий курс. СПб.: Питер, 2009. С. 58.

19. Керкис С. С. Взаимодействие школы и семьи в формировании социальной активности подростков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2009. 11 с.

20. Там же. С. 6.

21. Машарова Т. В., Сырцова Е. А. Указ. соч. С. 52.

22. Мясникова Е. Ю. Указ. соч. С. 13.

23. Словарь-справочник по педагогике: учеб. пособие / науч. ред. Н. М. Капустина. Киров, 2000. 52 с.

24. Новик И. Б. Указ. соч. С. 35.

УДК 7.01

Е. М. Рендакова

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ПРИНЦИПЫ

В статье раскрываются основные принципы творческого процесса: пассионарность, знаковость, асимметричность, диалоговость, рефлексивность, открытость.

In this article are examined the basic principles of the creative process: «passionarnost'», symbolism, dextrality, dialogue, reflexive property, openness.

Ключевые слова: творческий процесс, пассионарность, знаковость, асимметричность, диалоговость, рефлексивность, открытость.

Keywords: creative process, «passionarnost'», symbolism, dextrality, dialogue, reflexive property, openness.

Сегодняшний мир, его хрупкое равновесие зависит от многих составляющих, среди которых весьма значимой является обращение человека к своему природному естеству, к возможности жить среди людей созидающих, творящих.

Сегодня, как никогда, важно понять, что мы можем изменить в мире в лучшую сторону, как мы можем измениться сами. В связи с этим одна из главных проблем – это проблема самоопределения человека, проблема возможности движения в творчестве. Отсюда важно осознать процессуальную сторону творчества, а также то, что является его первоосновой.

Творческий процесс – это переход от одной творческой сущности к другой, от одного состо-

яния к другому; это движение в творческом пространстве мыследеятельности, способствующее развитию личности.

Творческий процесс – это процесс преобразования, созидания, позитивного изменения человека и человечества.

Среди принципов, которые являются первоосновой творческого процесса, мы выделяем следующие.

Принцип пассионарности

А. Н. Гумилёв считал, что открытие биохимической энергии живого вещества, сделанное В. И. Вернадским, можно распространить и на людей, которые тоже являются частью биосферы. Исследователь пишет о том, что схема этногенеза как дискретного процесса предполагает внезапное возникновение группы пассионарных этносов внутри того или иного региона, последующее их распространение за их пределы, потерю сложности этнической системой и либо распыление особей, её составляющих, либо превращение их в реликт.

Чтобы интерпретировать данное положение, А. Н. Гумилёв использует следующее сравнение: «Вообразим шар, получивший внезапный толчок. Энергия толчка затрачивается сначала на преодоление инерции покоя, а затем на движение шара, которое будет медленно затухать вследствие сопротивления среды, пока шар не остановится; путь же этого шара будет зависеть от того, покатится ли он по ровному месту или наткнётся на препятствия, или свалится в яму и т. д., но сколько бы раз мы ни повторили эту операцию, принцип движения один – инерция толчка, т. е. растрата энергии полученного импульса» [1].

Обращая внимание на то, что в биосфере явления такого порядка именуется сукцессиями, и говоря о том, что они весьма разнообразны и по продолжительности, и по характеру, и по последствиям, учёный обращает внимание на то, что все они имеют обозначенную черту сходства – инерционность, которая у человека проявляется как растрата пассионарного импульса, что роднит человечество с прочими явлениями биосферы, тогда как социальные и культурные структуры, свойственные только человеку, имеют иной характер движения.

Принимая за объект исследования единицу высшего порядка – этнос, где неизбежные погрешности анализа взаимно компенсируются, понимая, как трудно подсчитать пассионарность людей эпох минувших, А. Н. Гумилёв предлагает использовать обратный ход мысли, а именно: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения. Следовательно, подсчитывая число событий в истории этноса, пусть даже с боль-

шим допуском, мы получаем результат затрат энергии, на основании чего можем судить об исходном заряде энергии, то есть уровне пассионарности» [2].

Продолжая рассуждать о пассионариях, исследователь выделяет то, что для них характерно:

- посвящение себя той или иной цели, преследуемой иной раз на протяжении всей жизни;
- способность заражать окружающих своей энергией.

«Это значит, что люди гармоничные (а ещё в большей степени – импульсивные), оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны. Но как только достаточное расстояние отделяет их от пассионариев, они приобретают свой природный психоэтнический повседневный облик» [3].

Если данное обстоятельство без специального осмысления довольно широко используется в военном деле, где или выбирают пассионариев, узнавая их интуитивно, и формируют из них отборные, ударные части, или сознательно распыляют их в массу, чтобы поднять «воинский дух», то не учитывать данность в педагогическом процессе было бы просто неразумно.

Мы считаем, что принцип пассионарности – один из главных в творческом процессе, так как «энергия толчка» творческих личностей весьма и весьма значима. А если воспользоваться методом А. Н. Гумилёва и использовать обратный ход мысли, то получим, что все педагогические открытия, все новаторские педагогические системы созданы пассионарными личностями. Называть их можно до бесконечности: Сократ, Платон, Аристотель, Я. А. Коменский, И. Г. Песталоцци, Я. Корчак, С. Френе, К. Д. Ушинский, С. Т. Шацкий, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, В. Н. Сорока-Росинский, В. А. Караковский, А. Н. Тубельский и многие другие.

По степени проявления мы выделяем два вида пассионарности: явную и скрытую.

Явная пассионарность проявляется очень быстро: появление пассионарной личности в том или ином коллективе влечёт за собой изменение качества творческой жизни тех, кто в нём находится, практически сразу. При этом реализовываются самые уникальные проекты, осуществляются самые смелые мечты не только самой личностью, обладающей высокой степенью пассионарности, но и теми, кто находится рядом с ней, поскольку происходит «энергетическое заражение». Пассионарная личность способствует тому, чтобы значительно повышалось качество жизненного пространства всех, кто находится во взаимодействии с ней, как прямом, так и косвенном.

Скрытая пассионарность может сказаться не сразу, так как личности, ею обладающие в по-

тенииале, демонстрируют свои силы лишь после накопления определённого пассионарного багажа (опыта).

По степени распространения мы определяем пассионарность прямую и косвенную.

Прямая пассионарность – это пассионарность личности, ведущей за собой, определяющей во многом направление движения коллектива, а также качество этого движения.

Косвенная пассионарность (отражённая) – это последствие, следующее за действием, то есть пассионарность личностей, получивших от представителей первого типа определённый заряд, который в отражённом виде значительно слабее, чем в первом случае, но всё же есть. Чем далее от того места, где творит личность с прямой пассионарностью, тем значительно слабее действие. Но даже очень слабый, даже микроскопический творческий посыл может сыграть свою важную роль в истории развития и личности, и общества.

В книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Время, хаос, квант» есть строки, подтверждающие вышесказанную мысль: «Ныне мы знаем, что человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества. Мы знаем, что столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Это вселяет в нас одновременно и надежду, и тревогу: надежду на то, что даже малые флуктуации могут усиливаться и изменять всю их структуру (это означает, в частности, что индивидуальная активность вовсе не обречена на бессмысленность); тревогу – потому, что наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантий стабильных, непреходящих законов» [4].

Принцип знаковости (символизма)

Творец всегда говорит со своей аудиторией на языке, понять который можно в том случае, если его слушатели, читатели, зрители уже знакомы с системой условных знаков (символов) или же готовы понять (на первом этапе принять, не объясняя что-либо себе и окружающим) эту систему.

Мало того, каждый человек, пытающийся наполнить жизнь творчеством, вынужден часто переводить свои мысли, чувства, эмоции на другой язык. Момент перехода, перевода, переноса, переключения часто не осознаётся, протекает естественно, как само собой разумеющееся; творчий не чувствует никаких затруднений.

Но может быть и иной сценарий: создатель чётко осознаёт, что он хочет сказать, но переход с языка на язык идёт мучительно, даже болез-

ненно: каждое слово, каждый звук, каждая часть того или иного произведения даются с трудом: этот процесс можно сопоставить с процессом перевода с родного языка на иностранный или же с иностранного на родной, а в самом тяжёлом случае с одного иностранного языка на другой (когда и тот, и другой язык переводящий знает по минимуму). А если взять не два, а три языка и больше и попробовать осуществить все возможные переводы, то задача усложнится многократно.

С другой стороны, принимающая сторона (ребёнок на уроке, студент на лекции, читатель, слушатель, зритель...) тоже оказывается в позиции переводчика, а позже, возможно, и в позиции ретранслятора.

И совсем сложная ситуация: создатель какого-либо творческого продукта, пробивающийся с одной стороны, и его адресат, движущийся с другой стороны с огромными трудностями. В лучшем случае они движутся навстречу друг другу; в иных вариантах они движутся в противоположных направлениях или же один всё время пытается догнать второго (и опять варианты: первый даёт возможность догнать; второй движется очень быстро и догоняет). В этой ситуации на помощь может прийти разработанная система символов, значение которых будет понятно как той, так и другой стороне.

Ю. Лотман писал: «...символ выступает в роли глушённой программы творческого процесса... Это глубинное кодирующее устройство, своеобразный “текстовый ген”» [5].

Символ – это тот ключ, с помощью которого открывается заветная дверца. Стоит раскодировать слово – символ, звук – символ, рисунок – символ, и мы поймём, что за ним скрывается (что любопытно, для разных людей этот символ будет, возможно, раскодироваться по-разному).

Вызывает интерес и следующее высказывание Ю. М. Лотмана: «Выражение некоторой сущности средствами другого языка – основа выявления природы этой сущности» [6].

Например, Эрик Берн в книге «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры», пытаясь понятно объяснить читателям природу сценарной теории психоанализа, использует в качестве символических названий некоторых сценариев жизни сказочные заголовки: «Красная Шапочка», «Спящая Красавица», – тем самым перетаскивая их как символы в иную систему координат, объясняя одну сущность через другую.

Фактически каждое педагогическое (равно как и философское, литературное и т. д.) сочинение, его осмысление и понимание является абсолютно безграничным, так как каждый, кто решится на его постижение, возможно, сказал бы словами Ю. Лотмана: «Однако то, что один и тот же

исходный символ может развёртываться в различные сюжеты и что сам процесс такого развёртывания имеет необратимый и непредсказуемый характер, показывает, что творческий процесс асимметричен по своей природе» [7].

Принцип асимметричности

В чём суть принципа асимметричности творческого процесса?

Здесь мы выделяем следующие аспекты:

– Творческий замысел никогда не может быть сопоставим с полученным результатом (по нескольким причинам: во-первых, создатель меняется в ходе творческой деятельности; следовательно, во-вторых, замысел тоже претерпевает изменения; и в-третьих, сам материал, его внутреннее движение оказывает влияние на создающего, что является, таким образом, стимулом к изменению всей программы действий).

...Вымысел – не есть обман.

Замысел – ещё не точка.

Дайте дописать роман

До последнего листочка... [8]

Эти строки Булата Окуджавы очень хорошо иллюстрируют написанное выше.

– Количество авторских идей и их воплощение – величины не равнозначные, хотя в некоторых случаях идеи одного человека подхватываются, развиваются другими. И в науке, и в искусстве это достаточно частое явление. Например, культурно-историческая теория развития Л. С. Выготского нашла своё продолжение в теориях развивающего обучения; теория диалога культур М. М. Бахтина в системах диалогового обучения в школах диалога культур; А. С. Пушкин подарил сюжеты «Мёртвых душ» и «Ревизора» Н. В. Гоголю, который в свою очередь создал из этих сюжетов литературные шедевры.

– Исходя из того, что процесс «развёртывания» имеет необратимый и непредсказуемый характер, творческий процесс (даже мельчайшие его проявления), пришедший в движение, нужно воспринимать очень трепетно; охранять и беречь.

– Асимметричность проявляется и в том, что к взрослому творящему человеку, считая, что он делает нечто важное и полезное, относятся с большим почтением и пониманием, чем к ребёнку. Хотя существует и иная крайность: пока ребёнок мал, плоды его трудов оцениваются высоко, но стоит ему вырасти, и все забывают о важности и нужности даже самых значимых проявлений творчества.

Хотя если не забывать слова Ю. Лотмана о том, что «процесс развёртывания имеет необратимый и непредсказуемый характер», то надо со всем пиететом относиться к проявлениям как

детского, так и взрослого творчества, беречь их и лелеять.

– Ещё одним проявлением асимметричности творческого процесса является то, что во многих случаях создаваемое осознаётся как ценное не самим создателем, а теми, кто его окружает или даже идущими вслед за ним. Таких примеров история знает множество.

Может быть и противоположное: кроме самого создателя, никто не понимает важности, ценности созданного.

Например:

«Пифагорейская школа была осмеяна за то, что считала Землю движущейся пылинкой во Вселенной. Этого не могли переварить даже такие гении, как Платон, Архимед и Птолемей. Последний открыто объявил мысль о движении Земли вздором и глупой болтовнёй.

Медицинский факультет Сорбонны глумился над Гарвеем, открывшим кровообращение.

Английское Королевское общество отвергло опыты Джоуля...» [9].

Принцип диалогости

Обратившись ещё раз к Ю. Лотману, прочитаем: «Пользуясь терминологией И. Пригожина, можно определить момент творческого вдохновения как сильно неравновесную ситуацию, исключающую однозначную предсказуемость развития» [10].

В каждой подобной разбираемой ситуации возникает несколько пластов, на которые нужно обратить внимание:

– первый пласт – это, несомненно, сам Ю. Лотман, его мысли, взгляды, идеи – всё, что составляет основу его творчества;

– второй пласт – это И. Пригожин, на которого ссылается Ю. Лотман;

– третий пласт – это те, на кого ссылается И. Пригожин, включая Уайтхеда, Эйнштейна, Тагора, Бергсона и многих других;

– четвёртый пласт – это мы, то есть те, кто осознаёт представленное автором и его соавтором;

– пятый пласт – это мы, представляющие другим написанное Ю. Лотманом, И. Пригожиным;

– шестой пласт – это те люди, до которых мы донесём сказанное Ю. Лотманом;

– седьмой пласт – идеи Ю. Лотмана, трансформированные нами, начинают распространяться в окружающем мире без ссылок на автора (становятся своего рода коллективным достоянием).

Можно было бы продолжить, но и показанного выше скорее всего достаточно, чтобы увидеть путь движения идеи, путь диалога, на который практически ступает каждый, стремящийся к проявлению себя в творческой деятельности.

Принцип рефлексивности

«Философские проблемы становятся таковыми, если они ставятся под луч одной проблемы – конечного смысла. Для чего вообще всё это? Для чего мироздание? Для чего “я” и мои переживания? А эти вопросы задаются именно потому, что в этом мироздании живёт существо, которое не создано, а создаётся. Да и мир не завершён, не готов» [11] – эти слова М. К. Мамардашвили как нельзя лучше говорят о рефлексивной природе человека, который является существом вопрошающим.

Если же говорить о человеке, задействованном в творческом процессе, то в данном случае рефлексивность усиливается многократно, так как данный процесс, являясь в каждом отдельном, единственном случае уникальным и неповторимым (будь то исследовательская работа учёного, вдохновенный поиск писателя или созидательная деятельность ребёнка в игровом пространстве) всегда сопровождается рефлексивным оформлением.

Рефлексивность – последовательность творческих (чаще критических) шагов, каждый из которых способствует качественному совершенствованию продукта творческой деятельности.

Рефлексивность в творчестве понимается нами как совокупность определённых творческих пауз, во время которых происходит авторское осмысление качества проделанной работы, а также движение вперёд в данном направлении или же (при необходимости) корректировке задуманного.

М. К. Мамардашвили в работе «Как я понимаю философию» писал: «Чаще всего переживание сопровождается отрешённым взглядом на мир: мир как бы выталкивает тебя в момент переживания из самого себя, отчуждает, и ты вдруг ясно что-то ощущаешь, сознаёшь. Это и есть осмысленная, истинная возможность этого мира. Но именно в видении этой возможности ты окаменел, застыл. В этом состоянии тебе многое может открыться. Но для того, чтобы это открытие состоялось, нужно не только остановиться, а оказаться под светом или в горизонте вопроса: почему тебя это так впечатляет? Например, почему я раздражён? Или наоборот: почему я рад? Застыть в радости или в страдании. В этом состоянии – радости или страдания – и скрыт наш шанс: что-то понять. Назовём это половиной пути...» [12]

Рефлексивная творческая пауза (которая может быть и достаточно длинной, и удивительно ёмкой, и даже мгновенной) как раз и способствует тому, чтобы остановиться, прислушаться к себе, к окружающему миру, к мельчайшим нюансам, оказывающим влияние на изменение потока мысли, что, в свою очередь, преобразит (и

достаточно значительно) качество творческого продукта.

Мы выделяем в творческом процессе следующие виды рефлексирования: афористическое, вопрошательское, ассоциативное, резюмирующее.

Афористическое рефлексирование включает в себя:

- выбор афоризмов, подчёркивающих (выделяющих, высвечивающих) значимость сказанного автором;

- использование афоризма в качестве эпиграфа (и, следовательно, отведение данному высказыванию особой, открывающей роли, роли словесного символа);

- показ оттенков значения слов, игры слов в том случае, когда используются два, три афоризма, волею автора ставших смысловыми соседями;

- подбор афоризмов, способствующих возникновению дискуссии (между автором и читателем; автором и дразнящим собеседником; читателем и дразнящим собеседником; автором, читателем и дразнящим собеседником; автором, читателем, дразнящим собеседником и тем оппонентом, который ещё не знает, что скоро будет включён в дискуссию...).

Вопрошательское рефлексирование способствует:

- качественному подбору тех вопросов, которые автор задаёт читателю-соавтору;

- определению круга вопросов, задаваемых автором самому себе на перспективу (включая риторические, которые, возможно, сегодня пока не требуют ответа);

- задаванию читателем вопросов, обращённых к себе;

- поиску и автором, и читателем зоны ближайшего развития (того уникального материала, который надо понять, принять, привести в движение, поделившись с другими идеями, открытиями, озарениями, проблесками мысли...; а также неумением и недоумением; непониманием и недопониманием; желанием философствования и восторженным изумлением).

Ассоциативное рефлексирование предполагает:

- использование ярких, неожиданных, удивляющих не только собеседника, но и самого автора ассоциаций, помогающих прочувствовать не только глубину, но даже аромат, вкус, запах творческих идей и их воплощения;

- возникновение особых, глубинных связей созданного в данный момент с тем, что уже существовало ранее;

- появление ассоциативных символов, являющихся ключевыми, открывающими для творческого процесса;

- наличие открытого ассоциативного пост-рефлексивного пространства.

Резюмирующее рефлексирование помогает:

- формулированию значимых для автора видов;

- разграничению более важного и менее важного на данном этапе творческого процесса;

- определению творческих планов на будущее;

- осознанию себя как философа (или, по крайней мере, начинающего путь философствования).

Вновь обратившись к М. К. Мамардашвили, прочитаем: «Философия – это публичное сознание, которого нельзя не высказать, сознание вслух. Философ нефилософом быть не может, если, конечно, он попал на эту прямую мысли, вырастающую из того узла, который заставил тебя остановиться. Это судьба!» [13].

Принцип открытости

Творческий процесс по своей природе – это всегда открытое пространство поиска, качественных изменений, преобразований. В процессе творчества практически не бывает лишнего, ненужного, неважного, второстепенного, дополнительного.

Об этом замечательно писала А. Ахматова в стихотворении «Творчество»:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда... [14]

Открытость предполагает:

- наличие выбора, возможность изменения движения в процессе творческой деятельности на любом этапе пути (изменения стратегической или тактической линии, последовательности действий, переходов от одной составляющей к другой; выбора собеседника; собственной позиции в творческом диалоге и т. д.);

- движение идеи, рождение которой начинается, возможно, до оформления замысла творческого проекта в какой-либо продукт (сценарий, книгу, музыкальное произведение, урок, диссертационное исследование...);

- развитие происходит в процессе осмысления, созидания, преобразования; раскручивание продолжается даже после того, как задуманное осуществлено, логическая точка поставлена.

В творческом процессе всегда есть то, что оказалось нереализованным, непринятым, недосказанным и недопонятым. Этот материал может на время быть помещён в копилку нашей памяти, в интеллектуальный банк запасов, который в определённый момент времени пригодится в другом творческом проекте, на этот раз в новом качестве: нереализованное, возможно, реа-

лизуется; непринятое качественно изменится; недосказанное окончательно вербализуется; недопонятое станет ясным и понятным. Но в то же время появится новое нереализованное, новое непринятое, новое недосказанное, новое недопонятое... И этот процесс бесконечен, так как творчество – это деятельность, не имеющая ни временных, ни смысловых, ни возрастных, ни национальных, ни профессиональных границ.

– Наличие эмоциональной составляющей, так как творческий процесс как открытая система предполагает возможность трансформировать не только мысли, но и чувства, эмоции; а также помогает рождению новых чувств и новых эмоций, выполняющих стимулирующую функцию по отношению к тем, кто постепенно вовлекается в этот процесс.

– Осознание бесконечности процессуальности, взаимопереходов частей процесса друг в друга, их взаимообогащение.

Человек, включённый в творческий процесс (а ещё лучше включившийся в него сам), постоянно качественно изменяется, что способствует постепенному преобразованию жизненного пространства вокруг него. Если же рядом находится несколько таких личностей, то изменение качества жизни будет происходить во много раз быстрее. А если таких личностей станет большинство?!

Примечания

1. Гумилёв Л. Н. Этнос и биосфера Земли // Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 380.
2. Там же. С. 381.
3. Там же.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. С. 386.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 145.
6. Там же. С. 169.
7. Там же. С. 145.
8. Окуджава Б. III. Поэтический сборник. М.: АСТ: Зебра, 2007. С. 134.
9. Циолковский К. Э. Гений среди людей. М., 1992. С. 14–15.
10. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 146.
11. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию // Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 278.
12. Там же. С. 275.
13. Там же. С. 276.
14. Ахматова А. А. Стихотворения / сост. и вступ. ст. Н. Банникова. М.: Сов. Россия. 1977. С. 364.

УДК 37

И. Ю. Данилова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

В статье рассматриваются основные тенденции развития регионального образования в современный период. Автор раскрывает содержание основных тенденций развития регионального образования на примере образовательной системы Республики Татарстан.

In this article the basic tendencies of development of regional education during the modern period are considered. The author opens the maintenance of the basic tendencies of development of regional education on an example of educational system of the Republic of Tatarstan.

Ключевые слова: национальное образование, национальная культура, национально-региональный компонент содержания образования, динамика структурных изменений региональной образовательной системы.

Keywords: national education, national culture, national-regional component of the maintenance of education, dynamics of structural changes of regional educational system.

Развитие образования в современный период характеризуют мировые, общероссийские и региональные особенности. Региональные черты развития образовательной системы отражают особенности формирования национально-регионального компонента, развитость образовательных структур, удаленность их от образовательных и исследовательских центров, связи с экономикой и демографией региона и формированием регионального рынка труда, уникальные исторические черты. Регионализация образования предусматривает отказ от унитарной модели образования и создание условий для автономного функционирования и развития региональных образовательных систем в соответствии с социально-экономическими, культурными и образовательными потребностями регионов.

Исследование проблем регионального образования приобретает особую актуальность в Республике Татарстан в связи с особенностями многонационального и многоконфессионального состава данного субъекта Российской Федерации. Особенности национального состава является проживание на территории республики 52,9% татар, 39,5% русскоязычного населения и 7,6% других национальностей (марийцев, удмуртов, башкир, мордвы, чувашей, немцев), стремящихся

сохранить свое этнокультурное своеобразие для поддержания этнической самоидентификации [1].

В экономическом отношении Татарстан является одним из наиболее развитых промышленных регионов России, центром нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности. Высокие темпы развития данного региона служат экономической основой для развития системы образования Татарстана, целью которой является обеспечение республики и всей страны высококвалифицированными инженерно-техническими кадрами, образованными, культурными гражданами.

После подписания в 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете Татарстана» татарский народ получил право политического оформления своей национальной идентичности и этнокультурного образовательного пространства. Началось возрождение татарской национальной школы, которая явилась инструментом сохранения самой нации, её культуры, истории, языка, традиций, обычаев.

Особенности развития регионального образования в Татарстане обусловлены рядом тенденций. Богатое историко-культурное прошлое Татарстана, опыт развития национальной школы, наследие этнопедагогике татарского и других народов Республики Татарстан позволяют в качестве ведущей тенденции выделить развитие национального образования в постсоветский период, характеризующееся нами как институционализация на основе развития национальной культуры как базового компонента системы регионального образования Республики Татарстан.

Национальная культура татарского и других этносов Республики Татарстан вышла на новый уровень своего развития в постсоветский период. Татарский язык получил статус государственного, что способствовало созданию национальной языковой среды и использованию ее педагогических возможностей; началось активное становление и развитие национальной школы как татарского, так и других народов Республики Татарстан, разработка новых программ, учебных курсов и методических пособий для национальной школы, создана структурная модель национальной гимназии [2]. Содержание образования подверглось изменениям в связи с включением в него элементов национальной культуры, реализуемых по следующим направлениям: «создание интегративных курсов по национальной культуре; проведение интегративных уроков на основе содержательных элементов национальной культуры; включение в содержание гуманитарных предметов культурологического материала для создания междисциплинарного поля деятельности в виде межпредметной модульной программы; включение в содержание учебного материала

элементов этнической культуры, не предусмотренных программой» [3].

М. Х. Гатауллиной были выявлены основные тенденции развития татарской национальной школы 90-х гг., в качестве которых обозначены: расширение и развитие сети национальных школ, обновление содержания образовательно-воспитательной работы в татарской национальной школе (разработка новых учебных планов, программ, введение новых курсов национально-регионального направления, появление новых технологий, форм, методов и средств, открытие новых типов учебных заведений; всеобщее признание необходимости национального образования и воспитания с опорой на общечеловеческие ценности; развитие татарского национального образования, способствующее совершенствованию национальных школ с обучением на чувашском, марийском, удмуртском, мордовском языках, воспитанию русского народа в русскоязычных школах [4].

Мы разделяем точку зрения М. Х. Гатауллиной и, рассматривая систему национального образования в целом, выделяем следующие тенденции ее развития в современный период: формирование правовых основ развития национального образования в Татарстане, становление национальной школы как центрального звена системы национального образования, обеспечение принципов непрерывности и преемственности национального образования в связи с возникновением высших национальных учебных заведений, формирование базовых основ управления национальным образованием – национального педагогического менеджмента, создание условий для создания партнерства национальной науки, культуры и образования. Большая роль в сохранении традиционных культурных ценностей принадлежит органам регионально-национального управления Татарстана. Правительством республики была принята Государственная программа развития культуры РТ, в соответствии с которой были открыты национально-культурные центры народов республики в Лениногорском, Чистопольском, Аксубаевском, Тетюшском, Кукморском, Менделеевском и других районах.

Среди мероприятий республики по сохранению культурного наследия можно выделить: создание Государственного центра сбора, хранения и пропаганды татарского фольклора, проведение в рамках целевой программы «Фольклорное наследие татарского народа и современное самостоятельное творчество» научно-методических конференций по проблемам истории и культуры, фольклорных татарских праздников, фестивалей фольклора татар-кряшен и татарской песни, конкурса гармонистов им. Ф. Туишева [5]. В декабре 2008 г. Кабинетом министров Республики Та-

тарстан была утверждена республиканская целевая программа сохранения, возрождения, изучения и развития народных художественных промыслов в Республике Татарстан на 2009–2011 гг., направленная на реализацию прав народов Республики Татарстан по сохранению и развитию своей национально-культурной самобытности. Реализация концепции государственной национальной политики РТ предполагает проведение ряда мероприятий, способствующих сохранению и возрождению национальных традиций и обычаев. Все вышеперечисленные данные свидетельствуют о целенаправленной политике региональных органов власти Республики Татарстан на пути сохранения этнонациональных элементов культуры и внедрения их в образовательный процесс, что происходит в соответствии с образовательной политикой российского федерального центра. Ведущими направлениями федеральной образовательной политики являются поиск баланса интересов региональных и федеральных образовательных органов управления, формирование общероссийской идентичности, складывание единого общероссийского образовательного пространства. Цели образовательной политики Республики Татарстан ставятся в соответствии с федеральными запросами и направлены на формирование толерантной личности, осуществляющей свою деятельность в условиях межкультурного взаимодействия. Концепция национального образования Татарстана предполагает право гражданина любой нации обучаться на родном языке, освоение культурных особенностей своего народа и народов совместного проживания, приобщение граждан к традиционным национальным и к общероссийским ценностям, способствующим формированию гражданина Российской Федерации.

В настоящее время успешно внедряется модель образовательного пространства [6], обеспечивающая усвоение учащимися трех уровней ценностей: мировых, общенациональных и этнонациональных – и предполагающая многокультурность образования. Значительно укреплена нормативно-правовая база национального образования: разработаны индикаторы оценки качества национального образования, базисный учебный план для общеобразовательных учреждений республики, примерные учебные планы для образовательных учреждений с этнокультурным компонентом (русским, чувашским, марийским, мордовским, удмуртским) [7]. Высшими ступенями созданной системы национального образования в Татарстане являются Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Институт Национального образования РТ, Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования РТ.

Таким образом, в современный период были заложены основы институционализации национального образования в Татарстане, обеспечившие создание устойчивых социальных форм этнонационального образования, способных к воспроизведению и регулированию отношений в области образования народов, проживающих в республике.

Следующая тенденция развития современной региональной образовательной системы взаимосвязана с предыдущей и предполагает развитие и обновление национально-регионального компонента в учебной и внеучебной деятельности школьников и студентов республики. Понятие «национально-региональный компонент» было введено законом «Об образовании» 1992 г., определившим три уровня формирования содержательной части образования: федеральный, региональный и школьный. Национально-региональный компонент обеспечивает исторические, культурные, этнонациональные, географо-демографические, социальные и экологические потребности региона. В качестве основных задач национально-регионального компонента исследователи выделяют: интеграцию содержания федерального компонента с географическими, природными, историко-литературными, экономическими, социальными и другими особенностями края, его потребностями и проблемами; воспитание молодежи, хорошо знающей историю и культуру родного края; формирование любви к родному краю, способности ценить богатства «малой» и «большой» Родины и готовность приумножить их [8]. В качестве приоритетных способов реализации национально-регионального компонента Министерством образования РТ были обозначены: сквозные региональные учебные курсы («История Татарстана и татарского народа»); автономные учебные курсы («Политическая история татар», «Духовная культура татарского народа», «История тюркских, финно-угорских народов края»); включение регионального компонента в структуру учебных курсов федерального компонента (модуль «Политико-правовая система Татарстана» в курсе «Правоведение»); элективные курсы по отдельным образовательным дисциплинам («Экология Республики Татарстан» в курсе «Основы экологических знаний») [9].

В последнее десятилетие процесс развития национально-регионального компонента характеризуется следующими особенностями:

– основное внимание уделяется культурологическому, аксиологическому, этнодидактическому подходам к подбору содержания образовательной части национально-регионального компонента;

– большую значимость в последние годы приобретает интеграция курсов федерального и ре-

гионального компонентов (на примере курса «История Татарстана» и «История России» в общеобразовательной школе), процесс отбора регионального материала выходит на новый уровень, увеличивается степень его насыщенности, предотвращая разрушение единого общенационального информационного поля, в связи с чем национально-региональный и федеральный компоненты приобретают структурную целостность;

– происходит увеличение педагогического потенциала национально-регионального компонента содержания образования, направленного на формирование нравственных, эстетических, патриотических, этических ориентиров учащейся молодежи, сохранение этнокультурных народных традиций;

– национально-региональный компонент получил возможности развития не только по горизонтали – путем увеличения объема предоставляемой информации о регионе по определенному учебному предмету, но и по вертикали, что обозначает возможность реализации национально-регионального компонента на различных уровнях преподавания одного и того же учебного курса: основной средней школы и высшего учебного заведения, тем самым обеспечивая развитие национально-регионального компонента в непрерывном образовательном процессе.

В качестве третьей тенденции развития регионального образования необходимо выделить динамику структурных и содержательных изменений образовательной системы Республики Татарстан в постсоветский период. Региональная система образования республики, сложившаяся в советский период, включавшая в себя ступени дошкольного, школьного, начального и среднего профессионального образования, высшего и послевузовского образования, подверглась фундаментальным изменениям и структурного, и содержательного характера, связанным с новыми социально-экономическими условиями в Республике Татарстан, Российской Федерации и в мире.

Наибольший интерес представляют структурные изменения образовательной системы Республики Татарстан, которые можно характеризовать как нарушение баланса внутри отдельных элементов данной системы, проявившиеся в системе дошкольного образования в виде несоответствия потребностей в получении дошкольного образования количеству предоставляемых детскими садами мест; в системе начального профессионального образования, где проявляется тенденция сокращения числа образовательных учреждений в связи с падением престижа начального профессионального образования в молодежной среде, недостаточным обеспечением системы образования высококвалифицированными кадрами и невысокий уровень материально-технической

базы учреждений начального профессионального образования; в системе высшего профессионального образования, где главным противоречием явился значительный рост негосударственных высших учебных заведений в 90-е гг. и выпуск большого количества невостребованных специалистов, резкое сокращение числа абитуриентов провинциальных вузов в связи с особенностями демографического развития республики. Главная тенденция, охватившая все уровни образовательной системы Татарстана, это диверсификация, проявившаяся в возникновении различных форм и видов образовательных учреждений, в том числе инновационных, а также в разнообразии реализуемых образовательных программ. Основной тенденцией развития системы начального и среднего профессионального образования республики является нарастание интеграции образовательных учреждений на основе сближения систем начального и среднего профессионального регионального образования. Особая роль отводится высшему профессиональному образованию республики, где большую значимость приобретает техническое и педагогическое образование, происходят процессы корпоративизации вузов и осуществления университетами функций региональных центров науки, культуры и образования. Главным отличием региональной образовательной структуры Татарстана от общероссийской является развитие национальных образовательных учреждений, присутствующих на каждой образовательной ступени и составляющих систему непрерывного национального образования данного региона, обеспечивающих регион национальными кадрами, а также развитие национального педагогического образования, формирующего специалистов, способных преподавать в условиях двуязычия.

Таким образом, выделенные нами тенденции наиболее полно отображают развитие регионального образования в Татарстане в постсоветский период, развиваясь в направлении углубления и обновления национально-регионального компонента, совершенствования системы его отбора, повышения его аксиологического потенциала; оформления системы непрерывного национального образования, развития структуры региональной образовательной системы республики. В целях успешного функционирования региональной образовательной системы республики в современных условиях необходимо соблюдение принципов системности и преемственности национально-регионального компонента содержания школьного, среднего специального и вузовского регионального образования; предоставление национальной культуры и национального языка в качестве базовых компонентов системы регионального образования; нахождение оптимального

баланса сочетания этнокультурного, общероссийского и планетарного образовательного пространства; обозначение в качестве основных сущностных характеристик регионального образования педагогических принципов природосообразности, культуросообразности, системности и структурности, взаимосвязи содержания и формы, цели и результата.

Примечания

1. Этнокультурная мозаика. Национальности в РТ: цифры и факты. Протокол съезда народов Татарстана // Татарстан. 2007. № 10. С. 4–5.

2. Ялалов Ф. Г. Гимназическое образование народов России. Казань: Магариф, 2002. С. 58–62.

3. Харисов Ф. Ф. Национальная культура в учебно-воспитательном процессе. Казань: Тан-Заря, 1996. С. 77.

4. Гатауллина М. Х. Ведущие тенденции развития татарской национальной школы (1985–2000 гг.). Казань: Печатный двор, 2001. С. 111–113.

5. Мусина И. Т. Национальная культура в рамках региональной национальной политики Республики Татарстан // Вопросы культурологии. 2007. № 10. С. 58.

6. Султанов Ф. М. Гражданское общество и личность: проблемы образования в этнически гетерогенном российском социуме (на примере Республики Татарстан) // Сборник материалов итоговых конференций центра истории и теории национального образования 2004–2005 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 5–11; Ялалов Ф. Ф. Этнодидактический подход к проектированию содержания национального образования // Вестник высшей школы. Alma mater. 2004. № 7. С. 51–52.

7. Об утверждении программы развития и размещения производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2020 года и на период до 2030 года: постановление КМ РТ от 22.10.08. № 763 // Сборник постановлений и распоряжений КМ РТ и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 03.12.08. № 45. Ст. 1851.

8. Демьянова Е. Г. Национально-региональный компонент стандарта образования как фактор патристического воспитания студентов: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д: Ростовский гос. пед. ун-т, 2005. С. 67.

9. Гайфуллин В. Г. Национально-региональный компонент стандарта образования. Татарский вариант. Казань: Изд-во Тат. гос. гум. ин-та, 2000. С. 56.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

Н. А. Низовских

ИСТОЧНИКИ ЖИЗНЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ЛИЧНОСТИ

Раскрывается роль жизненных принципов в личностном саморазвитии человека. Анализируются источники жизненных принципов мужской студенческой группы, полученные методом ретроспективной анкеты. Выявлено, что приоритетными источниками жизненных принципов респондентов являются родительские установки и собственный опыт. Также обсуждаются литературные и другие источники жизненных принципов респондентов.

It reveals the role of life principles in self-development. It analyzes the sources of life principles in the male student group, obtained by retrospective questionnaires. It reveals that the prior sources of life principles of the respondents are the parents' plans and their own experience. The artistic and other sources of life principles of the respondents are discussed.

Ключевые слова: личностное саморазвитие, жизненные принципы, источники жизненных принципов.

Keywords: self-development, life principles, sources of life principles.

Представления о саморазвитии человека за последние десятилетия существенно расширились и обогатились, что привело к оформлению психологии саморазвития в качестве одного из существенных направлений современной психологии личности. Принимая во внимание тот факт, что даже в европейской культуре саморазвитие не является самым распространенным вектором развития личности [1], мы исходим из идеи значимости готовности человека к личностному саморазвитию, поскольку в условиях современного мира культура саморазвития во многом определяет психологическое благополучие человека, его физические, социальные и духовные достижения. Готовность к саморазвитию обеспечивает человеку возможность опереться на ресурс целенаправленных самоизменений при решении сложных жизненных задач, и, что важно в высшей степени, содействует реализации его сущностных сил.

Личностное саморазвитие определяется нами как специфическая внутренняя и внешняя деятель-

ность человека по созданию нового в своем сознании и самосознании, переживаниях и поведении, осуществляемая в соответствии с побуждениями внутренней субъективной реальности, требованиями социально-нормативного пространства и жизненными задачами при помощи специальных психологических средств. Данная трактовка личностного саморазвития базируется на теоретических разработках Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, В. С. Мухиной, В. Ф. Петренко, вбирает идеи многих других авторов, в числе которых Л. И. Анцыферова, А. Г. Асмолов, М. М. Бахтин, Л. И. Божович, Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, Д. А. Леонтьев, М. К. Мамардашвили, Н. И. Непомнящая, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков и др.

Одним из важнейших средств личностного саморазвития, под которыми мы понимаем социокультурные орудия и инструменты, а также способы и приемы воздействия человека на себя с целью самоизменений, выступают жизненные принципы.

Наличие осознанных жизненных принципов свидетельствует о личностной позиции человека в мире. Феноменологически жизненные принципы представляют собой ценностные суждения, идеи, избранные человеком в качестве основополагающих. Посредством жизненных принципов человек определяет и переопределяет себя, руководит собой, выступая как творящая себя личность. Саморазвитие возможно тогда, когда личность не просто провозглашает некоторые принципы, а совершает соответствующие этим принципам реальные поступки и деяния. Следуя в жизни новым принципам, человек меняется внешне и/или внутренне, становится «иным» для себя и для других. С помощью жизненных принципов человек способен также поддерживать свою «самость», сохраняя верность самому себе в изменяющихся условиях.

Освоение правил жизни начинается в раннем детстве. Слова «можно» и «нельзя» вначале относятся к самым простым вещам, связанным с безопасностью, опрятностью, поведением. Дошкольники и младшие школьники испытывают потребность в понимании и усвоении правил жизни, связанных с долженствованием, нравственностью, этикой, но они могут осваивать эти правила только при помощи взрослых. Самостоятельное и осознанное формирование кодекса жизненных принципов становится возможным в подростковом возрасте. В юности работа по са-

моопределению и самостроительству выдвигается в центр развития, и здесь осмысление и структурирование жизненных принципов особенно актуально. В зрелые годы многие жизненные установления могут уточняться, корректироваться, обновляться в соответствии с новыми жизненными задачами и духовным развитием личности. Переосмысление и переозначивание жизненных принципов выступает, на наш взгляд, важнейшим механизмом личностного саморазвития в онтогенезе. Ответственность за выбор жизненных принципов, определяемая, в частности, потенциальной множественностью возможных путей развития человека, безусловно, лежит на нем самом, но при этом огромное значение имеют культурная среда и люди, которые выступают источниками и трансляторами жизненных ценностей. Проблема *источников* жизненных принципов – это проблема «живительных родников», того «места», тех людей и ситуаций, которые дают начало жизненным принципам человека, питают их, несут в себе необходимую для них информацию. В условиях глобализации мира содержание циркулирующих идей выдвигается в центр общественного сознания. В этой ситуации вопрос о том, откуда «берутся» жизненные принципы молодых людей, приобретает актуальность.

В данной статье, выступающей продолжением публикации, посвященной анализу структуры и содержания ценностных ориентаций, содержащихся в жизненных принципах мужской студенческой группы [2], представим анализ источников жизненных принципов респондентов данной группы.

Методика

Для исследования была применена авторская методика «Ретроспективная анкета установок», являющаяся анкетой открытого типа. Участникам предлагалось записать свои жизненные принципы,

указать приблизительно возраст, в котором был сформулирован каждый принцип, отметить источник его появления и оценить по десятибалльной шкале следование этому принципу в реальной жизни. Анкетирование проводилось в групповой форме [3]. Респондентами выступили студенты мужского пола (N = 507) в возрасте от 17 до 32 лет, обучающиеся на ряде факультетов в ВятГГУ и в других учебных заведениях г. Кирова [4].

Результаты и их обсуждение

В анкетах респондентов в общей сложности содержалось 3207 жизненных принципов. Общее количество названных респондентами *источников* данных жизненных принципов составило 3236 единиц. Несовпадение числа жизненных принципов и количества их источников объясняется тем, что в некоторых случаях студенты, формулируя жизненные принципы, не указывали, от кого они получили те или иные установки, откуда они их извлекли, а иногда, напротив, указывали два-три источника для одного и того же жизненного принципа.

Проведенный анализ показал, что в качестве источников жизненных принципов для наших респондентов выступают (в иерархической последовательности) родители; собственный жизненный опыт; близкие родственники; учителя, воспитатели, другие наставники; литература, устное народное творчество; друзья, подруги; окружающие люди, соседи, знакомые; а также средства массовой информации, телевидение, радио, кино и некоторые другие (табл. 1).

Родители, как видим, занимают первую строчку в общем рейтинге источников. Снова, как это уже было при исследовании женских студенческих групп [6], подтвердилась мысль Э. Берна о том, что большинство жизненных установлений человек заимствует у своих родителей. Можно

Таблица 1
Источники жизненных принципов респондентов

№ п/п	Название групп источников	% от общего количества названных респондентами источников	№ п/п	Название групп источников	% от общего количества названных респондентами источников
1	Родители [5]	43,88	5	Книги, устное народное творчество, отдельные авторы	4,35
2	Я сам (собственный опыт)	26,97	6	Окружающие люди (знакомые, соседи, прохожие, врачи, милиционеры и т. д.)	4,29
3	Учителя, преподаватели, другие наставники	8,37	7	Близкие родственники (бабушки, дедушки, дяди, тети, сестры)	3,21
4	Друзья	4,47	8	Другие источники	3,27

было бы предполагать, что респонденты-мужчины будут чаще ориентироваться в своих жизненных установках на отцов, но данное предположение не подтвердилось. Указание респондентов на мать как источник жизненных принципов составило 4,88%, а на отца – 3,39% от общего количества источников. То есть мать в качестве источника жизненных принципов была названа респондентами в большем количестве случаев, чем отец. А. Менегетти полагает, что ребенок присваивает социальные нормы, исходящие от родителей, потому что они несут в себе силу и самоутверждение. Ребенок активно стремится к тому, что позволяет ему максимально хорошо развиваться, усваивает те ценности, которые способствуют его скорейшему утверждению как личности среди взрослых членов семьи [7]. Взрослые при этом должны позаботиться о том, чтобы дети воспринимали социальные устои достаточно гибко. Если ребенок уверует, что какая-либо социальная норма непосредственно служит его самоутверждению, он может в своем прямолинейном следовании этой норме дойти до патологии, полностью остановиться в своей эволюции. Мы разделяем эти идеи А. Менегетти, равно как и мысль Э. Берна о том, что следование традициям предков, донесенных родителями, неплохой вариант, при условии, что есть области, где человек может свободно импровизировать. Чем старше человек, тем в большей степени он может и должен полагаться на себя. Мы можем, опираясь на приведенные в таблице данные, судить о том, что для наших респондентов в определении жизненных принципов важен и собствен-

ный опыт. По оценке респондентов, их собственный опыт, собственное Я, так же как и родительские установки, в значительной степени определяют их жизненные установки.

Совокупный вклад других людей (учителей, преподавателей, наставников, друзей, знакомых, соседей, родственников и т. д.) в формирование правил жизни респондентов также весьма значителен. Общее количество единиц такого рода источников суммарно составляет 20,34% от общего количества источников, названных респондентами.

Особого внимания как источники жизненных принципов молодых людей требуют книги, устное народное творчество, отдельные авторы (табл. 2).

Мы видим, что и современными молодыми людьми Библия воспринимается как неисчерпаемый источник мудрости. Заметим, что указанная в таблице цифра ссылок на Библию как источник жизненных принципов означает лишь то, что столько раз сами респонденты назвали в анкете Библию источником своих жизненных принципов. В русле библейских заповедей, принятых респондентами, в качестве источников были отмечены другие люди, родители, бабушки и т. д. То же и в отношении устного народного творчества: приведенные в таблице цифры отражают только то, сколько раз сами респонденты назвали устное народное творчество источниками своих принципов. Но в общем массиве жизненных принципов пословицы и поговорки используются гораздо чаще.

Приведем в качестве примера пословицы и поговорки, названные участниками исследования че-

Таблица 2

Рейтинг литературных источников и авторов

№ п/п	Источник [8]	Позиция источника в рейтинге и количество его упоминаний	№ п/п	Источник	Позиция источника в рейтинге и количество его упоминаний
1	Библия	1 (21)	11	Камасутра	(1)
2	Ленин	2 (6)	12	А. С. Пушкин	(1)
3	Устное народное творчество (народная мудрость, фольклор, поговорка)	3 (5)	13	Сборник афоризмов	(1)
4	Высоцкий	4 (2)	14	Трактат Шри Раджима «Путь мастера»	(1)
5	А. Макаревич	4 (2)	15	Учебное пособие по ядерной физике	(1)
6	Эрих Мария Ремарк	4 (2)	16	Бенджамин Франклин	(1)
7	Шекспир	4 (2)	17	Чигранов	(1)
8	М. Булгаков «Мастер и Маргарита»	(1)	18	Черчилль	(1)
9	Адольф Гитлер	(1)	19	Шекли	(1)

тыре и более раза: «Хочешь жить – умей вертеться» (41 раз); «Ученье – свет, а неученье – тьма» (25); «Без труда не выловишь и рыбку из пруда» (8); «Доверяй, но проверяй» (8); «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня» (8); «Что ни делается, все к лучшему» (8); «Сделал дело – гуляй смело» (6); «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» (5); «Семь раз отмерь, один раз отрежь» (5); «Будь проще, и люди к тебе потянутся» (4); «Любишь кататься, люби и саночки возить» (4); «Пиво без водки – деньги на ветер» (4); «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь» (4).

В референтную группу для респондентов входят А. С. Пушкин, В. Шекспир, Э. М. Ремарк, М. Булгаков, В. Высоцкий, А. Макаревич. Общеизвестные цитаты из текстов литературных произведений использовались респондентами в качестве принципов жизни со следующей частотой:

– «Учиться, учиться и учиться» [В. И. Ленин] [9] – 24 раза;

– «Не позволяй душе лениться...» [Н. Заболоцкий] – 3;

– «Не верь, не бойся, не проси» [тюремная поговорка, получившая известность благодаря произведению В. Шаламова и А. Солженицына] – 2;

– «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас» [А. Макаревич] – 2.

К сожалению, при анализе источников жизненных принципов мы встретились также со ссылками на Адольфа Гитлера и Антона Шандора ЛаВея. «Любить свою расу и нацию» – вот что усвоено одним из молодых людей из наследия А. Гитлера как руководство к действию. Наставление А. ЛаВея, которое приглянулось другому молодому человеку как жизненный принцип, звучит так: «Удовлетворять все свои плотские желания и всячески им потакать». Сказанное дает повод для размышления о состоянии духовного развития и необходимости усиления духовного воспитания молодых людей в семье, в образовательных учреждениях, в трудовых коллективах.

В категории «другие источники» объединены «СМИ» (названы респондентами 11 раз); фильмы (названы 10 раз, в т. ч.: фильм «Достучаться до небес», фильм «Место встречи изменить нельзя», «фильмы о жизни», «фильмы США», «X-files», «видеофильм»); а также реклама (7), кино (5), Интернет (3), газеты (2), журналы (2), желтая пресса (1). Среди других «единичных» источников: «7teen» (муз. группа. – *Примеч. автора*), «Nekropomikon», анкета (2), А. Ягидаров, В. Гусев, В. Уткин, «муз. группа Тату», антигоблин, боксер, быт, внутреннее подозрение, Вова, всегда (2), голова, головной мозг, Данон, детская песенка, дом, жестокий мир, закон, зек, интуиция, история России, «когда первый раз чуть не разбился», лекция по психологии, магазин (2), тренинг, Мегафон, Министерство об-

разования РФ (2), Минздрав России, мир, монстр, музыкальная группа, музыка, «на дискотеке», научная деятельность преподавателей, общага (2), ПДД (правила дорожного движения. – *Примеч. автора*), песня, президентская программа, «пришло из ниоткуда», пропаганда, работа (2), «Рамзия», «С.А.С.» (возможно, Мухаммед Пророк Аллаха. – *Примеч. автора*), спорт (2), спрайт, ток-шоу, увлечения, хамеры, хозяин предмета, Шрек.

В заключение подчеркнем значимость жизненных принципов как фундаментальной ментальной психологической позиции личности в мире, как средства личностного способа бытия и саморазвития человека. Идея принцип-центричности получает все большее распространение в общественном сознании, бизнесе, менеджменте, в воспитании молодежи, при подготовке педагогических кадров, в просвещении родителей. Важно знать, кто и какими ценностями питает душу человека, особенно молодого, становящегося, как мы распоряжаемся великим идеополем общественного сознания [10], как мы участвуем в его освоении, созидая себя и содействуя становлению других.

Примечания

1. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учеб. пособие для вузов. М.: Школьная Пресса, 2000. С. 193–194.

2. Низовских Н. А. Жизненные принципы и ценностные ориентации мужской студенческой группы // Вестник ВятГГУ. 2009. № 2(1). С. 125–131.

3. В сборе и обработке анкет в исследовании 2004 г. принимали участие студенты факультета психологии ВятГГУ А. Колбина, М. Кононова, И. Шамов, Н. Шишкина, В. Шурихина.

4. Аналогичные исследования на выборках женских студенческих групп с применением методики ретроспективной анкеты установок были проведены в 1992–1994 гг. (N = 496) и в 1998–2002 гг. (N = 496). Результаты исследований опубликованы: Низовских Н. А. Человек как автор самого себя: психосемантический анализ жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности. М.: Смысл, 2007; Низовских Н. А. Жизненные принципы и ценностные ориентации студенческих групп // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 73–82.

5. К источнику «родители» мы отнесли следующие записи респондентов: «родители», «мать», «мама», «отец», «папа».

6. Низовских Н. А. Жизненные принципы и ценностные ориентации студенческих групп. С. 73–82.

7. Менегетти А. Онтопсихологическая педагогика / пер. с итал. Д. Петрова. Пермь: Хортон Лимитед, 1993. С. 35–36.

8. Названия источников приводятся в формулировках респондентов.

9. Представляя тексты, цитируемые два и более раза, мы посчитали необходимым указать их авторов, независимо от того, называли их испытуемые или нет.

10. Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург: ИнтелФлай, 2007.

Г. И. Корчагина

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОУТВЕРЖДЕНИЕ КАК СИСТЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы системогенеза профессионального самоутверждения как деятельности. Описываются взаимосвязи компонентов системы психологической деятельности по профессиональному самоутверждению личности.

The problems of development of professional self-affirmation system as activity are examined in the article. Correlations between components of psychological activity of professional self-affirmation of an individual are described.

Ключевые слова: система психологической деятельности; компоненты системы психологической деятельности профессионального самоутверждения; уровни анализа системы профессионального самоутверждения.

Keywords: system of psychological activity; components of psychological activity of professional self-affirmation; levels of analysis of professional self-affirmation system.

Целью статьи является описание системогенеза профессионального самоутверждения как деятельности.

В самом общем понимании профессиональное самоутверждение – психологическая система деятельности, которая представляет собой психологическую структуру деятельности, организованную в плане выполнения функций этой деятельности, достижения целей деятельности.

Обратимся к анализу основных понятий данного определения.

Психологическая система. Системный подход к исследованию объектов заключается в том, что они рассматриваются как системы. В исследовании систем существуют два направления:

– изучение процессов формирования системы, выявление механизмов её функционирования, исследование закономерностей взаимодействия отдельных компонентов системы, которые направлены на получение запрограммированного результата;

– изучение механизмов, порождающих новые системные качества, которые возникают в процессе взаимодействия отдельных компонентов системы и не сводятся к свойствам отдельно взятых элементов, её образующих.

Оба направления в исследовании систем являются самостоятельными, но, вступая во взаимодействие, применяются для исследования сложных явлений.

Для выбора направления исследования конкретной системы важно определить саму систему и её границы, то есть критерии, по которым можно дифференцировать данную систему от других. Согласно определению систем «система считается заданной, если кроме компонентов, их связей и закона композиции или вида упорядоченности компонентов, указываются условия (границы) существования системы» [1].

Таким образом, основными критериями для выделения системы являются её цели (целевое назначение), наличие структуры (внутренней организации), функции.

Цели системы – то, ради чего существует конкретная система, что предполагает исследование вклада каждого компонента и всей системы в целом в достижение целей.

Структура системы – состав системы и взаимосвязи отдельных компонентов, образующих данную систему. Взаимодействие компонентов образует подструктуры. Каждая из подструктур и структура системы в целом проявляются в функционировании системы.

Функции системы – механизмы внутреннего и внешнего существования системы.

Внутренние функции системы обусловлены компонентами структуры, отношениями соподчинённости и координации между ними. Поэтому вся система является сложным иерархическим образованием:

– каждая подсистема рассматривается как составная часть вышестоящей, при этом она подчинена ей в своих проявлениях и в то же время сама определяет свойства вышестоящей системы на основе собственных свойств;

– нижележащие подсистемы преобразуются в свойствах вышестоящих в процессе взаимодействия с другими подсистемами того же порядка;

– вышестоящая система вовлекает в деятельность подчинённые подсистемы избирательно, в соответствии с целями конкретной деятельности, запрограммированного результата.

Внешнее функционирование рассматривается как информационное, материальное или энергетическое взаимодействие системы и среды. Внешнее функционирование системы обеспечивается адаптирующей активностью системы.

В целом, для всех систем характерны следующие свойства [2]:

– это нечто целостное, отличное от окружающей среды;

– целостность носит функциональный характер;

– система представляется дифференцируемой на множество взаимосвязанных элементов, обладающих вполне определёнными свойствами;

– отдельные элементы взаимодействуют в плане общего назначения системы;

- свойства системы не сводятся к свойствам образующих её компонент;
- система находится в информационном и энергетическом взаимодействии с окружающей средой;
- система изменяет характер функционирования в зависимости от информации о полученных результатах;
- системы могут обладать свойствами адаптивности.

Психологическая система обладает всеми свойствами, присущими системам вообще. Свойства психологической системы проявляются в её функционировании, то есть в деятельности.

Деятельность – специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей, а также выявление свойств личности и преобразование самого человека в ходе реализации деятельности.

Основным видом деятельности является трудовая (процесс создания потребительских стоимостей). Трудовая деятельность выступает в единстве трёх аспектов: предметно-действенном, физиологическом, психологическом. Задачами психологического исследования деятельности является раскрытие того, «как в процессе этой деятельности осуществляется субъективное отражение действительности и каков механизм психической регуляции деятельности», а также «изучение влияния деятельности на развитие психологических функций, процессов, состояний и свойств человека» [3].

Таким образом, главное внимание уделяется специфике механизмов отражения действительности и регуляции деятельности, раскрытию того, как внешние воздействия в конкретном случае преломляются через внутренние условия и как влияет деятельность на изменение её внутренних условий.

Совокупность механизмов побуждения, программирования, регулирования и реализации деятельности должна рассматриваться с позиций психологической системы деятельности [4].

Психологическая система деятельности включает следующие основные функциональные блоки (компоненты):

- мотив профессиональной деятельности;
- цели профессиональной деятельности;
- программа деятельности;
- информационная основа деятельности;
- принятие решения;
- подсистемы профессионально важных качеств.

Дадим краткие характеристики всем компонентам психологической системы деятельности, предложенные В. Д. Шадриковым при исследовании системы профессиональной деятельности.

Мотив профессиональной деятельности – внутреннее побуждение человека к определённой деятельности [5].

Цель профессиональной деятельности – это то, что должен получить человек в итоге деятельности (продукт, результат действий). Если человек достигает результата деятельности, то можно говорить о том, что результат деятельности и цель совпадают. В этом случае говорят об эффективной деятельности, для оценки которой существуют качественные и количественные параметры. К основным параметрам эффективности относятся производительность, качество, надёжность [6].

Программа деятельности – это описание «компонентного состава деятельности, способов выполнения отдельных действий. Программа определяет, что и как должен делать субъект для достижения цели деятельности» [7].

Информационная основа деятельности – «совокупность информации, характеризующей предметные и субъективные условия деятельности и позволяющей организовать деятельность в соответствии с вектором “цель-результат”. Эффективность деятельности во многом определяется адекватностью, точностью и полнотой» [8].

Принятие решения – «процесс выбора одной альтернативы из нескольких возможных» [9].

Подсистемы профессионально важных качеств – сочетание «индивидуальных качеств субъекта деятельности, влияющих на эффективность деятельности и успешность её усвоения» [10].

Рассматриваемые критерии и свойства систем позволяют определить два направления анализа системы как целого: компонентного и функционального.

Компонентный анализ предполагает исследование структуры элементов (компонентов) деятельности. Его особенность в том, что система исследуется как статичное образование. Сущность компонентного анализа в ответе на вопросы: из каких компонентов состоит система, каково целевое назначение каждого компонента в системе и системы в целом.

Функциональный анализ рассматривает систему в динамике, определяет механизмы реализации системы деятельности как генезис её компонентов, а также определённые отношения между ними. Это предполагает несколько уровней анализа, которые лежат в основании системы. По мнению В. Д. Шадрикова, в настоящее время нет единых критериев для выделения уровней, лежащих в основе функционирования системы.

Вопрос этот является одним из наиболее сложных в методологии системного подхода. Так, В. Д. Шадриков в исследовании психологической

системы профессиональной деятельности выделяет следующие уровни: личностно-мотивационный, компонентно-целевой, информационный, структурно-функциональный, индивидуально-психологический, психофизиологический.

Сочетание всех уровней и направлений анализа раскрывает сущность деятельности и даёт о ней системное представление.

Так как система не является статичным образованием, постоянно находится в развитии, то *компонентный* и *функциональный* направления анализа систем должны дополняться *генетическим анализом*.

Генетический анализ предполагает исследование объекта в двух аспектах:

- в конкретно-историческом (изменение деятельности в процессе изменения окружения, внешней среды),
- в системогенетическом (исследование закономерностей становления функциональной системы деятельности).

Генетический анализ должен проводиться на фоне общего компонентного и функционального анализов.

На основании выявленных направлений и уровней анализа системы как целого можно определить понятие системогенеза как подхода к исследованию систем.

Системогенез – процесс формирования системы, в ходе которого определяется компонентный состав системы, устанавливаются функциональные взаимосвязи между компонентами и происходит развитие отдельных компонентов в плане обеспечения достижения цели.

Данный подход в исследовании системы деятельности позволяет рассмотреть её «единую функциональную архитектуру» [11].

Таким образом, подробный анализ общего подхода в определении профессионального самоутверждения как системы психологической деятельности позволяет определить его более конкретно.

Профессиональное самоутверждение – система психологической деятельности, полиструктурное, многоуровневое образование. Подструктуры профессионального самоутверждения (функциональные блоки) образуют единую структуру. Каждая подструктура (мотив, цель, программа, информационная основа деятельности, принятие решений, профессионально важные качества субъекта) имеет свойства единой целостной структуры, которые проявляются в функционировании системы, направленной на достижение единой цели системы. Каждый функциональный блок и входящие в него компоненты находятся в постоянном развитии, это обеспечивает формирование и развитие системы деятельности.

Описывая данное состояние системы психологической деятельности профессионального са-

моутверждения, мы будем пользоваться понятием *системогенез профессионального самоутверждения*.

Профессиональное самоутверждение как психологическую систему деятельности необходимо анализировать в трёх направлениях: компонентном, функциональном, генетическом.

Компонентный анализ профессионального самоутверждения предполагает описание свойств элементов (компонентов), входящих в структуру психологической деятельности, в особом ракурсе. А именно, насколько каждый компонент позволяет достичь единой цели системы, а также какова цель системы в целом. Этот уровень анализа мы назовём *компонентно-целевым*.

Функциональный анализ профессионального самоутверждения определяет то, как между собой связаны компоненты в отдельные функциональные блоки: мотивации, цели, программы деятельности, информационной основы деятельности, принятия решений, профессионально важных качеств. Каждый функциональный блок имеет собственную структуру, которая выступает как подструктура общей структуры всей системы профессионального самоутверждения. Назовём этот уровень анализа *структурно-функциональным*.

Каждый блок системы деятельности несёт функциональную нагрузку, важную для системы профессионального самоутверждения в целом, то есть выполняет функции побуждения, программирования, регуляции, реализации деятельности личности.

Блок мотивации выполняет важнейшую функцию побуждения личности к профессиональному самоутверждению через формирование личностных смыслов деятельности. Понять механизмы реализации этой функции можно, выполнив *мотивационно-смысловой анализ*.

Функцию программирования деятельности личности по профессиональному самоутверждению выполняют блоки программы деятельности и принятия решения. Оба эти блока тесно связаны с блоком цели. Назовём этот уровень анализа *программно-целевым*.

Функцию регуляции деятельности выполняет блок информационной основы деятельности, он позволяет контролировать продвижение личности к цели профессионального самоутверждения. Этот уровень анализа обозначим как *контрольно-информационный*.

Функция реализации деятельности обеспечивается вовлечённостью личности как субъекта профессионального самоутверждения. Личность преобразует деятельность, а качества личности выступают теми внутренними условиями, которые делают возможным такое преобразование. «Понять закономерности системогенеза профессиональной деятельности невозможно без ана-

лиза того, как деятельность преломляется в профессионально важных качествах и как качества человека формируются в деятельности» [12]. Этот уровень анализа назовём *субъектно-деятельностным*.

Генетическое направление анализа учитывается в том, что функциональная система деятельности рассматривается в развитии всех её компонентов.

Таким образом, сочетание всех уровней и направлений анализа во всей полноте раскрывает сущность системогенеза профессионального самоутверждения как полиструктурного, многоуровневого образования.

Систему можно рассматривать как целостность со встроенными в неё функциональными блоками и как процессы развития каждого функционального блока в отдельности. Границы функциональных блоков можно выделить лишь теоретически. В конкретной деятельности субъекта профессионального самоутверждения они тесно взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга.

Встаёт вопрос о том, с чего и как начинать анализ системы профессионального самоутверждения.

Уровни анализа профессионального самоутверждения имеют определённый порядок следования. Исследование системогенеза профессионального самоутверждения как деятельности может быть проведено по двум основаниям:

- по принципу построения психологической деятельности, принятому в психологической науке (А. Н. Леонтьев), когда исследуются мотивы, цели, предмет деятельности, то есть от частного к общему;

- по принципу описания системы как целостного образования, от общего к конкретному.

Логикой построения порядка уровней анализа мы выбираем подход от общего к конкретному, и уровни исследования профессионального самоутверждения как системы будут упорядочены следующим образом:

- *компонентно-целевой*;
- *структурно-функциональный*;
- *мотивационно-смысловой*;
- *программно-целевой*;
- *контрольно-информационный*;
- *субъектно-деятельностный*.

Обратимся к краткому описанию системы профессионального самоутверждения по уровням анализа.

С точки зрения *компонентно-целевого анализа* профессиональное самоутверждение как система психологической деятельности в целом направлено на достижение двух целей:

- достижение результата деятельности или функционирования всей системы;

- обеспечение организации процесса функционирования всех компонентов внутри системы.

Таким образом, можно описать результативную и процессуальную стороны профессионального самоутверждения.

Ориентация всей системы на достижение определённого результата выделяет профессиональное самоутверждение как систему из окружающей среды и дифференцирует её от других систем (профессионального самоопределения, профессиональной идентичности и др.)

Принято считать, что профессиональное самоутверждение наряду с другими «формами активности» является подсистемой системы более высокого порядка (метасистемы) – «профессионального становления и реализации личности» [13]. Все формы активности, входящие в неё, хотя и вступают между собой в различные виды отношений (конфликтные, компенсаторные, комплементарные), выполняют одни и те же функции, а значит их цели одинаковы по отношению к метасистеме: способствовать становлению и реализации личности как субъекта труда.

Показателями достижения профессионального становления и реализации субъекта труда выступают профессиональная продуктивность, профессиональная идентичность, профессиональная зрелость. Профессиональная продуктивность свидетельствует о степени соответствия возможностей человека социально-профессиональным требованиям и оценивается на основе параметров производительности, качества и надёжности. Профессиональная идентичность характеризует степень принятия содержания и условий труда, уровень их личностной значимости и оценивается на основе отношения субъекта к профессии как средству удовлетворения своих потребностей и самореализации, его отношения к себе как субъекту деятельности и развития, отношения к системе ценностей профессиональной общности. Профессиональная зрелость свидетельствует о сформированности личностного контура управления процессом профессионального развития, о степени осознания своих возможностей и потребностей, которые предъявляются личности. Комплексный показатель профессионального становления, сочетание всех трёх показателей, формируется на поздних этапах профессионализации и для каждого индивида имеет определённую степень выраженности.

На наш взгляд, цель профессионального самоутверждения как системы уникальна. Профессиональное самоутверждение способствует формированию прочной социально-профессиональной позиции в условиях конкуренции, того, что личности удалось достичь при совокупности внешних и внутренних условий, в определённый конкретно-исторический период жизни. «Самоут-

Сводная таблица взаимосвязей компонентов системы психологической деятельности профессионального самоутверждения

Компоненты психологической системы деятельности	Мотивы деятельности	Цели деятельности	Программа деятельности	Информационная основа деятельности	Принятие решений о деятельности	Качества субъекта деятельности
Мотивы деятельности	Мотивы, побуждающие к профессиональному самоутверждению	Соотнесение мотивов с целью-образом; целью-результатом профессионального самоутверждения	Соотнесение возможностей достижения цели с мотивами (релевантность, иерархия показателей)	Определение признаков достижения цели в соответствии с мотивами	Значимость решаемых задач для личности в соответствии с мотивами	Система мотивов личности, детерминирующая развитие оперативных качеств для профсамоутверждения
Цели деятельности	Представление о цели предстоящей деятельности и возможностей удовлетворения мотивов	Образ нормативно одобряемой цели профессионального самоутверждения	Анализ средств достижения цели	Результативные признаки (цель-образ), процессуальные признаки(цель-задание)	Ведущий критерий для принятия решения на основе приоритетной цели	Соотнесение целей профессионального самоутверждения с операционными качествами личности
Программа деятельности	Анализ субъективных и объективных условий удовлетворения мотивов профессионального самоутверждения	Фиксированная цель (эталонные критерии для принятия решения о достижении цели, сравнение результата с нормативной целью)	Представление о способах, компонентах деятельности по профессиональному самоутверждению	Соотнесение признаков с компонентами и способами деятельности	Алгоритм действий (нормативная основа деятельности), детерминированная, вероятностная	Программа перехода операционных качеств профессионального самоутверждения в оперативные
Информационная основа деятельности	Требования личности к деятельности, профессиональным задачам	Соотнесение нормативно одобряемой цели с фиксированной целью профессионального самоутверждения	Нормативно одобряемый способ деятельности по профессиональному самоутверждению	Нормативная основа деятельности профессионального самоутверждения	Выработка решающего правила и критерия принятия решения	Структура оперативных качеств, критерии готовности оперативных качеств к реализации профессионального самоутверждения
Принятие решений о деятельности	Критерии принятия профессиональной задачи в соответствии со структурной мотивацией профсамоутверждения	Параметры качественной и количественной оценки реализации цели профессионального самоутверждения	Представление о программе достижения цели профессионального самоутверждения	Проверка адекватности признаков информационной основы деятельности решаемым задачам	Выбор альтернатив на основе оценочных критериев, способы принятия решений	Критерии эффективности реализации оперативных качеств субъекта профессионального самоутверждения
Качества субъекта деятельности	Сформированная структура мотивов профессионального самоутверждения (иерархия)	Сформированная структура целей профессионального самоутверждения	Индивидуальная программа деятельности по профессиональному самоутверждению	Субъективно значимые информационные комплексы об объективных и субъективных условиях деятельности	Индивидуальные способы подготовки и принятия решений	Сформированные подсистемы оперативных качеств субъекта профессионального самоутверждения. Индивидуальный способ деятельности

верждение есть личностное положение в этом мире, обеспеченное или необеспеченное личностно-психологически, профессионально, положение состоявшейся личности» [14].

Таким образом, единая цель профессионального самоутверждения как системы деятельности – это побуждение, программирование, регуляция, реализация *состояния* личности, при котором личность чувствует себя профессионально состоявшейся.

Это состояние определено В. Д. Шадриковым следующим образом: «Люди, профессионально самоутвердившиеся, получают определённый жизненный стержень, в их жизни проявляется смысл, они могут реализовать себя в профессии и через профессию. Это вносит стабильность во внутреннюю жизнь, способствует формированию стереотипов поведения и отражающих их конкретных личностных качеств» [15].

Понимание цели профессионального самоутверждения как «стабильности внутренней жизни» делает принципиально важным вопрос определения критериев достижения результата.

Сложность состоит в том, что в сознании личности самоутверждение, тем более профессиональное, понятийно представлено редко. По мнению К. А. Абульхановой-Славской, оно представлено в сознании специфическим образованием – профессиональной «Я-концепцией», которая проявляется в переживаниях и смысловых отношениях (мотивационно-смысловых образованиях) к профессии, профессиональным задачам; к себе как профессионалу; к динамике и механизмам профессионального развития. Смысловые отношения и переживания неотделимы от внутреннего мира личности. «Я-концепция» включает «в себя внутренний мир личности» [16].

Внутренний мир – это «потребностно-эмоционально-информационная субстанция», формирующаяся на основе индивидуальных свойств и качеств [17].

Внутренний мир человека имеет структуру функциональной системы деятельности, так как «любая деятельность человека в своём внутреннем содержании и есть одна из сторон внутренней жизни человека» [18].

Профессионально утвердившийся человек, (человек со стабильным внутренним миром), – это тот, кто имеет сформированную систему деятельности по своему профессиональному самоутверждению, а именно:

- сформированную систему мотивов и смыслов, побуждающую к реализации профессионального самоутверждения;

- осознаваемую и принятую цель (может быть не одну) своего профессионального самоутверждения;

- программу достижения целей профессионального самоутверждения, которая соотнесена с возможностями внутреннего и внешнего мира личности;

- критерии достижения цели, которые выступают как переживания (субъективно-значимые для личности информационные комплексы);

- способ или правило разрешения противоречий, выбора альтернатив по ведущему критерию (цели);

- индивидуальный способ реализации деятельности профессионального самоутверждения (стереотипы поведения и отражающие их конкретные личные качества).

Все признаки отражают интегральный показатель – *позицию профессионального самоутверждения*.

Позиция профессионального самоутверждения – это состояние субъекта профессионального самоутверждения, которое имеет внешние и внутренние параметры.

С одной стороны, это состояние личности, которое переживается ею как определённое достижение в профессиональной сфере. Это переживание мы называем чувством *профессиональной самооценности*. Чувство профессиональной самооценности нельзя наблюдать непосредственно, его можно исследовать как мотивационно-смысловые отношения к профессиональным задачам и целям, которые человек ставит перед собой как субъект профессионального самоутверждения. Это продукты деятельности, знания и умения, способности и качества личности, которые человек считает предметом профессиональной гордости. В целом, профессиональная самооценность – субъективный результат реализации профессиональной активности, который выражается в удовлетворённости собой как профессионалом, стремлении к дальнейшему профессиональному росту, в управлении своим профессиональным развитием и карьерным продвижением.

С другой стороны, это состояние субъекта, которое можно наблюдать извне: в оценках продуктов его деятельности, знаний и умений, способностей и качеств другими людьми, которое мы называем *профессиональной надёжностью личности*. Профессиональная надёжность – результат реализации профессиональной активности, который выражается в способности поддерживать сосредоточенность на достижении профессиональной цели, актуализацию профессиональных функций за счёт сформированной мотивации на совершенствование организации.

У каждого человека есть определённые сценарии достижения позиции профессионального самоутверждения как профессиональной самооценности и профессиональной надёжности. Не все сценарии осознаются личностью, строятся в

соответствии с целью и мотивами личности, а значит человек не всегда осознаёт себя субъектом своего профессионального самоутверждения.

Быть субъектом профессионального самоутверждения – значит иметь способность к организации этой деятельности, владеть архитектурой функциональной системы профессионального самоутверждения (знать компоненты деятельности и способы её реализации). Процессуальная сторона профессионального самоутверждения состоит в качестве обеспечения функционирования системы деятельности.

С позиции *структурно-функционального анализа* профессиональное самоутверждение – это сложная динамическая взаимосвязь всех компонентов системы деятельности – системогенез. Для иллюстрации этой идеи представим сводную таблицу взаимодействия компонентов (см. таблицу).

В таблице каждый компонент представлен как отдельный функциональный блок в общей структуре (по вертикали) и как развитие компонента во взаимодействиях с другими компонентами (по горизонтали).

На пересечениях компонентов системы деятельности находятся теоретически предполагаемые нами продукты их взаимодействия, которые возможно исследовать и получить описание состояния субъекта профессионального самоутверждения.

Три следующих уровня анализа (*мотивационно-смысловой, программно-целевой, контрольно-информационный*) – углублённое исследование функциональных механизмов реализации профессионального самоутверждения.

Субъектно-деятельностный уровень анализа предполагает характеристику субъекта профессионального самоутверждения. В определении субъекта мы придерживаемся точки зрения К. А. Абульхановой-Славской [19]:

- субъект обладает особым способом организации, то есть превращение личности в субъекта происходит как в процессе овладения деятельностью, так и в организации этой деятельности;
- субъект способен к разрешению противоречий своими силами;
- субъект целенаправленно и оптимально использует свои возможности и имеющийся опыт как способы решения жизненных задач и проблем;
- субъект нацелен на совершенствование своей личности как индивидуальности;
- субъект стремится к достижению «высшего уровня» своей жизни, оптимальному уровню функционирования.

Субъект профессионального самоутверждения владеет архитектурой функциональной системы профессионального самоутверждения (знает компоненты деятельности и способы её реализации); соотносит цели, мотивы профессионального самоутверждения с реальными возможностями, которые предоставляет ему профессия, разрешает противоречия между ними; оптимально использует свои способности, то есть переводит их из операционного состояния в оперативные (профессионально важные) качества; находится в состоянии стремления к достижению высшего уровня жизни – формированию своей профессиональной самооценки и профессиональной надёжности как позиции профессионального самоутверждения.

Итак, с позиции системогенеза профессиональное самоутверждение является системой психологической деятельности, полиструктурным, многоуровневым образованием. Цель профессионального самоутверждения – в обеспечении оптимального функционирования субъекта в профессиональной сфере: достижения им определённого состояния профессиональной самооценки и профессиональной надёжности как показателей позиции профессионального самоутверждения.

Примечания

1. Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М.: Наука, 1972. С. 15.
2. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. Репр. воспр. текста издания 1982 г. М.: Логос, 2007. С. 29.
3. Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 18.
4. Шадриков В. Д. Указ. соч. С. 24.
5. Там же. С. 24.
6. Там же. С. 26.
7. Там же. С. 62.
8. Там же. С. 65.
9. Там же. С. 77.
10. Там же. С. 86.
11. Там же. С. 33.
12. Там же.
13. Поварёнков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Ярославль: Канцлер, 2008. С. 162.
14. Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / под науч. ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. С. 49.
15. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга: Логос, 2006. С. 89.
16. Психология индивидуальности. С. 51.
17. Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности: Введение в психологию. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2009. С. 119.
18. Там же. С. 135.
19. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1977. 224 с.

УДК 130.122

Н. В. Коптева

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ УВЕРЕННОСТЬ КАК «ИНДИКАТОР» СМЫСЛА

Онтологическая уверенность как переживание личностью себя и своего мира является также «индикатором» переживания онтологической значимости жизни, наличия смысла. Частные измерения онтологической уверенности указывают не только на смысл, но и на области жизненного мира, в которых он существует. Онтологическая уверенность, как первичное указание на смысл, однако не раскрывает его.

Ontological security as personal experience of oneself and one's own world is also an "indice" of experience of ontological significance of life, presence of meaning. Partial measurements of ontological security indicate not only meaning, but also areas of world where it occurs. However, being an initial indication of meaning, ontological security doesn't unfold it.

Ключевые слова: диагностика онтологической уверенности, онтологическая уверенность и ее измерения, осмысленность жизни, смысло-жизненные ориентации.

Keywords: ontological security diagnostics, ontological security and its measurements, meaning of life, meaning of life orientations.

В статье конструкт онтологической уверенности (как переживания, характеризующего образ Я в мире), лежащий в основании одноименной авторской методики, с целью его уточнения сопоставляется с конструктом смысло-жизненных ориентаций Д. А. Леонтьева. Как известно, одноименный тест представляет собой адаптацию созданного Дж. Крамбо и Л. Махоликом теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL), предназначенного для диагностики количественной меры переживания индивидом онтологической значимости (осмысленности) жизни [1]. Таким образом, определенная близость конструктов обнаруживается уже на терминологическом уровне. Авторы англоязычной версии теста в своем понимании переживания индивидом онтологической значимости жизни (наполненности ее смыслом) разделяли подход В. Франкла, который считал, что путь человека к самому себе лежит через мир. В логике «онтологии жизненного мира» рассматривает смысловую реальность и Д. А. Леонтьев.

С этими авторами лидера «антипсихиатрии» Р. Лэнга, предложившего понятие ontological security (варианты перевода: «онтологическая уверенность» или «онтологическая безопасность»), объединяет ракурс исследования переживания

онтологической неуверенности в контексте бытия психотиков. Термином «бытие» Р. Лэнг пользуется просто для обозначения всего того, что есть человек [2]. Оппозицию «онтологическая уверенность – неуверенность» он определяет в том же ключе: «переживание личностью своего мира и самое себя», «переживание человеком самого себя вместе с другими в его мире» [3]. Спектр переживаний, конституирующих онтологическую уверенность (неуверенность), включает чувства, относящиеся к бытию и его «составляющим»: собственному Я, телу, миру и людям.

Онтологическая уверенность предполагает, а неуверенность исключает общность переживаний себя, других людей, мира в качестве *реальных, субстанциональных, живых* [4]. Переживания онтологически уверенной личности по поводу перечисленных «составляющих» бытия сходны: себя она воспринимает как *подлинную, ценную*, других – как *достойных доверия*, природные процессы – как *надежные*, вещи – как *неизменные*. Онтологически неуверенная личность, напротив, переживает *внутреннюю нехватку богатства, ценности*, отрицает *привязанность* к вещам и людям в мире, которые воспринимаются как опасность.

Онтологической уверенности соответствует переживание своего Я, мира и других людей как *в равной мере цельных и непрерывных*. Собственное Я естественным образом мыслится как *совпадающее с телом в пространственном и временном аспектах*, и как таковое *в связи с другими и миром, «вместе с» остальными или «как у себя дома»*. Онтологическая неуверенность характеризуется тем, что человек переживает себя *рискованно отличающимся от остального мира*, а свое ментальное Я воспринимает как *отделенное от тела* («невоплощенное» в нем). Внутренние *расколы Я* находят свое продолжение в *расколе с миром*.

Представленные типы различаются *диапазоном и размерами своего бытия*: онтологически неуверенные переживают свои претензии на право «занимать пространство» как несостоятельные.

Ранее У. Джемс, первый из психологов обозначивший проблематику Я-идентичности, отнес к эмпирическому Я не только *me* (то, что считаю собой), но и *mine* (то, что считаю своим), и рассматривал по сути тот же вопрос о переживании человеком себя в мире, но в общепсихологическом плане. «Трудно провести черту между тем, что человек называет *самим* собой и своим. Наши чувства и поступки по отношению к некоторым принадлежащим нам объектам в значительной степени сходны с чувствами и поступками по отношению к нам самим. Наше доброе имя, наши дети, наши произведения могут быть нам так же

дороги, как и наше собственное тело, и могут вызывать в нас те же чувства, а в случае посягательства на них – то же стремление к возмездию. А тела наши – просто ли они наши или это мы сами? Бесспорно, бывали случаи, когда люди отрекались от собственного тела и смотрели на него как на одеяние или даже тюрьму, из которой они когда-нибудь будут счастливы вырваться» [5]. Сходные переживания объединяют разнородные объекты, составляющие эмпирическое Я (духовная личность, тело, одежда, семья, домашний очаг, нажитое состояние, друзья, местности и т. д.). В изложении У. Джемса феноменология этих переживаний выглядит менее экстравагантно, чем в концепции Р. Лэнга, и включает *чувства принадлежности, теплоты, симпатии, интимности, близости, знакомости, родственности, «нежнейшее чувство привязанности», переживание ценности* [6].

Соответственно и у У. Джемса физическое и социальное Я разных людей различается своими масштабами. Он предвосхищает проблему «невоплощенной» в собственном теле личности, которая у Р. Лэнга станет одной из центральных в обсуждении онтологической неуверенности не только когда говорит о людях, отрекающихся от своего тела. Другой общепсихологический вариант узких личностей – те, кто ограничивают свою личность, отделяют от нее все то, чем они прочно не владеют. Они смотрят с холодным пренебрежением (если не с настоящей ненавистью) на людей, непохожих на них или не поддающихся их влиянию, хотя бы эти люди обладали великими достоинствами. «Кто не за меня, тот для меня не существует, т. е., насколько от меня зависит, я стараюсь действовать так, как будто он для меня вовсе не существовал» [7]. Полюс противоположный подобным людям – «властелины суши, моря и людей». «Тот, кто может воскликнуть вместе с Марком Аврелием: “О, Вселенная! Все, что ты желаешь, то и я желаю!”, имеет личность, из которой удалено до последней черты все, ограничивающее, суживающее ее содержание – содержание такой личности всеобъемлюще» [8]. Эту «широкую» личность У. Джемса можно рассматривать как «идеальную форму» онтологически уверенной личности.

Основу нашего теоретического конструкта онтологической уверенности (ОУ) составляют изложенные выше идеи У. Джемса, нашедшие развитие в наиболее известных западных исследованиях, расширяющих границы Я, идентичности, Я-концепции: Ч. Кули [9], Э. Эриксона [10], К. Роджерса [11]. В эту традицию встраивается и Р. Лэнг, у которого нами заимствовано понятие онтологической уверенности. В понимании ОУ мы опираемся также на концепции отечественных психологов, раздвигающих привычные рам-

ки рассмотрения известных феноменов: психики (А. Ф. Лазурский [12]), самосознания (С. Л. Рубинштейн [13], В. С. Мерлин, [14]), а также на концепции субъективной реальности Д. И. Дубровского [15], «зонда» сознания А. Ш. Тхостова [16], воплощений и превращений как форм взаимодействия индивидуальности с миром Л. Я. Дорффмана [17], психологического пространства личности С. К. Нартовой-Бочавер [18].

В предлагаемом конструкте ОУ как переживание человеком себя в мире определяется в русле указанной традиции *системой переживаний* близости, эмоциональной расположенности ценности, комфорта, привычности, контролируемости, предсказуемости и т. д., соотносимых с феноменологией Я и объектами этих переживаний. В гипотетическом конструкте нерасчлененности, целостности переживания ОУ соответствует глобальность основных объектов жизненного мира. Помимо *уверенности в Я, теле, мире, людях* конструкт ОУ включает также *уверенность в значимом для себя*. Последняя по своему объекту (которым является субъективная ценность) может относиться к любому из вышеперечисленных видов уверенности. Подобную неотъемлемую составляющую эмпирического Я имел в виду У. Джемс, приводя пример: «*Ga me connaît*» (оно меня знает), — говорил один французский работник, указывая на инструмент, которым владел в совершенстве [19]. С. Л. Рубинштейн отмечает, что в каком-то очень широком смысле все переживаемое человеком, все психическое содержание его жизни входит в состав личности. В частности, в качестве того, что будет включено в Я, С. Л. Рубинштейн называет мысль, «которой человек отдал все свои силы и чувства, с которыми срослась вся его жизнь» [20].

ОУ, предполагающую распространение переживаний, характеризующих феноменологию Я на широкий круг разнородных объектов и объединение с ними, мы понимаем как переживание человеком своей единоприродности с миром, как объединяющее, «ресурсное» чувство, придающее человеку ощущение безопасности, силы. Частные измерения ОУ дифференцированы по перечисленным объектам как возможным бытийным опорам.

Инструментарий (методика «Онтологическая уверенность»). На основании теоретического конструкта создана методика изучения ОУ, которая прошла проверку на конструктивную и конвергентную валидность, надежность шкал и т. д. (N = 300 человек). Психометрические характеристики методики составили предмет самостоятельной статьи [21].

Конкретная форма методики была подсказана методикой Ж. Нютена [22], созданной по принципу семантического дифференциала и на-

правленной на определение установок по отношению к психологическому времени. Эта методика в адаптации К. Муздыбаева выявляет установки по отношению к прошлому, настоящему и будущему с помощью трех индексов (эмоционального и ценностного отношения, а также личностного контроля), в соответствии с которыми подобраны 15 оппозиций прилагательных. Испытуемый оценивает по этим оппозициям каждое из времен, при обработке данных вычисляются три индекса для прошлого, настоящего и будущего [23].

В итоговый вариант методики, использованный в настоящем исследовании, вошли два собственно пространственных критерия (индекса), «близость» и «комфорт», соотносимых с феноменологией «Я», и два, совпадающих с индексами К. Муздыбаева, «эмоциональное отношение» и «ценностное отношение», для которых был разработан свой набор оппозиций прилагательных. К индексу «близость» подобраны пункты: близкое – не близкое, мое – не мое, родственное – чужое. Индекс «комфорт» образован пунктами: комфортное – не комфортное, удобное для меня – не удобное для меня, уютное – не уютное. С индексом «ценность» соотносятся пункты: ценное – ничего не стоящее, дорогое – не дорогое, важное для меня – не важное для меня. Индекс «эмоциональное отношение» составили пункты: любимое – не любимое, вызывающее теплые чувства – не вызывающее теплых чувств, родное – чужое. Таким образом, методика содержала всего 12 оппозиций прилагательных. Предлагалась инструкция: «Оцените по своим субъективным ощущениям, используя предложенные характеристики, ваше “Я” (тело, мир, окружающих людей, нечто значимое для вас) по 7-балльной шкале. Цифры обозначают степень вашего согласия с позитивным полюсом характеристики (7 – полностью согласен, 6 – в целом согласен, 5 – скорее согласен, чем не согласен, 4 – затрудняюсь с ответом, 3 – скорее не согласен, чем согласен, 2 – в целом не согласен, 1 – не согласен)». Прежде чем оценивать «значимое», в соответствующем пункте теста респонденты подчеркивали что-то из предложенного списка: человек, предмет, дело, интерес, занятие, событие – или дописывали свое.

Всего методика включала 60 пунктов, образующих 5 первичных шкал, совпадающих с вышеперечисленными пятью «измерениями» ОУ: *уверенность в собственном «Я», теле, мире, людях, значимом*.

При обработке данных подсчитывалась сумма баллов, которой оценивался уровень уверенности в каждом из объектов самоидентификации. На основе этих 5 шкал формировалась одна суммарная, агрегированная шкала ОУ.

Онтологическая уверенность и осмысленность жизни. Гипотеза исследования. Прежде чем сопоставлять конструкты переживаний ОУ и переживания осмысленности (онтологической значимости) жизни, остановимся на использованном нами психосемантическом методе, который, по мнению Д. А. Леонтьева, имеет отношение к изучению смысловой сферы, но существенно отличается от психометрического, реализованного в тесте смысловых ориентаций [24].

Мы использовали принцип СД не для изучения семантического содержания понятий *Я, тело, мир, люди, значимое*, а в целях выявления характера переживания человеком себя в мире. Аффективные коннотативные значения, которые, по мнению создателя метода Ч. Осгуда, предшествуют осмысленным операциям с символами [25], в наибольшей степени соответствуют характеру онтологической уверенности как первичного и «самообоснованного» переживания целостности своего бытия, присущего уже младенцу, и сохраняющегося у взрослого человека даже при наличии развитой рефлексии алексическую, аффективную составляющую. (Факторный анализ пунктов методики «Онтологическая уверенность» показал, что переживание бытийных опор *Я, тело, мир, люди, значимое* универсально, целостно, не поддается разложению на отдельные группы переживаний.) Метод СД также в наибольшей степени позволял реализовать замысел, насколько это возможно, использовать при подборе шкал методики характеристики феноменологии «Я», которыми мы обязаны «блестящему самонаблюдению» У. Джемса, и обозначенный Р. Лэнгом спектр чувств онтологической уверенности как переживания себя в мире. Поскольку речь шла о субъективных характеристиках, в определенной мере выполнялось требование психосемантического метода при подборе шкал применять признаки, объективно не присущие оцениваемым образам.

Основанием гипотезы о близости эмпирических конструктов переживаний ОУ и осмысленности (онтологической значимости) жизни явилось то, что коннотативное значение слов, объектов и их образов, которое определяют как аффективное, ценностное, индивидуальное субъективное, имеет отношение к смысловой реальности. В. Ф. Петренко, ссылаясь на исследования А. Н. Леонтьева и А. А. Леонтьева, считает наиболее близким аналогом коннотативного значения в отечественной психологии личностный смысл или значение значения для субъекта [26]. А. М. Эткинд в список понятий, имеющих область пересечения с понятием коннотативного значения, включает «отношения» В. Н. Мясищева, «ценностно-ориентационную деятельность» М. С. Кагана, «диспозиции» В. А. Ядова, «лич-

ностный смысл» в его отличии от «объективного значения» А. Н. Леонтьева, а психосемантический метод рассматривает как средство моделирования системы личностных смыслов [27].

Мы скорее солидарны с Д. А. Леонтьевым, который признавая наличие определенных оснований для проведения параллелей между понятиями коннотативного значения и личностного смысла, все же разводит их. Коннотативное значение представляет собой лишь «эмоциональную сторону, эмоциональный заряд субъективных образов объектов, явлений или их символов». «Эмоциональное отношение дает нам лишь первичное указание на смысл, но отнюдь не раскрывает его, ибо не позволяет соотносить отношение к объекту с жизненными отношениями субъекта», последние остаются за рамками психосемантического исследования [28].

Психосемантический и психометрический подходы, реализованные в методике «Онтологическая уверенность» и тесте смысложизненных ориентаций, в соответствии с логикой Д. А. Леонтьева различаются направленностью на разные грани смысла (феноменологическую и субстратную, регуляторную), на разные характеристики смысловой структуры (феноменологическую и деятельностную). Они имеют также разные предметы исследования, психосемантический – смысловые связи в картине мира, мировоззрение, субъективную семантику, образы в широком смысле слова, а психометрический – индивидуальные особенности смысловой сферы (в тесте СЖО осмысленности жизни и ее аспектов) как бытийные регуляторы.

А. М. Эткин связывает возможности семантического дифференциала (СД) с тем, что в отличие от большинства личностных тестов он не измеряет выраженность в личности определенных, заданных процедурой тестирования свойств; этот метод, напротив, способен дать содержательную картину внутреннего мира личности, ее отношений к самой себе, другим людям, значимым аспектам окружения [29]. Мы вынуждены признать, что эта характеристика СД, во всяком

случае, для нашей модификации методики не вполне подходит. Выявляемые с ее помощью переживания ОУ и ее аспектов можно определить лишь как указывающие на наличие личностного смысла и его локализацию по бытийным опорам. Однако они не раскрывают, не конкретизируют сами смыслы, что, однако не противоречит гипотезе, в соответствии с которой обсуждаемые эмпирические конструкторы имеют область пересечения. Можно также рассуждать на то, что их сопоставление позволит прояснить как особенности ОУ, так и смысложизненных ориентаций.

Переживание онтологической уверенности как указание на смысл жизни и осмысленность жизни. Обратимся к анализу полученных данных (см. таблицу). Гипотеза о близости эмпирических конструкторов онтологической уверенности как переживания являющегося «индикатором» личностного смысла, и переживания онтологической значимости жизни нашла эмпирическую поддержку. Об этом свидетельствует корреляция интегральных шкал *онтологической уверенности* и *осмысленности жизни* ($r = 0.51$, $p < ,001$ $N = 83$). Уровню онтологической уверенности как объединяющего, «ресурсного» чувства, свидетельствующего о наличии бытийных опор, соответствует уровень осмысленности жизни как системного смыслового образования. «Осмысленность жизни можно рассматривать как энергетическую характеристику смысловой сферы, количественную меру степени и устойчивости направленности жизнедеятельности субъекта на какой-то смысл. Действительно, наполненность жизни субъекта каким-либо устойчивым смыслом феноменологически проявляется, в частности, в стеничности, энергии, жизнестойкости, а отсутствие смысла выражается в депрессии, легкой подверженности психическим и соматическим заболеваниям и аддикциям» [30]. Осмысленности жизни как энергетической характеристике смысловой сферы соответствует таким образом «знак» и «сила» эмоционального заряда, указывающего на смысл.

Онтологическая уверенность и ее аспекты в связи со смысложизненными ориентациями

	Уверенность в					ОУ
	Я	теле	мире	людях	значимом	
Общий показатель	0,35**	0,42***	0,44***	0,31**	0,41***	0,51***
Цели	0,25	0,40***	0,35**	0,22	0,41***	0,43***
Процесс	0,30**	0,37***	0,46***	0,32**	0,38***	0,49***
Результат	0,39***	0,41***	0,50***	0,40***	0,41***	0,57***
ЛК-Я	0,20	0,28*	0,31**	0,17	0,25*	0,33**
ЛК-жизнь	0,24*	0,17	0,29**	0,23	0,30**	0,32**

Примечание: в матрице оставлены коэффициенты корреляции при $p < ,05$, $p < ,01$, $p < ,001$.

О близости эмпирических конструкторов онтологической уверенности и осмысленности жизни свидетельствуют не только многочисленные положительные связи показателей методик, но и данные иерархического факторного анализа, согласно которым обнаружился вторичный фактор, интегрирующий частные показатели обеих методик.

Аспекты ОУ в связи со смысложизненными ориентациями. Частные измерения онтологической уверенности не только являются индикаторами смысла, но и указывают на области жизненного мира, в которых он существует. Обращают на себя внимание показатели методики, имеющие наибольшее количество связей высокого уровня с измерениями осмысленности жизни: *уверенность в значимом* (4 связи, r от 0,38 до 0,41, при $p < ,001$, по 1 связи при $p < ,01$ и $p < ,05$), *и мире* (3 связи, r от 0,44 до 0,50, при $p < ,001$, и три связи при $p < ,01$). Связи *уверенности в Я* со смысложизненными ориентациями, менее тесные (1 связь при $p < ,001$, две связи при $p < ,01$ и две связи при $p < ,05$). Полученная картина соответствует одному из центральных положений логотерапии В. Франкла о том, что смысл жизни не может находиться в Я и предполагает реализацию ценностей, выходящих за его пределы, самотрансценденцию [31]. Полученные данные также совпадают с одним из итогов обзора исследований по методике «Цель в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика, которые подвел И. Ялом: «Осмысленность жизни связана с трансцендентными ценностями, то есть ценностями, которые выходят за пределы собственно «Я». Им отмечается также связь осмысленности жизни с членством в группах и увлечением каким-то делом [32]. Наши респонденты чаще всего отмечали в качестве *значимого* дело, занятие, интерес и человека (соответствующие выборы распределились почти поровну).

Менее тесные связи показателя *уверенности в людях* с измерениями осмысленности жизни могут свидетельствовать, что смыслы, соотносимые с ценностями переживания, преимущественно локализованы в *значимом*. В отличие от них смыслы, соотносимые с ценностями «дело», «интерес», «занятие», вероятно, локализованы как в *значимом*, так и в *мире*.

Что касается *уверенности в теле*, характер связей лишней раз указывает на его «пограничное» положение между ментальным Я и миром, которое отмечается Р. Лэнгом «Тело явно занимает двусмысленное переходное положение между «мною» и миром. С одной стороны, оно является сердцевинной и центром моего мира, а с другой – оно есть объект в мире других» [33]. В концепции А. Ш. Тхостова тело как своеобразный «зонд» чистого Я, сливающийся с ним, по-

добно тому как зонд сливается с рукой, представляет собой место «пересечения», встречи субъекта и объекта. Но в качестве «зонда» тело также соприкасается с миром [34].

Особенности связей измерений ОУ с собственно смысложизненными ориентациями и аспектами локуса контроля. Эмпирический конструктор СЖО представляет собой структурно сложное образование, что соответствует представлениям Д. А. Леонтьева о системном строении смысловой реальности.

Уточнив факторную структуру конструкта осмысленности жизни, он выявил, помимо интегрального показателя, общего с англоязычной методикой, пять его составляющих (три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта локуса контроля).

Временная локализация ведущих смысловых ориентиров рассматривается Д. А. Леонтьевым как важное измерение, характеризующее индивидуальные особенности смысловой сферы. Из двух групп показателей, выделяемых в структуре осмысленности жизни, показатели, указывающие на временную локализацию: *цели в жизни*, соотносимые с наличием смысла в будущем, *процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни*, свидетельствующий об осмысленности настоящего, и *результативность жизни или удовлетворенность самореализацией*, указывающая на продуктивность и осмысленность прошлого, – наиболее тесно связаны с показателями онтологической уверенности (18 связей с тремя названными измерениями, из них 13 связей, r от 0,50 до 0,39, при $p < ,001$, и 4 связи, r от 0,30 до 0,35, при $p < ,01$).

Восприятие мира как целого – в пространственной протяженности и временной перспективе Д. А. Леонтьев рассматривает в качестве одной из психологических предпосылок смысловой регуляции вообще. Составляющие эмпирического конструкта осмысленности жизни, дифференцированные по временному критерию, и показатели ОУ, дифференцированные по «пространственному» критерию – бытийным опорам, образуют структуру, которую можно определить как своеобразный хронотоп.

Хотя все измерения ОУ и смысложизненные ориентации, имеющие отношение ко времени, взаимосвязаны, плотность связей растет от *осмысленности будущего* (2 связи, r 0,40, 0,41, при $p < ,001$) к *осмысленности настоящего* (3 связи, r от 0,37 до 0,46, при $p < ,001$) и достигает максимума у показателя *осмысленности прошлого* (5 связей, r от 0,39 до 0,41, при $p < ,001$). Другими словами, есть эмоциональный заряд смыслов, в той или иной мере реализованных, воплотившихся в определенных жизненных достижениях.

Два оставшихся фактора, составляющие конструктор осмысленности жизни, *локус контроля-Я* и *локус контроля-жизнь или управляемость жизни* (характеризующие представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле и общее мировоззренческое убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь [35]), менее тесно связаны с онтологической уверенностью (6 связей, 3 при $p < ,05$ и 3 при $p < ,01$, r от 0,23 до 0,30). Таким образом, указание на наличие смысла не раскрывает его природу, в частности, не указывает на то, что он найден самим человеком, а не задан ему извне. В. Франкл видит существенную проблему в разделении ответственности и свободы: направленность на смысл и ориентация на дело может не предполагать свободы их выбора, а свобода выбора может быть не сопряжена с ответственностью [36].

Выводы. Онтологическая уверенность как переживание личностью себя и своего мира является также «индикатором» личностного смысла, переживания онтологической значимости жизни. Частные измерения онтологической уверенности не только указывают на смысл, но и на области жизненного мира, в которых он существует. Полученные данные подтверждают фундаментальное положение логотерапии В. Франкла о том, что смысл жизни не может находиться в Я, а предполагает реализацию ценностей, выходящих за его пределы, самотрансценденцию. Из двух групп смысложизненных ориентаций наиболее тесно связаны с измерениями онтологической уверенности те, которые имеют отношение к временной локализации смыслов. Составляющие эмпирического конструктора осмысленности жизни, дифференцированные по временному критерию, и показатели ОУ, дифференцированные по «пространственному» критерию – бытийным опорам, образуют структуру, которую можно определить как вид хронотопа. Эмоциональный заряд смыслов реализуется, воплощается в жизненных достижениях сильнее, указание на них более явно. Онтологическая уверенность как первичное указание на наличие смысла не раскрывает его природу, в частности, не указывает на то, что он обретен, свободно найден самим человеком.

Примечания

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999. С. 294; Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992. С. 3.
2. Лэнг Р. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995. С. 10–11.

3. Там же. С. 7, 10.
4. Курсивом выделены определения, принадлежащие Р. Лэнгу.
5. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. С. 81.
6. Курсивом выделены определения, принадлежащие У. Джемсу.
7. Джемс У. Указ. соч. С. 92.
8. Там же. С. 94.
9. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль. Тексты / под ред. В. И. Добренкова. М., 1994. С. 316–330.
10. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
11. Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия. М., 1997.
12. Лазурский А. Ф., Франк С. А., Программа исследования личности в ее отношениях к среде // Лазурский А. Ф. Избранные труды по общей психологии. СПб.: Алтейя, 2001. С. 124–160.
13. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. М., 1946.
14. Мерлин В. С. Структура личности: характер, способности, самосознание. Пермь, 1990.
15. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002.
16. Психосемиотика телесности / под общ. ред. И. В. Журавлева, Е. С. Никитиной. М.: КомКнига, 2005.
17. Дорфман А. Я. Воплощения и превращения как формы взаимодействия индивидуальности с миром // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Т. 1. Психология. Философия / под ред. А. В. Ахутина, В. С. Собкина. М., 1996. С. 187–199.
18. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008.
19. Джемс У. Указ. соч. С. 89.
20. Рубинштейн С. А. Указ. соч. С. 680.
21. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность как характеристика самосознания // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 2. С. 393–405.
22. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
23. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 5–21.
24. Леонтьев Д. А. Психология смысла.
25. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 53.
26. Там же.
27. Этквинд А. М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала // Вопросы психологии. 1979. № 1. С. 17–27.
28. Леонтьев Д. А. Психология смысла. С. 312.
29. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
30. Леонтьев Д. А. Психология смысла. С. 293.
31. Франкл В. Указ. соч.
32. Леонтьев Д. А. Психология смысла. С. 295.
33. Лэнг Р. Указ. соч. С. 140.
34. Психосемиотика телесности.
35. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). С. 14.
36. Франкл В. Указ. соч. С. 67–68.

УДК 159.923

О. К. Полубейко

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

В статье предложено понятие поведения потребителей как целенаправленной активности, соответствующей деятельностной инварианте. Описаны семь типов поведения потребителей. Представлены результаты анализа влияния компонентов саморегуляции на проявление типов поведения потребителей.

In clause the concept of behavior of consumers as is offered to purposeful activity. Seven types of behavior of consumers are described. Results of the analysis of influence of components of self-control on types of behavior of consumers are presented.

Ключевые слова: поведение потребителей, типы поведения потребителей, саморегуляция поведения, регуляторные процессы.

Keywords: behavior of consumers, types of behavior of consumers, self-control of behavior, components of self-control.

В настоящее время в отечественной науке всё активней начинает рассматриваться вопрос о социально-психологических детерминантах поведения потребителей. С одной стороны, поиск внутренних, психологических причин поведения не нов и имеет длинную предысторию в отечественной психологии. Однако анализ подобных исследований приводит к заключению о том, что сфера вещного потребления практически не нашла своего раскрытия на настоящий момент.

Проблема подчиненности, «объектности» потребителя была заявлена в работах таких известных ученых, как Ж. Бодриар, Э. Фромм и др. О. С. Дейнека, анализируя взаимоотношения человека и вещного мира, привлекла внимание в отечественной психологической науке к проблеме зависимости человека, который не владеет навыками оптимального планирования своей жизни и деятельности, от материального мира [1]. Эта зависимость может целенаправленно воспитываться через средства массовой информации, рекламу, информационную сложность и противоречивость выбора и т. д. Категорически не утверждая, что рыночная экономика в целом вырабатывает у потребителей зависимое, подчиненное поведение, мы считаем, что на этапе становления рыночного экономического хозяйствования существует значительное количество факторов, способствующих этому. Поэтому мы поставили себе задачи определить типичные варианты поведения потребителей и выявить, насколько выраженность компонентов саморегуляции

поведения человека может определять проявление того или иного типа поведения потребителей. Предполагаем, что решение этих задач позволит в дальнейшем перейти к более глубокому анализу психологической системы поведения потребителей, даст возможность сформулировать некоторые практические рекомендации, позволяющие целенаправленно формировать стиль потребления, наиболее соответствующий потребностям и индивидуальным особенностям субъекта.

Для решения этих задач необходимо уточнить собственно понятие «поведение потребителей». Безусловно, термин «потребительское поведение» довольно легко прижился в русском языке. Однако прямое заимствование без уточнения содержательной стороны может приводить к неточным трактовкам данного явления. Категории потребление и потребительское поведение непосредственно взаимосвязаны друг с другом. При этом понятие потребления является родовым по отношению к поведению потребителей и более применимо к анализу общественных процессов. В этом смысле потребление является одной из повседневных жизненных практик.

В отечественной психологической науке термин «поведение» принято обозначать внешнее проявление активности в его двигательном выражении. При этом внутренние, психические процессы остаются вне поля зрения. Мы понимаем поведение потребителей как сложное многокомпонентное образование, имеющее свою внешнюю и внутреннюю структуру, соответствующую деятельностной инварианте. Это когнитивная, эмоциональная и физическая активность, проявляемая людьми при выборе, оплате, использовании товаров и услуг, направленная на изменение своего актуального или будущего состояния, социальных характеристик.

Так как в феномене потребительского поведения цель не задается извне, а перманентно присуща самому потребителю, то основными регуляторными процессами данной деятельности являются процессы саморегуляции. Любой конкретный вид произвольной активности предъявляет более и менее специфические требования к регуляции субъектом своих действий и поступков. Не будет являться исключением и поведение потребителей. Несмотря на то что в некоторых ситуациях рынок заинтересован как раз в обратном (напр., навязчивое кредитование), бездумное потребление отрицательно сказывается не только на отдельном индивиде, но и мезо- и макроэкономических уровнях, может иметь глобальные негативные последствия (напр., биржевая паника). Следовательно, определенный вид покупки или потребления требует соответствующих им вариантов саморегуляции поведения для их более эффективной реализации. И наоборот,

отсутствие у человека требуемой системы саморегуляции может привести к нежелательным поступкам или вызывать негативные послепокупочные эмоции и переживания.

С точки зрения О. А. Конопкина, В. И. Моросановой, А. К. Осницкого и других к саморегуляции как психологическому явлению в самом общем плане относятся процессы инициации и выдвижения субъектом целей активности, а также управление достижением этих целей. Саморегуляция произвольной активности человека понимается как системно организованный психический процесс по построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей.

Если произвольная активность направлена на достижение результата, то процессы саморегуляции – на обеспечение психическими средствами самого процесса достижения. Система осознанной саморегуляции служит для субъекта средством реализации этого процесса, организации психических ресурсов для выдвижения и достижения целей. Функциональные компоненты системы саморегуляции реализуются частными регуляторными процессами, к которым относятся планирование целей; моделирование значимых для достижения цели условий; программирование действий; оценивание; коррекция результатов.

Индивидуальные особенности целеполагания и удержания целей являются системообразующим исходным компонентом психологической системы регуляции деятельности. Основные индивидуальные различия в целеполагании связаны с активностью выдвижения целей, адекватностью этого процесса внешним и внутренним субъектным условиям, действенностью целей.

Индивидуальные особенности построения модели значимых условий выполняют в психической регуляции деятельности функцию источника информации об условиях, учет которых необходим для определения программы реализации деятельности. Содержание модели является оперативным, то есть зависит от цели и условий деятельности, но степень избирательности и прагматичности модели, степень ее информационной полноты, развитость и структура осуществляемых гностических действий индивидуально своеобразны. Степень осознанности, мера детализации представлений об условиях деятельности зависят не только от реальной значимости условий для достижения цели, но и от индивидуальных особенностей исполнителя деятельности.

Индивидуальные особенности планирования и прогнозирования действий. В функции программирования входит антиципация предстоящих действий, способов, которыми они будут осуществ-

ляться, и собственно последовательности осуществления планируемых действий. Устойчивые индивидуальные особенности в планировании во многом будут определяться мерой детализации исполнительских действий, степенью соотнесенности программы с объективными и субъективными предпосылками и условиями успешного осуществления деятельности.

Индивидуальные особенности контрольно-коррекционных процессов. Регуляторные процессы, связанные с контролем и принятием решений, пронизывают все блоки регуляции, так как на каждой стадии достижения цели происходит контроль актуального состояния системы и результатов действий путем сличения с прогнозируемыми, оценка расхождения и принятие решения о коррекции исполнительских действий или о переходе к следующей стадии реализации деятельности.

Но и потребительское поведение не является однородным для всех людей. Следовательно, говорить об индивидуальных особенностях саморегуляции имеет смысл только в том случае, если можно описать разнотипные проявления активности в сфере индивидуального потребления.

Методики и организация исследования. Объем выборки исследования составил 337 человек. В неё вошли взрослые люди 17–65 лет, жители г. Кирова различного пола, образовательного уровня, социального статуса и профессий. Социальное положение испытуемых: студенты, рабочие, служащие, руководители различных уровней. Так как уровень дохода является существенным фактором возможности реализации потребительских предпочтений в потреблении, для нивелирования возможного влияния на получаемые результаты экономического фактора, то есть наличия у респондентов финансовых возможностей реализовать желаемое поведение, из обработки были исключены результаты тех респондентов, которые отнесли себя к категории бедных и очень бедных.

Для оценки регулятивных аспектов личности использовалась методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» [2].

Опираясь на методики О. С. Посыпановой «Психологический профиль потребителей» [3] и О. С. Дейнеки «Поведение потребителей» [4], мы выделили и уточнили описание семи типов потребительской активности. Это такие типы, как индивидуалист, инноватор, модник, ситуативист, консерватор, традиционалист и равнодушный.

В основании выделения вышеназванных типов лежат потребительские предпочтения, которые понимаются как «...вид эмоционального субъект-объектного отношения, характеризующегося готовностью приобрести этот товар» [5]. Потребительские предпочтения являются доминиру-

ющим регуляторным компонентом потребления как деятельности и проявляются в конкретном поведении. Они – результат активной деятельности конкретного субъекта в конкретных условиях внешней среды. Внутренним условием, определяющим формирование предпочтений, является потребительская субъектность. Этим термином обозначается свойство потребителя быть источником отношений, в том числе – предпочтений. В проявлении потребительской активности названные типы обнаруживают различную степень вовлеченности в процесс выбора и покупки, различную степень зависимости от технологий маркетингового воздействия и социального окружения.

Ниже мы приводим описание типов вместе с данными об их процентной представленности у населения.

«Инноваторы» (14%) – предпочитающие новые товары или товары, обладающие новыми атрибутами. Эти потребители покупают товары в начале их жизненного цикла или товары, ранее неизвестные; высоко ценят свой выбор. Активно, долго ищут нужную вещь, долгое время ею пользуются, считают ее и себя модными, современными. При посещении магазинов испытывают подъем настроения. Купленный товар выступает как свидетельство статуса, престижа. Развито стремление выделиться с помощью товаров открытого потребления. При этом функциональность вещи менее значима. Готовы к риску в отношении качества, надежности товара.

Для «инноватора» наиболее значим не столько сам товар, сколько его новизна, овеществление «обгона других». Это человек с лабильными, чаще всего нечетко сформированными предпочтениями; их диапазон широк. Его предпочтения могут быть временно неадекватны принятым в социуме.

«Модники» (7,8%) – потребители, предпочитающие новые, но некоторыми уже употребляемые товары. Модным считают новое, рекламируемое. При потреблении ресурсов, которые используют все, считают себя яркими. Для этих людей важно чувство «правильности». Легко поддаются на рекламные акции, актуализирующие эти потребности. Редко экспериментируют, предпочитают готовые, но «свежие» варианты. К покупке их может подтолкнуть удачная упаковка, новизна и оригинальность в незначительных деталях. Развито самовыражение через товар. Товар значим как выражение включенности в группу. Потребители, поведение которых легче всего предсказать: покупают товар в том случае, если он расходуется большими партиями. С удовольствием ходят по магазинам и смотрят рекламу, но в самом выборе скорее пассивны. Сильное совпадение индивидуальных и социальных

предпочтений. Функциональность, необходимость вещи находятся на втором плане. Основной парадокс «модников» – стремление подчеркнуть свою индивидуальность через стремление к массовому потреблению.

«Традиционалисты» (25,2%) – потребители, предпочитающие надежное, проверенное, вечное. Избегают новинок. Решаясь сделать какую-либо покупку, опираются на свой прошлый опыт, мнение авторитетных для них людей. Приобретают товары в соответствии со степенью их необходимости. Отдают предпочтение полезности, функциональности, надежности товара. Покупают тот товар, в качестве и свойствах которого уверены. «Традиционалист» верен «классике», традициям потребления общества. Предпочтения сформированы, устойчивы, абсолютно адекватны принятым в социуме, диапазон – широкий, наиболее часто по сравнению с другими типами становятся реализованными. Рационально взвешивают стоимость товара. Не любят ходить в магазины.

«Консерваторы» (34,1%) – потребители, «застрявшие» на тенденции, которая обеспечила успешное социальное поведение и, в связи с этим, отрицающие нововведения. Не склонны покупать новые неапробированные товары. Если традиционалисты предпочитают «классику», принятые в обществе нормы потребления, то консерваторы следуют созданным ими же самими, собственными традициям. Они спокойны, не всегда довольны своим выбором, но находят причины, оправдывающие это. Для консерваторов важный критерий товара – практичность, функциональность, долговечность. Люди этого типа слабо реагируют на массовую рекламу, воздействие по месту покупки, но подвержены влиянию статей о товаре, главным образом в журналах. Предпочитают товары немассового производства, долго используют понравившийся вид. Консерваторы используют товар как средство подчеркнуть свою индивидуальность. Предпочтения индивидуальны, устойчивы, слабо подвержены внешнему влиянию, часто реализуются в покупке, адекватны социальным нормам. Не любят посещать магазины или равнодушны к их посещению.

«Индивидуалисты» («оригиналы») (17,4%) – потребители, предпочитающие индивидуальный стиль, приемлемый для одного человека или специфической группы потребителей. Предпочтения «оригинала» часто не вписываются в общепринятые стандарты. Иногда являются неадекватными предпочтениям, принятым в социуме. Для них характерны нестандартные запросы, трудное исполнение желаний, слабая реакция на рекламу. Мнения и советы других людей, продавцов на них не оказывают влияния. Довольны жизнью. Товар важен как свидетельство независимости. В большинстве случаев их предпочтения редко изменяющи-

еся; чаще – реализованные, так как «оригинал» готов сэкономить где-либо еще, но воплотить в жизнь свои предпочтения. Человек этого типа может предпочитать товары такие же, как у всех, но с определенной «изюминкой», может – такие, которые шокируют большинство. Он часто становится законодателем моды в своей малой группе. Товары открытого потребления важны для «оригинала» как свидетельство независимости, средство подчеркнуть индивидуальность. Чем более лично значимой является товарная категория, тем больше вероятность, что человек является «индивидуалистом».

«Ситуативисты» (14,7%) – индивиды, не имеющие стойких предпочтений. Их потребление определяется главным образом ситуативными факторами: эндогенными (настроением, желаниями, актуальными потребностями) и экзогенными (поведением ближайшего окружения, продавца, местом и временем покупки). Для «ситуативиста» характерен широкий диапазон предпочтений, его предпочтения слабо сформированные, адекватные вкусам большинства. Их легко удовлетворить из-за ситуативного возникновения в момент выбора. Любят посещать магазины. Испытывают доверие к рекламе товаров, новизна товара или упаковки может привлечь их внимание. Необходимость, функциональность товара, его качество отходят на второй план.

«Равнодушные» (2,9%) – потребители, либо не имеющие товарных предпочтений, либо их предпочтения совершенно слабы. «Равнодушный» при выборе товара полагается на предпочтения ближайшего окружения. Испытывая потребность в каком-либо товаре, сразу же приобретают первую попавшуюся на глаза подходящую продукцию. Не тратят время на выбор товара, могут доверять рекламе.

Результаты исследования

Мы предполагали, что проявление типов потребительской активности будет связано с развитием у респондентов общего уровня саморегуляции.

Для проверки этой гипотезы мы сравнили по критерию Манна-Уитни выраженность типов потребительской активности у лиц с высоким (30,01% выборки) и низким (12,46% выборки) уровнем общей саморегуляции. Однако статистически значимых различий нами обнаружено не было. Необходимо предположить, что большее значение в регуляции потребительской активности будет иметь индивидуальный стиль саморегуляции, а не уровень развития общей саморегуляции.

Проследим уровень развития компонентов саморегуляции у респондентов различных типов. Представленные в таблице средние значения выраженности компонентов саморегуляции показывают более низкий уровень развития планирования и моделирования у ситуативистов и равнодушных (см. таблицу). Именно эти компоненты саморегуляции указывают на сформированность потребности в осознанном, реалистичном планировании деятельности, развитости представлений о её внешних и внутренних значимых условиях. У данных же типов решения о покупке часто ситуативны и спонтанны. Наиболее высокий уровень развития этих компонентов у традиционалиста, что логично сопоставимо с характеристиками его потребительского поведения, выраженностью в нем когнитивного компонента. Практически не имеет различий у представителей различных стилей уровень развития программирования. Более низкие значения уровня оценки результатов у ситуативиста подчеркивают его меньшую критичность к своим действиям. Более высокий уровень развития гибкости у индивидуалиста, инноватора и модника говорит об их способности перестраивать систему саморегуляции при изменении внешних (инноватор, модник) или внутренних (индивидуалист) условий. Невысокие баллы уровня самостоятельности у традиционалистов подчеркивают факт их зависимости от социального опыта и окружения. В целом средние значения выраженности компонентов саморегуляции попадают в границы среднего уровня развитости процессов.

Средние баллы выраженности компонентов саморегуляции

Компоненты саморегуляции \ Типы ПП	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценка результата	Гибкость	Самостоятельность	Общий уровень саморегуляции
Индивидуалист	6,30	6,09	6,19	5,96	6,66	5,87	30,19
Инноватор	6,26	5,79	6,44	6,03	7,10	5,46	30,74
Модник	6,24	6,05	6,46	5,63	6,32	5,39	29,54
Традиционалист	6,65	6,02	6,45	6,09	5,52	4,76	30,26
Консерватор	6,25	6,23	6,34	6,18	5,98	5,27	30,28
Ситуативист	5,11	5,56	6,17	5,17	5,78	5,64	27,47
Равнодушный	4,82	5,18	6,45	5,82	5,73	5,91	27,64

Предварительный анализ выраженности компонентов саморегуляции у потребителей различных типов позволяет рассматривать индивидуальную систему саморегуляции как внутреннюю психологическую систему деятельности потребления. Далее мы посчитали необходимым провести дифференцированный анализ индивидуальных особенностей саморегуляции для каждого из типов.

Для определения взаимосвязи типа потребительского поведения и уровня развития основных регуляторных процессов, с выделением наиболее существенных процессов, мы использовали метод множественного регрессионного анализа с пошаговым включением переменных. Используемые в формулах сокращения совпадают с первыми буквами названий компонентов саморегуляции и приведены далее в тексте.

Остановимся вначале на анализе таких типов, как индивидуалист и инноватор.

$$\text{Индивидуалист} = 21,27 + 0,496 \text{ С} + 0,429 \text{ Г}$$

$$\text{Инноватор} = 23,88 + 1,158 \text{ Г} - 0,707 \text{ Оп} - 0,59 \text{ М}$$

В обоих случаях одним из значимых компонентов появления стиля оказывается регуляторно-личностное свойство гибкость (Г) как функция коррекции результатов, способность перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий. Лица с высокими показателями по шкале «гибкость» демонстрируют высокую пластичность всех регуляторных процессов. Высокий уровень развития гибкости одновременно предполагает ориентацию на собственное мнение, наличие четкой Я-концепции. Однако тип индивидуалиста отличается выраженностью взаимосвязи с компонентом самостоятельности (С), свидетельствующей об автономности в организации активности человека. У инноватора обратная взаимосвязь с компонентами оценивания результатов (Ор) и моделирования (М). Вероятно, более низкий уровень критичности своих действий и меньшее внимание к значимым обстоятельствам (например, функциональности, надежности) позволяет им рисковать и опережать в потреблении других.

$$\text{Ситуативист} = 28,57 - 0,715 \text{ М} + 0,488 \text{ Г} - 0,546 \text{ Оп}$$

У ситуативиста обнаружена взаимосвязь с теми же самыми компонентами, что и у инноватора. Отличаются эти уравнения только константой и степенью взаимосвязи, которая у ситуативиста меньше. Для ситуативиста показатели по шкале моделирования, то есть невысокая способность оценивать и планировать процесс деятельности, обнаруживают наибольшую значимость в поведении.

$$\text{Традиционалист} = 25,52 - 0,860 \text{ Г} + 0,653 \text{ Оп} + 0,538 \text{ Пл}$$

$$\text{Консерватор} = 24,37 + 0,716 \text{ Оп}$$

Обратная взаимосвязь обнаруживается между гибкостью и поведением у традиционалиста. Люди с низкими показателями по шкале гибкость чувствуют себя неуверенно в динамичной, быстро изменяющейся обстановке, с трудом привыкают к переменам в жизни. Низкий уровень развития гибкости приводит к появлению конформности, что и проявляется у традиционалистов. Высокий уровень планирования (Пл) и оценивания результатов позволяет им продуманно реализовывать процесс индивидуального потребления и достигать удовлетворенности. Маркетинговая среда не оказывает на них существенного влияния, однако в поведении этот тип довольно хорошо прогнозируем. Ещё в меньшей степени от внешней среды зависит консерватор с его сформированной самооценкой и субъективными критериями оценки результатов.

Отдельно остановимся на рассмотрении тех регуляторных процессов, которые присутствуют сразу в нескольких регрессионных уравнениях и определяют большинство типов поведения потребителей.

Наиболее значимый для поведения потребителей регуляторный процесс, различная степень развития которого определяет разнонаправленное поведение в сфере потребления, – это оценивание результатов. Характеризует индивидуальную развитость и адекватность оценки испытуемым себя и результатов своей деятельности и поведения. Высокий уровень развитости данного процесса характерен консерваторам и традиционалистам, типам с низкой лабильностью предпочтений. То есть у данных лиц субъективные критерии оценки результатов носят сформированный и устойчивый характер. И наоборот – у инноваторов, ситуативистов и равнодушных субъективные критерии успешности недостаточно устойчивы. Это может приводить к отсутствию чувства удовлетворенности от процесса потребления, повторяемости иррациональных покупок, но не снижать существенно активность в процессе приобретения.

По шкале моделирования мы видим влияние низкого уровня развитости и осознанности представлений о значимых внешних и внутренних условиях на проявление типа Ситуативист и, в меньшей степени, Инноватор. Слабая сформированность процессов моделирования приводит к отсутствию адекватной оценки значимых обстоятельств, фантазированию. У таких испытуемых часто возникают трудности в определении цели и программы действий. То есть данные респонденты, испытывая трудности с осознанием целей своего поведения в потребительской сфере, выделением значимых условий их достижения в текущей или будущей ситуации, демонстрируют значительную степень зависимости от факторов

внешнего воздействия: рекламы, промо-акций, социального одобрения и др.

И, наконец, хочется обратить внимание на отсутствие регрессионного уравнения и, следовательно, описания взаимосвязи индивидуальных регуляторных процессов с типом «модник». В результате корреляционного и регрессионного анализа данный тип не обнаружил значимой взаимосвязи ни с одним из диагностируемых компонентов регуляторных процессов. Следовательно, в большинстве ситуаций поведение этого типа детерминируется преимущественно внешними факторами. Для типа «равнодушный» статистическое описание мы не приводим в связи с их малочисленностью.

По результатам проведенного анализа мы можем заключить, что наиболее содержательными для поведения потребителей оказываются уровни развития отдельных компонентов саморегуляции, а не общий уровень развития саморегуляции. Определяющее значение имеют компоненты гибкости, оценки результатов, моделирования. Примерно равный уровень развития и отсутствие взаимосвязи поведения потребителей со шкалой «программирование» могут быть связаны с отсутствием фактора осознанного форми-

рования стиля потребления ввиду внешних социально-экономических причин. Таким образом, субъектные качества человека, особенно компоненты саморегуляции, выступают значимыми детерминантами целенаправленной активности потребителя. Диагностика и развитие субъектных качеств может позволить добиваться большей степени осознанности поведения и, как следствие, большей когнитивной и эмоциональной удовлетворенности. Кроме того, результаты этого и других подобных исследований позволяют осуществлять обоснованные прогнозы поведения потребителей как широко – в социально-экономической сфере, так и при планировании отдельных маркетинговых мероприятий.

Примечания

1. Дейнека О. С. Экономическая психология в российской политике переходного периода: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1999. 326 с.
2. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения»: руководство. М.: Когито-Центр, 2004. 44 с.
3. Посытанова О. С. Социально-психологические свойства потребительских предпочтений: дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2004. 218 с.
4. Дейнека О. С. Указ. соч. С. 240.
5. Посытанова О. С. Указ. соч. С. 134.

ПЕРСОНАЛИИ

ВЯЧЕСЛАВУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПОЗДЕЕВУ – 60 ЛЕТ

Вся жизнь Вячеслава Алексеевича Поздеева, доктора филологических наук, связана с Вятским государственным гуманитарным университетом: здесь он закончил факультет русского языка и литературы, в 1976 г. начал трудовой путь с должности лаборанта, ассистента кафедры литературы, стал деканом факультета, а затем профессором кафедры русской и зарубежной литературы. Призвание ученого – редкий дар, Вячеслав Алексеевич нашел свое призвание. Легкой стремительной походкой он входит в студенческую аудиторию, убедительно и ярко выступает на диссертационных советах, его как оппонента ждут в разных вузах страны, в 2009 г. он принял участие в работе международной конференции в Чехии. Ему удаются беседы с коллегами и дискуссии с учеными, он с интересом идет на премьеру в театр и в Дом творчества на заседание лаборатории по изучению фольклора, он давний друг библиотеки имени А. Герцена, авторитетный знаток литературы Вятского края и... просто интеллигентный и образованный собеседник, коллега. Он умеет удивить задорной вятской частушкой и интересным исследованием рассказа М. Горького, критическим анализом прочитанной новой книги, яркими впечатлениями от фольклорной экспедиции со студентами. Именно таким должен быть современный ученый: мобильным, открытым научному поиску, готовым к общению и реализации образовательных проектов с коллегами и студентами.

Глубина и профессионализм его научных работ основаны на упорном стремлении к цели, на высокой требовательности к себе, на широком научном кругозоре. Науке посвящены «труды и дни» его жизни. В. А. Поздеев окончил аспирантуру при кафедре русской литературы Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской по специальности 10.01.09 «Фольклористика» в 1982 г., защитил кандидатскую диссертацию в 1988 г., докторскую диссертацию – в 2003 г.

Научные интересы В. А. Поздеева сосредоточены на изучении проблем русского фольклора и истории отечественной литературы. Вячеслав Алексеевич – автор 228 научных работ, нескольких монографий, член редколлегии научного альманаха «Традиционная культура», издаваемого государственным республиканским Цент-

ром русского фольклора, член редколлегии «Энциклопедии земли Вятской» и «Антологии вятской литературы».

Этот юбилей дает возможность Вячеславу Алексеевичу Поздееву подвести итоги и построить новые перспективы, потому что накоплен научный опыт, много новых замыслов, профессиональных планов, желания учить и учиться. Недаром называют филологию «энциклопедией наук», поэтому энциклопедические знания и жизненный опыт преподавателя – опора компетентности профессора В. А. Поздеева. Он удостоен звания «Отличник народного просвещения», отмечен Почетной грамотой департамента культуры и искусства администрации Кировской области, лауреат литературной премии «За отечествоведение» Союза писателей России (2000 г.), лауреат Премии Кировской области в сфере литературы и искусства (2003 г.), лауреат премии детского писателя Л. В. Дьяконова (2008 г.).

Коллеги ценят Вячеслава Алексеевича за широкий научный кругозор, неординарность филологического мышления, преданность избранному делу, мягкий юмор и доброжелательность. Он активный участник университетских спартакиад, отличный пловец, азартный танцор, заботливый отец, его сын тоже выбрал путь в науку, защитил кандидатскую диссертацию.

Желаем Вячеславу Алексеевичу творческого вдохновения, профессионального долголетия, благополучия и радости от общения с родными и коллегами.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЗАОЧНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

12 ноября 2009 г. СГФ провел Всероссийскую заочную научно-практическую конференцию «Ценности современной науки и образования».

Свои статьи прислали 69 участников. Среди них ученые из Москвы и Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и Владивостока, Саратова, Архангельска и др. Всего представлено 17 регионов РФ. Об актуальности проблематики конференции говорит участие ученых из Гетеборга (Швеция) и Кайзерслаутерна (Германия). Все крупные вузы г. Кирова также приняли участие. Особенно ценно то обстоятельство, что материалы прислали педагоги-практики – учителя общеобразовательных школ г. Кирова, Сыктывкара, учреждений дополнительного образования, образовательных комплексов (ВДЦ «Океан»).

Основными направлениями работы являлись следующие:

- исследовательские идеалы и нормы науки;
- ценностные приоритеты высшего гуманитарного образования;
- ценности социального образования: зарубежный и отечественный опыт;
- сознание, язык, коммуникация в контексте гуманитарных ценностей;
- слово, текст, книга – ценностные аспекты исследования;
- ценностные основания комплексных региональных исследований сферы туризма и сервиса.

На презентации сборника материалов конференции выступили проректор по НИР ВятГГУ доктор исторических наук, профессор *В. Т. Юнглод*, руководители секций – редакторы сборника материалов конференции *Н. В. Винокурова*, кандидат педагогических наук; *А. А. Мосунова*, доктор психологических наук, доцент; *Е. А. Ходырева*, доктор педагогических наук, доцент; *К. А. Чернышев*, кандидат географических наук, *В. Ф. Юлов*, доктор философских наук, профессор.

Была принята резолюция, в которой отмечено:

«Динамичные изменения, происходящие в различных сферах современного российского общества, требуют поиска оптимальных условий союза современной науки и российской высшей школы.

Наука возникла и существует в определенной культуре. Ценностные измерения в виде идеалов и норм составляют основополагающее и самое сложное содержание науки. Хотя они весьма трудно поддаются методологической рефлексии, все же они выявлены. Речь идет о ценностях научных результатов (логическая рациональность, когнитивная связность, относительная красота теорий, связь теорий с фактами), которые позволяют ставить исследовательские проблемы и оценивать результаты их решения. Участники конференции подчеркнули, что ценностная структура науки рефлексруется как в рамках философской методологии, так и в лоне самой науки. Своими ценностями наука отличается от других типов познания – практики и мировоззрения. Сравнивая ценности науки с нормами практики и мировоззрения, участники конференции отмечают, что мировоззрение формирует духовные ценности, практика ориентирует на ценности жизненных благ, наука же устремлена на рациональные знания и истину. При этом все три типа познания дополняют друг друга».

Участниками конференции подчеркивалась необходимость интеграции в современном профессиональном образовании традиционных ценностей российской высшей школы, ценностей, декларируемых современным производством, и ценностей самой личности, включенной в образовательный процесс. Особая роль принадлежит развитию гуманистических профессионально-ценностных ориентаций студентов, формированию у них ценностного отношения к научному знанию, к будущей профессиональной деятельности. От ценностных приоритетов выпускников, от их профессиональной позиции зависит реальное воплощение в жизнь современной школы идей гуманизации образования. Продуктивными в этом смысле могут стать идеи культуросообразности и культуросозидательности профессионального образования, позволяющие преодолеть одномерность личности, задаваемую ее профессиональной специализацией, а также компетентностный подход. Особо отмечалась значимость аксиологической нагрузки, которую несет воспитательный процесс, а также содержание гуманитарного образования и его технологии.

Проблемы конференции обсуждались в рамках шести секций.

Е. А. Ходырева,
доктор педагогических наук, доцент,
проректор по учебно-воспитательной
работе ВятГГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

20–21 октября 2009 г. в ВятГГУ проходила Международная научно-практическая конференция «Развитие ребенка как результат образовательной деятельности в дошкольном учреждении и начальной школе».

В работе конференции принимали участие ученые и педагоги Соединенных Штатов Америки, Англии, Украины, ряда городов России: Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Кирова, Глазова и др.

На пленарном заседании прозвучали следующие доклады:

1. Школа и жизнь (на материале образцовой школы № 25 г. Москвы в 30-е гг. XX в.) – заслуженный профессор истории университета Южной Алабамы **Лэрри Юджин Холмс**, США.

2. Актуальные методические направления журнала «Начальная школа» (обучение и развитие младшего школьника) – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания филологических дисциплин в начальной школе Ярославского педагогического университета им. К. Д. Ушинского **Светлана Григорьевна Макеева**, г. Москва.

3. «Живое знание» как средство развития ребёнка – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ВятГГУ **Елена Олеговна Галицких**, г. Киров.

4. Предпосылки личностного саморазвития ребёнка в дошкольном и младшем школьном возрасте – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической психологии ВятГГУ **Нина Аркадьевна Низовских**, г. Киров.

5. Развивающее обучение как педагогическая категория и учебно-воспитательный процесс – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и методики дошкольного и начального образования ВятГГУ **Галина Александровна Бакулина**, г. Киров.

Предметом обсуждения на секции «Психолого-педагогическое сопровождение ребёнка» стали вопросы, отражающие специфические особенности психологического и педагогического характера при организации развития речи младшего школьника, развитие воображения дошкольника во время игры, речевое развитие дошкольника на уроке музыки, развитие речи детей первого-четвертого классов средствами субъективизации.

На секции «Взаимодействие институтов детства в развитии ребёнка» рассматривались вопросы сотрудничества семьи, дошкольного образовательного учреждения, начальной школы, учреждений допол-

нительного образования, проблемы, связанные с их совместной деятельностью на современном этапе развития общества и пути их преодоления.

В рамках секции «Социально-личностное развитие ребёнка дошкольного и младшего школьного возраста» обсуждались вопросы влияния общественной жизни на личностное развитие ребёнка, способы устранения или минимизации негативного воздействия различных проявлений на формирование личности дошкольника и младшего школьника.

Предметом рассмотрения секции «Современные методические системы обучения и воспитания дошкольников и младших школьников. Инновационные образовательные технологии в ДОУ и начальной школе» стали вопросы, касающиеся использования в современном учебно-воспитательном процессе традиционных и инновационных образовательных технологий, специфики и результатов их внедрения с точки зрения обучения, развития и воспитания детей.

На секции «Преемственность в образовании между дошкольной и начальной ступенями. Модели дошкольного образования» основное внимание выступающих было сосредоточено на вариативности дошкольного образования, на основных направлениях сотрудничества двух важнейших ступеней (дошкольной и начальной школы) обучения и развития детей.

Второй день конференции проходил на базе Вятской гуманитарной гимназии с углубленным изучением английского языка. Главное содержание работы составили открытые уроки учителей приготовительного и начальных классов, проведенные средствами субъективизации (автор методики д. п. н. Г. А. Бакулина): урок словесности в приготовительном классе по теме «Транспорт» (учитель Н. М. Сунцова); урок чтения в первом «а» классе по теме «Звуки [с], [с'] и буква С с» (учитель Н. В. Деревянкина); урок чтения в первом «в» классе по теме «Звук [с], [с'] и буква С с» (учитель М. В. Кузнецова); урок русского языка в третьем «а» классе по теме «Синонимы» (учитель Е. В. Бережных); урок русского языка в третьем «в» классе по теме «Антонимы» (учитель Н. А. Гашкова); урок литературного чтения во втором классе по теме «Ненецкая сказка «Кукушка» (учитель Н. А. Пантюхина). Далее были проведены гуманитарная экспертиза, где участники конференции обменялись мнениями о рассмотренных уроках и методике их проведения, и ярмарка методических идей.

*Г. А. Бакулина,
доктор педагогических наук,
профессор по кафедре педагогики и методики
дошкольного и начального образования ВятГГУ*

РЕЦЕНЗИИ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ СИНКРЕТИЗМА

Береснева, В. А. Синкретизм временных форм современного немецкого языка [Текст] / В. А. Береснева. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – 101 с.

Рецензируемая монография Виктории Алексеевны Бересневой представляет собой исследование проблемы лингвистического синкретизма на материале грамматической категории времени в современном немецком языке. Несмотря на то что временной проблематике посвящена огромная и разноязычная литература, накоплен обширный фактический материал, решены многие частные вопросы, в этой области достаточно спорных моментов, а проблема синкретизма в темпоральной сфере лишь косвенно затронута в отдельных фрагментах работ.

Автор настоящей работы, по сути дела, впервые в лингвистике осуществил комплексное описание феномена внутри- и межкатегориального синкретизма в сфере грамматической категории времени на большом эмпирическом материале, представляющем реальный узус.

Монография построена на обширном общепhilosophическом фоне. Philosophической составляющей в рецензируемой книге является теория всеединства В. С. Соловьева. Опираясь на установленный В. С. Соловьевым «общий закон всякого развития», В. А. Береснева выделяет два этапа развития синкретизма. В то время как «первоначальный синкретизм» «является практически общепризнанным фактом», «существование синкретичных явлений, во-первых, признается немногими» (с. 3), а во-вторых, среди исследователей нет единодушия в трактовке данного вида синкретизма, характеризуемого автором как «свободный синтез» (с. 85) содержательных элементов.

Philosophический подход позволяет В. А. Бересневой убедительно показать, что явление синкретизма имеет особый лингвистический статус, отличный от лингвистического статуса контаминации, игры слов, омонимии и полисемии.

В результате последовательного разграничения в первой главе работы характера протекания события/бытия и его существования во времени, учета различной маркировки характера протекания, а также рассмотрения временных

форм как глагольных комплексов В. А. Береснева приходит к обнаружению би- или поликонцептности в рамках денотативных функций временных форм и к констатации межкатегориального синкретизма. Вывод автора о том, что традиционное понимание назначения временных форм как установления темпоральной локализации события или состояния «не в полной мере отражает объективное положение вещей» (с. 13), является в связи с этим вполне оправданным.

В. А. Береснева показывает, что синкретизм свойственен не только неразвитому состоянию грамматической категории времени, но может рассматриваться и как некоторый этап ее развития. Автор отмечает проявление поликонцептности временных форм также и во внутрикатегориальном отношении.

Связывая существование вторичных сигнификативных функций временных форм с действием «главного закона развития языка и мышления» (см. с. 32 и след.), автор четко проводит мысль об отсутствии «простого дублирования одной и той же функции двумя различными формами» (с. 33), на основании чего делает важный вывод о том, что «языковая экономия – не причина, а следствие языкового синкретизма» (с. 81). Не менее значителен также вывод о роли контекста как «средства отбора и актуализации» одной из синкретизируемых, «присущих временной форме как таковой» функций (см. с. 35 и след.).

Всем ходом повествования В. А. Береснева доказывает, что «исследование грамматической категории времени в аспекте синкретизма позволяет совершенно по-новому взглянуть на систему временных форм» (с. 85–86), что именно такой подход, учитывающий общий закон развития, наиболее перспективен и адекватен.

Работа В. А. Бересневой представляет собой оригинальное научное исследование, характеризуется новизной анализируемого материала, глубоким философским проникновением в особенности синкретизма временных форм немецкого языка, что позволит ей найти своих читателей среди лингвистов, преподавателей, студентов-филологов и всех интересующихся проблемами современного немецкого языка.

*В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук,
профессор, зав. кафедрой романо-германской
филологии ВятГГУ*

К ПРОБЛЕМЕ «СУЩНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ»

Шадриков, В. Д. От индивида к индивидуальности. Введение в психологию [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: ИП РАН, 2009. – 656 с.

Монография В. Д. Шадрикова «От индивида к индивидуальности. Введение в психологию» посвящена проблемам исследования внутреннего мира личности. Это обобщающий труд, где автор пытается дать ответ на вопрос: в чём заключается сущность человека? Сама постановка этого вопроса не нова, но способ решения является инновационным и даже парадоксальным.

Контекст исследования поражает широтой своего диапазона и масштабностью постановки научных проблем.

В. Д. Шадриков исследовал природу человеческой психики в широчайшем предметном поле, начиная с анализа этапов эволюции *homo sapiens* и заканчивая духовными способностями. Кроме того, в исследовании объединены антропологический, нейроморфологический, психофизиологический, собственно психологический аспекты проблемы природы психики.

Владимир Дмитриевич, характеризуя свой путь научного познания, говорит о трёх уровнях анализа сущности человека: исторически-эволюционном, субъективно-эволюционном, деятельностно-эволюционном. Наибольший интерес представляет собой исторически-эволюционный уровень – формирование человечности как сущностного качества развивающегося человечества, которая воплощается в индивидуальности конкретного человека, то есть соотношение архетипического и приобретённого в сущности личности.

Вопрос о человеческом в человеке практически не исследуется в психологии, само понятие человечности до сих пор не определено. В этом смысле исследование человечности как сущностного качества человека для психологии проблема новая, которая может быть решена только с привлечением идей этики, религии, философии, культурологии, социальных наук, искусства, литературы. Это удалось сделать автору монографии.

В исследовании формируется новый контекст понимания проблемы сущности человека.

Контекст задаётся введением категории, которая интегрирует в себе все аспекты сложного объекта исследования. Такой интегративной категорией является «внутренний мир личности» или душа человека.

В самом широком понимании внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, формирующуюся при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и качеств и отражающую всё многообразие его бытия. Внутренний

мир не может быть отделён от человека, от его потребностей и переживаний. Вся информация, составляющая его содержание, также пронизана переживанием.

Методологический подход к исследованию внутреннего мира личности или души человека нетрадиционен.

Внутренний мир человека представлен как система, которая постоянно функционирует и развивается. Системогенетический подход в исследовании происхождения и развития человеческого в человеке обусловил выбор ведущих методологических принципов: *системности, детерминизма, функциональности* как способа анализа и объяснения всех психологических проблем; *деятельностного подхода*.

Душа человека в концепции В. Д. Шадрикова становится живой субстанцией, объектом научного исследования, «душа-субстанция как сущность личности является устойчивым основанием личности» (с. 120). Говоря о душе как субстанции, автор реализует принципы системного подхода. Душа-субстанция или внутренний мир личности является организованным целым, имеющим свою структуру. Структурные связи образуют внутренние условия, через которые преломляются внешние воздействия.

Внутренний мир формируется в деятельности и через деятельность, имеет структуру и функцию психологической деятельности, то есть функционирует как деятельность. Если деятельность это всегда система, то внутренний мир является функциональной системой. Внутренний мир как функциональная система тесно связан с внешним миром и в то же время может существовать независимо от него; его цель – сохранить тайну личности, которая защищает Я и выступает средством индивидуализации психических ресурсов.

Введение категории «внутренний мир» позволило включить в единую систему понятий такие базовые категории психологии, как «функциональная система», «психическая функция», «психический процесс», «психические свойства личности», «способности», «деятельность». Это позволило изменить границы исследования проблемы, расширить её предметную область.

Следует отметить особенности стиля автора.

Сочетание двух особенностей презентации содержания выглядит парадоксально: с одной стороны, чёткость и систематизированность изложения положений, основных идей определена единством и строгостью авторской концепции, с другой стороны, в изложении отсутствует категоричность и догматичность. Автор приглашает следовать за мыслью, открывая свободу для научного творчества.

Владимиру Дмитриевичу присущи смелость и конструктивность в изложении концепции о сущ-

ности человека. Он наполнил понятия «душа» и «внутренний мир» строго научным содержанием, раскрыл их сущность в соотношении с внешним миром, личностью, сознанием, деятельностью и поступками. Все традиционно описываемые психические процессы и образования в исследовании получают новую единую интерпретацию в континууме внутреннего мира. Автору удалось максимально приблизиться к пониманию индивидуального способа осуществления и достижения человечности.

В целом проблема поиска механизмов становления человечности – от индивида к личности, субъекту деятельности и затем индивидуальности – грандиозна по своей сложности и актуальности. В. Д. Шадриков обозначил проблему сущности индивидуальности как перспективу дальнейших научных разработок, которые ждут своих исследователей.

Монография интересна учёным, теоретикам и практикам, аспирантам, студентам и всем людям, которые любят следить за рождением новых идей и концепций.

*Г. И. Корчагина,
кандидат психологических наук,
докторант кафедры
практической психологии ВятГГУ*

АНГЛИЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ РОМАННОЙ ПОЭТИКИ

Соловьева, Н. А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи [Текст] / Н. А. Соловьева. – М.: Формула права, 2008. – 272 с.

Художественное наследие века Просвещения в современной англистике изучается достаточно интенсивно, однако знаковых, масштабных трудов, которые на годы определяли бы дальнейшие направления научного поиска, появилось совсем немного. Среди них – сочинение видного отечественного литературоведа Н. А. Соловьевой «Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи», актуальность которого обусловлена сменой научных парадигм, необходимостью преодолеть бытующие социологические стереотипы и зависимость интерпретаций литературы Просвещения от максимально узко понятых принципов историзма. Отечественный канон английской литературы XVIII в. нуждается в пересмотре многих оценок и акцентов, новом, панорамном освещении художественных экспериментов этого периода с учетом того, что его вершинные произведения могут быть «прочитаны в нескольких эпохах», а те литературные факты и явления, которые традиционно относятся

ко второму эшелону словесности и не находят достаточного внимания со стороны литературоведов, могут более убедительно, по сравнению с классическими текстами, представить художественные искания своего века и предвосхитить открытия века последующего (как это показано в монографии на примере Г. Маккензи, женщин-писательниц Ф. Шеридан, С. Филдинг и др.).

В работе Н. А. Соловьевой представлена объемная характеристика английской литературы и общества в XVIII в., особый акцент сделан на взаимоотношениях эстетики и этики, показаны, в частности, истоки дидактизма английской литературы периода Просвещения, которые автор справедливо связывает с влиянием национальной моральной философии, исканий «шотландского возрождения».

Не случайно в монографии избран для анализа жанр романа, наиболее динамичная из всех литературных форм той поры: именно в нем находили наиболее яркое воплощение изменения общественного сознания, «приметы большого мира», эволюционировавшей публичной сферы, убедительно представленной в монографии с учетом трудов авторитетных социологов, в частности Ю. Хабермаса. Фундаментальным вкладом Н. А. Соловьевой в изучение теоретических основ английского романа XVIII в. является анализ эволюции нарративной эпистемологии, исследование соотношения «миф-history-romance-novel» в контексте цивилизационных процессов.

Рассмотрение эволюции английского романа периода Просвещения позволило Н. А. Соловьевой выявить общую нестабильность его жанровых категорий, проследить, как художественные новации переходного периода ведут к образованию новых субжанровых структур, новых видов романа, как в них проникают элементы рококо и осуществляется взаимодействие искусств.

Обстоятельный анализ литературного процесса XVIII в. способствовал определению в работе параметров художественной динамики, представленной во взаимоотношениях рационалистических и эмотивистских элементов, в различных формах воплощения дидактических интенций авторов.

Необходимым этапом исследования стала характеристика творчества А. Бен, Д. Мэнли и Э. Хейвуд как предшественниц С. Ричардсона, развивавших традиции «gotapсе» и вместе с тем вводящих в его идейную структуру черты «novel», проблемы современной жизни, относящиеся к сфере политики, общественной морали. Синтез двух разновидностей эпической формы показан в работе также на примере Д. Дефо, представшего во всех ипостасях своей творческой личности – романиста, моралиста, политика, социолога.

Стабилизация жанровой категории «novel» происходила во многом под влиянием романной полемики С. Ричардсона и Г. Филдинга. В связи с этим большое внимание в монографии уделено анализу художественной структуры романа Ричардсона «Памела», совсем не такой однородной, как прежде представлялось отечественным литературоведам, сочетающей, как проницательно показано в работе, категориальные черты «gotanсе», влияния рококо, нравоучительных мемуаров, творчества Э. Хейвуд и других авторов. Известная эклектичность, экспериментальность прозы С. Ричардсона предостерегает любого исследователя от прямолинейных противопоставлений его поэтики и жанровых новаций Г. Филдинга, который использовал в своих произведениях и элементы критикуемых им жанров, в частности сентиментального, любовного романа.

В результате «пристального чтения» произведений Филдинга в монографии Н. А. Соловьевой открыты новые грани его дарования как сатирика, политического мыслителя, пролагателя новых путей английской прозы, ориентированного на возвращение к европейской эпической традиции, сделаны тонкие наблюдения над особенностями авторской иронии, драматизации романной формы. Большой заслугой автора монографии является анализ сложнейшего, малоизвестного отечественным литературоведам произведения Филдинга «Путешествие в другой мир», которое и в зарубежной англистике изучено недостаточно, хотя в нем, как справедливо отмечает Н. А. Соловьева, берет начало главная философско-этическая проблематика творчества писателя. Убедительна характеристика нарративных стратегий Филдинга в «Путешествии», аллюзивной образности, выражения просветительских идей в комбинациях сюжета книги.

Жанр путешествия, так любимый английскими просветителями, как показывает Н. А. Соловьева, превращался в своеобразный политический дискурс, в связи с чем важным представляется обращение в монографии к романам Т. Смоллетта, в частности «Путешествию Хамфри Клинкера», на примере которого выявлено наиболее

значимое достижение Смоллетта-романиста, заключающееся в воссоздании «публичной социальной и политической среды, прекрасно уживающейся с новыми формами повествовательной техники» (с. 201).

Дальнейшее развитие английского романа XVIII в. представлено в сентименталистских и предромантических преломлениях его поэтики, в контексте художественных исканий зрелого и позднего английского Просвещения, также отмеченных полемикой, в частности между Стерном и Маккензи, не находившей в отечественной англистике достаточного освещения. Н. А. Соловьева выявляет различные модификации чувствительности в английском романе, в том числе обусловленные разными моделями национального сентиментализма, а затем показывает, как в рационалистической литературе Просвещения проявляется готическое, отражающее особенности просветительского сознания, и как соотносятся «чувствительное и сенсационное, возвышенное и подсознательное возвышенное» в художественном облике эпохи.

Как отмечает автор, ее исследование не ставит задачей исчерпывающее освещение творчества крупнейших романистов XVIII в. (да это и невозможно в рамках одной монографии), но, тем не менее, этот большой труд позволяет увидеть литературный процесс эпохи Просвещения в динамике, на современном уровне мировой литературоведческой мысли. Исследование обладает внутренним единством, обусловленным прежде всего эволюционной логикой английского романа XVIII в., его постоянным соотношением с социокультурным контекстом и развитием повествовательных форм, категорий «novel», «gotanсе», «history». Это фундаментальное сочинение, безусловно, найдет своих благодарных читателей и в академической среде, и в студенческой аудитории, станет настольной книгой всех специалистов, занимающихся английской литературой.

*О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук,
профессор по кафедре русской
и зарубежной литературы ВятГГУ*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЙКОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

БЕРЕСНЕВА Виктория Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: avis@novo.kirov.ru

ВЛАДЫКИНА Елена Федоровна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ГАЗИЕВА Инна Александровна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре социологии Волго-Вятской академии государственной службы. 428017, Чувашская Республика, г. Чебоксары, просп. М. Горького, д. 5.

E-mail: sonarum@mail.ru

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна – старший преподаватель кафедры гуманитарного образования и социологии Альметьевского государственного нефтяного института. 423450, Республика Татарстан, г. Альметьевск, ул. Ленина, д. 2.

E-mail: danilova.agni@mail.ru

ДАНИЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО, ректор ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: rector@vshu.kirov.ru

ИВШИНА Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: irenmah@gmail.com

ИГОШИНА Юлия Викторовна – кандидат философских наук, доцент по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: igula165@rambler.ru

КАМИЛОВ Роман Камилевич – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: romankamilov@mail.ru

КОПТЕВА Наталия Васильевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии Института психологии Пермского государственного педагогического университета. 614600, г. Пермь, ГСП-372, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: kopteva@perm.ru

КОРЧАГИНА Галина Ивановна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

Лю Бо – аспирант Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета. 690600, г. Владивосток, ГСП, ул. Суханова, д. 8.

E-mail: iashma279279@mail.ru

МАСЛОВСКИЙ Михаил Валентинович – доктор социологических наук, профессор по кафедре общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23.

E-mail: maslovski@mail.ru

НИЗОВСКИХ Нина Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре прикладной математики, декан факультета информатики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: okulov@vshu.kirov.ru

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ПЕТРОВА Ирина Александровна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_grpd@vshu.kirov.ru

ПОЛУБЕЙКО Ольга Константиновна – старший преподаватель кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: polga-66@mail.ru

ПОЛУЯН Наталья Николаевна – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

РЕНДАКОВА Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

РЫЧКОВА Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

САМОДЕЛКИН Павел Андреевич – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

СЕМЕНО Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, заместитель декана юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

СИДОРОВА Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 163006, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4.

E-mail: plavnik@atknet.ru

СИЗИХИНА Ольга Викторовна – ассистент кафедры прикладной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kpm@vshu.kirov.ru

СТАХОВ Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор по кафедре административного и финансового права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ. 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.

E-mail: graadm@bk.ru

СУЧКОВ Андрей Викторович – старший следователь следственного отдела при Кировском ЛОВДт Волго-Вятского УВДТ, капитан юстиции. 610001, г. Киров, ул. Горького, д. 67, каб. № 1.

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

ФАДЕЕВА Ирина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии Коми государственного педагогического института. 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.

E-mail: iefadeeva@mail.ru

ШЕИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, ректор Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.

E-mail: i.sheina@rsu.edu.ru

ЯНОВСКАЯ Мая Григорьевна – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ; 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 4(1)

Подписано в печать 25.11.2009 г.
Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,4. Тираж 1000. Заказ № 1328.

Издательский центр ВятГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674